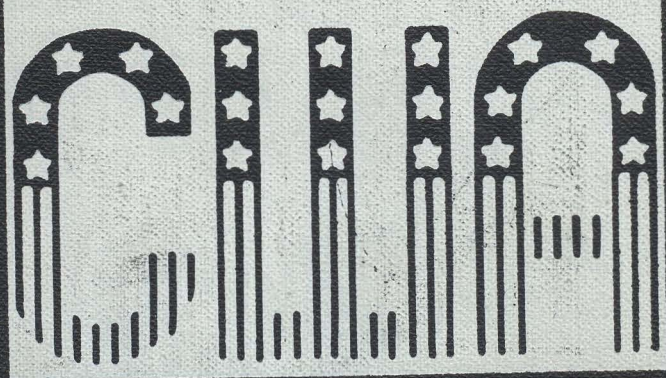

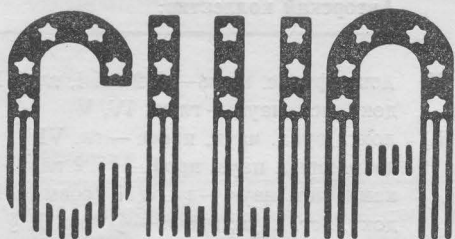
Х-65 (1000)
K-65

КОНСТИТУЦИЯ США: история и современность

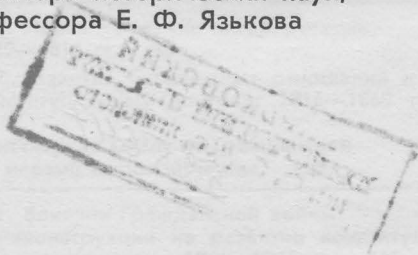
Юридическая
литература

КОНСТИТУЦИЯ

история и современность

Под общей редакцией
доктора юридических наук,
профессора А. А. Мишина
и доктора исторических наук,
профессора Е. Ф. Язькова

код экземпляра

130526

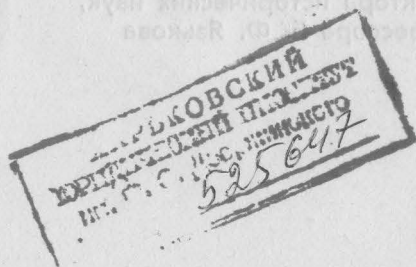

Москва
«Юридическая литература»
1988

X 80 (7CIIH)
67.99 (7CIIA)
K65

Авторский коллектив:

Каримский А. М.	докт. филос. наук — § 2 гл. I, гл. VIII
Манькин А. С.,	докт. ист. наук — гл.гл. IV, V
Марченко М. Н.,	докт. юрид. наук, проф. — гл. VI
Мишин А. А.,	докт. юрид. наук, проф. — § 2 гл. II
Роголев Ю. Н.,	канд. ист. наук — гл. VII (совм. с Е. Ф. Язьковым)
Согрин В. В.,	докт. ист. наук, проф. — § 1 гл. I, § 1 гл. II
Терехов В. И.,	канд. ист. наук — гл. III
Язьков Е. Ф.,	докт. ист. наук, проф. — гл. VII (совм. с Ю. Н. Роголевым)

К $\frac{1206000000-052}{012(01)-88}$ 10-87

ISBN 5—7260—0052—8

Оглавление

Предисловие 5

История

Глава I Предпосылки принятия Конституции 13

§ 1. Социально-экономическое развитие северо-американских колоний и государственно-правовые доктрины в предреволюционный период 13

§ 2. Проблема человека и общества в философии американского Просвещения 26

Глава II Разработка и принятие Конституции 44

§ 1. От конституций штатов к федеральной Конституции 44

§ 2. Конституция США — первая писаная буржуазная конституция 67

Глава III От теории к практике: проблема толкования Конституции в первой половине XIX века 86

§ 1. Первые попытки интерпретации: 1789—1816 гг. 86

§ 2. Развитие буржуазных отношений и эволюция конституционных доктрин: 1816—1860 гг. 104

Глава IV Конституция США: от Гражданской до первой мировой войны 126

§ 1. Влияние Гражданской войны и Реконструкции на развитие конституционно-правовых доктрин: 1861—1877 гг. 126

§ 2. «Правовой фундаментализм» на страже интересов монополий 138

Глава V На рубеже новой эры: развитие конституционно-правовых доктрин в 20—30-е годы XX века 156

§ 1. Крах «правового фундаментализма»: 1917—1933 гг. 156

§ 2. «Новый курс» и первые попытки приспособления Конституции к условиям государственно-монополистического капитализма: 1933—1939 гг. 162

Глава VI	Конституция и политическая система	177
	§ 1. Некоторые теоретические проблемы	177
	§ 2. Влияние первой поправки на политическую систему США	192
Глава VII	Этатизация социально-экономических доктрин в современном конституционном праве США	205
Глава VIII	Конституция США и проблема прав человека	235
	§ 1. Кампания за «права человека» и ее смысл	235
	§ 2. Парадоксы «равных возможностей»	245
	§ 3. Объект критики — равноправие	253
	Заключение	265
	Примечания	270
	Приложения	287
	Именной указатель	310

80-е годы нашего века отмечены резким возрастанием агрессивности американского империализма. Стремясь реализовать свои гегемонистские установки, правящие круги США наряду с использованием военно-силовых методов активно прибегают к средствам, почерпнутым из арсеналов психологической войны. Как отмечается в новой редакции Программы КПСС, «острейшая борьба двух мировоззрений на международной арене отражает противоположность двух мировых систем — социализма и капитализма»¹. Нынешний этап их идейно-политического противоборства по своей напряженности и ответственности занимает особое место. Крупные поражения, которые Соединенные Штаты понесли на международной арене в 60—70-е годы, глубокий внутренний кризис, переживаемый государственно-монополистическими структурами, существенно повредили образ американского капитализма даже в глазах его союзников. Правящие круги США любой ценой пытаются создать позитивный облик американской модели общественного устройства. Все, на чем стоит клеймо «Сделано в США», объявляется эталоном, не подлежащим критике. Усиленно насаждаются стереотипы тех или иных компонентов так называемой «американской системы», имеющие, как правило, мало общего с реальной действительностью.

Эйфория американизма захлестнула не только мощный информационно-пропагандистский комплекс буржуазного государства. Затронула она и серьезные академические круги. В ходе развернувшейся еще в первой половине 70-х годов массовой идеологической кампании, связанной с 200-летием провозглашения независимости США, появилось большое число апологетических работ, принадлежащих перу маститых историков, правоведов, философов, политологов. Выгодно отличаясь от множества дешевых пропагандистских бестселлеров высоким профессиональным уровнем, в концептуальном плане они вполне вписываются в общую картину восхваления и идеализации американских политико-правовых институтов.

Примером подобных исследований могут служить монография одного из патриархов американских историков Г. С. Коммаджера «Империя разума: как Европа представляла, а Америка воплощала идеалы Просвещения», фундаментальный труд известных юристов А. Келли и У. Харбисона «Американская Конституция. Ее происхождение и развитие» и книга одного из наиболее влиятельных политологов У. Чемберса «Первая партийная система: федералисты и республиканцы». Авторы указанных работ рассматривают американскую модель государственного устройства, американские конституционно-правовые докт-

рины не только как высшее достижение человеческой мысли, но и как универсальную основу организации общества.

Поэтому возрастает актуальность дальнейшей разработки и совершенствования марксистско-ленинской концепции возникновения и развития конституционно-правовых доктрин США, выявления их истинной роли в системе классового господства американской монополистической буржуазии. А эта роль весьма значительна. Конституция — Основной закон, обладающий высшей юридической силой, — «сохраняя за буржуазией командные высоты в экономической и политической системе, в то же время в известном смысле освящает, фетишизирует существующий политический механизм диктатуры монополий. Опираясь на свой юридический авторитет, она в большей степени, чем какой-либо иной юридический институт или установление, окрашивает этот механизм и все государственные институты в целом в демократические тона, создает видимость народовластия и политического участия. Таким образом, она оказывает сильное идеологическое влияние на широкие массы населения, в котором так нуждается монополистическая буржуазия в условиях общего кризиса капитализма и сужения своей социальной базы»². И хотя в самом тексте Конституции США мы не найдем указаний на классовую структуру американского общества, на характер господствующих в нем производственных отношений и других элементов, составляющих основу буржуазного общества, все ее принципиальные положения подчинены и направлены на решение одной задачи — охрану и увековечение буржуазных общественных отношений.

Развитие конституционно-правовых доктрин в США, практика интерпретации Конституции блестяще подтверждают тезис, выдвинутый В. И. Лениным: «Сущность конституции в том, что основные законы государства вообще и законы, касающиеся избирательного права в представительные учреждения, их компетенции и пр., выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе»³. Иными словами, реальное соотношение классовых сил, а не какая-то абстрактная идея «общественного блага» — тот критерий, который детерминирует уровень демократичности конституционных положений, реальность их выполнения на практике. Именно такой подход к Конституции США — не просто как к юридическому документу, а как к явлению социальному — присущ советской историографии с самого ее зарождения.

Не менее важно и то, что Конституция всегда была и остается документом конкретно-историческим. Уже само ее появление — отнюдь не результат саморазвития либеральной общественной мысли, а следствие борьбы буржуазии за власть, за утверждение нового политико-правового порядка, идущего на смену феодальной организации общества. Хотя формально текст Конституции США за 200 лет своего существования изменился сравнительно мало, реальное ее содержание в конце XVIII века и сегодня, в конце XX века — вещи весьма несохо-

жие. На разных стадиях эволюции капиталистического общества в зависимости от того, какая фракция класса буржуазии была в данный момент наиболее активна в политическом плане и кто и насколько решительно противостоял ей на другом полюсе политического процесса, трактовка основных конституционных положений заметно трансформировалась.

Как справедливо отмечается в советской юридической литературе, «история конституционализма—это политико-правовой аспект истории капиталистического способа производства»⁴. Действительно, совершенно очевидно, что без вполне определенной социально-политической базы реализация идеи конституционного правления, т. е. государственного устройства, основанного не на воле монарха и его окружения, а на свode законов, закрепляющих и регламентирующих конкретный тип общественных отношений, характер связей между различными элементами политической системы, между правительством и гражданами, немыслима.

В плане государственного строительства появление и распространение этой идеи означало замену феодальной монархии, черпавшей обоснование своего существования в теологических догматах, буржуазной республикой, формально основанной на согласии всех граждан делегировать на известных условиях достаточно четко очерченные полномочия органам власти, комплектуемым путем выборов. На неразрывную связь капитализма как общественной формации и системы представительного правления как ее политической оболочки указывал еще В. И. Ленин: «Нормальное капиталистическое общество не может успешно развиваться без упроченного представительского строя, без известных политических прав населения, которое не может не отличаться сравнительно высокой требовательностью в «культурном» отношении»⁵,— писал он в 1910 году.

В США эти черты, присущие процессу становления конституционного правления в любом буржуазном государстве, проявлялись, пожалуй, наиболее рельефно. Соединенные Штаты стали той страной, которая дала миру первый образец писаной конституции, вобравшей в себя лучшие по тем временам достижения как европейской, так и собственно американской общественной мысли. К этому следует добавить конкретный политический опыт сначала колонистов, а затем жителей независимых штатов. Становление конституционных доктрин, их практическая реализация проходила в США быстро и, в отличие от Европы, без особых зигзагов, ибо на территории бывших английских колоний буржуазные отношения развивались на почве, практически не засоренной феодальными пережитками.

В оценке роли и значения Конституции США необходимо четко следовать принципу историзма. Бесспорно, для своего времени это был прогрессивный документ. Он стал своеобразным итогом буржуазной революции, которая в свою очередь дала толчок целой серии ев-

ропейских и латиноамериканских революций. Долгое время Конституция США оставалась образцом для буржуазии. Вместе с тем нельзя не видеть ее классовую ограниченности, не учитывать того факта, что она была символом и конкретным выражением политического компромисса между торгово-финансовой буржуазией Севера и плантаторами Юга. «Отцы-основатели» сознательно отказались от включения в Конституцию наиболее радикальных идей, высказывавшихся в публицистических произведениях идеологов революционно-демократического лагеря, и отбросили ряд демократических принципов, зафиксированных в конституциях штатов на более раннем этапе революции. «Стремление консолидировать позицию имущих классов на основе компромисса определило всю деятельность конвента»⁶, а следовательно, и характер Конституции.

По мере развития рабочего движения, распространения марксистских идей ограниченность американской Конституции становилась все более очевидной. С победой социалистической революции в Советской России начал успешно строиться социализм, ставший зримой, исторически прогрессивной альтернативой буржуазно-демократическому обществу. В нашей стране впервые было достигнуто не просто формально-юридическое равенство, но обеспечено действительное равноправие всех граждан, уничтожена всякая почва для эксплуатации человека человеком.

Влияние идей Великого Октября сказалось и на развитии буржуазного конституционализма. Новые конституции буржуазных государств, особенно принятые после второй мировой войны, ушли значительно дальше американской по уровню демократизма политического процесса, по степени инкорпорирования в конституционное право доктрины «социальной ответственности» государства. Ныне Конституция США уже не может служить образцом передовой правовой мысли, даже если вести отсчет по шкале буржуазно-демократических ценностей. Причина замедленной (по сравнению с западноевропейскими странами) модернизации американских конституционно-правовых доктрин, их отставания по темпам приспособления к новым реальностям, порожденным развитием государственно-монополистического капитализма и противоборством двух общественных систем, заключается в том, что в США «главная клетка капитализма — частная собственность гораздо дольше и безотказнее функционировала в более чистом виде, с минимумом государственного вмешательства...»⁷.

Превращение США после второй мировой войны в оплот сил реакции и империализма неизбежно вело к тому, что правящая элита в целом весьма настороженно относилась к попыткам включения в конституционное право новых демократических установлений, рассматривая их как проявление «ползучего социализма». Вашингтонский истеблишмент не только сам не спешил с обновлением конституционного «багажа» своей страны, но крайне неодобрительно встречал известия о

подобных акциях в стане своих союзников — во Франции, Италии, а позднее в Испании и Португалии. Такой подход к внутривнутриполитическому развитию западноевропейских стран особенно характерен для нынешней администрации США, которая откровенно делает ставку на наиболее консервативные, а порой и просто реакционные, круги буржуазии стран Североатлантического блока.

Конституция США — как, впрочем, и любой другой Основной закон — имеет свои специфические черты. Пожалуй, наиболее интересная и важная ее особенность — постоянно существующий разрыв между Конституцией формальной и «живой». Хотя вся работа политической системы в принципе регулируется положениями Конституции, в ней с момента образования США стали возникать элементы, не предусмотренные «отцами-основателями». Прежде всего это касается такого института, как политические партии. Хорошо известно негативное отношение к ним Дж. Вашингтона, Т. Джефферсона, Дж. Адамса, Д. Тейлора, А. Гамильтона и других лидеров буржуазно-плантаторского блока, пришедшего к власти в результате революции. Партии возникли не только помимо Конституции, но и вопреки субъективным устремлениям руководства молодой республики⁸. Объяснить подобную аномалию можно тем, что, вступая на буржуазный путь развития, «различные круги американского общества по-разному представляли себе набор средств, с помощью которых предстояло осуществлять это развитие, что и стало причиной возникновения первых партий...»⁹. Несмотря на то что сейчас партии стали неотъемлемым элементом политической структуры США, в конституционном плане они (в отличие от Основных законов ряда западноевропейских стран) до сих пор не институционализированы.

По мере развития государственно-монополистического капитализма все большую роль в конституционном механизме начинает играть федеральная бюрократия, которая «приобретает солидную долю относительной самостоятельности по отношению к высшим органам государственной власти...»¹⁰. Не случайно американские политологи именуют ее четвертой «ветвью» государственной власти. В тексте Конституции опять-таки на ее существование нет даже намека.

Текст Конституции не давал достаточно четкого ответа на вопрос о соотношении прерогатив властей штатов и федерального правительства. Лишь серия судебных решений первой половины XIX века, а главное, итоги Гражданской войны разрешили принципиальный диспут сторонников доктрины «прав штатов» с приверженцами концепции полного верховенства федерального законодательства.

Существенно трансформировались функции трех традиционных «ветвей» государственной власти. Так, Верховный суд присвоил себе право интерпретации Конституции. Став высшим органом конституционного надзора в США, он из сугубо судебной инстанции, каковой его мыслили «отцы-основатели», превратился в мощную политическую силу, приобрел функции, судебной власти не свойственные. «Его реше-

ния, формально вырастающие из правовых оснований, особенно если речь идет о признании недействительными законов, влекут за собой далеко идущие политические последствия»¹¹.

Этатизация конституционных доктрин, начавшаяся в 30-е годы нашего века, открыла дорогу резкой эскалации полномочий исполнительной власти, позволила ей «на законной основе» взять на себя функции регулирования социально-экономических отношений. Потребности совершенствования законодательного процесса привели к формированию системы комитетов конгресса, по своему реальному значению нередко оттесняющих на задний план пленум палат конгресса. Таким образом, тот текст Конституции, который был одобрен 200 лет назад, в сущности является не более чем «скелетом механизма власти»¹².

Надо отметить, что расплывчатость положений Конституции в условиях, когда большой бизнес достаточно прочно контролирует все нити политического процесса, в общем-то устраивает американских идеологов и политических лидеров. Она позволяет сравнительно безболезненно приспосабливать конституционные доктрины и механизм к постоянно меняющейся ситуации, инкорпорировать в право определенные требования масс, не нанося при этом ущерба базовым совокупным интересам правящего класса. Бурные баталии, разворачивающиеся в США вокруг вопроса об интерпретации тех или иных положений Конституции, помогают поддерживать видимость демократичности политического процесса, затушевывают классовую сущность как самого документа, так и всей системы государственной власти, создают питательную среду, способствующую распространению реформистских иллюзий, отвлекают массы от борьбы за коренное переустройство общества и, следовательно, помогают укреплять буржуазные общественные отношения.

Но эта же расплывчатость в ряде случаев таит в себе известную опасность для тех, кто привык считать себя хозяевами Америки. В ключевые моменты американской истории, когда решались вопросы о выборе магистральных путей дальнейшего развития буржуазных отношений, в условиях обострения споров в высшем эшелоне государственных деятелей, неопределенность многих положений Конституции приводила к резким столкновениям на политическом Олимпе (90-е годы XVIII века, период Гражданской войны, «новый курс»), что временно ослабляло позиции буржуазии, заставляло ее порой идти на довольно существенные уступки массам.

Наличие возможностей широкой интерпретации Конституции — неплохой потенциальный плацдарм для борьбы прогрессивных сил за демократизацию политического процесса, за ограничение всевластия монополий и даже осуществление структурных социально-экономических реформ, на проведении которых настаивают американские коммунисты. Подчеркивая важность борьбы за демократизацию политического строя, американские коммунисты вместе с тем предупрежда-

ют трудящихся против опасности настроений, которые В. И. Ленин характеризовал как «конституционные иллюзии»¹³. В новой Программе Коммунистической партии США говорится: «Как свидетельствует исторический опыт США, было бы наивным ожидать, будто боязнь нарушить Конституцию помешает монополистическому капиталу прибегнуть к насилию, чтобы предотвратить реализацию воли демократического большинства к проведению социалистических преобразований»¹⁴. Лишь активное и постоянное давление со стороны широкой анtimoнополистической коалиции может создать в стране атмосферу, когда основные права человека превратятся из объекта демагогической межпартийной полемики в реальные завоевания трудящихся, гарантированные Основным законом.

Данная работа продолжает солидную традицию изучения различных аспектов Конституции США, сложившуюся в советской научной литературе. Основное ее отличие от предшествующих исследований заключается в том, что в ней впервые в нашей историографии принята попытка осуществить комплексный анализ стержневых направлений эволюции конституционно-правовых доктрин на протяжении всей истории США, показать их роль в развитии американского государства и в системе классового господства буржуазии. В работе прослеживаются социально-экономические, идейно-политические и философские предпосылки появления Конституции, рассматривается политическая борьба вокруг ее принятия, вычленяются принципы, положенные в основу этого документа. Авторы попытались продемонстрировать ту роль, которую сыграла Конституция, а точнее говоря, интерпретация конституционных доктрин основными политическими группировками, в процессе формирования государственного механизма новой республики, возникшей на месте бывших английских колоний.

Процесс становления государственного аппарата США завершился в общих чертах в 30-е годы XIX века, в период «джексоновской демократии». Надо сказать, что история эволюции конституционных доктрин в XIX — первой трети XX века пока крайне слабо освещена в трудах советских историков и правоведов. Настоящая работа, дающая общую картину развития конституционных доктрин в указанный период, призвана в какой-то мере восполнить этот пробел.

Второй раздел монографии посвящен комплексному анализу современного состояния конституционных доктрин, выявлению их влияния на функционирование как политической системы в целом, так и ее отдельных элементов — партий, законодательных органов, общественных организаций и т. д. Здесь же исследуется роль конституционных доктрин в решении ключевых социально-экономических вопросов, стоящих сегодня перед США. Читатель сможет познакомиться с теми спорами, которые активно идут в США в последние полтора десятилетия о путях и методах дальнейшей модификации Конституции. За этими разногласиями кроются серьезные противоречия, вызванные неспо-

способностью правящих кругов США найти действенные рецепты лечения многочисленных социальных болезней, порождаемых все более углубляющимся общим кризисом капитализма. Наконец, большое внимание в работе уделено разоблачению апологетических концепций, используя которые американский пропагандистский аппарат тщится доказать миру, что Конституция США — надежный гарант прав человека. Показ несостоятельности таких концепций представляется существенно важным для правильного понимания механизма действия конституционной системы Соединенных Штатов Америки на современном этапе ее развития и в исторической ретроспективе.

История

Глава I.

Предпосылки принятия Конституции

§ 1. Социально-экономическое развитие североамериканских колоний и государственно- правовые доктрины в предреволюционный период

История североамериканских колоний к моменту провозглашения в 1776 году их независимости насчитывала уже 170 лет. За это время социально-экономические и политические первоосновы провинций претерпели существенные изменения.

Одна из важных исторических особенностей США состоит в том, что их развитие полностью, т. е. включая и колониальный период, совершалось в рамках буржуазной общественно-экономической формации. Было бы, однако, заблуждением полагать, что в Северной Америке с самого начала возникло чисто буржуазное общество. В действительности его становление проходило весьма болезненно и затянулось вплоть до последней трети XIX века. На

пути к полной победе буржуазного строя в США стояли три препятствия: колониальная зависимость от Англии; серьезные феодальные пережитки в социально-политическом устройстве многих провинций; рабство. Борьба с первыми двумя заняла весь колониальный период американской истории и завершилась только в конце XVIII века. Рабовладение, набравшее силу уже после первой Американской революции, было уничтожено только в 1860-е годы. Все эти обстоятельства находили отражение и в становлении буржуазной политической надстройки в США.

Буржуазные отношения в наиболее чистом виде развивались в колониях Новой Англии (Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Гэмпшир). Уже в XVII веке здесь утвердилась буржуазная собственность на землю, причем развитие капитализма в сельском хозяйстве с самого начала совершалось по фермерскому пути. Рабовладение никогда не играло заметной роли в хозяйственной жизни этих провинций. (Накануне Войны за независимость в Северной Америке насчитывалось 0,5 млн. рабов, из них в Коннектикуте только 6 тысяч, в Массачусетсе — 5 тысяч, в Род-Айленде — 4 тысячи рабов. В годы революции во всех новоанглийских провинциях рабство было запрещено.)¹ Буржуазные начала наиболее полно, в сравнении с другими североамериканскими провинциями, воплотились и в политическом управлении новоанглийских колоний, — недаром именно они традиционно считаются колыбелью политической демократии США. Однако и здесь политическое управление вплоть до революции было обременено всевозможными небуржуазными, подчас глубоко антидемократическими, формами и пережитками, являвшимися следствием их колониальной зависимости.

Три североамериканские провинции — Пенсильвания, Мэриленд, Каролина — были основаны как феодальные владения английских аристократов. К началу Войны за независимость реальная власть их собственников, подтачивавшаяся на протяжении всего колониального периода, свелась к сбору с поселенцев квитренты — фиксированной поземельной повинности, устанавливавшейся безотносительно к рыночной стоимости земли. Крупное землевладение и фиксированная рента сохранялись к этому времени также в Вирджинии, Джорджии и особенно в Нью-Йорке, где только один из 17 маноров равнялся по площади двум третям территории Род-Айленда — колонии, где утвердилась система свободного буржуазного землепользования². Всего же к началу революции лендлорды контролировали

9/10 пригодных для сельского хозяйства земель. Упрочению позиции крупного землевладения способствовали, кроме того, такие феодальные пережитки, как неотчуждаемость земельной собственности и майорат, распространившиеся повсеместно в среднеатлантических и южных колониях.

Как представляется, оценивая реальное значение феодальных пережитков в Северной Америке в колониальный период и накануне Войны за независимость, необходимо учитывать, что феодализм никогда не существовал там как система, а выступал в качестве обреченного на вымирание уклада, который препятствовал торжеству буржуазного способа производства в землепользовании. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счета и того факта, что феодальные элементы в землевладении не были уничтожены в ходе 170-летней эволюции колоний и что их радикальный слом оказался возможным только в результате революции. Кроме того, огромное количество фактов свидетельствует о том, что возможность ухода на свободные западные земли для многих неимущих американцев была весьма иллюзорной. Во-первых, после Семилетней войны (1756—1763 гг.) Англия приняла законы, запрещавшие колонистам приобретать земли за Аллеганскими горами, и резко ограничила фонд свободных земель провинций. Во-вторых, что еще более важно, переселение и ведение хозяйства на свободных землях было сопряжено (по мере их естественного со временем удаления от портов и городов, сосредоточенных на Атлантическом побережье, в связи с крайней неразвитостью торговых путей и примитивным состоянием транспортных средств) со все большими материальными расходами, оказывавшимися не по плечу основной части сельской бедноты.

Наряду с крупными земельными собственниками — представителями английских аристократических семейств, упорно цеплявшимися за феодальные пережитки и сопротивлявшимися развитию буржуазно-демократических начал в политическом управлении колоний, к провинциальным верхам принадлежали плантаторы-рабовладельцы, а также финансовая и торгово-мануфактурная буржуазия. Хотя в период революции они вошли в патриотический лагерь, их социально-экономические и особенно политические требования были умеренными. В первую очередь это относится к плантаторам-рабовладельцам.

Возникает вопрос: почему плантаторы-рабовладельцы вообще оказались в патриотическом лагере революции?

Ответ на него следует искать в противоречивости их социально-экономической позиции. Хозяйства плантаторов подчинялись законам частнокапиталистического накопления, сами они в своем большинстве выступали за свободное владение и распоряжение собственностью, т. е. как буржуазные собственники. Использование рабского труда оказалось для них единственной возможностью обеспечить свои хозяйства необходимой рабочей силой (переселенцы из Европы предпочитали работе по найму у плантаторов обзаведение собственными фермами, а попытки закабалить коренное индейское население провалились), и они не преминули воспользоваться ею. Стремясь к постоянному расширению плантаций, рабовладельцы вошли в непримиримое противоречие с английскими колониальными властями и феодальными собственниками, претендовавшими на земельную монополию в Северной Америке и подавлявшими принцип свободной, буржуазной купли-продажи земельных участков.

Таким образом, вовлекаясь в патриотическое движение, плантаторы-рабовладельцы поддерживали принципы свободной конкуренции и частнокапиталистического накопления, оставаясь сторонниками иерархического социального и политического порядка и объективно стремясь к тому, чтобы присвоить себе те социальные и политические привилегии, которыми обладали губернаторы, аристократические семьи, высшие чины королевской администрации в колониях.

Более последовательно отстаивали буржуазные принципы колониальное купечество и формирующаяся торгово-мануфактурная буржуазия. Противоречия между колониальной буржуазией и колониальными властями, обострявшиеся на протяжении XVII—XVIII веков, достигли наивысшей точки после Семилетней войны, когда Англия вознамерилась пополнить опустошенную казну за счет максимального налогообложения собственности колонистов и ужесточения политики меркантилизма. Возглавив сопротивление экономическому диктату английской короны и парламента, торгово-мануфактурная буржуазия вплоть до 1776 года не решалась на разрыв колониальных уз с Англией и проявляла наибольшую робость в критике сложившейся в провинциях системы политического управления.

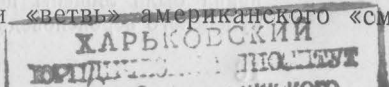
На протяжении всего почти двухвекового колониального периода политическое управление американскими провинциями копировало конституционные основы метрополии, которые, в свою очередь, являлись правовым вы-

ражением классового компромисса между английской буржуазией и дворянством. Как в массовом сознании, так и в политическом мышлении провинциальной элиты царил культ британской конституции, под которой понимались акты, принятые под воздействием Английской революции XVII века — Хабеас корпус акт (1679 г.), билль о правах (1689 г.) и т. д., а также последующие парламентские законы, определявшие политико-правовые принципы британского общества.

Политическое управление как метрополии, так и колоний являлось воплощением так называемого смешанного правления: король и губернаторы олицетворяли соответственно в Англии и Новом Свете власть монархическую, палата лордов и колониальные советы — аристократическую, а палата общин и нижние палаты колониальных ассамблей — демократическую. По понятиям XVIII века подобное правление могло быть даже названо республиканским: согласно широко распространенным в ту эпоху взглядам, республикой считалось государство, в котором носителем суверенной власти было не одно, а два и более лиц. И тем не менее Великобритания оставалась не чем иным, как ограниченной, или конституционной, монархией. Но американцы стали усваивать эту истину только после 1776 года, когда критерием республиканизма была признана выборность всех органов государственной власти.

В североамериканском варианте «смешанного правления» демократические начала были ограничены в большей степени. Так, прерогативы монархической «ветви» власти, представителями которой выступали губернаторы провинций, были шире, чем в метрополии. В канун Войны за независимость в Северной Америке насчитывалось восемь королевских, три собственнические и две корпоративные колонии. Только в крошечных корпоративных колониях (Род-Айленд и Коннектикут), сохранивших внутривластную автономию, власть губернаторов была выборной, в остальных они утверждались соответственно короной и собственниками колоний. Губернаторы наделялись правом абсолютного вето, могли созывать и распускать по своему усмотрению ассамблеи, назначали или утверждали по представлению нижних палат советы провинций, т. е. располагали рядом прерогатив, которые были утрачены короной в рамках самой Великобритании. Вместе с членами советов губернаторы часто выступали в качестве верховной судебной власти провинций.

Вторая по важности «ветвь» американского «смешан-

ного правления» — провинциальные советы, своего рода верхние палаты ассамблей. Они были крайне немногочисленны — от 12 до 18 человек в каждой. Двухпалатные законодательные ассамблеи сложились в Северной Америке не сразу. Поначалу в некоторых из них советы заседали совместно с нижними палатами. Однако социально-политическая элита по мере своего оформления в провинциях попыталась добиться отдельного представительства в верхних палатах. Так, в Массачусетсе члены совета выделились из ассамблеи (Всеобщей палаты) в 1644 году, а в Мэриленде — в 1650 году. В канун революции советы выделились в аристократическую «ветвь» власти, возвышавшуюся совместно с губернаторами над нижними палатами, единственными выборными органами провинций.

Нижние палаты, демократическая «ветвь» американского «смешанного правления», в сравнении с советами были гораздо многочисленнее: так, массачусетская Всеобщая палата насчитывала около 100, вирджинская палата бургесов — около 75 и мэрилендская палата делегатов — около 50 членов³. От выборов в законодательное собрание были отстранены женщины, слуги, рабы и индейцы, составлявшие 3/4 населения провинций. Кроме того, «40-шиллинговое», «40-фунтовое» или «50-акровое» ограничения избирательного права*, а также религиозный ценз** лишали права голоса от 25 до 50% свободных белых мужчин. И все же избирательное право провинций, несмотря на недемократические принципы, лежавшие в его основе, получило относительно широкое по тем временам распространение. Благодаря сравнительно легкому в ряде колоний доступу к земле и тому обстоятельству, что в провинциях право голоса, следуя английской традиции, предоставляли не только фермерам, но и арендаторам, обрабатывавшим земельные участки с соответствующим доходом

*

Избирательное право в провинциях основывалось на «40-шиллинговом» принципе английской конституции, приспособленном к американским условиям. Избиратели должны были иметь или годовой доход в 40 шиллингов с недвижимости, или владеть недвижимостью, оцениваемой в 40 фунтов стерлингов, или обладать земельным участком в 50 акров. См.: Williamson G. American Suffrage from Property to Democracy. 1760—1860. Princeton, 1960, p. 12—40.

**

Примерно в половине провинций избирательного права были лишены последователи католицизма и иудейского вероисповедания.

на условиях пожизненного держания, от 50 до 75% свободных белых мужчин могли зарегистрироваться в качестве избирателей. Это и послужило консервативным историкам США основанием для провозглашения провинциальной Америки образцовой «демократией среднего класса»⁴.

В выводе консервативных историков «упущены» из виду, кроме всего прочего (если «всем прочим» можно назвать лишение избирательного права более 80% взрослого населения провинций), две очень важные характеристики политической системы провинций — крайне недемократическая процедура организации и проведения выборов и ущемление прав выборных нижних палат.

Накануне революции выборы в провинциях повсеместно осуществлялись посредством открытого голосования. Одно время тайное голосование существовало в двух колониях — Южной Каролине (ее первая конституция была составлена знаменитым английским философом Дж. Локком) и соседней Северной Каролине. Однако в первой оно перестало использоваться с 1760 года, а во второй — с 1766 года. В предреволюционное десятилетие попытки ввести тайное голосование отмечались только в Нью-Йорке, но все они закончились безрезультатно⁵. Как правило, избиратели отдавали предпочтение экономическому и политическому патрону своего округа. Во всех колониях утвердилась практика покорного голосования избирателей за определенную фамилию из «уважения», «почтения» к ней (*deference voting*), вытекающего из признания экономической и политической зависимости от соответствующего семейного клана⁶. Это позволило высокопоставленным семьям править бессленно, из поколения в поколение, т. е. наследовать политическую власть и в нижних палатах ассамблей — «выборных» органах.

Нижние палаты, располагавшие фактически одним реальным правом — законодательной инициативы, находились в явно приниженном положении в сравнении с губернаторами и советами, что еще более уменьшало реальное значение волеизъявления избирателей.

Оценка, данная в канун революции одним из лидеров патриотов, Р. Г. Ли, системе управления крупнейшей провинцией, Вирджинией, в которой, по его словам, «две трети законодательной, вся исполнительная и вся судебная власть оказались сосредоточены в одних руках, что на практике вылилось в тиранию»⁷, может быть распространена с теми или иными оговорками и на другие колонии.

При характеристике американской системы «смешанного правления» необходимо учитывать, что над ней возвышалась мощная и властная политическая надстройка в лице британской короны и парламента. В английской имперской политике в отношении Северной Америки обычно выделяют два периода — до и после Семилетней войны. На первом этапе Англия следовала принципам меркантилизма, видя в Северной Америке источник сырья и рынок для сбыта готовой продукции, и не обнаруживала стремления к прямому политическому контролю, что позволило провинциям пользоваться известной, наиболее ощутимой в XVII веке, долей самоуправления. После Семилетней войны к усилившемуся экономическому гнету прибавился прямой политический диктат метрополии. Провинции не только впервые испытали тяжесть «налогообложения без представительства», отрицавшего основополагающую заповедь Английской буржуазной революции XVII века, но узнали много других проявлений произвола: отмену судов присяжных, неприкосновенности жилища и собственности, основ Habeas corpus акта, сокращение прерогатив и роспуск ассамблей, создание и расквартирование постоянной армии в мирное время, возвышение военной власти над гражданской, регламентацию производства и торговли.

Колониальный гнет стимулировал развитие в Северной Америке буржуазной конституционной мысли, ставшей важной и неотъемлемой частью революционного мировоззрения. Конституция, в отличие от парламентских актов и королевских указов, объявлялась фундаментальным правовым документом, вместилищем «естественных», «неотчуждаемых» прав и свобод человека. Конечно, эти «естественные» и «неотчуждаемые» права и свободы при соотнесении с реальной действительностью оказались, как отмечал Ф. Энгельс, «не чем иным, как идеализированным царством буржуазии»⁸, но в исторических условиях борьбы с колониальным гнетом и феодальными пережитками в политическом управлении провинций апелляция к ним имела прогрессивное значение.

Первым среди идеологов-патриотов идею верховенства конституции взял на вооружение Дж. Отис. Еще в 1761 году он решительно выступил против «указов о содействии», санкционировавших произвольные (без ордеров) обыски в домах американцев: «Закон, противоречащий Конституции, недействителен, закон, противоречащий естественному праву, также недействителен»⁹. Защита Отисом правовой традиции, идеи Основного закона популяризировала кон-

цепцию конституционных гарантий прав личности, была направлена против произвола властей. Особенно дороги Отису принципы неотчуждаемости частной собственности, неприкосновенности личности, жилища, право на предстательное правление.

Удивительна, на первый взгляд, такая черта конституционного мышления Отиса и других американских патриотов, как стремление опереться на английскую конституцию. Здесь нелишне отметить, что впервые с критикой английской конституции (при этом сразу необычайно резкой, что и делало ее выдающимся, истинно революционным явлением) выступил Т. Пейн, а до того американцы рассматривали ее как идеальную. Объяснить это можно рядом причин: и желанием урегулировать противоречия с королем и парламентом мирным путем, что означало бы сохранение места в могущественной Британской империи, и апелляциями к буржуазному правосознанию жителей метрополии, со стороны которых, как полагали колонисты, было явно нелогично отказывать им в правах и свободах, за которые сами англичане пролили столько крови в революционных сражениях XVII века.

Кроме того, американские патриоты видели в английской конституции воплощение передовых государственно-правовых принципов. Подобно европейским просветителям, они идеализировали английскую конституцию, изображали ее как некую абстрактную совершенную модель. Например, конституция трактовалась как «общественный договор», продукт народного волеизъявления, в то время как в действительности она представляла весьма хаотичную совокупность парламентских законов, подчас противоречащих друг другу.

Но главная причина преклонения лидеров североамериканских патриотов перед английской конституцией — их стремление оставаться англичанами, переселившимися в Новый Свет, и упорное нежелание идти на разрыв государственных уз с Англией. Тот же Отис, духовный глава патриотического движения на его раннем этапе, рассматривал английскую конституцию как имперскую, распространяющуюся на североамериканские провинции в той же степени, что и на метрополию. Подобная трактовка вытекала из его плана урегулирования противоречий между колониями и Англией, предполагавшего интеграцию североамериканских провинций, других частей империи и самой метрополии в некую мировую конституционную монархию. Он доказывал, что эта «новая мировая монархия», в от-

личие от ее античных и средневековых предтеч, явит собой образец справедливого общественного устройства, залогом чего должна была служить приверженность Англии прогрессивным государственно-правовым принципам революции XVII века¹⁰.

Патриотическое движение в Северной Америке продолжало сохранять верность принципам английской конституции вплоть до образования США и провозглашения их республикой, но идея подчиненности американских провинциальных ассамблей английскому парламенту постепенно уступала место идее гомруля — государственно-правовой автономии североамериканских провинций в рамках Британской империи.

Полное обоснование доктрины гомруля, означавшее отказ английским законодателям в праве управления провинциями и закрепление такого права за колониальными ассамблеями, дал в конце 1760-х — начале 1770-х гг. выдающийся американский просветитель Б. Франклин. Его доктрина заключалась в следующем: североамериканские провинции и Англия — равноправные и суверенные части империи; высшая законодательная власть в них принадлежит собственным представительным органам, соответственно ассамблеям и парламенту, парламент не имеет никаких преимуществ перед ассамблеями и не располагает никакими правами в Новом Свете; связь между двумя политическими сообществами (метрополией и провинциями) осуществляет только король, причем власть его в обеих частях империи ограничивается в равной мере выборными органами; хранилищем прав и свобод американцев и англичан становятся договоры (в провинциях роль таковых выполняют хартии), одобренные представительными собраниями¹¹.

В схеме Британской империи, выдвинутой Франклином, воля монарха оставалась единственной связующей властью. Для Франклина верность английскому монарху вытекала прежде всего из убеждения в необходимости сохранения Британской империи. Отрицание власти короля означало бы не реформу ее, а разрушение. А такой подход вплоть до возникновения революционной ситуации в Северной Америке в середине 1770-х годов казался кощунством даже наиболее радикальным из патриотов, в том числе и самому Франклину. Сохранение связующей роли в империи за королем обеспечивало в условиях того времени более полную автономию провинций, нежели закрепление этой функции за могущественным английским парламентом.

Признавая королевскую власть в североамериканских провинциях, Франклин вместе с тем подчеркивал, что она не имеет абсолютного характера, а ограничивается в каждой колонии представительным органом, подобно тому как ограничивается воля монарха лордами и общинами в Англии. Вся система политической власти в колониях зиждется на народном соглашении и колониальных «конституциях» — хартиях, скрепляющих это соглашение. Хартии и их изменение, указывал Франклин, находятся вне сферы королевской власти: «Хартии священны, нарушьте их, — и существующая связь империи (королевская власть над нами) будет уничтожена»¹².

Доктрина гомруля приобретала революционное звучание по мере приближения Войны за независимость. Ее выразители признали уязвимость апелляции к провинциальным хартиям как источнику прав колонистов (эти документы, заявил С. Адамс в начале 1776 года, являются «туманными и неопределенными, и их нельзя превратить в орудие борьбы за свободу»¹³). Они все реже ссылались и на английскую конституцию, хотя не отрицали страстного желания воплотить ее принципы в Северной Америке. Зато все чаще источником свобод американцев объявлялись «законы природы», что позволяло провозглашать самые смелые лозунги, делая особый акцент не на экономических, а на политических правах, куда включались права на заключение «общественного договора», сопротивление тирании, разрыв с деспотическим правительством и другие. Трансформация антиколониальной критики в революционную доктрину завершилась в январе 1776 года с выходом в свет памфлета Т. Пейна «Здравый смысл».

Пейн первым противопоставил доктрине гомруля идею полной независимости Северной Америки. Он убедительно показывал, что отказ в имперской власти парламенту, но сохранение ее в то же время за королем, не обеспечит прав американцев. Критика иллюзий, связанных с «доброй волей» английского короля, перерастала в «Здравом смысле» в развернутую критику монархических устоев в целом. Выступление Пейна в защиту республики, рассматривавшейся в условиях XVIII века многими представителями Просвещения как утопия, можно назвать идейным подвигом.

Пейн использовал для критики института монархии философские, правовые аргументы и, наконец, доводы, основанные на «здравом смысле», которые легче всего убеждали колонистов, отличавшихся практическим складом

ума. Аргументы Пейна были остроумны и злы. Наследование власти одной фамилией, указывал он, неугодно самой природе, иначе бы она не преподносила столь часто в качестве правителя «осла вместо льва». Проследившая родословную «коронованных негодяев» Англии — от «Французского ублюдка» Вильгельма Завоевателя до «его королевского свинства» Георга III, — Пейн приходил к выводу, что их так называемые божественные права не что иное, как узурпация¹⁴.

Одна из наиболее весомых с точки зрения воздействия на сознание патриотов частей памфлета — беспощадная критика английской конституции, которую духовные вожди колонистов считали вместилищем всех прав и свобод человека. Пейн доказывал, что принципы общественного соглашения и представительного правления, столь почитаемые патриотами, фактически вытравлены из английской конституции. Анализируя схему «смешанного правления», лежащую в основе английского государственного строя, Пейн убедительно показывал, что две из трех «ветвей» этого правления — монарх и палата лордов — не имеют никакого отношения к воле избирателей. Они представляют собой остатки монархической и аристократической тирании. Выборной была только третья «ветвь» — палата общин. Но она, как свидетельствует опыт, не в состоянии обуздать монархическую и аристократическую тиранию¹⁵.

Отвергая «смешанное правление», Пейн противопоставлял ему в качестве идеальной политической формы «чистую» республику, или «чистую» демократию (все три термина принадлежат политическому словарю XVIII века). Его памфлет впервые предлагал американцам демократические ориентиры внутриполитических преобразований.

Идеи «Здравого смысла» были закреплены и развиты в Декларации независимости 4 июля 1776 года, подготовленной Т. Джефферсоном. Декларация независимости определяет в качестве основы прав жителей провинций только «законы природы и ее создателя»¹⁶. Такая трактовка, заключавшая в себе идею разрыва американцев с колониальным прошлым, положила конец их поклонению английской конституции.

В Декларации независимости дается новое, соответствующее республиканскому идеалу, определение договорной основы государственной власти. Еще в 1775 году А. Гамильтон, подобно другим идеологам патриотов, рассматривал «общественный договор» как соглашение между управляемыми и государем¹⁷, что отвечало приверженно-

сти американцев конституционной монархии. Декларация исключила из числа участников «общественного договора» государя и провозгласила, что «справедливая власть» правительства зиждется только на «согласии управляемых».

Большую часть Декларации занимает изложение всевозможных обвинений по адресу парламента и монарха Англии, насаждавших в Северной Америке политический произвол и ущемлявших экономические интересы колонистов. Анализ этих обвинений важен для понимания конкретно-исторических причин и хода вызревания антиколониального восстания в Северной Америке, хотя они и не несли в себе принципиальной новизны в сравнении с предшествующими антиколониальными документами. Подлинное величие Декларации заключается в ее социально-философской части, где изложены три основополагающие доктрины просветителей: о равенстве естественных прав человека, об общественном договоре как источнике политической власти, о праве на революционное ниспровержение деспотического правительства. Присягнув этим принципам, Американская революция перестала быть только национальным явлением, она внесла вклад во всемирно-исторический процесс смены феодального строя буржуазным.

Революционное кредо эпохи Просвещения было изложено Т. Джефферсоном языком высокой и вместе с тем доступной простому люду прозы в трех лаконичных предложениях: «Мы считаем самоочевидными следующие истины: все люди сотворены равными и все они наделены создателем определенными неотчуждаемыми правами, к которым принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав люди учредили правительства, берущие на себя справедливую власть с согласия управляемых. Всякий раз, когда какая-либо форма правления ведет к нарушению этих принципов, народ имеет право изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких началах, какие, по мнению народа, более всего способствуют его безопасности и счастью».

Замечательно то, что Джефферсон изъяс из распространенной буржуазной триады естественных прав упоминание о частной собственности и заменил его «стремлением к счастью». Джефферсон не относил обладание собственностью к врожденным правам человека, о которых как раз и идет речь в документе. Он считал частную собственность продуктом исторической эволюции и настаивал на праве общества регламентировать крайности ее развития.

Нет смысла вкладывать в джефферсоновскую триаду антибуржуазное содержание, как это делают некоторые историки: при соотнесении с общим мировоззрением американского просветителя она раскрывает свой умеренно-эгалитарный характер. Но нельзя и недооценивать нововведения Джефферсона. Как подчеркивалось в теоретическом органе Компартии США «Политикл афферс», провозглашение в Декларации естественных и равных прав людей на свободу, жизнь, стремление к счастью «получило поддержку мелких фермеров, мастеровых и других слоев трудового люда того времени»¹⁸. Их участие в революции обеспечило победу делу независимости и демократический размах антиколониальной войне, осуществившей попутно ряд глубоких социально-экономических и политических преобразований.

Декларация независимости была необходимой уступкой революционному подъему масс со стороны умеренного руководства патриотов, готового мириться с бременем радикальных доктрин вплоть до достижения решающих побед над Англией. Политические планы и проекты государственного устройства, отвечавшие классовым интересам самих умеренных патриотов, оформились уже в ходе революции и воплотились в федеральной Конституции 1787 года.

§ 2. Проблема человека и общества в философии американского Просвещения

Главные итоги войны американского народа за независимость — ликвидация колониального режима, тормозившего капиталистическое развитие, завоевание полноты политической власти национальной буржуазией, уничтожение феодального землевладения и связанных с ним норм и институтов. Немаловажное значение имела и секуляризация американского общества в результате упразднения федеральной конституцией официальной религии (в тех штатах, где она была), разделения государства и церкви и введения религиозной свободы.

Все эти преобразования говорят о том, что Война за независимость не свелась к завоеванию политической самостоятельности США, как утверждают буржуазные историки так называемого неоконсервативного направления (Д. Бурстин, К. Росситер, Р. Браун и др.), отрицающие

ее революционный характер. Она представляла собой и внутреннее социальное столкновение, в котором лагерю патриотов (вигов), объединившему большую часть буржуазии, городских ремесленников и рабочих, часть плантаторов, противостояли лоялисты (тори) — колониальная знать и чиновничество, часть крупных землевладельцев, представители тех торгово-промышленных кругов, интересы которых были связаны с капиталом метрополии. Конституция США закрепила главные социальные результаты Американской революции. Предвосхитили же и стимулировали революционные преобразования важнейшие конституционные идеи и принципы, вызревавшие и формировавшиеся в рамках просветительской идеологии.

Острые идеологические дискуссии вокруг идейно-теоретических источников американской государственности и Конституции США — свидетельство того, что вопросы давней истории тесно соприкасаются с социальными проблемами сегодняшнего дня и что традиции и идеи революционно-освободительного периода остаются живыми и действенными компонентами демократического наследия американского народа. В подходе к ним буржуазных идеологов выделяются несколько характерных тенденций.

Начиная с прошлого столетия в европейской и американской исторической мысли разрабатывается идея о том, что духовным источником американских демократических институтов и самой революции является не Просвещение, а новоанглийский пуританизм. В основе такой позиции лежит тенденциозное толкование смысла и исторической роли некоторых аспектов реформированного христианства, в особенности договора (ковенанта) как фундаментального принципа устройства всей общественной жизни.

Действительно, Дж. Уинтроп, Дж. Коттон, И. Мезер и другие поборники пуританского теократизма считали, что основу светской жизни составляет соглашение, которым определяются нормы социальных отношений. Однако при этом соглашение понималось как модификация исходного ковенанта людей с богом. Иными словами, источником государства и права оказывалось само Священное писание.

Протестантизм ввел практику ковенанта относительно церковно-общинного устройства. Ветхозаветная идея соглашения со всевышним («завет») о принятии норм, регламентирующих не только религиозную деятельность, но и весь жизненный уклад (взамен обещанных богом «избранности» и «земли ханаанской»), дополняется теперь соглашением о принципах церковного устройства. Отказ

от посреднической роли церкви в отношениях человека с небом нанес сильный удар по римско-католическому централизму и иерархизму, что отвечало интересам капиталистического развития. Одновременно в религиозную жизнь вошли своеобразные «принципы республиканизма»: выборность и ротация священников, автономия конгрегаций, сектантский плюрализм и др.

Разумеется, эти принципы не следует идеализировать. Они стали важными компонентами социального механизма осуществления власти буржуазной верхушки и нового клира. О реальном народовластии и «естественном» равноправии говорить не приходилось. Между тем у многих буржуазных мыслителей наблюдается стремление отождествить религиозный ковенантизм с теорией естественного права и общественного договора и представить протестантизм решающей формой обоснования буржуазного демократизма. Французский исследователь конституционной истории стран Европы и Северной Америки Ш. Боржо сформулировал четкий стереотип такой позиции: «Легко... объяснить, каким образом люди, привыкшие в церкви к демократической организации, вознамерились осуществить демократическое устройство и в государстве. Стремясь основать республику, они предпринимали те же меры, как и при образовании церковных общин»¹⁹. Аналогична позиция американского историка пуританизма Д. Кэмпбелла²⁰. Дж. Фиске полагал, что США обязаны (правда, вопреки намерениям политических лидеров) своими свободами пуританам. Мало того, по его мнению, пуританский теократизм, благодаря своему «демократическому духу», сыграл важную роль в идейной подготовке независимости: «Именно в Массачусетсе, где теократия была наиболее сильной, сопротивление Карлу II было наиболее яростным, и оно произвело наибольшую работу в плане подготовки политической независимости...»²¹.

Такая оценка идейной предыстории Войны за независимость в значительной мере сохранилась и в последующей буржуазной общественно-политической мысли. Правда, религиозный компонент революционной идеологии стал пониматься шире, а просветительские идеи зачастую трактовались лишь как видоизменение социальных доктрин протестантизма. По мнению К. Росситера, «концепция избранного народа, которая была в Бостоне XVII века столь же сильна, как и в древнем Израиле, оказалась легко обратимой такими деятелями, как Мэйхью, Эдуардс, Джон Адамс, Вашингтон и Джефферсон, в благородную

демократическую традицию Американской Миссии»²². Известный в США историк религии У. Хадсон считает, что не только социальные устои американизма, но и сама идея революции — пуританского происхождения или, по меньшей мере, согласуется с пуританским мировоззрением: «Хотя Декларацию независимости написал Томас Джефферсон, ключевой раздел, оправдывающий обращение к оружию, вполне мог быть написан пуританским святым»²³. Р. Хофстедтер разделяет точку зрения, будто американская религиозная практика подготовила простого американца к восприятию радикальных светских идей и лозунгов: «Лишь небольшая либеральная элита могла воспринять моральное и эмоциональное значение конфликта в чисто секулярных терминах. Многие американцы, которые приняли участие в революции, поступили так в качестве христиан, для которых было интеллектуально важно, чтобы революция предстала как эпизод какой-то провиденциальной схемы, ибо их моральная энергия могла быть лучшим образом реализована через знакомые протестантские методы самоанализа, самобичевания, дисциплины и очищения»²⁴.

Таким образом, массовое революционное движение в колониях объявляется процессом, стимулированным религиозной пропагандой, оно осмысливается в терминах провиденциализма (и нередко американского мессианизма), а радикальные версии естественно-правовой доктрины подаются как экстраполяции принципов церковного ковенанта на политическое сообщество в целом. Данная позиция не просто извращает букву и суть договорных теорий возникновения государства, но и дает неверную картину предпосылок и факторов американского конституционализма.

Для сегодняшнего неоконсерватизма характерны и иные формы искаженного толкования предыстории американской конституции. Они связаны с тенденциозной оценкой значения тех или иных ее источников, а также роли ее творцов. Так, сенатор О. Хэтч, обосновывая необходимость широкомасштабной кампании по подготовке празднования 200-летия Конституции США, отметил, что она доказала свою жизненность «не потому, что представляет собой меняющийся и аморфный документ, но потому, что выражает непреходящие принципы и создала институты, которые соответствуют реальностям человеческого существования». Эти принципы — разделение властей, федерализм, система «сдержек и противовесов», ограничение власти правительства. По Хэтчу, они сегодня столь же актуальны

для нации, как и два столетия назад для Мэдисона, Гамильтона и Вашингтона.

Названные принципы действительно существенны для понимания организационных и идейно-политических основ американской государственности. Однако положения Конституции не сводятся к ним, а скорее сами их определяют. Абстрактная формула «реальности человеческого существования», по сути, затенила большую посылку всех просветительских политико-правовых концепций — натуралистически понимаемую природу человека, на которой основывались представления о должном государственном устройстве. В результате затушевывается ключевое значение идеи о всемерной охране прав человека как важнейшего конституционного принципа, выраженного в Билле о правах. Одновременно принижается социально-политическое значение вклада радикального крыла Просвещения во главе с Джефферсоном в формирование американского конституционализма, т. е. значение того компонента демократического наследия, который в условиях современной борьбы вокруг гражданских прав и свобод обрел особую значимость.

Говоря о предпосылках политико-правовых идей Американской революции, нельзя сбрасывать со счетов английскую конституцию, которая, как уже отмечалось, сыграла заметную роль в формировании американского правосознания. Английское право, перенесенное в Америку, способствовало защите личных свобод и местного самоуправления²⁵. Следует отметить, что последнее осуществлялось не только в самоуправляющихся колониях (Род-Айленд и Коннектикут), но в известных рамках и во владениях короны. Несмотря на ограниченность прав местных представительных органов, они во многих случаях достаточно успешно противостояли губернаторам и королевским чиновникам, используя конституционные нормы и гарантии метрополии прежде всего в вопросах налогообложения, солдатских постоев, неприкосновенности имущества и личности.

Ценность практики самоуправления состояла в том, что она способствовала обретению опыта демократического ведения общественных дел и легализованного сопротивления колониальной политике. Помимо этого, общее право давало поучительные исторические прецеденты экстраполяции ограниченных по первоначальному назначению норм на широкий круг гражданских прав. Поначалу это позволяло американским патриотам обращать в свою пользу

привилегии британских граждан, каковыми, согласно учредительным королевским хартиям, были свободные жители колоний. Когда же на повестку дня встал вопрос о полном разрыве политических связей с Англией, американские лидеры проявили особый интерес к источнику права, каковым для них оказалась природа человека. Это давало возможность использовать уже неформально трактуемые права человека в борьбе против колониальной зависимости как противоречащего природе, сущности человека и разуму явления.

Такое переосмысление общего права — результат серьезной идейно-теоретической работы, осуществленной в русле просветительской мысли. С. Адамс писал, что американцы в качестве британских подданных являются носителями всех прав человека, вытекающих из самой его природы: «Английское общее право и основополагающие принципы британской конституции базируются на законе природы и разума. Следовательно, можно считать, что британские права в значительной части являются неотчуждаемыми, т. е. правами колонистов и всех людей вообще»²⁶. Джефферсон также подчеркивал, что английское право «санкционировано природой» и выражает естественную сущность самого человека, что и дает американцам основание для оправдания своих действий обращаться непосредственно к источнику права: «У нас не было возможности рыться в устарелых документах, отыскивать королевские рукописи на пергаменте или заняться исследованием законов и учреждений полуварварских предков. Мы обратились к тому, что было дано природой, и нашли эти законы отпечатанными в своих сердцах»²⁷. Таким образом, обращение американских просветителей к английскому праву оказалось в конечном итоге средством собственного истолкования естественного права.

Помимо этого, в колониальный период в рамках самого религиозного сознания зрели такие способы осмысления социальных проблем, которые не укладывались в традиционные теологические каноны и являлись формой социально-политического протеста против пуританского теократизма и фанатизма. Ранними представителями такой оппозиционной религиозной мысли были Т. Хукер и Р. Уильямс, покинувшие вместе со своими приверженцами Массачусетс и основавшие соответственно Коннектикут и Род-Айленд. Характерные черты новых поселений — заметная демократизация общественной жизни, ослабление и отмена религиозного и имущественного цензов, а также

такие радикальные меры, как отделение в Род-Айленде церкви от светской власти, ограничение земельной собственности, запрещение рабства.

В творчестве пуританских диссидентов Т. Хукера, Р. Уильямса, Дж. Уайза, Дж. Мэйхью ясно выразился бунтарский, порой тираноборческий дух, связанный с довольно смелым толкованием Писания, подчинением его задачам борьбы за демократические преобразования. Страстный обличитель британской тирании Джонатан Мэйхью в своих проповедях называл правомерным сопротивление действиям властей, нарушающих божественные предписания и не пекущихся об общем благе. В подобных случаях, учил Мэйхью, для угнетаемых «восстать единодушно и оказать сопротивление своему правителю, даже сбросить его с трона, является не преступлением, а разумным способом утверждения своих свобод и истинных прав; это — использование средств, притом единственных, которые бог предоставляет в их распоряжение...»²⁸.

Для названных мыслителей характерно стремление усматривать божественное в естественном ходе вещей, что является важной предпосылкой перехода к философской картине мира, в которой роль бога в значительной мере формальна. Однако этот переход нельзя было осуществить внутри пуританского диссидентства, которое не выходило за рамки теологического воззрения: отказавшись от идеи богоданной власти, оно сохранило бога в качестве источника права (что наглядно видно у Мэйхью). Дальнейший философский прогресс требовал выхода за теологические рамки. Главным руслом передовой американской мысли XVIII века становится Просвещение.

Философия Просвещения представляет собой зрелую форму идеологии, которая конкретизирует абстрактные идеалы земного благоденствия и равенства людей, выдвинутые буржуазной мыслью еще в эпоху Возрождения, придает им характер теоретически обоснованных программ осуществления общественного устройства, отвечающего требованиям разума. Социальные идеалы эпохи Просвещения, их философская аргументация широко варьируют в зависимости от конкретных условий той или иной страны. Наиболее полно и плодотворно теоретические возможности Просвещения реализовались там, где оно выступило формой идеологической подготовки буржуазной революции — во Франции и в Северной Америке.

Особенность американского Просвещения состояла в том, что ход событий в конечном счете заставил его ори-

ентироваться на вооруженную борьбу как неизбежный способ утверждения принципов разума и справедливости, а его ведущих теоретиков — стать не только идейными, но и политическими лидерами буржуазной революции. Американское Просвещение было неоднородно, что отражало социальную неоднородность революционного лагеря. Видные идеологи мелкой (фермерство, ремесленники) и средней буржуазии, заинтересованной в более последовательной демократизации общества, — представители радикального революционного крыла Просвещения Б. Франклин, Т. Джефферсон, П. Генри, Т. Пейн, С. Адамс, И. Аллен, Ф. Френо, Б. Раш. Умеренные просветители Дж. Адамс, А. Гамильтон, Дж. Мэдисон, Дж. Джей, Г. Моррис и другие выражали интересы прежде всего торгово-финансового капитала.

Проблема типологии американского Просвещения не проста. «Республиканцы», «радикалы», «умеренные», «консерваторы» — подобные характеристики мало что дают ввиду их относительности и неоднозначности. Далеко не всегда существует непосредственная связь между философско-мировоззренческим и социально-политическим радикализмом, чтобы можно было взять в качестве основания классификации материализм, атеизм или деизм мыслителей. Так, видный представитель свободомыслия и материалистической линии в американской философии К. Колден до конца жизни (он умер в год провозглашения независимости США) не принял идеи отделения (тем более, революционным путем) от Англии. Европейские теоретические источники также мало проясняют картину. Правда, хотя американские просветители не восприняли в неизменном виде ни одной социально-философской системы Старого Света, можно указать на тенденцию умеренных либералов ориентироваться преимущественно на Гроция, Шефтсбери, Хатчинсона, Болингброка, в то время как представители радикально-демократического крыла с большей симпатией относились к Мильтону, Мандевиллю, английским и французским материалистам. Но у тех и других большим авторитетом пользовались Монтескье, Пуффендорф и особенно Локк. Проблема осложняется и тем, что теоретические воззрения и политическая позиция просветителей не оставались неизменными в различные периоды борьбы за завоевание и упрочение независимости, — лагерь патриотов знал и колеблющихся, и ренегатов*.

*

В. В. Согрин выделяет три направления американской общественной мысли рассматриваемого перио-

Указанные типологические трудности (а их число можно умножить) свидетельствуют о том, что невозможно уложить все без исключения философско-теоретические и социально-политические характеристики просветительских идей в рамки одной жесткой и формальной классификации — они выступают как динамические параметры, отражающие перипетии политической и идеологической борьбы и лишь в тенденции обнаруживающие неслучайное, глубинное единство Просвещения в целом или основных его течений. В контексте нашего исследования в основу типологии американского Просвещения целесообразно положить социальную ориентацию мыслителей как главный фактор, детерминирующий философскую позицию. Тогда принятое в нашей историографии деление Просвещения на радикальное и умеренное направления приобретает характер не только политической, но и идеологической квалификации, указывающей на наличие в патриотическом лагере двух основных течений.

Радикализм республиканцев-джефферсонянцев органически соединял буржуазно-демократические принципы и требования с революционными средствами их осуществления.

Что касается понятия умеренности применительно к другому крылу американского Просвещения, то оно определялось в первую очередь не средствами борьбы, взятыми сами по себе, а характером и степенью желательности и допустимости социальных преобразований в американском обществе. Не следует думать, что «умеренность» означала нежелание независимости. Национальная буржуазия, в целом настроенная антиколониалистски, поддержала революционный способ достижения независимости. Однако она опасалась политической активизации социальных низов и не была заинтересована в демократизации общества, чем объясняется ее склонность к компромиссам не только с плантаторами Юга, но подчас и с метрополией. Умеренное крыло Просвещения отразило эту непоследовательность и ограниченность. Его идеология нашла концентрированное выражение в 85 статьях «Федералиста» Дж. Мэдисона, А. Гамильтона и Дж. Джея, опубликованных в 1787—1788 гг., а его политическим выражением стала линия так

да (умеренное, радикальное и революционное) и три этапа ее развития. См.: *Согрин В. В.* Идеиные течения в Американской революции XVIII века. М., 1980, с. 67.

называемой федералистской партии, лидерами которой были последовательно Дж. Вашингтон и Дж. Адамс*.

Развитие просветительской социальной философии проходило в условиях острой политической борьбы, и ее идейные установки в значительной мере детерминировали характер теоретической аргументации. То, что с точки зрения просветителей следовало из «природы человека», объективно как раз и определяло трактовку самой человеческой природы. Это касалось прежде всего сущности и функции государства: для демократов-республиканцев было несомненно, что гражданская власть призвана охранять интересы народа от олигархических поползновений имущей элиты, в то время как федералисты опасность тирании видели в народе и демократическом правлении. При этом общность задач борьбы за независимость обуславливала то, что и те и другие выводили права колоний и американцев в конечном счете не из Писания, хартий или статутов, а из «естественного закона» и человеческой природы.

Не будучи склонны к универсальным спекулятивным конструкциям, идеологи американской буржуазии не могли в то же время не обращаться к широким мировоззренческим вопросам. Интерес к ним стимулировался и успехами естественно-научного познания природы и человека. Наука здесь делала лишь первые шаги, однако американцы внимательно следили за европейской теоретической мыслью, не упуская случая использовать и собственные возможности. Всемирную известность получили работы Б. Франклина в области электричества. Этнографические исследования жизни индейцев и учет результатов других дисциплин, изучающих человека, позволили ему высказать глубокую мысль о том, что человек есть животное, производящее орудия труда. Определение Франклина наглядно демонстрировало торжество и широкое распространение натуралистического понимания человека и культуры как естественных явлений.

Философской основой просветительской идеологии был материализм в деистической форме. Допущение абстрактного и неантропоморфного бога было связано не только с

*

Формально партии в США возникли в 90-е гг. XVIII века. Фактически же политическая борьба фракций в период революции и сразу после нее носила характер партийного противоборства и готовила почву для конституирования партий в собственном смысле слова. См.: Манькин А. С. История двухпартийной системы США. М., 1980.

тем, что целый ряд сложных проблем (прежде всего, происхождение психики) нельзя было решить на базе науки и механистического материализма XVIII века. Многие американские просветители признавали моральное чувство врожденным компонентом природы человека, через который проявляется предрасположенность к общественной жизни. Поэтому рационально переосмысленная религия, не обязательно сводимая к христианству, допускалась как популярная форма этического учения. Если к тому же учесть, что религия в Америке не выступала единой идеологией консервативных сил (как это было во Франции), а многие клирики были активными патриотами, становится понятным, почему прямой атеизм в революционный период не был распространен. Таким образом, характер и тип философии американского Просвещения был социально детерминирован, деистическое мировоззрение четко ориентировалось на гармонию мира и человека, на универсальность законов природы, правильное понимание которых рассматривалось как предпосылка перестройки общества на разумных основаниях.

Следствием такого миропонимания были естественно-правовые идеи и связанная с ними теория общественного договора. Суть идеи естественного права не сводится к признанию природного равенства людей. Это прежде всего определенный тип ответа на вопрос об источниках политической власти и писаного права. Таковыми считаются вечные и неизменные законы природы, проявляющиеся в непреходящих свойствах человека, в первую очередь закон самосохранения. Каждый человек от рождения наделен полнотой естественных прав, главные из которых — право на жизнь и личная свобода. Согласно естественно-правовой теории, вся история человечества делится на два периода: естественное и гражданское (государственное, политическое) состояния. Переход от первого ко второму осуществляется через договор. Это не формальный и не произвольный акт (люди вступают в соглашение, часто сами этого не осознавая), а коренное изменение образа жизни, порожденное самими условиями существования. У Гоббса это результат стремления избежать взаимного истребления в условиях «абсолютной свободы» (т. е. отсутствия правовой регламентации взаимоотношений людей), у Локка — способ защитить естественные права индивидов, ничем не гарантированные в догражданском состоянии.

Общественный договор представляет собой взаимный отказ людей от естественных прав, которые отчуждаются

в пользу государства и частично трансформируются в права гражданские. Суть договора — в ограничении естественной свободы; способ ограничения — обязательные для всех законы, за исполнение которых ответственно государство («правительство»). Таким образом, реальная политическая власть является аккумулязированной силой отчужденных естественных прав. С таким пониманием природы государства связан принцип «согласия управляемых» как важнейший способ определения юрисдикции гражданской власти и права сообщества на защиту от беззакония и произвола («тирании»). Отсюда выводятся исключительно важные понятия отчуждаемых и неотчуждаемых прав граждан. Нетрудно видеть, что совокупность последних определяет границы «законных» притязаний подданных вмешиваться в общегосударственные дела и контролировать политические институты.

Отрицая богоданность власти монархов и правомерность сословных привилегий, естественно-правовая теория носила четко выраженный антифеодальный характер. Ее типы варьировали широко, степень их демократичности проявлялась прежде всего в понимании субъекта верховной власти (суверена). Так, Руссо и якобинцы считали, что суверенитет неделим и принадлежит народу. Отсюда следовал вывод о правомерности революции как насильственного способа расторжения народом общественного договора при невыполнении правителями вытекающих из него обязательств. Еще раньше идею народного суверенитета обосновывал Локк, который допускал возможность изменения народом формы правления и смены правительства. Однако у Локка народ, который не может действовать как единое целое, передает мандат суверена своим выборным представителям, что превращает палату общин в системе «разделенных властей» в главное средоточие власти, — вполне в духе классового компромисса 1688 года, теоретиком и апологетом которого был Локк. У Гоббса тотальное отчуждение прав при переходе в гражданское состояние лишало подданных права на пересмотр договора или отказ от него, что делало носителем суверенитета правительство.

Теория естественного права представляла собой важную идеологическую форму осмысления «должного» положения дел в терминах буржуазных социальных норм, обнаруживаемых в своем исходном, «первозданном» виде в самой человеческой природе. Американская буржуазия XVIII века в защите своих интересов придавала исключи-

тельное значение правовым и социально-философским аргументам.

Активные легалистские искания были связаны с тем, что буржуазное сознание защиту социальных требований мыслит прежде всего в свете их «законности». В силу этого трактовке просветителями природы человека и общества в терминах естественного права было суждено сыграть большую роль в обосновании независимости и во внутриполитической борьбе вокруг принципов государственного устройства и конституционных норм.

Различия в подходе к человеку и обществу просветителей — демократов и федералистов были в значительной мере заданы социально-политическими установками*. Все идеологи Просвещения исходили в целом из натуралистического понимания общественных явлений, и в данном отношении их позиция расходилась с религиозными антропологическими и социальными учениями. Однако в трактовке человеческой природы среди просветителей обнаружились существенные расхождения. Франклин, Джефферсон, Пейн, С. Адамс видели в политической консолидации людей реализацию их предрасположенности к общественной жизни, возможность удовлетворения их запросов и средство развития естественных задатков. Они считали, что гражданское общество может успешно осуществить свое предназначение, если будет организовано на республиканских и демократических началах. Федералисты весьма своеобразно толковали социальные диспозиции людей, делая акцент на агрессивность, соперничество, конкуренцию, вражду. По их мнению, эти исходные свойства человеческой природы исключают возможность социально-экономического равенства, угрожают неотъемлемым правам человека на личную свободу, безопасность и собственность и в то же время делают необходимым такое гражданское устройство, которое способно сдерживать и подавлять

*

Оценка социальной обусловленности идейно-теоретических расхождений в просветительском лагере в нашей литературе (несмотря на несовпадение авторских позиций по отдельным вопросам) вполне однозначна. Подробнее см.: *Каримский А. М.* Революция 1776 года и становление американской философии. М., 1976; *Печатнов В. О.* Гамильтон и Джефферсон. М., 1984; *Покровский Н. Е.* Джефферсон и федералисты: противоборство философских взглядов. — В кн.: *Проблемы американистики*. Вып. 2. М., 1983; *Согрин В. В.* Идеиные течения в Американской революции XVIII века. М., 1980.

дестабилизирующие социальный мир факторы, прежде всего эгалитаристские устремления.

Многие высказывания Гамильтона в статьях «Федералиста» (а их целью было добиться ратификации штатами Конституции) представляли собой по существу светскую реминисценцию кальвинистско-пуританских идей неискоренимой порочности человека. Гамильтон считал, что эгоистическая человеческая природа не только заставляет людей мобилизовывать все силы и способности для обретения собственности и возможно более высокого статуса в общественной иерархии — она порождает также недовольство и зависть, в особенности у неимущих, которые покушаются на крупную собственность и стремятся взять под свой контроль ведение государственных дел. Отсюда Гамильтон выводил необходимость сильной централизованной власти, наделенной соответствующими правами и возможностями (финансы, бюрократический аппарат, армия и пр.) для защиты собственности и привилегий имущих и подавления недовольства низов.

Мэдисон обосновывал несколько смягченный вариант федерализма, который исходил из того, что природа человека двойственна, в силу чего он является носителем как порочных (асоциальных), так и позитивных, добродетельных качеств. «В той мере, в какой в людях существует определенная испорченность, требующая осторожности и недоверия, человеческой природе свойственны и иные качества, которые оправдывают какую-то меру уважения и доверия»²⁹. И если Гамильтон стремился придать республиканскому устройству сильно централизованный и даже авторитарный характер, соответствующий репрессивным задачам государства, то Мэдисон с большим доверием относился к принципам республиканизма и считал, что государственные институты могут нейтрализовывать посредством умелой политики асоциальные тенденции и сглаживать и примирять общественные противоречия.

Дж. Адамс полагал, что черты человека, которые традиционно квалифицировались как асоциальные, на деле как раз и выражают его общественную природу, проявляющуюся уже в естественном состоянии. В суждениях Дж. Адамса есть своеобразная логика: такие личностные качества, как тщеславие, амбиция, властолюбие, стремление к стяжательству суть проявления человеческой природы, необходимо предполагающие социум, вне которого они просто теряют смысл.

Все частные расхождения такого рода не скрывают

принципиального единства антропологических идей федералистов: в самой человеческой природе заложены предпосылки социальных антагонизмов, соперничества, неравенства, а также те черты «испорченности», для обуздания которых необходима сильная и эффективно действующая федеральная власть. Этот вывод, отвечавший интересам промышленно-финансовой буржуазии Севера, получил после восстания Шейса (1786 г.) определенную поддержку и плантаторского Юга (дорожившего принципом автономии штатов), что и обеспечило успех федералистов на Конституционном конвенте 1787 года.

Позиция представителей демократического крыла Просвещения была иной, хотя в качестве своих теоретических посылок и аргументов они также использовали натуралистическую трактовку человека. Согласно Пейну, родовая общность людей делает их от рождения равными, а относительная физическая слабость человека обуславливает его склонность к коллективному образу жизни. Природа «сделала его естественные потребности большими, чем его индивидуальные силы. Ни один человек не может без помощи общества удовлетворять свои собственные нужды»³⁰. Пейн не отождествляет общество и государство: последнее возникает для защиты «естественного закона» (который нарушается вследствие «недостатка добродетели» у людей) в силу того, что «сами индивиды, каждый в соответствии со своим личным и суверенным правом, вступили в договор друг с другом для образования правительства»³¹. Основу гражданского правления составляют права, носителями которых являются все люди. Полное название вирджинского билля о правах, подготовленного Дж. Мэйсоном и принятого 12 июня 1776 г., было таким: «Декларация прав, — составленная представителями доброго народа Вирджинии, собравшегося на полный и свободный конвент, — каковые принадлежат ему и его потомкам в качестве базы и основы правительства»³².

Превращение естественных прав в гражданские понималось по-разному, но для наиболее демократических версий теории общественного договора характерно признание всех без исключения людей субъектами естественных прав, вступающими друг с другом в договор об образовании гражданского общества. Федералистская позиция была существенно отличной. По Гамильтону, источником гражданской власти является «добровольный договор между правителями и управляемыми, предусматривающий огра-

ничения, которые необходимы для обеспечения *абсолютных* прав последних»³³.

Различие двух позиций принципиально. Для федералистов было важно представить правящие круги юридически равноправным партнером народа, что позволяло, с одной стороны, ограничивать или оспаривать право демократического контроля снизу, а с другой — давало возможность определять сверху «абсолютные права» подданных. Поборники демократии были против наделения правительства столь значительной властью. Пейн резонно указывал на то, что правительство не может выступать стороной соглашения уже потому, что оно само является следствием договора. Причина его заключения также понималась иначе, чем у федералистов: назначение государства состоит в защите прав человека и заботе об общественном благоденствии.

Добровольное отчуждение части прав объясняется тем, что решение указанных задач не под силу индивиду, который вообще не в состоянии использовать в полной мере принадлежащие ему права. «По этой причине, — пишет Пейн, — он отдает свое право обществу, частью которого он является, и отдает силе общества предпочтение перед своей собственной силой». При этом «власть, полученная от соединения естественных прав, не могущих быть осуществленными отдельной личностью, нельзя использовать для посягательства на естественные права, сохраняемые личностью»³⁴. Таким образом, часть прав отчуждается и трансформируется в права гражданские. К числу последних Пейн и Джефферсон относят и право собственности, которое они не считают врожденным и неотчуждаемым.

Спор федералистов и демократов о природе человека и гражданского общества был, прежде всего, спором о правомерности или неправомерности демократического контроля деятельности правительства и соответственно — о характере вытекающих из «закона природы» прав человека. Не существует какого-то единого «канонизированного» кодекса, но перечень основных естественных прав у разных мыслителей в значительной мере совпадает — это право на свободу, жизнь, самозащиту, право распоряжаться своим имуществом, вступать в соглашения и т. п. Номенклатура производных прав, обычно сохраняющих статус «естественных», несравненно шире. Так, из права на свободу вытекали принципы равноправия, самоуправления (включая соучастие в правлении через представителей и согласие подданных как условие законности акций прави-

тельства). Для демократов свобода мысли, свобода научного исследования и свобода совести были необходимыми формами проявления естественного права человека на стремление к истине. У Джефферсона даже нормы международного права оказывались экспликацией моральной природы человека: «Моральные обязанности, которые существуют между людьми в природном состоянии, сопровождают его и в общественном состоянии, а совокупность обязанностей всех индивидов, составляющих общество, конституирует обязанности данного общества по отношению к любому другому, — так что между обществами существуют те же самые моральные обязанности, что и между составляющими их индивидами в доассоциированном состоянии»³⁵.

Дело, однако, не в самом перечне основных и производных естественных прав, а в их трактовке. Хорошо известно, что широко прокламируемое патриотами «естественное и неотчуждаемое» право на свободу не было подкреплено требованиями всеобщего правового равенства. До и после революции практически не стоял вопрос о женском равноправии или предоставлении гражданских прав индейцам, в южных штатах сохранилась система рабовладения. Против рабства выступали многие просветители, но лишь Франклин, Раш, С. Адамс и некоторые другие были теоретически и политически последовательны в своих требованиях. Они исходили из очевидного для них научного факта интеллектуальной полноценности небелых американцев и из необходимости распространить принципы естественно-правового равенства на представителей всех рас. Критика Гамильтоном, Дж. Адамсом и другими федералистами рабовладения была направлена прежде всего против архаичной системы хозяйствования, тормозившей капиталистическое предпринимательство и экономическую интеграцию страны. Джефферсон, Вашингтон, Мэдисон осуждали рабство, но даже Джефферсон не проявил присущей ему настойчивости в попытке добиться его отмены. И причина не столько в том, что он разделял некоторые расистские предрассудки относительно несовместимости характеров и культур белых и черных, сколько в том, что все лидеры-вирджинцы были связаны с плантаторским хозяйством. Отношение к рабству отразило реальное соотношение сил в социальных верхах и компромисс, которым было оплачено единство национальных патриотических сил. Дискуссии по данному вопросу и противоречия между принципами Декларации независимости и Конституцией США

(включая Билль о правах) свидетельствуют о непоследовательном демократизме буржуазной революционной идеологии и о неизбежном разрыве между абстрактными принципами человеческих прав и социально-политическими программами.

Такая же непоследовательность проявилась в истолковании и осуществлении свободы совести, сведенной лишь к праву на религиозную свободу. О ней Мэдисон писал, что «по своей природе это право неотчуждаемо»³⁶. И хотя Франклин, Джефферсон, Пейн говорили и о праве человека на неверие, в трактовке большинства просветителей свобода совести свелась к секуляризации общественной жизни и приватизации религии. Тем не менее, и при таком ограниченном понимании узаконение свободы совести имело огромное общедемократическое значение. Особенно большую роль сыграл вирджинский билль о свободе религии (1786 г.). Джефферсон, автор проекта, писал, что власти не вправе регламентировать религиозную жизнь и убеждения человека, ибо свобода совести относится к числу неотчуждаемых прав: «Наши правители не могут иметь власти над такими естественными правами, если только мы их не передавали им. Прав на свободу совести мы никогда не передавали...»³⁷.

Этот документ воодушевил республиканцев, боровшихся за демократические дополнения к Конституции. Когда Билль о правах был, наконец, принят, первой поправкой оказалась формула разделения государства и церкви: «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии или запрещающего свободное исповедание оной...»*. Джефферсон справедливо оценивал свободу религии как часть и аспект демократических гражданских прав.

К числу естественных и неотчуждаемых прав человека Джефферсон отнес и право на стремление к счастью как цели и смыслу объединения людей в справедливое общество. Категория счастья, довольно популярная в прогрессивной буржуазной философии XVIII века, приобрела у американских просветителей специфический характер. Во-первых, принцип стремления к счастью ориентировал людей на посюстороннее благоденствие, утверждая светский, земной смысл жизни в противоположность религиозному

*

Здесь и далее текст Конституции США дается по: Мишин А. А., Власихин В. А. Конституция США. Политико-правовой комментарий. М., 1985.

потустороннему воздаянию. Эту особенность выделяет Купер: «Гражданское общество предназначается для того, чтобы способствовать взаимному счастью его членов... Оно не распространяется на будущее существование...»³⁸. Во-вторых, провозглашение счастья основным неотчуждаемым правом человека означает одновременно ответственность правителей за его обеспечение. А это — в соответствии с буквой и духом социальной философии американского Просвещения — предполагает право народа на революционные санкции в отношении правительства, не выполняющего своих обязанностей по обеспечению благоденствия граждан.

Таким образом, практически все аспекты учения просветителей о человеке и обществе вели к непосредственным практическим (политическим) выводам. Они сыграли решающую роль в идеологической подготовке Американской революции и в значительной мере предвосхитили идейно-политическую борьбу вокруг принципов Конституции.

Глава II. Разработка и принятие Конституции

§ 1. От конституций штатов к федеральной Конституции

Вокруг вопроса о политической власти с самого начала Американской революции развернулась острая борьба между демократами и умеренными внутри патриотического лагеря. На начальном этапе революции успех сопутствовал демократам: после сокрушения колониальной системы во всех тринадцати штатах была утверждена республиканская форма правления, расширено избирательное право, приняты билли о правах, проведены другие буржуазно-демократические преобразования. К 1780-м гг. происходит перегруппировка сил — начинается контрнаступление умеренных. Победа над Англией в 1783 году освободила буржуазно-плантаторское руководство от необходимости дальнейших уступок народным массам и развязала ему руки для организации государственной власти по схеме, в наибольшей степени отвечавшей классовым интересам верхов. Так была создана федеральная Конституция 1787 года,

ставшая правовым оформлением диктатуры имущих классов и одновременно — классового компромисса северо-восточной буржуазии и южных плантаторов-рабовладельцев.

После провозглашения независимости в Северной Америке начинается своего рода конституционный бум, выразившийся, по словам одного из патриотов Ф. Ли, в том, что все американцы, умевшие пользоваться пером, «обратились к написанию конституции»¹. Т. Джефферсон, подготовивший одновременно с Декларацией независимости три проекта конституции для своего родного штата Вирджиния, так объяснил это массовое «увлечение»: «Сейчас это, по сути, самое увлекательное занятие, которому желает посвятить себя каждый гражданин. В нем смысл всей нашей борьбы. Если у нас утвердится плохое правительство, то это будет означать, что вполне можно было жить в согласии с дурным правлением, навязываемым из-за океана, не подвергая себя ненужному риску и не принося жертв на полях сражений»². Причем в первые годы Войны за независимость лидеры патриотов, как вспоминал впоследствии Дж. Адамс, меньше всего думали «о консолидации огромного континента под началом единого национального правительства». Напротив, они были убеждены, что тринадцать штатов останутся «конфедерацией государств, каждое из которых будет иметь отдельное правительство»³. По этой причине главные их усилия оказались направленными на составление конституций штатов.

Перед создателями независимого американского государства встали весьма непростые вопросы: что такое конституция, как она должна приниматься и, наконец, самое главное, каким содержанием она должна быть наполнена? На первый вопрос наиболее лаконичный и емкий ответ дал Т. Пейн: «Это — свод положений, на который можно ссылаться, цитируя статью за статьей. На его принципах должны зиждиться государственная власть, характер ее структуры и полномочий, способ избрания и продолжительность существования парламентов или других подобных органов, как бы их ни называли, полномочия, которыми будет облечена исполнительная власть в государстве, — словом, все то, что касается полной организации гражданского управления и принципов, которые лягут в основу ее действий и которыми она будет связана»⁴. Этот критерий, кстати, дал Пейну основание для вывода о том, что в Англии конституции не существует вообще.

Конституционные акты, настойчиво подчеркивали пред-

ставители демократического крыла революции, не могут быть результатом нормотворчества парламентской или судебной власти, как это имело место в Англии: единственным законным источником конституции как практического воплощения общественного договора признавалось волеизъявление гражданского сообщества. В начале Войны за независимость особую популярность приобрело положение о том, что конституция может приниматься только на основе прямого волеизъявления избирателей.

В период Американской революции получила распространение демократическая идея, созвучная доктрине лидера европейской демократической мысли XVIII века Ж. Ж. Руссо о неотчуждаемости и неделимости народного суверенитета⁵: требование о наделении избирателей не только правом ратификации конституции, но и правом вынесения окончательного суждения по поводу любого законопроекта. В конституционной мысли Американской революции она преформировалась в идею чистой (*pure*) и реже прямой (*direct*) демократии.

Идея прямой демократии (ее атрибуты — народный референдум, право отзыва депутатов, наказания избирателей депутатам и т. п.) была решительно осуждена всеми умеренными, одобрявшими только представительное правление.

Не поддержали ее и такие демократы, как Т. Пейн и Б. Раш, полагавшие, что в государствах с большой территорией практически осуществимой может быть только представительная демократия, и советовавшие американцам не доверяться слепо опыту древнегреческих полисов*. Однако положение о том, что конституция не может разрабатываться, одобряться и изменяться обычным законодательным собранием и что это право должно быть закреплено за специальными конституционными конвентами штатов, поддерживаемое большинством патриотов (Пейном в том числе), умеренным «похоронить» не удалось.

*

Оригинального мнения придерживался в этом вопросе Т. Джефферсон, полагавший, что в США должно произойти органическое соединение прямой демократии и представительного правления. На уровне федерации и штатов он считал возможным только представительную форму правления, но решение дел в городах, округах, сельских округах требовал вверить собраниям свободных граждан. См.: Американские просветители. Избранные произведения. В 2-х т. М., 1968—1969, т. 2, с. 115, 119, 143.

Недвусмысленное подтверждение их уступки в этом вопросе — передача проекта федеральной Конституции 1787 года для ратификации чрезвычайным штатным конвентам. Свидетельством торжества демократического принципа явился тот факт, что этот проект, выработанный умеренными «отцами-основателями» втайне от народа, был подвергнут на многих конвентах штатов острой критике, а более половины из них согласились одобрить его только при том условии, что он будет дополнен Биллем о правах (он был принят в 1791 году).

Конституционная практика не всегда поспевала за развитием конституционной мысли. В начале революции не все штаты прибегли к созыву конституционных конвентов, а избранные с целью принятия основных законов собрания не во всем соответствовали идеальной модели конвента. В Нью-Джерси, Вирджинии и Южной Каролине революционные провинциальные конгрессы приняли конституции штатов, не будучи уполномочены на то избирателями. В Нью-Гэмпшире, Нью-Йорке, Пенсильвании, Делавэре, Мэриленде, Северной Каролине и Джорджии конституции штатов были выработаны избранными для этой цели собраниями, которые, однако, выступали одновременно и в качестве обычных легислатур. Вызванные революционной необходимостью «отклонения» от функций конституционного конвента не умаляют, конечно, демократического, не имевшего прецедента в американской истории, характера выработки основных законов штатов. Глашатаю демократов Пейну такой способ принятия конституции показался образцовым. Действия пенсильванского конвента, одобрившего самую демократическую конституцию революционного периода, заслужили в его устах высшую похвалу: «Пенсильванский конвент, президентом которого являлся Бенджамин Франклин, после выработки конституции распорядился опубликовать ее текст, но не для того, чтобы представить его как нечто узаконенное, а с целью ознакомить с конституцией народ и выяснить, согласен он с документом или нет. Сам конвент на это время прервал заседания»⁶.

В двух штатах, Массачусетсе и Нью-Гэмпшире, проекты конституций, выработанные конвентами, были переданы для ратификации рядовым избирателям. Опыт ратификации конституций на основе принципа «прямой» демократии обнаружил, что непосредственное народное волеизъявление само по себе еще не является гарантией одобрения передовых идей. Так, в Массачусетсе, где к

ратификации были допущены все мужчины старше 21 года, демократическому проекту 1778 года был предпочтен умеренный документ 1780 года. Умеренным в сравнении с другими конституциями штатов оказался и основной закон Нью-Гэмпшира.

Процесс выработки и принятия конституций штатов развивался необычно быстро: Южная Каролина одобрила конституцию 26 марта 1776 г., Вирджиния — в июне, Нью-Джерси — 2 июля, Делавэр — 20 сентября, Пенсильвания — 28 сентября, Мэриленд — 9 ноября, Северная Каролина — 18 декабря того же года. Джорджия одобрила конституцию 5 февраля, Нью-Йорк — 20 апреля 1777 г., Вермонт, будущий 14-й американский штат, обнародовал свою конституцию до вхождения в Конфедерацию, 8 июля 1777 г. Род-Айленд и Коннектикут, в которых все органы власти создавались на выборной основе еще до революции, преобразовали в конституции колониальные хартии, изъяв из них упоминания о королевской власти. Процесс принятия конституций несколько затянулся только в Массачусетсе и Нью-Гэмпшире, где ратификация осуществлялась в избирательных округах.

Конституции штатов революционного периода были краткими — от 5 до 7 страниц, — но емкими документами. Их содержание свидетельствовало о разрыве с политическим устройством дореволюционной поры в ряде принципиальных отношений. Американские провинции стали буржуазными республиканскими государствами. Отныне все органы власти должны были создаваться в них на выборной основе, прежнее «смешанное правление» рухнуло — его невыборные монархическая и аристократическая «ветви» были уничтожены.

Серьезному пересмотру в конституциях штатов подверглась дореволюционная система «разделения властей». В отличие от «смешанного правления», означавшего расщепление власти между разными социальными силами общества, «разделение властей» предполагало распределение и раздельное осуществление исполнительной, законодательной и судебной власти. Три «ветви» власти при этом должны были контролировать и уравновешивать друг друга при помощи системы «сдержек и противовесов». В колониальный период эта система фактически возвышала исполнительную власть. Конституции штатов решительно пересмотрели эту практику в направлении максимального ослабления исполнительной и возвышения законодательной власти.

Некоторые патриоты, испытывая недоверие к исполнительной власти, отождествлявшейся ими с монархической «ветвью», предлагали вообще упразднить ее. Так, избиратели округа Бусбей в штате Массачусетс в конституционных предложениях 1778 года доказывали, что должности губернатора и вице-губернатора «излишни в свободном государстве»⁷. Большинство патриотов не были готовы к столь радикальной расправе с институтом губернаторской власти, но их отрицательное или острокритическое отношение к ней было очевидно. Пенсильвания, Делавэр, Нью-Гэмпшир и Южная Каролина отказались в дальнейшем именовать главу исполнительной власти губернатором и нарекли его в своих конституциях президентом. И уже все штаты, за исключением Южной Каролины, отвергли общепринятый в колониальный период принцип «единой и неделимой исполнительной власти».

Конституции первого года революции противопоставили ему принцип коллегиальной исполнительной власти. В каждом штате создавался исполнительный совет; губернатор (или президент) являлся не более как его председателем. Дальше всех в умалении роли главы исполнительной власти пошли пенсильванцы — президент совета признавался ими только «первым среди равных»⁸. В большинстве штатов (исключение составили Нью-Йорк, Вермонт, Род-Айленд, Коннектикут и, на этот раз, Пенсильвания) глава исполнительного совета, как и все его члены, избирался законодательным собранием. Это означало отход от старой системы «разделения властей» и подчинение исполнительной власти законодательной. Оно подкреплялось наделением законодательных собраний правом импичмента — отстранения от должности представителей исполнительной власти.

Американские губернаторы колониального периода контролировали деятельность выборных ассамблей при помощи абсолютного вето. Большинство конституций штатов революционного периода лишали исполнительную власть права не только абсолютного, но и отлагательного вето. Более того, конституции штатов одновременно передали легислатурам многие традиционные ее функции: объявление войны и заключение мира, назначение должностных лиц, в том числе членов исполнительных советов, казначея, генерального атторнея, судей и пр., создание армии, ведение международных дел и заключение договоров, право помилования и некоторые другие.

В большинстве штатов ограничивалось переизбрание

на должность главы исполнительной власти одного лица и вводились максимально частые — ежегодные — выборы губернаторов; только в трех штатах (Пенсильвании, Делавэре, Нью-Йорке) глава исполнительной власти избирался раз в три, а в Южной Каролине — раз в два года.

Наделив законодательную власть в лице выборных ассамблей широкими прерогативами, конституции штатов закрепили главенствующую роль в самих ассамблеях за нижними палатами. Государственный строй штатов Северной Америки обнаружил в результате тенденцию к эволюции в сторону формы, известной в конституционной мысли XVIII века как «чистая» демократия (из трех ветвей «смешанного правления» — монархической, аристократической и демократической — сохранялось реальное значение последней). «Чистая» демократия была весьма популярна среди рядовых патриотов. Так, избиратели графства Мэкленберг (Северная Каролина) в наказе, принятом осенью 1776 года, настаивали на организации однопалатной законодательной ассамблеи и утверждении «чистой» демократии в такой степени, в какой это только возможно⁹. Подобные требования получали и практическое воплощение: создание однопалатных законодательных ассамблей было провозглашено конституциями Пенсильвании, Джорджии и Вермонта (поскольку в Пенсильвании была к тому же отменена губернаторская власть, ее политический строй в глазах умеренных являлся воплощением «чистой» демократии).

Назначение верхней и нижней палат трактовалось в революционную эпоху однозначно. Его лапидарно выразили авторы массачусетской конституции 1780 года: «Нижняя палата предназначена для представительства граждан, а сенат — собственности республики»¹⁰. В однопалатных легислатурах умеренные видели ущемление интересов собственнических верхов, лишение их права на привилегированное политическое представительство. Опыт однопалатной законодательной ассамблеи Пенсильвании, одобрившей в революционный период наиболее радикальные социально-экономические меры, подтвердил опасения верхов относительно последствий «чистой» демократии. Однопалатные законодательные собрания означали наиболее радикальный отход от английской конституционной практики XVIII века и возрождение одного из самых демократических требований левеллеров эпохи Английской революции 1640-х годов (требование левеллеров об учреждении однопалатного парламента получило на короткий срок

практическое воплощение: в 1649 году в Англии не только была провозглашена республика, но и упразднена палата лордов).

В одиннадцати штатах создавались двухпалатные ассамблеи, причем конституции проводили определенные различия между верхними и нижними палатами, что означало восстановление рудиментов «смешанного правления». Верхние палаты имели больший срок полномочий, что должно было придать их политическому курсу большую стабильность. Если нижние палаты повсеместно переизбирались ежегодно (кроме Мэриленда, где устанавливался двухгодичный срок полномочий членов палаты представителей), то для сенатов подобный минимальный срок был уже исключением. В Мэриленде сенаторы избирались на пять, Нью-Йорке и Вирджинии — на четыре, Делавэре — на три, Южной Каролине — на два года. Во всех штатах, кроме Вирджинии и Делавэра, имущественный ценз для кандидатов в сенаторы был выше, чем для депутатов нижних палат. В Северной Каролине и Нью-Йорке сенат — вследствие повышения имущественного ценза уже для избирателей — избирался более узким электоратом, нежели нижняя палата. Сенаты, насчитывавшие в среднем от 15 до 20 членов, значительно уступали в численности нижним палатам. Были и менее существенные отличия, призванные закрепить за сенатами функцию «исправления» демократических «перегибов» в деятельности нижних палат.

И тем не менее сенаты революционного периода, как правило, проводили линию, мало чем отличавшуюся от курса нижних палат. Лишь в Мэриленде, Южной Каролине и Вирджинии буржуазно-плантаторская верхушка оказалась в большинстве в верхних палатах. При этом откровенно консервативный характер носила политическая деятельность только мэрилендского сената¹¹.

Одна из демократических черт конституционных преобразований революционной эпохи — расширение избирательного права за счет некоторого снижения имущественного ценза. В Пенсильвании к выборам были допущены все мужчины-налогоплательщики старше 21 года, в Нью-Йорке понижался вдвое имущественный ценз для электората, участвовавшего в выборах членов нижней палаты, в Нью-Джерси, Джорджии и Нью-Гэмпшире имущественный ценз более не связывал право голоса с владением недвижимой собственностью. В штате Вермонт, образовавшемся в результате отделения от Нью-Йорка одного из западных графств, право голоса распространялось на всех свобод-

ных мужчин. В Мэриленде, Северной и Южной Каролинах имущественный ценз стал более либеральным. В Коннектикуте, Род-Айленде, Вирджинии и Делавэре он сохранился без изменений, а в Массачусетсе был несколько повышен¹². В целом же конституции штатов способствовали расширению мелкобуржуазной части электората.

Демократический характер носило расширение во многих штатах норм представительства западных, пограничных графств, означавшее еще большее возрастание роли мелкобуржуазных избирателей. До 1776 года почти во всех без исключения провинциях квоты представительства в ассамблеях для западных и восточных районов давали значительное преимущество приатлантическим графствам. В Пенсильвании, например, к началу 1776 года три восточных графства совместно с административным центром Филадельфией избирали в ассамблею 26 депутатов, а восемь западных графств, где жила половина колонистов, — лишь 15.

Уже в первые годы революции верхи американского общества должны были пойти на весьма существенное расширение норм представительства для западных графств. В Южной Каролине западные районы, не имевшие ни одного представителя в колониальной ассамблее, получили в 1778 году право избирать 76 депутатов в нижнюю и 11 — в верхнюю палату. Восточные графства, посылавшие в нижнюю палату 126, а в верхнюю 18 человек, сохранили контроль над законодательным собранием, но их прежнему монопольному положению в представительном органе власти был положен конец. Наиболее радикальными оказались последствия расширения представительства для западных графств в Пенсильвании. Согласно квотам представительства, определенным демократической по своему характеру конституцией штата 1776 года, восточные графства имели в нижней палате 24 места, а западные — 48¹³.

Развитие демократических начал в конституционной системе американских штатов в революционный период, конечно, ни в коем случае не отрицало ее буржуазного характера. И тем не менее эти демократические начала, как показал опыт революции, привели к определенному ущемлению интересов буржуазно-плантаторской верхушки США.

Примеров, демонстрирующих отсутствие в конституционной системе штатов эффективного механизма классового господства буржуазно-плантаторского блока, существует много. Ограничимся одним, наиболее ярким и убедитель-

ным: в конце Войны за независимость более половины легислатур штатов приняли законы о «бумажных деньгах», удовлетворявшие главное экономическое требование огромной массы должников и расцененные верхами как «левеллеровская революция». Вынужденные к активному поиску более надежных конституционных средств обеспечения своего классового господства, лидеры буржуазно-плантаторского блока пришли к необходимости выбора одного из двух путей. Первый — длинный, трудоемкий и опасный — заключался в «ревизии» большинства конституций штатов, второй — гораздо более короткий и верный — означал принятие федеральной конституции, в которой бы преодолевались демократические «ошибки» конституций штатов и которая стала бы основным законом для всей Северной Америки. Ему и было отдано предпочтение.

В глазах большинства патриотов единственной конкретной формой централизованной государственной власти накануне революции выступала метрополия. Неудивительно, что центральная политическая власть долгое время рассматривалась ими как главный источник деспотизма, а ее искоренение объявлялось одной из важнейших целей Американской революции. Отрицательное отношение колонистов к централизации политической власти имело в своей основе, кроме того, крайне неразвитое, зачаточное национальное самосознание. Американцы воспринимали себя в первую очередь гражданами Массачусетса, Пенсильвании, Вирджинии и т. д. и только потом уже американцами.

Отождествляя любую форму центрального правительства с деспотизмом, многие американцы соглашались закрепить за Континентальным конгрессом, первым общеамериканским органом, минимальные полномочия, какие до революции они были готовы делегировать имперским властям. В предреволюционный период в патриотическом движении утвердилось мнение, что имперским властям принадлежит одно-единственное право — регулировать внешнеторговые связи провинций; все другие прерогативы закреплялись за каждой отдельно взятой колониальной ассамблеей. В канун революции и на ее первом этапе патриоты относились отрицательно к любому проекту, независимо от того, исходил он от демократа или консерватора, если только центральному правительству в нем делегировались большие полномочия, чем «регулирование торговли».

В 1774 году I Континентальный конгресс отверг план

лидера умеренных делегатов Дж. Гэллоуэя, предлагавшего создать общеамериканский Большой совет наподобие английской палаты общин (провал проекта был предопределен и тем, что Большой совет выступал в нем еще и как филиал английского парламента). Годом позже II Континентальный конгресс отклонил проект Статей Конфедерации противника Гэллоуэя Б. Франклина. Франклин предложил создание общеамериканского Генерального конгресса, избираемого, как и Большой совет Гэллоуэя, на основе пропорционального представительства населения провинций и наделенного весьма широкими полномочиями (регулирование денежного обращения и торговли всех колоний, создание новых провинций, ведение дел с индейскими племенами, заключение договоров с иностранными державами, общее руководство вооруженными силами Конфедерации). Принципиальное отличие этого проекта от Статей Конфедерации, одобренных тринадцатью штатами в 1781 году, заключалось в том, что Франклин предполагал создание Генеральным конгрессом отдельного исполнительного органа власти, ответственного за проведение законодательных актов в жизнь (срок полномочий членов исполнительного совета был, по общепринятым тогда меркам, также достаточно велик — три года).

12 июля 1776 г. Континентальный конгресс создал комитет для подготовки Статей Конфедерации во главе с Дж. Дикинсоном. Проект Дикинсона не удовлетворил конгресс в главном — распределении прерогатив и обязанностей между центральным правительством и штатами. Дикинсон оставлял за каждым штатом право «регулировать и управлять внутренними делами во всех случаях, не противоречащих Статьям Конфедерации». Полномочиям Континентального конгресса при этом была дана широкая и неконкретная трактовка. Фактически он со всей определенностью лишился только одного права — введения налогов. Что касается всех других прерогатив государственной власти, то расплывчатые формулировки Дикинсона позволяли закреплять их за центральным правительством. Эта возможность усиливалась и благодаря тому, что права штатов в отличие от прав конгресса сопровождались всяческими оговорками. Например, их единственное верховное право вводить ввозные пошлины могло быть реализовано только при условии, что последние не противоречат торговым договорам центрального правительства.

Проект Дикинсона предполагал не только наделение центрального правительства широкими и неопределенными

полномочиями, но и выделение в нем исполнительного органа власти. Члены Континентального конгресса, не согласившиеся на эту меру при обсуждении проекта Франклина, отвергли ее и при обсуждении варианта умеренного патриота Дикинсона. Проект Статей Конфедерации, одобренный Континентальным конгрессом 15 ноября 1777 г. и переданный для ратификации штатам, по основным принципиальным вопросам существенно отличался от предложений и Франклина и Дикинсона.

Он провозглашал вступление североамериканских штатов в «прочную лигу дружбы» и в первой по важности (второй по счету) статье объявлял, что «каждый штат сохраняет суверенитет, свободу и независимость» в осуществлении прав, «определенно не делегированных Соединенным Штатам, собравшимся в конгрессе»¹⁴. Поскольку о верховенстве Конфедерации в проекте не упоминалось, штаты выступали как самостоятельные государства. Хотя полномочия конгресса выглядели весьма внушительно — он наделялся «исключительным правом» решать вопросы войны и мира, назначать и принимать послов, вступать в международные соглашения и союзы, определять курс и количество денег в обращении и некоторыми другими, — они были точно определены, перечислены и регламентированы. Все права конгресса, в том числе и «исключительные», сопровождались оговорками, подчеркивавшими суверенитет штатов. Так, для реализации «исключительных прав» конгресса требовалось согласие не менее девяти штатов.

Среди прав, делегированных конгрессу, явно недоставало самых важных, без которых он не мог претендовать на роль сколько-нибудь эффективного органа. Конгресс был лишен права вводить налоги и ввозные пошлины, что превращало его во «власть без кошелька», вечного просителя и должника легислатур штатов. Он был лишен и права регулировать междуштатную торговлю, что впоследствии привело к бесчисленным «экономическим войнам» между штатами. Конгресс был наделен правом арбитража всевозможных споров между штатами, но не располагал средствами принуждения к исполнению своих решений. Во всех случаях он должен был рассчитывать на добрую волю правительств штатов.

Из трех видов власти — законодательной, исполнительной, судебной — Статьи Конфедерации зафиксировали (в том виде, как она уже оформилась стихийно) создание лишь одной, законодательной, в лице конгресса. Что ка-

сается исполнительного органа, то он выступал в качестве придатка законодательного: конгресс мог создавать из своих делегатов всевозможные комитеты, наблюдавшие за проведением принимаемых решений в жизнь. Исполнительная власть стала крайне распыленной: конгресс отказался назначить как главу исполнительной власти, так и какое-нибудь подобие исполнительного совета. Только в 1781 году под давлением объективных обстоятельств конгресс отважился создать в обход Статей Конфедерации иностранный, военный, военно-морской и финансовый департаменты и поставить во главе каждого из них постоянного секретаря.

Сам конгресс состоял из одной палаты, ее депутаты ежегодно сменялись легислатурами штатов и могли быть в любой момент отозваны. Каждый штат, независимо от числа делегируемых депутатов, имел на заседаниях конгресса один голос. Как показала политическая практика революционного периода, члены конгресса воспринимали себя зачастую как посланников суверенных республик, обязанных неукоснительно проводить в жизнь волю своих легислатур. Временами правительства штатов как будто вообще забывали о существовании конгресса. На одну из его сессий явились делегации лишь от трех штатов. В 1784 году в конгрессе едва набрали кворум для утверждения договора с Англией.

Для ратификации Статей Конфедерации требовалось единодушное согласие всех членов Конфедерации. Это привело к тому, что они вступили в силу только 1 марта 1781 г. Окончательный вариант Статей Конфедерации отличался от проекта в одном пункте: право собственности на западные земли закреплялось не за штатами, а за Континентальным конгрессом (только при этом условии согласился одобрить Статьи последний из членов Конфедерации, «безземельный» Мэриленд).

Статьи Конфедерации внешне соответствовали демократическим принципам. Так, они провозглашали создание однопалатного Континентального конгресса, максимально ослабляли власть исполнительную. Для американской историографии это послужило важным основанием утверждать, что принятие Статей Конфедерации означало торжество демократического крыла революции и поражение умеренных. Подобное мнение не представляется убедительным. В Континентальном конгрессе, выработавшем Статьи Конфедерации, демократы никогда не пользовались сколько-нибудь существенным влиянием. Этот документ

появился, в первую очередь, как результат острых разногласий между штатами, их нежелания поступиться своими экономическими и политическими интересами ради достижения национального единства. Что касается демократов, то они отнюдь не были безоговорочными децентралистами, а их лидеры Пейн и Франклин первыми выступили за провозглашение верховенства Континентального конгресса в отношении правительств штатов.

Обращает на себя внимание тот факт, что соотношение сил между децентралистами и централистами менялось в пользу последних на каждом новом этапе революции. До революции и в начале ее сторонники сильной центральной власти исчислялись единицами, а идея политической децентрализации значилась на одном из первых мест среди лозунгов патриотического движения. Однако постоянное и резкое ухудшение экономических, финансовых и политических позиций Конфедерации, неспособность суверенных штатов из-за разобщенности и «разнобоя» интересов, мнений, принимаемых политических решений справиться с самыми простыми вопросами привели к росту популярности идеи сильного федерального правительства. Этому благоприятствовало и совместное участие масс патриотов в континентальной армии, резкое возрастание в ходе войны общеамериканских проблем.

Централизация государственной власти в США отвечала не только классовым целям имущих верхов, хотя и была подчинена при ее конкретном воплощении в первую очередь их интересам. Централизация объективно способствовала укреплению североамериканских штатов, являлась условием сохранения и развития их экономической независимости, политического престижа на международной арене, где властвовали европейские монархии. Она была важным гарантом всех, в том числе и демократических, завоеваний Американской революции. Этот смысл и направленность государственной централизации понимали Пейн, Франклин, Раш, другие американские демократы¹⁵; к ее осознанию постепенно стали подходить и народные массы, преимущественно и в первую очередь городские слои. Сторонниками централизации в ходе революции и на ее завершающих этапах, по словам пенсильванского демократа Дж. Брайана, выступило «большинство горожан»¹⁶, т. е. за усиление центрального правительства ратовали как имущие «верхи», так и «низы» — рабочие и ремесленники. Существуют многие свидетельства открытых выступлений ремесленников и рабочих, заинтересованных в защите на-

циональной промышленности от иностранной конкуренции и борьбе с инфляцией, в пользу сильной федеральной власти.

Вследствие конкретно-исторических закономерностей и причин организация сильного центрального правительства и выработка федеральной Конституции оказались делом рук умеренных, а не демократов. Умеренные воспользовались предоставленным им историей шансом для того, чтобы разрешить экономические, финансовые, социально-политические трудности Конфедерации в своих классовых целях, нейтрализовать значение демократических принципов конституций штатов и упрочить свою классовую диктатуру. Это определило задачи буржуазно-плантаторского блока на завершающих этапах революции — перераспределение прав штатов и Конфедерации в пользу последней, ревизию демократических статей конституцией штатов и утверждение собственной трактовки конституционных принципов Просвещения.

Объединяющие классовые задачи буржуазно-плантаторского блока сплотили на время его разнородные группировки, способствовали если не преодолению, то, по крайней мере, сглаживанию междуштатных противоречий, этого истинного фундамента Статей Конфедерации. Конечно, далеко не все представители американских верхов пришли к осознанию этих классовых задач, некоторые даже оставались фанатичными приверженцами секционных экономических и политических интересов и возглавили антифедералистское движение. Но силу со временем набирали не одни, а их соперники, добившиеся успеха в 1787—1789 гг.¹⁷.

Первоначально сторонники сильного центрального правительства из буржуазно-плантаторских верхов, вошедшие в историю под именем федералистов, пытались достичь своих целей при помощи «широкого» толкования Статей Конфедерации и выискивания «подразумеваемых» прав Континентального конгресса. Они указывали, например, что право конгресса осуществлять займы подразумевает его право определять средства достижения этой цели, к которым относится прежде всего создание национального банка. А выплата долгов, доказывали федералисты, требует организации собственных финансовых фондов Конфедерации, использования конгрессом «подразумеваемого» права на введение и сбор ввозных пошлин. Попытки «широкого» истолкования Статей Конфедерации окончились безрезультатно. Не имели успеха и попытки изменить Статьи Конфедерации путем внесения в них поправок: право каж-

дого штата наложить вето на их изменение свело все усилия в данном направлении на нет.

Согласно решению Континентального конгресса, Филадельфийский конвент 1787 года должен был ограничиться исправлением Статей Конфедерации. Однако конвент с самого начала отверг Статьи и обратился к обсуждению проекта федеральной конституции. Из трех выявившихся в ходе его работы групп — умеренно-консервативные федералисты, сторонники прав штатов и демократы — последние две оказались в меньшинстве. Федералистам удалось воплотить свои замыслы в конституционном проекте. Но вместе с тем необходимость определенных уступок политическим соперникам, как и перспектива передачи проекта на рассмотрение ратификационных конвентов штатов обусловили появление в нем всевозможных компромиссных положений.

В вопросе о соотношении прерогатив штатов и центрального правительства федералисты добились успеха в двух принципиально важных пунктах: Конституция широко определила права центрального правительства, во-первых, и провозгласила верховенство (супрематию) федерального права над правом штатов, во-вторых. Среди новых полномочий правительства США особое значение имели введение и сбор любых, как прямых, так и косвенных, федеральных налогов и регулирование торговых и коммерческих отношений между штатами¹⁸. Федеральное правительство теперь в полной мере располагало «властью меча и кошелька», о которой так долго грезили А. Гамильтон и его единомышленники. Конституция, законы и договоры Соединенных Штатов объявлялись верховным правом страны, обязательным для исполнения даже в случае противоречия конституциям и законам отдельных штатов¹⁹.

Легислатуры штатов сохраняли роль «конечной инстанции» только при ратификации поправок к Конституции, но и в данном случае они должны были согласиться с поправкой, если она одобрялась тремя четвертями штатов.

Решительно пересмотрев концепцию суверенитета штатов, авторы федеральной Конституции вслед за этим подвергли весьма тонкому препарированию концепцию народного суверенитета.

По общему убеждению идеологов буржуазно-плантаторского блока, американская политическая система, как она сложилась в первые годы революции, привела к пере рождению народного суверенитета в анархию и даже в систему «демократического деспотизма», направленную,

как доказывал Дж. Мэдисон, на подчинение интересов имущих верхов воле фракции неимущего большинства²⁰. Демократические политические принципы стали поистине притчей во языцех для преобладающей части делегатов Конвента. Э. Рэндольф провозгласил как общепринятую максиму, что «главная опасность для страны заключена в демократических статьях конституций (штатов)». Делегат из Коннектикута Р. Шерман, возражавший против чрезмерного, на его взгляд, умаления прав штатов в вирджинском проекте, счел необходимым солидаризироваться с Рэндольфом в осуждении демократии, причем сделал это в еще более категоричной форме: «Народ должен иметь столь незначительное касательство к правительству, сколь это только возможно». Их поддержал Э. Джерри: «Трудности, переживаемые нами, проистекают от избытка демократии». На примере Массачусетса он стремился показать, что опасные «перехлесты» демократии в наибольшей степени сказываются в деятельности нижних палат законодательных собраний, превратившихся в служанок «толпы»²¹.

Важнейшее место в идейных поисках буржуазно-плантаторских кругов после 1783 года заняла проблема выработки таких средств ограничения народного суверенитета, которые бы стали надежным орудием управления массами. Сама доктрина народного суверенитета не подвергалась при этом сомнению. Как декларировал в 1787 году в выступлении в нью-йоркской легислатуре А. Гамильтон, «фундаментальная истина республиканского правления состоит в том, что вся власть в нем прямо или опосредованно исходит от народа»²². Вместе с тем лидеры Филадельфийского конвента попытались вытравить из доктрины народного суверенитета, как она оформилась в идеологии Американской революции, наиболее опасные идеи. К таковым, например, относилась идея прямого народоправства, решительно осужденная на Филадельфийском конвенте. Наибольший гнев верхов вызывало право народа на революционное ниспровержение неугодного правительства, которое провозглашалось Декларацией независимости, но которому не нашлось места в федеральной Конституции.

Образец изощренной расправы с концепцией права народа на восстание продемонстрировал А. Гамильтон. Право на восстание, утверждал он, распространяется на «народ в целом», а всякое выступление части народа искажает это право, является противозаконным бунтом²³. Препарируя подобным образом право народа на восстание, Гамильтон изобрел для буржуазно-плантаторской власти

теоретическую зацепку, при помощи которой можно было оправдать подавление любого выступления масс. Действительно, как бы ни было велико число восставших, всегда можно было доказать, что оно все же меньше «народа в целом».

Некоторые участники Конвента обнаружили твердое намерение ограничить избирательное право, расширенное в ряде штатов после 1776 года. Увеличение в годы революции электората за счет малоимущих слоев, на взгляд консерваторов, и послужило причиной демократических «перехлестов» в области социально-экономического и политического законодательства штатов. На Конвенте некоторые из них — Дж. Дикинсон, Г. Моррис, Т. Фитсимонс — требовали восстановить в федеральной Конституции имущественный ценз колониальных времен. Однако большинство участников Конвента, в том числе лидеры умеренно-консервативного большинства Дж. Мэдисон, Дж. Ратледж, Дж. Рид, О. Элсворт, П. Батлер, Дж. Вильсон, А. Гамильтон, сочли целесообразным сохранить избирательное право, одобренное в конституциях штатов.

Анализ мотивов Гамильтона, равно как и Мэдисона, Ратледжа, Вильсона, Элсворта обнаруживает, что при решении столь важного вопроса, каким в глазах всех патриотов являлось избирательное право, они полагали необходимым соразмерить собственные политические симпатии с господствующим по данному вопросу в нации мнением. Вместе с тем они указывали на крайнюю опасность дальнейших — хотя бы мало-мальских — уступок большинству в вопросе об избирательном праве. Класс неимущих и малоимущих, рассуждал Мэдисон, в силу экономических законов будет стремительно возрастать в будущем, и чрезмерная демократизация избирательного права позволит ему установить тиранию в отношении меньшинства²⁴ (несмотря на свои провидческие способности, Мэдисон не мог предугадать, что в буржуазном обществе «верхи» в состоянии подчинять себе государство даже в условиях всеобщего избирательного права).

Решение Филадельфийского конвента о допуске к выборам в палату представителей всех граждан, пользующихся правом голоса в своих штатах, было необходимой уступкой воле масс. Вместе с тем сохранение авторами Конституции США этого завоевания революции оказалось лучшим средством камуфляжа косвенных способов ограничения прав народа. Таковыми, по замыслу «отцов-основателей», должны были стать в первую очередь консерва-

тивное толкование «разделения властей» (в пользу расширения прав исполнительной власти) и воссоздание в республиканских США подобия «смешанного правления».

Лидеры федералистов желали утвердить на американской почве сильную и независимую исполнительную власть. Соотношение прав законодательной и исполнительной властей, закрепленное конституциями штатов, их совершенно не удовлетворяло. Гамильтон, Мэдисон и другие федералисты определяли его как тиранию «законодательного молоха». На Конвенте в Филадельфии они выступали в пользу умеренно-консервативной трактовки системы «разделения властей» и «сдержек и противовесов», опирающейся на концепцию «единой и неделимой» исполнительной власти.

Концепция «единой и неделимой» исполнительной власти имела своим истоком не столько британскую государственно-правовую модель, утвердившую принцип ответственного парламентского правительства, сколько воззрения французского мыслителя Ш. Монтескье. Некоторые «отцы-основатели» (А. Гамильтон, Дж. Дикинсон, Дж. Макклюр, Г. Моррис, Дж. Брум)²⁵ разделяли мнение Ш. Монтескье, что «единая и неделимая» исполнительная власть должна быть облачена в монархические одежды и что республика вообще не может устоять на большой территории. Монархическая идея не получила, однако, сколько-нибудь широкой поддержки даже среди умеренных делегатов Филадельфийского конвента. Они склонились к наделению «единой и неделимой» исполнительной властью президента США. При определении полномочий президента формула «неделимой» исполнительной власти была урезана правом сената давать «совет и согласие» президенту при назначении должностных лиц и заключении международных договоров.

Концепция «смешанного правления» в конституционной теории федералистов означала приспособление к классовым интересам буржуазно-плантаторских верхов двухпалатной организации законодательного собрания.

При обсуждении вопроса о сенате США участники Конвента разделились на две группы: одну из них волновала исключительно социальная функция сената, другую (представителей мелких штатов) заботила и проблема превращения сената в средство, способное противостоять утверждению господства в Союзе крупных штатов. В результате компромисса схема организации сената, одобренная Конвентом, отразила устремления обеих групп: она обеспечила надежную защиту интересов собственности и в

то же время воплотила в себе принцип равного представительства штатов.

Дж. Дикинсон, Г. Моррис, А. Гамильтон, Дж. Мэдисон (для них главной была социальная функция сената) подчеркивали, что он должен быть непосредственным представителем и выразителем интересов фракции меньшинства, «богатства нации» (слова Дж. Мэдисона), «аристократии... без которой не сможет существовать ни одно цивилизованное общество» (Г. Моррис). Дж. Мэдисон требовал постоянно иметь в виду различие социальных функций двух палат — нижняя стоит на страже прав на жизнь и свободу, верхняя заботится о защите права на частную собственность²⁶.

При определении места сената в системе «смешанной» законодательной власти авторы Конституции указывали, что ему надлежит предотвращать недочеты или ошибки нижней палаты (Т. Кокс). Вожди федералистов, не ограничиваясь обоснованием этого положения, подчеркивали, что верхняя палата в критические минуты должна подавлять «ложные» устремления всего народа²⁷. Дж. Мэдисон показывал неодинаковую роль двух палат в государственном механизме в целом: наличие палаты представителей подводит под государственную власть такую надежную основу, как суверенитет народа, а сенат обеспечивает прочность и стабильность режима, гарантирует ему безопасность от демократических «перехлестов» палаты представителей²⁸.

Большинство верхних палат легислатур штатов, с точки зрения создателей Конституции, явно не могли стать образцом для сената США. Зато таким образом, по мнению некоторых из них, могла стать английская палата лордов. Дж. Дикинсон говорил, что сенат должен «копировать британскую палату лордов в такой степени, в какой это только возможно». Палату лордов в качестве модели для американского сената рассматривали также Г. Моррис и А. Гамильтон. Однако другие делегаты (Дж. Вильсон, Дж. Рид, Дж. Мэдисон, Э. Рэндольф), не отрицая в большинстве случаев достоинств верхней палаты английского парламента, указали, что копирование ее в США, обладающих иной социальной структурой, невозможно. Несмотря на такие различия, делегаты Конвента в целом обнаружили твердое намерение преодолеть свойственные многим конституциям штатов огрехи в определении численности и прерогатив верхних палат, цензовых квалификаций для сенаторов и сроков их полномочий.

Одним из условий приверженности сената стабильному

социально-политическому курсу являлся, по общему мнению авторов федеральной Конституции, длительный срок полномочий его депутатов. На Конвенте в Филадельфии сторонники английской модели верхней палаты Дж. Дикинсон, Г. Моррис, Дж. Рид, А. Гамильтон настаивали ни много ни мало на пожизненном избрании сенаторов. Дж. Вильсон выступал за девятилетний срок, Э. Рэндольф, Дж. Мэдисон и Д. Спейт предлагали установить срок полномочий сенаторов в семь лет²⁹. Введенный федеральной Конституцией шестилетний срок полномочий сенаторов США являлся некоторой уступкой общественному мнению, но и он оказался в два-три раза продолжительнее срока полномочий большинства верхних палат штатов.

Малочисленность сената также рассматривалась авторами федеральной Конституции как условие, предотвращавшее колебания в его политической линии. Предоставив каждому штату два места в сенате, они намеревались ограничить число членов последнего 26 депутатами (в США тогда еще насчитывалось 13 штатов). В результате федеральный сенат оказался малочисленнее верхних палат отдельных штатов.

Большинство участников Конвента в Филадельфии выступали против избрания сенаторов всем электоратом — практики, широко распространенной в тот период в штатах. Вирджинский план, обсуждавшийся в конвенте 29 мая 1787 г., предлагал вверить избрание сенаторов нижней палате³⁰. Однако представители малых штатов настояли, чтобы избрание сената было закреплено за legislatures штатов, что означало одновременно и отказ рядовым избирателям в праве создания верхней палаты и уступку сторонникам «прав штатов».

Авторы федеральной Конституции пересмотрели с умеренно-консервативных позиций и утвердившуюся в штатах модель нижней палаты. В этом вопросе они явно следовали английскому образцу, установив норму представительства (один депутат от 30 тысяч жителей)³¹, близкую к принятой в палате общин британского парламента. В результате палата представителей конгресса США на момент принятия Конституции должна была насчитывать 65 депутатов, в то время как в нижней палате массачусетской legislatures, к примеру, заседало около 400 человек. Срок полномочий ее членов вдвое превышал срок, установленный для депутатов нижних палат legislatures штатов.

Одно из ярких свидетельств антидемократических ориентаций участников Конвента 1787 года — отказ включить

в федеральную Конституцию билль о правах, входивший составной частью в конституции штатов. Сами авторы федеральной Конституции, пытаясь отвести многочисленные обвинения в антидемократизме, объясняли свое решение тем, что билль о правах присутствует во всех конституциях штатов и воспроизведение его в Основном законе страны излишне. На это М. Лютер, один из критиков проекта Конституции, резонно возражал, что, если бы она, подобно Статьям Конфедерации, объединяла не население страны, а штаты, сохраняя их суверенитет, тогда позиция ее составителей была бы понятна, но, поскольку федеральная Конституция объявлена высшим законом по отношению к конституциям штатов, такое дополнение, безусловно, обязательно³².

Отсутствие билля о правах в проекте федеральной Конституции было ее самым уязвимым местом. Три участника Конвента в Филадельфии, отказавшиеся скрепить его подписями (Э. Джерри, Э. Рэндольф, Дж. Мейсон), мотивировали свое решение прежде всего несогласием с отсутствием в документе билля о правах. С ними солидаризировались вскоре такие видные политические деятели, как У. Грейсон, С. Адамс, Дж. Уайт. Широкая поддержка их позиции ратификационными конвентами штатов обнаружила, что идея конституционных гарантий буржуазных свобод слова, печати, собраний за годы революции прочно овладела сознанием патриотического лагеря и что игнорировать его волю в этом вопросе небезопасно для судеб федерального государства. В 1789 году Дж. Мэдисон внес на рассмотрение конгресса США проект дополнения федеральной Конституции биллем о правах. Интуиция и расчет политического стратега подсказали ему, что подобное дополнение Основного закона страны должно стать еще одной уступкой демократии, без которой невозможно обеспечить достаточную прочность детищу Конвента.

Консервативный характер носило решение участников Конвента санкционировать с помощью федеральной Конституции рабство негров, которое в годы революции было запрещено во всех северо-восточных штатах. Делегаты последних должны были уступить в этом вопросе южным плантаторам, поскольку не мыслили возможности создания прочного национального государства без тесного союза с рабовладельческой олигархией. Конституция США предоставила южным штатам право расширенного политического представительства, которое определялось с учетом трех пятых численности подневольного негритянского

населения, и запретила конгрессу вплоть до 1808 года ограничивать работоторговлю.

Конституция США при соотнесении ее с государственно-правовой практикой Американской революции в целом предстает противоречивым документом. С одной стороны, для большинства идеологов и политических лидеров, принявших участие в ее разработке, было характерно стремление к пересмотру с умеренно-консервативных позиций принципов конституций штатов и Статей Конфедерации. С другой стороны, их устремления не получили полного воплощения в федеральной Конституции, ибо авторы сочли необходимым привести свои взгляды в определенное соответствие с широко распространенными в среде патриотического лагеря политическими представлениями и убеждениями. Конституция явилась компромиссом не только между двумя группировками буржуазно-плантаторского блока, но также между ним и патриотическим лагерем в целом.

Отличие Конституции США от конституций революционного периода выразилось в существенном увеличении сроков полномочий органов законодательной и исполнительной власти, усилении охранительных функций сената, пересмотре концепций «разделения властей» и «сдержек и противовесов» в сторону возвеличения исполнительной власти и сосредоточения ее в одних руках. Вместе с тем многие требования консервативных участников Филадельфийского конвента были отклонены. Ряд важнейших установлений революционного периода (избирательное право, республиканское устройство, «разделение властей» и др.) были оставлены без изменений, а следовательно, закреплены с принятием этого документа.

Федеральная Конституция США отразила интересы разных слоев американской буржуазии. Она составлялась опытными государственными деятелями, обладавшими широким политическим мышлением, умевшими укрощать свои консервативные порывы, если они не могли рассчитывать на одобрение большинства американского электората. Вот почему важные буржуазно-демократические принципы революции были сохранены в Основном законе.

Согласно оценке американского историка-марксиста Г. Аптекера, воплотившаяся в Конституции доктрина договорного образования правительства и четкого определения границ и прерогатив государственных органов означала «реализацию политических принципов Века Разума»³³. Демократическому крылу революции в 1787 году было нанесено только «частичное поражение».

§ 2. Конституция США — первая писаная буржуазная конституция

Конституция США, одобренная Филадельфийским конвентом 17 сентября 1787 г. и вступившая в силу 4 марта 1789 г., — первая конституция Соединенных Штатов Америки как единой федеративной республики, обладающей полной международной правосубъектностью. Это необходимо подчеркнуть, поскольку в литературе иногда высказывается мнение, что первой американской конституцией следует считать Статьи Конфедерации 1781 года³⁴.

Сторонники этой концепции не учитывают того, что Конфедерация Соединенных Штатов Америки, созданная для объединения усилий в революционной войне против Англии, не обладала признаками, necessarily присущими государству. Она представляла собой не союзное государство, каковым Соединенные Штаты стали после вступления в силу федеральной Конституции, т. е. в 1789 году, а союз суверенных государств. Поэтому Статьи Конфедерации — это своеобразный международный договор, а не Основной закон единого государства, вне зависимости от формы его устройства. Конфедеративный союз суверенных американских штатов не был государством, но в его рамках были заложены некоторые основы той государственности, законченным юридическим оформлением которой явилась Конституция 1787 года.

Принятие конституции единого государства, включившего в себя 13 независимых малых государств, созданных на базе бывших английских колоний, не было случайностью. Его обусловили реальные экономические, политические, социальные и идеологические потребности эпохи. Общественное сознание населения «молодых освободившихся государств» тяжкими обстоятельствами было подведено к идее государственного объединения, которое требовало принятия Конституции вместо прежних Статей Конфедерации, — не «новой» конституции, а первого Основного закона страны, первой в истории человечества писаной конституции.

Историки и государствоведы не раз отмечали, что Филадельфийский конвент самочинно присвоил себе учредительные полномочия, вместо пересмотра и усовершенствования Статей Конфедерации приняв абсолютно новый документ — Конституцию. Действительно, узурпация учредительных полномочий имела место. Факты свидетельствуют

о том, что Конвент пренебрег рекомендациями конгресса Конфедерации, в которых было сказано, что Конституционный конвент созывается «с единственной и ясно выраженной целью пересмотреть Статьи Конфедерации»³⁵.

Итак, 25 мая 1787 г. в Филадельфию прибыли 55 делегатов от 12-ти легислатур (Род-Айленд отказался участвовать в Конвенте) — небольшое, но весьма внушительное собрание. Среди них были выдающиеся государственные и политические деятели, ученые, философы, адвокаты. Достаточно назвать несколько имен: Джордж Вашингтон, Александр Гамильтон, Бенджамин Франклин, Джеймс Мэдисон, Эдмунд Рэндольф, Джеймс Вильсон. «Следует отметить, однако, — замечают американские историки, — что некоторые из самых активных инициаторов и деятелей революции не вошли в число делегатов Конвента. Джефферсон находился во Франции, Патрик Генри отказался выдвинуть свою кандидатуру, Джон Адамс был посланником в Англии, а трое защитников революции — Томас Пейн, Сэмюель Адамс и Христофор Годсен — не были избраны. Короче говоря, радикалы были представлены слабо»³⁶.

Давно уже обращено внимание на то, сколь однороден был социальный состав Филадельфийского конвента: только собственники, только богатые люди. Плантадоры, рабовладельцы, землевладельцы, банкиры, предприниматели, держатели государственных ценных бумаг, купцы, судовладельцы и т. д. — все это представители экономически господствующего класса, и их конституционные предложения выражали совершенно определенные интересы. Известный американский историк Ч. Бирд, тщательно проанализировавший имущественное положение делегатов Конвента, пришел к следующему выводу: «Нельзя... сказать, что члены Конвента были «не заинтересованы». Напротив, мы вынуждены сделать вывод, что они, благодаря своему личному опыту в экономических делах, совершенно точно знали, какие результаты должна принести учрежденная ими система правления»³⁷.

Социальная однородность делегатов Конвента отнюдь не исключала разногласий и весьма острых споров по конкретным и далеко не второстепенным вопросам. Но в главных, конечных целях они были едины, ибо отстаивали совокупный интерес своего класса. Американские ученые высказывают по этому поводу следующее суждение: «Сосредоточивая внимание на дебатах (в Конвенте. — Авт.) ... многие историки склонны переоценивать значение разногласий среди «отцов-основателей». Действительно, в Фи-

ладельции предстояло примирить различные взгляды и прийти ко многим компромиссам. Тем большее изумление вызывает почти полное согласие делегатов по основным политическим вопросам»³⁸.

В условиях фактического развала Конфедерации перед учредителями Конституции стояла тройкая задача: остановить дальнейшее развитие революции, создать «более совершенный Союз» и надежно гарантировать права собственников. На закрытых заседаниях делегаты высказывались вполне откровенно, не опасаясь скомпрометировать себя в глазах общественного мнения. Совершенно естественно, что их мышление и соответствующие решения были детерминированы объективными обстоятельствами их эпохи.

В аргументах делегатов в ходе разработки проекта Конституции нашли отражение различного рода факторы, и прежде всего колониальный «конституционализм», опыт конституционного развития независимых штатов, британская — идеализированная — модель государственности, политические учения современного им мира (в первую очередь Дж. Локка и Ш. Монтескье). Однако главной детерминантой являлись экономические и политические интересы собственников. Личные политические, экономические, религиозные и иные взгляды делегатов не были, естественно, одинаковыми, но господствующие настроения совпадали, о чем можно судить по следующим высказываниям.

Губернатор Вирджинии Рэндольф: «Главная опасность проистекает от демократических статей существующих конституций. В этой Конституции должен быть установлен крепкий барьер против демократии»³⁹.

Делегат от Коннектикута Шерман: «Народ должен быть как можно меньше допущен к делам управления. Народ всегда подвержен заблуждениям»⁴⁰.

Делегат от Делавэра Брум выражал мнение тех, кто требовал «уменьшить зависимость всей системы правления от народа»⁴¹.

Делегат от Массачусетса Джерри: «Зло, от которого мы страдаем, происходит от избытка демократии»⁴².

Александр Гамильтон: «Все общества разделяются на меньшинство и большинство. Первые — это богатые и знатные, остальные — масса народа. Говорят, что глас народа — глас божий... В действительности это неправда»⁴³. Нет ничего удивительного в том, что консервативные убеждения делегатов Филадельфийского конвента прямо или косвенно

нашли свое выражение в различных положениях Конституции.

Анализ и оценку Конституции, одобренной Конвентом, следует предварить некоторыми общими соображениями. В многочисленных американских публикациях, посвященных этому документу, часто встречаются две полярно противоположные точки зрения. Одни авторы неумеренно восхваляют его, другие столь же неумеренно ругают. Подобного рода амбивалентность в оценке Основного закона США объясняется не только субъективизмом, но и методологическими пороками при отборе критериев оценки. Прежде всего нельзя забывать о том, что американская Конституция появилась, когда основы буржуазной демократии существовали лишь в отдельных странах. В период, когда на Американском континенте шла Война за независимость, в Европе царил абсолютизм, не ставший лучше от того, что начал именовать себя «просвещенным». Поэтому с позиций той эпохи американская Конституция должна быть оценена, вне всякого сомнения, как демократический документ даже до принятия Билля о правах. Конституция была утверждена Конвентом за два года до штурма Бастилии, когда не существовало ни одного писаного конституционного документа, который можно было бы сравнить даже с Декларацией независимости.

При разработке государственно-политической системы «более совершенного Союза» учредители Конституции руководствовались определенными политико-правовыми принципами и идеалами, которые в тогдашней американской системе ценностей считались основополагающими.

Республиканизм. Учредители Конституции испытывали неприязнь к монархической форме правления, которая ассоциировалась у них с британским колониальным гнетом и тиранией в том смысле, который вкладывало в это слово американское общественное мнение последней четверти XVIII века. «Отцы-основатели», однако, не отождествляли понятия «республика» и «демократия». Идеи народоправства им были чужды. Они считали, что править в государстве могут лишь образованные люди, собственники, добившиеся высокого положения в обществе своим трудом, а не в силу аристократического происхождения. Под республиканской формой правления «отцы-основатели» подразумевали выборное ответственное правительство, сменяемое в установленные сроки. При этом они были единодушны в убеждении, что массы не должны принимать непосредственного участия в государственных делах. По замыслу

авторов Конституции, массы могли принимать некоторое, ограниченное участие в выборах правительства, но возможности влиять на его деятельность они фактически лишились. Если воззрения «отцов-основателей» изложить языком современной политологии, то их идеалом была элитарная республика, при которой относительно широкая выборность органов власти и наличие формально провозглашенных прав и свобод отнюдь не исключали, а предполагали раскол общества на правящих и управляемых.

Защита свободы и собственности. Делегаты Конвента верили в то, что права на жизнь, свободу и собственность — важнейшие естественные права, без которых люди не имели бы возможности обеспечить себе полноценное существование, что все люди созданы равными и в равной степени наделены естественными неотчуждаемыми правами. Однако эта вера, выраженная в сакраментальных формулах Декларации независимости, не помешала им молчаливо согласиться с рабством и фактическим неравенством, существовавшим в американских штатах. По их представлениям, имущественное неравенство — естественное проявление многообразия рода человеческого, поскольку люди не могут быть одинаковыми по уму, таланту, способностям, добродетели и т. п. Короче говоря, делегатам Конвента было свойственно чисто буржуазное понимание свободы и равенства, но свои взгляды на собственность они не считали возможным выражать в Конституции прямо и откровенно.

Общественный договор. Идеи Г. Гроция, Д. Дидро и Ж. Ж. Руссо были хорошо известны делегатам Конвента. Однако их нельзя назвать простыми эпигонами — европейские идеи они приспособляли к «чисто американским условиям». По мысли «отцов-основателей», государственное правление зиждется на договоре народа с правительством. Последнее, согласно этому договору, обязано обеспечивать должное осуществление естественных прав народа, а тот, в свою очередь, — проявлять преданность и послушание по отношению к правительству. «Отцы-основатели», как видим, следовали заветам Декларации независимости, хотя провозглашенное ею же право народа на свержение неугодного ему правительства было тем не менее предано ими забвению, в чем лишний раз проявилась их «народобоязнь», незадолго до этого усугубленная восстанием Д. Шейса.

Ограниченное правление. Позиция делегатов Конвента относительно центрального правительства создаваемой ими

федеративной республики нашла выражение в конституционной схеме «разделения властей». В соответствии с ней три носителя государственной власти — конгресс, президент и Верховный суд — взаимодействуют посредством «сдержек и противовесов». Такая система, по мысли авторов Конституции, могла предупредить чреватую тиранией концентрацию власти в руках одного из них.

Кроме того, идея ограниченного правления воплотилась в тех положениях Конституции и Билля о правах, которые устанавливали компетенцию федерации и органов власти штатов, провозглашали права и свободы граждан. Так, власть конгресса, в принципе, ограничена перечнем его законодательных полномочий, содержащимся в статье I. Четкий перечень полномочий президента изложен в статье II. Юрисдикция федеральных судов ограничена кругом дел и споров, очерченным в статье III. Все не перечисленные в Основном законе полномочия и права, согласно поправке X к Конституции, «сохраняются за штатами либо за народом». Тем не менее Конституция содержит определенные запреты, обращенные как к штатам, так и к федеральному правительству, регламентируя их власть. Права и свободы граждан, например, провозглашены в Билле о правах не в форме позитивных деклараций, а в виде запретов на ограничение тех или иных прав и свобод государством. Недоверие к сильной власти, лежавшее в основе идеи ограниченного правления, питалось буржуазным индивидуализмом, частнособственническим мировоззрением и исторически было порождено ненавистью американцев к власти британской короны.

Верховенство федерального права. Идея верховенства федерального права — Конституции, законов и договоров Союза — по отношению к правовым установлениям отдельных штатов для делегатов Конвента была аксиомой. Понимая, что без конституционного закрепления принципа верховенства федерального права прочного союза не создать, они внесли в Конституцию (статья VI) положение, которое считается краеугольным камнем американского федерализма: «Настоящая Конституция и законы Соединенных Штатов, принимаемые во исполнение оной, равно как и все договоры, которые заключены или будут заключены от имени Соединенных Штатов, являются верховным правом страны; и судьи в каждом штате обязаны следовать таковому праву, что бы ему ни противоречило в конституции или законах любого штата». Это положение Основного закона не только закрепило приоритет федерального права,

но и стало обоснованием конституционного надзора, осуществляемого Верховным судом США.

Бикамерализм. Выбор учредителями Конституции бикамеральной (двухпалатной) структуры общенационального представительного органа — конгресса не случаен. Он был предопределен политическим опытом колониального и революционного периодов. Большинство колоний имели двухпалатные легислатуры. Однопалатными были континентальные и Конфедеральный конгрессы, недолгая деятельность которых продемонстрировала их очевидную слабость. После провозглашения независимости все штаты, кроме Пенсильвании и Джорджии, имели двухпалатные легислатуры.

Огромное влияние на политическое мышление учредителей Конституции оказала английская государственность. Конструируя конгресс, участники Филадельфийского конвента имели перед собой британскую парламентскую модель — палату общин и палату лордов. Немалую роль при выборе бикамеральной структуры сыграло стремление не допустить широкие массы американцев к управлению страной. Делегаты опасались, что палата представителей может не только оказаться доступной для «черни», но и полностью попасть под ее влияние. Именно поэтому они считали необходимым ввести в конгресс аристократический элемент, который служил бы «сдержкой и противовесом» для возможных излишне демократических поползновений нижней палаты. Спустя сто лет английский ученый Дж. Брайс особо подчеркнул, что назначение сената состояло в том, чтобы «сдерживать горячность и неосмотрительность народных представителей в нижней палате и этим способом предохранить правительство от влияния народных страстей и возможных перемен общественного мнения»⁴⁴. Джон Кеннеди в своей книге «Профили мужества», опубликованной до его избрания президентом США, писал: «По их («отцов-основателей». — *Авт.*) глубокому убеждению, сенат, в отличие от палаты представителей, должен был стать органом, не подверженным давлению избирателей»⁴⁵.

Наконец, введение бикамерализма в значительной степени было обусловлено федеративной формой государственного устройства, предполагающей создание органа, представляющего не только нацию в целом, но и интересы отдельных членов Союза.

Федерализм. Федеративная форма государственного устройства, закреплённая Конституцией, — результат классо-

вого компромисса буржуа и рабовладельцев, напуганных народными волнениями и конфедеративной неурядицей. Потребность в сильной централизованной государственной машине была весьма настоятельной, поскольку только с ее помощью правящие классы надеялись упрочить свое положение и обуздать народ. «Мне ясно, — писал один из политических деятелей той эпохи, — что при теперешней системе мы долго не просуществуем; если мы вскоре тем или иным способом не укрепим Союз, появятся повстанцы, которые отнимут у нас бразды правления»⁴⁶.

Объединение 13-ти штатов в государственных рамках «более совершенного Союза» — акт большого исторического значения. Это была первая в мировой истории буржуазная федерация. Ее демократизм проявился хотя бы в том, что за штатами были сохранены достаточно широкие права. «Отцы-основатели» стремились обеспечить одновременно целостность и эффективность государства. Федеральному правительству в Союзе были изначально делегированы штатами важнейшие внутри- и внешнеполитические полномочия. Поэтому при наличии всех черт федерального устройства американское буржуазное государство едино. К. Маркс называл Соединенные Штаты «единой великой демократической республикой»⁴⁷.

Конституция установила систему дуалистического федерализма, в основу которой положено относительно жесткое разделение компетенции Союза и образующих его штатов. Раздел 8 статьи I содержит перечень предметов правового регулирования, составляющих исключительную компетенцию Союза. Все остальные предметы регулирования, не упомянутые в перечне, согласно поправке X, относятся к компетенции штатов (так называемая остаточная компетенция). Эта схема дополняется принципом «подразумеваемых полномочий», который выводится из последнего абзаца раздела 8 статьи I, гласящего, что конгресс имеет право «издавать все законы, каковые будут необходимы и уместны для приведения в действие вышеперечисленных полномочий и всех других полномочий, предоставленных настоящей Конституцией правительству Соединенных Штатов или какому-либо департаменту или должностному лицу одного». На практике это означает, что вновь возникающие предметы правового регулирования конгресс относит к своей компетенции.

Конституция прямо либо косвенно предполагает еще четыре положения, дополняющие вышеприведенную схему. Во-первых, существует сфера совпадающих полномочий.

Относящиеся к ней вопросы входят в компетенцию как Союза, так и отдельных штатов. Во-вторых, Конституция содержит предписания, запрещающие определенные действия как Союзу, так и штатам. В-третьих, Конституция запрещает Союзу совершать определенные, перечисленные в ее тексте, действия. В-четвертых, штатам, в свою очередь, запрещается вступать в союзы, заключать международные договоры, выпускать деньги, содержать войска в мирное время, принимать законы, нарушающие договорные обязательства федерации, облагать налогами экспорт товаров, лишать граждан равной защиты законов и права голоса, нарушать федеральную Конституцию или не исполнять федеральные законы и др.

Федеративная форма государственного устройства наложила свой отпечаток на все институты американской политической системы, включая внеконституционные (партии, группы давления и др.). В ходе исторического развития США в системе американского федерализма неоднократно возникали кризисные ситуации (достаточно вспомнить четырехлетнюю Гражданскую войну 1861—1865 гг.). Имманентные буржуазному федерализму внутренние противоречия свойственны американской федерации и в настоящее время. Централизму противостоят определенные центробежные силы, но в целом развитие американского государства характеризуется расширением власти федерального правительства.

Жесткость Конституции. «Отцы-основатели» стремились придать Конституции особую устойчивость. С этой целью в нее была включена статья V, гласящая: «Конгресс, когда бы ни сочли это необходимым две трети членов обеих палат, может предлагать поправки к настоящей Конституции или — по ходатайству законодательных собраний двух третей штатов — может собрать конвент для предложения поправок; эти поправки в обоих случаях будут иметь юридическую силу... после их ратификации законодательными собраниями трех четвертей штатов или конвентами в трех четвертях оных в зависимости от того, какую форму ратификации предложит конгресс...»

Таким образом был закреплен особо сложный, отличающийся от обычной законодательной процедуры порядок принятия поправок к Конституции, и она была гарантирована от политически скоропалительных текстуальных изменений. «Отцы-основатели» хотели, чтобы принятый ими Основной закон был прочным сооружением, не подверженным влияниям конъюнктурных политических ситуаций. Это

вовсе не означало, что они оберегали свое детище от каких бы то ни было изменений, потребность в которых неизбежно должна была бы возникнуть. Однако они побеспокоились о том, чтобы учредить процедуру, гарантирующую от случайностей.

Жесткость американской Конституции была совершенно новым качеством развивающегося буржуазного конституционализма. Британская модель — неписаная конституция — отличалась гибкостью. Англия не знала понятия учредительной власти, впервые введенного и институционализированного американцами. Основная часть неписаной конституции формировалась и изменялась парламентом с соблюдением обычной законодательной процедуры.

Наделяя Основной закон жесткостью, «отцы-основатели» не предполагали, что это качество в последующие годы станет образцом практически для всех писанных буржуазных конституций. Например, «жесткой» была вторая из этой категории конституция — Конституция Франции 1791 года. В настоящее время неписанные конституции (которые, естественно, не могут быть жесткими) существуют только в двух буржуазных странах — Великобритании и Новой Зеландии.

Идея особого порядка изменения писаной конституции, ее жесткости по сравнению с обычными законодательными актами возникла на американской почве и была сугубо американской по своему происхождению. Уже в колониальной хартии Пенсильвании содержалось положение, предусматривавшее порядок ее изменения. В период между принятием Декларации независимости и созывом Конституционного конвента в конституции восьми штатов были включены статьи о порядке принятия поправок. Такое же положение содержалось и в Статьях Конфедерации. Таким образом, статья V опиралась на достаточно солидный исторический опыт. «Отцы-основатели» лишь обобщили его.

Необходимость особого, усложненного порядка изменения писаной конституции выводилась из теории народного суверенитета, которая была в то время весьма популярна среди американцев. Согласно этой теории, только народ обладал учредительной властью и только он мог изменять и ревизовать Основной закон, который он принял. Из этой посылки делался вывод, что писаная конституция, как плод учредительной власти народа, должна изменяться и дополняться в порядке, отличном от того, в соответствии с которым принимаются обычные законы. Однако эта теоретическая посылка на самом деле скрывала желание правя-

щих классов стабилизировать Основной закон буржуазной республики и увековечить закрепленный им государственный строй.

Разделение властей — один из старейших политико-правовых принципов, который был заимствован американскими колонистами у англичан еще в конце XVII столетия и затем был обогащен и усовершенствован как французской политической мыслью, так и чисто американским опытом⁴⁸. Известный американский историк-марксист Г. Аптекер замечает по этому поводу: «Как в конституциях отдельных штатов, так и в Статьях Конфедерации и — позднее — в Конституции Соединенных Штатов был воплощен ряд великих принципов, цель которых заключалась в том, чтобы гарантировать значительную степень народного суверенитета и не допустить роста тирании». Перечисляя затем положения, содержащиеся в этих принципах, Г. Аптекер дважды упоминает разделение властей: «Разделение законодательной, исполнительной и судебной сфер государственного управления препятствует сосредоточению власти и тем самым не допускает роста тирании»⁴⁹.

Принцип разделения властей с момента своего появления на американской почве прошел длительный и сложный путь развития. Первоначально, в колониальный период, это был политический принцип, который фактически стал лозунгом в борьбе против британского колониального гнета. После провозглашения независимости он приобретает черты конституционного принципа и находит свое практическое воплощение в основных законах 13-ти независимых штатов. Ко времени созыва в 1787 году Конституционного конвента американцы были не только знакомы с теориями Дж. Локка и Ш. Монтескье, но и опробовали их на практике, преломив в своем политическом сознании.

Учредители Конституции положили в основу организации, компетенции и взаимодействия высших органов государственной власти — конгресса, президента и Верховного суда — свой собственный, американский вариант разделения властей, трансформированный впоследствии в систему «сдержек и противовесов». Следует особо подчеркнуть, что они никогда не помышляли о создании трех полностью независимых друг от друга властей, т. е. о создании некоего практически неосуществимого троевластия. «Отцы-основатели» знали, что власть едина, и знали, кому она принадлежит. Они создали механизм, состоящий из трех связанных системными отношениями органов, которые счи-

тались соответственно носителями законодательной, исполнительной и судебной «ветвей» власти. При этом неоднократно высказывалась мысль, что само «древо» власти едино. Как американская Конституция, так и институционализированная ею на базе принципа разделения властей система «сдержек и противовесов», выражали «действительное соотношение сил в классовой борьбе»⁵⁰.

Учредители Конституции были глубоко уверены в том, что для надежной охраны общества от возможной тирании единая федеральная власть должна быть распределена между тремя ее «ветвями». Горизонтальное распределение полномочий дополнялось вертикальным — между федеральным правительством и органами власти в штатах и на местах.

Первоначальная идея разделения властей, заимствованная у европейских мыслителей, была преобразована учредителями Конституции в чисто американскую систему, которая покоится на следующих основополагающих началах.

Во-первых, все три «ветви» власти имеют различные источники формирования. Носитель законодательной власти — конгресс состоит из двух палат, формирующихся особым образом. Палата представителей избирается населением, т. е. избирательным корпусом, сенат — легислатурами штатов. Носитель исполнительной власти — президент избирается посредством косвенных выборов — коллегией выборщиков, которые в свою очередь избираются населением. Носитель судебной власти — Верховный суд формируется совместно президентом и сенатом.

Во-вторых, органы государственной власти, согласно Конституции, имеют различные сроки полномочий. Палата представителей избирается сроком на два года, сенат каждые два года обновляется на одну треть, президент избирается на четыре года, а члены Верховного суда и иные федеральные судьи «занимают свои должности, пока ведут себя безупречно», т. е. пожизненно.

В-третьих, авторы системы «сдержек и противовесов» создали механизм, в рамках которого каждая из «ветвей» власти имела бы возможность сдерживать и нейтрализовывать узурпаторские посягательства другой. Конгресс вправе отклонять законопредложения президента, вносимые им через свои креатуры в палатах. Сенат может отклонить любую кандидатуру, предложенную президентом на высшую должность в государственном аппарате, и отвергнуть заключенный президентом международный договор.

Конгресс может привлечь президента к ответственности в порядке импичмента и, в случае признания его сенатом виновным, отстранить от должности.

Важнейшим конституционным средством воздействия президента на конгресс является отлагательное вето. Если президент мотивированным посланием отказывает в утверждении законопроекта или резолюции, одобренных обеими палатами конгресса, то возражение главы государства может быть преодолено только в случае повторного одобрения опротестованных биллей и резолюций квалифицированным большинством в две трети голосов обеими палатами (при обычной законодательной процедуре билли и резолюции одобряются простым большинством голосов). Верховный суд как высший орган конституционного надзора вправе нуллифицировать как законы конгресса, так и нормативные акты главы исполнительной власти.

По замыслу «отцов-основателей», выраженному в букве и духе Конституции, основная роль отводилась президенту как верховному носителю исполнительной власти.

Система «сдержек и противовесов» должна была обеспечить стабильность государственных и правовых институтов, непрерывность функционирования самой государственной власти, которая находилась в руках имущих классов — буржуазии и рабовладельцев. Чисто конституционный механизм системы «сдержек и противовесов» в последующие столетия был существеннейшим образом дополнен и даже изменен в процессе реального осуществления государственной власти. В нее были интегрированы многочисленные институты и учреждения, которые либо вовсе не существовали к моменту принятия Конституции, либо находились в зачаточном состоянии и поэтому (или по каким-либо иным причинам) были игнорированы учредителями Основного закона США.

Охрана прав и свобод граждан — одна из важнейших идей, повлиявших на становление и развитие американского буржуазного конституционализма. Она была в той либо иной мере реализована в ходе разработки и принятия конституций отдельных штатов, а затем уже в процессе создания федеральной Конституции. Хотя во многих трудах американских идеологов и их европейских предшественников говорилось главным образом о правах и свободах человека, а не гражданина, фактически в американских условиях того времени речь могла идти только о граж-

данских, а не общечеловеческих правах и свободах. Важно иметь в виду, что во время конституционного оформления американской государственности знак равенства между понятиями «человек» и «гражданин» не ставился. Из категории граждан прежде всего исключались рабы, хотя они и признавались людьми. Но и сами граждане подразделялись на полноправных (белые мужчины-собственники) и неполноправных.

Известно, что в тексте Конституции, принятом Филадельфийским конвентом и представленном на одобрение штатам, не содержалось специального раздела, посвященного правам и свободам граждан. Подобное «упущение» не было, конечно, случайным. Вопрос об инкорпорации билля о правах в текст Конституции многократно обсуждался в самом Конвенте и за его стенами. Однако делегаты согласились с мнением Дж. Вильсона и А. Гамильтона, которые считали, что специальный билль о правах не нужен, поскольку Конституция сама по себе является биллем о правах⁵¹.

Господствовавшая в американском общественном сознании революционного периода естественно-правовая концепция прав и свобод нашла свое формальное выражение в декларациях и биллях о правах. Наиболее известный документ такого рода — Декларация независимости, написанная Т. Джефферсоном и одобренная Континентальным конгрессом 4 июля в Филадельфии. Однако за полтора месяца до этого, 15 мая, была принята Декларация прав Вирджинии, которая во многом предвосхищала Декларацию независимости⁵², провозгласив необычайно широкий для своего времени перечень демократических прав и свобод, что дало К. Марксу основание назвать ее «первой декларацией прав человека»⁵³. В течение короткого периода времени примеру Вирджинии последовали еще десять штатов, которые в той либо иной форме ввели в свои конституции разделы о правах граждан. Все это, безусловно, было известно делегатам Филадельфийского конвента, и тем не менее аналогичный раздел не был включен в одобренный ими проект Конституции. Однако нельзя сказать, что Конституция полностью обошла молчанием вопрос о правах граждан. Ряд ее положений имел к нему непосредственное отношение.

Положения основного текста Конституции относительно прав и свобод граждан хотя и не удовлетворяли многих американцев, но выглядели весьма впечатляющими для европейцев той эпохи. Так, в разделе 9 статьи I говорится о

том, что «действие привилегии *habeas corpus* не должно приостанавливаться, если того не потребует общественная безопасность в случаях восстания или вторжения». Тот же раздел запрещает принятие биллей об опале и законов с обратной силой. Важным для защиты граждан от судебного произвола власти было предписание, содержащееся в статье III Конституции: «Дела о всех преступлениях, исключая те, которые преследуются в порядке импичмента, подлежат рассмотрению судом присяжных». Особое значение для того времени имели предписания раздела 3 статьи III, в которых не только давалось совершенно четкое определение государственной измены, но и устанавливались основные принципы рассмотрения судом соответствующих дел. Специально оговаривалось, что «осуждение за государственную измену не влечет за собой поражения в правах потомства или конфискации имущества иначе, как при жизни осужденного лица». В этой гарантии отразилось неприятие английской судебной практики, когда преследовалось не только само лицо, осужденное за государственную измену, но и его потомки.

Запрет на религиозную дискриминацию при занятии должностей в федеральном государственном аппарате, содержащийся в статье VI, выражал несомненно прогрессивную и демократичную в условиях тогдашней религиозной нетерпимости идею. Это предписание, по словам Г. Аптекера, придало Основному закону США характер «удивительно светского документа»⁵⁴.

Требования о внесении в Конституцию билля о правах, выдвинутые в период ее ратификации, были столь настоятельны, что уже первый конгресс утвердил десять поправок, которые в декабре 1791 года были одобрены штатами и вступили в силу. Их непосредственная предтеча — английский билль о правах 1689 года, закрепивший итоги «Славной революции» (он ограничивал власть монарха и гарантировал ряд прав и свобод подданных).

Билль о правах — первые десять поправок к Конституции, которые, в отличие от последующих 16-ти, были приняты конгрессом одновременно и одновременно вынесены на ратификацию штатам. Поправки формально не инкорпорируются в текст Конституции, состоящей из преамбулы и семи статей, и имеют собственную нумерацию. Однако есть все основания рассматривать Билль о правах как органическую часть Конституции, поскольку он был принят сразу же после вступления ее в силу, так сказать «на одном дыхании».

Не все составляющие Билль о правах поправки равнозначны по своему вкладу в развитие американского буржуазного конституционализма. Так, поправка III, регламентирующая постой солдат в мирное и военное время, попросту утратила свое значение в современную эпоху. Поправки IX («Перечисление в Конституции определенных прав не должно толковаться как отрицание или умаление других прав, сохраняемых за народом») и X («Полномочия, которые не делегированы Соединенным Штатам настоящей Конституцией и пользование которыми не запрещено ею отдельным штатам, сохраняются соответственно за штатами либо за народом») не входили в первоначальный текст Билля о правах и были внесены в конгресс противниками расширения конституционной компетенции федерального правительства, поборниками прав штатов. По своему назначению это поправки вспомогательного характера.

Остальные семь поправок имели огромное практическое значение для своего времени и не утратили его поныне. Истолкованные в многочисленных решениях Верховного суда и детализированные обширным законодательством конгресса, они составили одну из основ американской буржуазной демократии.

Поправка I провозглашает свободу совести и политические свободы в форме запрета на их ограничение. В ней с присущим американской Конституции лаконизмом сказано: «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии или запрещающего свободное исповедание оной, либо ограничивающего свободу слова или печати либо право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб».

✓ Поправка II гласит: «Поскольку хорошо организованная милиция необходима для безопасности свободного государства, право народа хранить и носить оружие не должно нарушаться». В момент принятия Билля о правах содержащиеся в поправке предписания понимались в смысле необходимости иметь вооруженные милиционные формирования штатов. Однако впоследствии поправка была истолкована как охраняющая право американцев свободно приобретать оружие и владеть им.

Важнейшие гарантии неприкосновенности личности и жилища содержатся в поправке IV: «Право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов не должно нарушаться; ни один

ордер не должен выдаваться иначе, как при наличии достаточного основания, подтвержденного присягой или торжественным заявлением; при этом ордер должен содержать подробное описание места, подлежащего обыску, лиц или предметов, подлежащих аресту». Таким образом, запрещалась практика издания «общих» ордеров об аресте или обыске, в которых не содержалось указаний на имя лица, подлежащего аресту, и на название места, где должен быть произведен обыск или выемка. Подобная практика широко применялась в Англии.

Достаточно обширная поправка V устанавливала ряд важнейших процессуальных гарантий. Она постановляла, что предание суду по делам, караемым смертной казнью, или о «иным образом позорящих» преступлениях может быть произведено только Большим жюри, провозглашала недопустимость повторного уголовного преследования за одно и то же преступление, устанавливала привилегию против самообвинения, провозглашала принцип «надлежащей правовой процедуры» как основание для применения официальных санкций, запрещала безвозмездное изъятие частной собственности. В совокупности провозглашенные этой поправкой принципы устанавливали такие гарантии прав личности от произвола власти, которые были совершенно не известны континентальной Европе, где царил необузданный произвол абсолютизма.

Поправка VI провозгласила ряд прав обвиняемого в уголовном судопроизводстве, которые создали весомые гарантии для его защиты от произвольных действий со стороны государственного обвинения. В число этих конституционных гарантий входили: право на «скорый и публичный суд», право на суд «беспристрастных присяжных», право обвиняемого «быть осведомленным о сущности и основаниях обвинения», право на «очную ставку» со свидетелями обвинения, право на вызов свидетелей защиты, право на помощь защитника в уголовном процессе.

Поправка VII распространяла гарантии суда присяжных на производство по гражданским делам и закрепляла за присяжными процессуальную функцию «судей факта».

Наконец, поправка VIII — последняя из имеющих непосредственное отношение к правам и свободам граждан — предписывала: «Не должны требоваться чрезмерные залоги или налагаться чрезмерные штрафы либо назначаться жестокие или необычные наказания».

При анализе Билля о правах прежде всего бросаются в

глаза два обстоятельства, определяющие специфические черты этого исторически выдающегося документа. Во-первых, он составлен под сильнейшим влиянием естественно-правового учения о гражданских (человеческих) правах и свободах, которые нашли свое выражение в Декларации независимости и других документах. И Конституция и Билль о правах не провозглашают права и свободы, а налагают запрет на их ограничение или умаление властью — не всякой, но только властью Соединенных Штатов, а не властями штатов. Это нашло свое непосредственное выражение в стиле и терминологии Билля о правах. Он не декларирует, а запрещает: «Конгресс не должен издавать ни одного закона...», «Право народа... не должно нарушаться». Во-вторых, ни в Конституции, ни в Билле о правах нет прямого упоминания ни о каких социально-экономических правах и свободах, даже о праве владения и распоряжения частной собственностью. Это вовсе не свидетельствует о забвении учредителями Конституций права частной собственности — частнособственнические отношения составляли и составляют экономическую основу американского государства, а само это право косвенно подразумевается рядом положений Основного закона.

Декларация независимости 1776 года и Конституция 1787 года оказали огромное влияние на развитие буржуазной государственности. Нет никакого сомнения в том, что вожди Французской революции, ставшие авторами Декларации прав человека и гражданина 1789 года и второй писаной конституции в истории человечества — французской Конституции 1791 года, хорошо знали конституционную историю Американской революции.

Об американском влиянии на Французскую революцию писали многие выдающиеся ученые. В России этим предметом занимался историк, юрист и социолог М. М. Ковалевский⁵⁵. Специальное исследование влиянию американских революционных документов на французскую Декларацию прав человека и гражданина посвятил немецкий юрист Г. Еллинек⁵⁶. Много внимания этой проблеме уделял известный французский историк А. Олар. Ему принадлежит следующая весьма примечательная фраза: «Можно сказать, что над зданием, воздвигнутым Учредительным собранием, рядом с английским знаменем развевалось и американское»⁵⁷. А вот что А. Олар пишет о французской Декларации прав человека и гражданина: «В ней все говорит против монархии. Прежде всего, самый факт Декларации, этот американский, республиканский акт, формула

недавнего республиканского восстания, одержавшего успех»⁵⁸.

Речь, конечно, идет не о текстуальном совпадении американских деклараций — Декларации прав Вирджинии и Декларации независимости — и французской Декларации прав человека и гражданина, а об идейной преемственности, о творческом перенесении идей Американской революции на французскую почву.

Значительное влияние Основной закон США оказал на конституционное развитие стран Латинской Америки. Начало XIX столетия было ознаменовано развалом колониальной империи в этом регионе. Одна за другой бывшие испанские, португальские и прочие колонии, поднявшись на национально-освободительную борьбу, создавали собственную государственность. Следы американского влияния особенно наглядны в первых латиноамериканских конституциях, но их без труда можно усмотреть и во многих новейших конституциях. «На общий характер и содержание основных законов латиноамериканских стран, — пишет советский ученый А. Г. Орлов, — прямое и непосредственное воздействие оказали принципы и положения Конституции США 1787 года, в частности принцип «разделения властей», принцип образования сильного правительства, не ответственного перед законодательным органом власти. Отсюда аналогичный правовой статус президента, сходная компетенция Верховного суда и т. д. Вместе с тем латиноамериканские основные законы имеют существенные отличительные черты»⁵⁹.

Что касается американского влияния на развитие европейского буржуазного конституционализма, то оно, как уже говорилось, было опосредовано конституционным опытом Французской революции, следовавшей примеру Америки. В наше время Основной закон США занимает особое место в арсенале орудий идеологической экспансии американского империализма. Конституция, откровенно заявлял на страницах «Вестника конгресса» американский ученый А. Блаустейн, «является, возможно, самой важной статьей экспорта Америки за границу»⁶⁰. Навязывая развивающимся странам свою конституционную модель, американские идеологи пекутся не столько о том, чтобы эти страны воплотили в своих государственно-политических системах демократические идеалы Американской революции, сколько о том, чтобы повсеместно распространить капиталистические, частнособственнические принципы, духом которых пропитан Основной закон США.

**§ 1. Первые попытки
интерпретации: 1789—1816 гг.**

Принятие Конституции и даже формальное вступление ее в силу еще не означали создания эффективно действующего механизма государственной власти. Первая четверть века существования Основного закона стала временем воплощения конституционных положений в практику государственных учреждений. В острой борьбе определялись полномочия тех или иных органов власти, вырабатывались принципы их взаимодействия. В социально-экономическом и политическом отношении это был весьма бурный период. Постепенная либерализация доступа к земле открывала широкие перспективы освоения Запада. На Северо-Востоке начинался промышленный переворот. На Юге набирала силу система плантационного рабства. Продолжалась консолидация американской нации, создавались предпосылки для преодоления экономической разобщенности страны, формирования национального рынка. Принятие конституции ускорило этот процесс¹. Вместе с тем, наряду со становлением основ капиталистической экономики, приведением ее в элементарный порядок, началось развитие американского капитализма «вширь». За двадцать с небольшим лет число штатов увеличилось в полтора раза*.

В политическом отношении период также был весьма насыщенным. В ходе острой борьбы, развернувшейся вокруг мероприятий правительства Дж. Вашингтона, началось формирование первых политических партий — республиканцев и федералистов². Напряженная международная обстановка — почти непрерывные войны, продолжавшиеся вплоть до 1815 года, — не только способствовала росту межпартийных противоречий, но и заставляла расширять и

*

Род-Айленд — 1790 г., Вермонт — 1791 г., Кентукки — 1792 г., Теннесси — 1796 г., Огайо — 1803 г., Луизиана — 1812 г.

укреплять государственный аппарат, принимать решения, бывшие на практике интерпретацией конституционных доктрин.

С осени 1788 года до первой недели апреля следующего года, когда собрался кворум конгресса 1-го созыва, страна фактически не имела центрального правительства, поскольку в октябре 1788 года Континентальный конгресс, действовавший на основе Статей Конфедерации, фактически прекратил свою деятельность. Однако уже 2 июля 1788 г., когда было объявлено о том, что новую Конституцию ратифицировали 9 из 12 штатов, она фактически вступила в силу. Принятый 13 сентября ордонанс назначал сроки проведения голосования выборщиков, избирающих президента, и начала работы конгресса первого созыва. Резиденция правительства США переносилась в Нью-Йорк.

Апрель 1789 года стал первым месяцем существования новых органов законодательной власти (конгресс начал работу в начале месяца) и власти исполнительной (Дж. Вашингтон, избранный президентом в январе, 30 апреля вступил в должность).

Конгресс 1-го созыва, в котором господствовали сторонники администрации, должен был, по выражению американского историка, «вдохнуть жизнь во вновь созданное правительство»³. Одним из первых мероприятий конгресса было принятие 4 июля 1789 г. тарифа, призванного обеспечить правительство устойчивым доходом. Следующим шагом стало создание основных департаментов (министерств) — органов исполнительной власти, рычагов государственной машины: иностранных дел (создан 27 июля 1789 г., 15 сентября преобразован в государственный департамент), военного (7 августа), финансов (2 сентября). Их главами — секретарями стали Т. Джефферсон, Г. Нокс и А. Гамильтон*. 22 сентября 1789 г. конгресс учредил при департаменте финансов должность генерального почтмейстера, назначив на нее С. Осгуда.

Наконец, 24 сентября конгресс принял закон о федеральной судебной системе, по которому Верховный суд, созданный согласно Конституции, должен был состоять из шести членов (включая председателя). Закон учреждал также систему окружных федеральных судов — трем окружным судам были подчинены 13 районных. Ряд положений закона (в первую очередь — ст. 25) предусматривал возмож-

*

Утверждены на своих должностях конгрессом соответственно 26, 12 и 11 сентября 1789 г.

ность обжалования решений судов низшей инстанции и судов штатов в федеральных судах. Они могли решать вопрос о соответствии таких решений Конституции США и федеральному законодательству. Тем самым Верховный суд, возглавлявший эту систему, ставился в особое положение, поскольку именно он должен был выносить окончательное решение о конституционности действий других органов власти⁴. Первым председателем Верховного суда стал Дж. Джей*. По этому же закону создавался пост генерального атторнея (его занял Э. Рэндольф), чьей главной обязанностью стало «консультирование исполнительной власти по юридическим вопросам, ее представительство в судах и обеспечение исполнения законов»⁵. Характерно, что конгресс, исходя в основном из статьи 13 закона, смотрел на Верховный суд прежде всего как на высшую судебную инстанцию страны.

На протяжении первых лет существования новой системы президенту как главе исполнительной власти пришлось решать проблему координации деятельности различных ее частей. К концу 1791 года сложилась практика проведения регулярных совещаний глав основных департаментов — начало формироваться неофициальное понятие кабинета. Тогда же, в первой половине 1790-х гг., президент и конгресс должны были ответить на массу второстепенных, но необходимых для повседневной практики вопросов — таких, например, как методы общения президента с конгрессом, консультации с конгрессом по поводу назначений, заключения договоров и вообще разграничения прерогатив исполнительной и законодательной власти. В конгрессе начала складываться система комитетов, не предусмотренная Конституцией, но становившаяся все более необходимой для решения насущных вопросов, встававших перед законодательной властью. Возникли проблемы, связанные с желанием конгресса провести расследования деятельности того или иного департамента, с руководством центральным аппаратом, с работой его представителей на местах⁶. С этими вопросами политические деятели США столкнулись впервые. Ясно, что их решение сопровождалось острой борьбой. Так, попытки Дж. Вашингтона общаться с конгрессом, непосредственно выступая перед ним, были встре-

*

Поскольку Т. Джефферсон приступил к руководству государственным департаментом только в марте 1790 года, Дж. Джей исполнял все это время и обязанности государственного секретаря.

чены в штыки его членами, которым такая манера напоминала тронные речи британских монархов⁷.

Мероприятия правительства в социально-экономической области, вдохновляемые и руководимые А. Гамильтоном, отчетливо продемонстрировали сущность находившегося у власти буржуазно-плантаторского блока. Принятый летом 1790 года закон об оплате федеральных долгов и долгов штатов предусматривал также погашение облигаций периода Войны за независимость по полной стоимости, не принимая во внимание, в чьих руках они теперь находились. Это означало невиданные по тем временам прибыли для спекулянтов-финансистов, скупавших их за бесценок. Для должников — фермеров, ремесленников, части предпринимателей и плантаторов — закон делал неизбежными и расплату с кредиторами полновесными деньгами и повышение федеральных налогов, взимаемых на покрытие государственного долга в интересах тех же финансистов Новой Англии*. Если оплата долгов, сделанных Континентальным конгрессом и отдельными штатами еще до принятия Конституции, в общем-то соответствовала ее букве, то создание Национального банка, санкционированное конгрессом в начале 1791 года, явно выходило за пределы его конституционных полномочий.

Обосновывая правомочность конгресса создавать Национальный банк, Гамильтон сформулировал доктрину «подразумеваемых полномочий». Суть ее заключалась в утверждении, что конгресс обладает «подразумевающимися, равно как и прямо указанными полномочиями, причем первые переданы ему с той же полнотой, что и последние»⁸. Соответственно, при решении возложенных на него Конституцией наиболее общих по характеру задач вроде сбора налогов, регулирования торговли с иностранными государствами и даже обеспечения «всеобщего блага» конгресс вправе пользоваться «подразумевающимися полномочиями». Эта доктрина положила начало «широкому» толкованию

* В качестве компромисса с Джефферсоном, склонившим часть южан к поддержке этого закона, Гамильтон способствовал перенесению столицы из Филадельфии, где она временно находилась с 1791 года, южнее, на реку Потомак, в особый федеральный округ, куда правительственные учреждения должны были быть перенесены не позже 1800 года. Джефферсон и стал первым президентом, вступившим в должность в новой, теперь уже постоянной, столице.

Конституции, давшему в руки федерального правительства большие полномочия.

Совершенно очевидно, что противники мер, предложенных А. Гамильтоном, группировавшиеся вокруг Т. Джефферсона и Дж. Мэдисона, не только выступали с позиций «узкого» толкования Конституции. Главным носителем суверенитета они считали не сильное федеральное правительство, а отдельные штаты. Суть конфликта между федералистами и их противниками заключалась в выборе путей развития капитализма в Соединенных Штатах. На первый взгляд четкая, логично построенная программа А. Гамильтона, обосновывавшая необходимость создания исправно функционирующей финансовой системы поощрения правительством создания собственных мануфактур имела неоспоримое преимущество перед аграрными «утопиями» Т. Джефферсона. На самом деле принятие программы А. Гамильтона, направленной, как с полной ясностью показали события 1790—1791 гг., на удовлетворение интересов сравнительно узкого слоя финансовой буржуазии Новой Англии, грозило заметным сужением базы развития капитализма в стране. Даже столь подробно обоснованной программе развития мануфактур не хватало одного — емкого внутреннего рынка, который могло обеспечить только развитие капитализма «вширь». Путь, отстаиваемый Т. Джефферсоном и его приверженцами, предусматривал участие в руководстве страной различных слоев буржуазии, плантаторов и отвечал не только их интересам, но и в значительной мере — потребностям фермеров. Он открывал гораздо более широкие перспективы развития капитализма.

Такая расстановка сил, во-первых, сулила федералистам неминуемое поражение в борьбе с мощной коалицией, сплачиваемой негативным отношением к их программе, и, во-вторых, ставила вопрос о полномочиях федерального правительства в центр всей внутриполитической борьбы.

В становлении государственного аппарата важным рубежом стал 1794 год. К этому времени деятельность сотрудников министерства финансов по взиманию налогов, упорядоченная и направляемая А. Гамильтоном, уже успела породить значительное недовольство среди населения. Особенное раздражение вызывал введенный в 1791 году акцизный налог на производство и продажу спиртных напитков. Для многих фермеров, не имевших возможности сбыть зерно (частично из-за отсутствия удовлетворительных путей сообщения), винокурение было единственным выходом из положения, дававшим к тому же дополнительный

заработок. Этот налог стал одной из важнейших статей государственного дохода. В Западной Пенсильвании, где перегонный аппарат имелся почти в каждом доме и виски было своеобразной единицей расчета, мелкие и средние хозяйства оказались в особо тяжелом положении. Их недовольство начало перерастать в открытые выступления⁹.

На подавление «мятежа из-за виски» правительство бросило 15-тысячную армию с кавалерией и артиллерией, состоявшую не только из милиции нескольких штатов, но и из федеральных войск. «Не подлежит сомнению, что поход 15-тысячного войска против почти безоружных фермеров явился также политической акцией федералистов, задавшихся целью продемонстрировать могущество своей власти, поднять ее престиж и влияние. Именно так оценивал результаты похода Дж. Вашингтон, и не случайно он возложил обязанности военного министра на лидера правящей партии, а не на кого-либо из военачальников»¹⁰. Подавление «мятежа из-за виски» показало, что государство, имевшее в начале 1789 года меньше тысячи федеральных военнослужащих, теперь обзавелось солидным, по американским, правда, масштабам, аппаратом репрессий и принуждения и готово, когда сочтет необходимым, пускать его в дело.

Действия федералистов в области внутривластной, равно как и во внешней политике (договор с Великобританией, вошедший в историю под названием договора Джея, делал значительные уступки англичанам и был выгоден только сравнительно узкой группе торгово-финансовой буржуазии Новой Англии), способствовали поляризации политических сил. Оппозиция спланировалась под знаменами джефферсоновских республиканцев. Однако федералисты еще прочно контролировали и законодательную и исполнительную власть. Верховный суд в это время оказался как бы на периферии их деятельности. Даже глава его, Дж. Джей, был занят более заключением договора с Великобританией, нежели своими непосредственными обязанностями. Кроме того, участие в работе окружных федеральных судов вело к тому, что члены Верховного суда большую часть времени находились в разъездах: «судьи почти все время находились в дороге; пребывание в Верховном суде, шутили тогда, требовало в равной степени ловкости наездника и эрудиции юриста»¹¹.

Принятие в 1793 году Верховным судом решения по делу *Chisholm v. Georgia*, признавшего правомерными претензии двух американцев — доверенных лиц британских

кредиторов к штату Джорджия, было встречено конгрессом откровенно враждебно. Решение Верховного суда, основанное на ст. 25 закона 1789 года, не только подтверждало его право решать вопрос о конституционности тех или иных законов, но и с новой силой подчеркивало, что штаты не являются самостоятельными, суверенными государствами. Многие политические деятели, включая юристов, увидели в этом решении разрыв с традициями, завещанными «отцами-основателями»¹². Джорджия отказалась выполнять решение Верховного суда, и одновременно, в начале марта 1794 года, конгресс принял и отправил на ратификацию поправку XI к Конституции, изымавшую из сферы деятельности федеральных судов все дела, связанные с претензиями к отдельным штатам граждан других штатов или иностранных государств. В 1798 году поправка была ратифицирована.

Принятие конгрессом поправки XI было результатом действия весьма сложной комбинации факторов. Наряду с противодействием со стороны южан здесь сказались, несомненно, и отрицательное отношение к договору Джея, и старая, унаследованная еще от антифедералистов, неприязнь к централизаторским устремлениям¹³. Действительной причиной, вызвавшей столь острую реакцию на решение дела *Chisholm v. Georgia*, были не столько идейно-теоретические разногласия (противники Верховного суда сами выступали зачастую с противоположных позиций), сколько соображения финансового характера. Возникло опасение, что это решение повлечет за собой массу исков к отдельным штатам Союза как со стороны бывших британских кредиторов, так и со стороны лоялистов, требующих компенсации за собственность, утраченную в годы революции. Иски подобного рода, предъявленные Массачусетсу, Джорджии, Вирджинии и Южной Каролине, подтверждали, что тревога американцев-должников была вполне обоснованной¹⁴.

Для федералистов такой исход дела означал изменение подхода ко всей системе органов государственной власти. Они по-прежнему прочно контролировали власть исполнительную, но в проведении своей программы в жизнь на конгресс, не говоря уже о штатах, они теперь не могли полностью положиться. Острая реакция на договор Джея скорее укрепляла их в этом мнении. И федералисты обратили внимание на контролируемый ими Верховный суд, который был заведомо не подвержен в такой степени, как конгресс, влиянию нараставшей оппозиции. Да и Верховный суд все более стремился добиться признания за ним права объяв-

лять неконституционными любые акты, принятые конгрессом¹⁵. Таким образом, приступив к активным поискам своего места в политической системе Соединенных Штатов, он сразу же стал инструментом ожесточенной межпартийной борьбы. Уже Дж. Вашингтон положил начало практике назначения на посты в Верховный суд своих политических приверженцев¹⁶.

8 марта 1796 г. Верховный суд, вынося решение по сравнительно второстепенному вопросу о законе, облагавшем налогом кареты, объявил этот налог косвенным и, следовательно, закон, принятый в 1794 году, конституционным*. Значение этого решения заключалось в том, что в нем с полной ясностью подтверждалось данное законом 1789 года право Верховного суда решать вопрос о конституционности актов, принятых конгрессом. В общем, к 1800 году подавляющее большинство федеральных судей, да и юристов вообще, признавало за Верховным судом это право¹⁷. Тогда же, в 1796 году, конкретное значение решения Верховного суда проявилось в том, что уже 22 апреля, т. е. всего через полтора месяца, было вынесено новое решение, по которому все международные договоры, соответствующим образом утвержденные, приобретали статус федеральных законов и в качестве таковых имели верховенство над любыми законами штатов. Такое решение, с одной стороны, несомненно способствовало нормальному ведению внешнеполитических дел, но, с другой стороны, оно явно страховало договор Джея от возможных нападок, осуществляемых под флагом суверенитета штатов.

Выборы 1796 года, знаменовавшие новый этап в борьбе федералистов и республиканцев, привели к парадоксальному результату. Президентом стал Дж. Адамс — федералист, получивший 71 голос выборщиков, а вице-президентом — вождь оппозиционной партии Т. Джефферсон, набравший 68 голосов. В условиях резко обострившейся межпартийной борьбы федералисты сумели на выборах в конгресс в 1798 году добиться существенного перевеса над республиканцами. Этому успеху (в конечном счете — одному из последних) в немалой степени способствовало ухудшение отношений с Францией, дошедшее до необъявленной американо-французской войны на море, и особенно срыв

*

Если бы этот налог был объявлен прямым, то, в соответствии с Конституцией, он должен был бы быть распределен между штатами пропорционально их населению.

переговоров в Париже, когда представители Директории начали открыто вымогать у американцев взятку. Федералисты, обвинив своих противников в профранцузских симпатиях, использовали все выгоды создавшейся ситуации и, опираясь на свои позиции в конгрессе, перешли в наступление, решив разделаться с оппозицией.

Летом 1798 года конгресс принял четыре так называемых закона о натурализации и измене¹⁸. Закон о натурализации от 18 июня, изменяя соответствующий закон 1795 года, требовал для предоставления гражданства США 14 лет проживания в стране вместо пяти, как прежде. Закон об иностранцах (25 июня) давал президенту право высылать из страны иностранцев, которые будут сочтены «опасными для общественного спокойствия». Явно направленным против иммигрантов из Франции был и закон о враждебных иностранцах (6 июля), дававший президенту право арестовывать, держать в заключении и высылать подданных той страны, с которой США находятся в состоянии войны. Многие известные политические деятели, жившие в Америке без гражданства, стали подвергаться нападкам и гонениям, а кое-кто из них покинул страну. Наконец, закон о подстрекательстве к мятежу (14 июля) под страхом штрафа и тюремного заключения запрещал гражданам США и иностранцам объединяться в целях противодействия законам Соединенных Штатов и их выполнению должностными лицами. Эта часть закона была выпадом против республиканской партии. Другая его часть предусматривала такие же наказания за написание и публикацию материалов, направленных против правительства, конгресса и президента. Характерно, что вице-президент в законе упомянут не был*. Одновременно (летом 1798 года) федералисты предприняли ряд мер по укреплению федеральных вооруженных сил, готовясь, как и в 1794 году, использовать их, согласно Конституции, для подавления выступлений внутри страны.

Принятие законов, ограничивавших свободу слова и, следовательно, нарушавших Билль о правах, и тем более попытки проведения их в жизнь резко подорвали престиж федералистов. Даже в их рядах не было единства по отношению к этим законам. Например, Дж. Маршалл, буду-

*

Именно Т. Джефферсон, став президентом в 1801 году, помиловал еще находившихся в заключении республиканских редакторов и издателей, а конгресс выплатил им компенсации за штрафы, причем даже с учетом набежавших процентов.

щий глава Верховного суда и фактический лидер федералистов после 1801 года, считал, что они вносят ненужные раздоры и сеют вражду между различными группами населения и частями страны, т. е. фактически противоречат целям, преследуемым федералистами¹⁹. Республиканцы, напротив, сомкнули ряды, приглушили разногласия и начали энергично готовиться к президентским выборам. Их партийные организации и печать, несмотря на противодействие федералистов, работали гораздо эффективнее.

Другое следствие появления репрессивного законодательства — невиданно острая конфронтация в области конституционных доктрин, связанная с так называемыми Кентуккской и Вирджинской резолюциями, принятыми законодательными собраниями этих штатов (Кентуккская, фактически представлявшая собой набор двух резолюций, — 16 и 22 ноября, Вирджинская — 24 декабря 1798 г.). Автором первой был Т. Джефферсон, второй — Дж. Мэдисон. Правда, оба долгие годы скрывали свое авторство. Кентуккская резолюция, будучи более радикальной, по сути дела, ставила под сомнение основы Конституции. Соединенные Штаты провозглашались объединением суверенных штатов, сохраняющих в качестве таковых все свои права. Федеральное же правительство наделялось лишь теми правами, которые штаты сочтут нужным ему делегировать. Судить о пределах своей власти федеральное правительство, естественно, не может. Напротив, каждый суверенный участник соглашения, наравне с другими, выбирает в случае нарушения Конституции пути и средства исправления нанесенного вреда²⁰. 22 февраля 1799 г. законодательное собрание Кентукки приняло новую резолюцию, в которой провозглашалось право штатов объявлять неконституционными федеральные законы и, следовательно, не выполнять и даже противодействовать их выполнению. Речь шла фактически о нуллификации.

Кентукки и Вирджиния призвали другие штаты присоединиться к ним, но не нашли поддержки. Верховный суд Массачусетса объявил меры, принятые конгрессом, не только конституционными, но и необходимыми. С такой оценкой согласилось и законодательное собрание Мэриленда. Семь северных штатов, отвечая на призывы южан, заявили, что только Верховный суд вправе решать вопрос о конституционности того или иного закона, принятого конгрессом²¹. И с той и с другой стороны было немало агрессивных жестов, вплоть до военных приготовлений, но до открытого конфликта дело не дошло. В значительной сте-

пени это объясняется тем, что республиканцам, надевшимся победить на президентских выборах, не было ни нужды, ни смысла ломать сложившуюся политическую систему. Доктрина суверенитета штатов, сформулированная в столь крайней форме, была выдвинута республиканцами как вариант теории народного суверенитета, противопоставляемый антидемократическим построениям федералистов, и использовалась как аргумент в борьбе в рамках системы. Способствовал компромиссу и тот факт, что сами законы, вызвавшие столь острые разногласия, постепенно начали «умирать своей смертью». В 1800 году истек срок действия закона об иностранцах, 3 марта 1801 года — закона о подстрекательстве к мятежу, а попытки продлить его в январе не увенчались успехом. Уже после прихода республиканцев к власти был отменен закон о натурализации и восстановлен закон 1795 года.

Победа республиканцев на выборах 1800 года знаменовала собой новый этап в становлении политической системы Соединенных Штатов. Период, последовавший непосредственно за выборами, создал важнейший для нормального функционирования системы в целом прецедент мирного перехода власти из рук побежденной партии в руки победителей. При голосовании в коллегии выборщиков сложилась тупиковая ситуация: оба кандидата республиканцев — Т. Джефферсон и А. Бэрр получили равное число голосов (по 73). Решение вопроса было перенесено в палату представителей, где большинство имели федералисты, многие из которых склонны были поддержать Бэрра. Лишь с помощью А. Гамильтона, употребившего все свое влияние, удалось добиться на 36-м голосовании избрания Т. Джефферсона. (По мнению А. Гамильтона, с Джефферсоном можно было достичь соглашения сотрудничать. В Бэрре же он видел опасного авантюриста.) Прямым следствием этого весьма напряженного эпизода стало предложение конгрессом 9 декабря 1803 г. поправки XII к Конституции, вводящей раздельное голосование выборщиков за президента и вице-президента. Американские исследователи считают принятие этой поправки, ратифицированной уже к 25 сентября 1804 г., важным шагом в сторону признания роли политических партий в жизни страны, притом признания конституционного²².

Промежуток между выборами и вступлением Джефферсона в должность был использован федералистами для принятия закона о реформе судебной власти, предусматривавшего сокращение числа членов Верховного суда с

шести до пяти человек и создание (вместо трех прежних) 16-ти окружных федеральных судов, в достатке укомплектованных персоналом. Появление закона, с одной стороны, вызывалось многими вполне очевидными к тому времени недочетами судебной системы. Их в равной мере признавали и федералисты и республиканцы²³. С другой стороны, эта мера носила открыто узкопартийный характер. Потеряв контроль над законодательной и исполнительной властью, федералисты попытались внедрить в судебную систему максимум своих сторонников, чтобы иметь возможность сдерживать проведение в жизнь программы республиканцев. Среди назначений было и выдвижение на пост главы Верховного суда одного из наиболее видных федералистов Дж. Маршалла, оказавшего правительству Дж. Адамса весьма ценную и квалифицированную помощь во время борьбы, развернувшейся вокруг законов, принятых в 1798 году²⁴.

Нет ничего удивительного, что «полуночные назначения», произведенные Дж. Адамсом в последние часы пребывания на посту президента, и закон 1801 года о реформе судебной системы вызвали открытое недовольство республиканцев. Уже в начале 1802 года по предложению президента конгресс фактически отменил закон о реформе, восстановив прежний численный состав Верховного суда и сократив число федеральных судебных округов до шести. Во главе каждого должен был стоять член Верховного суда.

Именно одно из «полуночных назначений», отмененных республиканской администрацией, стало объектом весьма важного решения Верховного суда.

В деле *Marbury v. Madison* Мэrbюри, судебному чиновнику, назначенному на этот пост Дж. Адамсом, государственным секретарем Мэдисоном было отказано в выдаче патента, разрешавшего вступление в должность, аннулированную президентом Джефферсоном. Мэrbюри обратился в Верховный суд, требуя помочь ему получить патент. Дж. Маршалл рассудил, что подтверждение прав Верховного суда в новой обстановке дороже карьеры одного из единомышленников. Признав, что правительство поступает с Мэrbюри незаконно, Маршалл отказался от полномочий, установленных статьей 13-й закона 1789 года, и заявил об аннулировании этой статьи вообще, поскольку она превращала Верховный суд в суд первой инстанции, чем и воспользовался Мэrbюри. Дж. Маршалл мог бы и не аннулировать ее — нарочито широкая формулировка ста-

ты позволяла ему не удовлетворять просьбу Мэрбюри, не прибегая к столь решительным действиям. Однако глава Верховного суда, отдавая себе отчет в важности нового прецедента, решил придать особую значимость подтверждению права Верховного суда выступать в качестве единственной инстанции, решающей вопрос о конституционности законов. Повод был тем удобнее, что формально Маршалл выносил решение в пользу своих политических противников²⁵. Признав действия администрации незаконными, он указал, что подобные дела вообще не должны рассматриваться Верховным судом, но вместе с тем особо подчеркнул право «говорить, что есть закон страны», толковать Конституцию, решать, соответствует ли ей тот или иной закон²⁶.

Действия Верховного суда, столь активно утверждавшего одну из своих наиболее важных прерогатив, вызвали ответную реакцию республиканцев, попытавшихся сместить его членов и федеральных судей путем импичмента²⁷. Озлобление республиканцев было тем острее, что это был далеко не единственный случай признания судебными инстанциями неконституционными действий власти законодательной. Через шесть месяцев после решения по делу Мэрбюри окружной федеральный суд округа Колумбия аннулировал по делу *United States v. Benjamin More* еще один федеральный закон, причем само это дело касалось опять-таки прав и полномочий судебной системы²⁸. Первой жертвой республиканцев стал окружной федеральный судья Дж. Пикеринг, признанный сенатом виновным в пьянстве и некомпетентности и смещенный с должности в марте 1804 года. Затем была предпринята попытка сместить члена Верховного суда С. Чейза, известного своими антиреспубликанскими настроениями. Сенат отказался утвердить обвинения, предъявленные палатой представителей, и в марте 1805 года Чейз был оправдан. Это спасло и Дж. Маршалла, потому что, по всеобщему мнению, в случае импичмента судьи Чейза следующим был бы он²⁹. Республиканцы отказались от попытки провести «чистку» Верховного суда. «Время и смерть должны были постепенно сделать то, чего не смогла сделать лобовая атака. Пребывание Джефферсона на посту президента началось, когда Верховный суд был монолитно федералистским; к концу его второго срока там было три человека, назначенных им»³⁰. Постепенно начала меняться и позиция самого Верховного суда. На место прежнему активному противодействию акциям законодательной и исполнительной влас-

ти пришло сначала осторожное, а потом все более ответственное сближение, чему способствовала эволюция самих республиканцев.

Деятельность правительства и президента далеко не во всем совпадала с идеями, которые они исповедовали в недавнем прошлом. В главных чертах был сохранен весь государственный механизм, созданный федералистами; основные принципы взаимоотношения его частей остались без существенных изменений³¹. С наибольшей последовательностью республиканцы, обещавшие американцам «простое и дешевое правительство», действовали в области финансов. Своими целями они провозгласили сокращение национального долга, отмену внутренних налогов, сокращение расходов на вооруженные силы. С 1801 по 1809 год национальный долг сократился, несмотря на значительные непредвиденные расходы, с 83 до 57 млн. долларов. Эти непредвиденные расходы были связаны в первую очередь с покупкой Луизианы — огромной территории, простиравшейся от Миссисипи на востоке до Скалистых гор на западе и от Мексиканского залива на юге до канадской границы на севере. Наполеон, вынудив Испанию согласиться на переход Луизианы под власть Франции, мечтал сделать ее ядром колониальной империи, но вынужден был отказаться от этих замыслов и продать ее американцам, которые вели с ним переговоры о возможности покупки Нового Орлеана. Без консультаций с конгрессом Джефферсон осуществил покупку Луизианы за 15 млн. долларов, сразу же вдвое увеличив территорию, принадлежавшую Соединенным Штатам. Сенат утвердил договор 24 голосами против 7. Стоит, однако, отметить, что в Конституции ничего не было сказано о приобретении или присоединении чужих территорий.

В ходе этой дискуссии произошли еще более странные, на первый взгляд, события. Джефферсон, сторонник «узкого» толкования Конституции, поступил так, как подобало поступить приверженцу ее «широкого» толкования. Федералисты, напротив, выступали теперь сторонниками «узкого» толкования Конституции. По сути же дела в такой метаморфозе не было ничего удивительного. Федералисты откровенно опасались, что на приобретенной территории возникнут новые штаты и Новая Англия, их оплот, растворится среди них, утратит свое прежнее значение. Приобретая Луизиану, Джефферсон, слывший прежде человеком непрактичным³², подводил под свои мечты об об-

шестве, состоящем из мелких собственников-землевладельцев, солидную материальную базу.

В условиях резкого усложнения внешнеполитических проблем, вызванного покушениями Великобритании на суверенитет Соединенных Штатов, Т. Джефферсон проявил себя как «сильный» президент, имеющий и активно проводящий в политике собственную линию. Правда, для решения внешнеполитических задач он обладал весьма ограниченным набором средств. Единственным успехом республиканцев в военной области было создание военной академии, открывшейся 4 июля 1802 г. в Вест-Пойнте. Остальные же виды вооруженных сил, особенно флот, были резко сокращены. Однако для достижения поставленных целей джефферсоновские республиканцы пошли на такую меру, как введение в декабре 1807 года эмбарго. Принятием закона об эмбарго они надеялись использовать против Великобритании самое мощное, на их взгляд, оружие — экономическое давление. Но они явно переоценивали как важность торговли Англии с Северной Америкой, так и свои силы. В попытках использовать экономику в качестве средства решения внешнеполитических проблем они опередили свое время.

Эмбарго, нанесшее изрядный вред американской торговле (его пришлось отменить в марте 1809 года), имело, впрочем, одно непредвиденное и далеко идущее последствие — оно послужило мощным толчком, ускорившим развитие американской промышленности. Надеясь избежать войны и одновременно добиться поставленных целей во внешней политике, республиканцы прибегли к мерам, выходящим за рамки «узкого» толкования Конституции. В этом еще раз проявилась суть претерпеваемой ими эволюции. Стараясь сохранить верность своим прежним доктринам в новых, резко меняющихся условиях, они все дальше отходили от них на практике. Поэтому их разногласия с Верховным судом приобретали все менее принципиальный характер. Однако до полного слияния позиций было еще очень далеко. При удобном случае стороны готовы были доставить своим политическим противникам немало хлопот.

Обострение внешнеполитического кризиса в 1806—1807 гг. привело к неожиданной конфронтации президента и Верховного суда в связи с делом *United States v. Burr*. К тому времени А. Бэрр, и ранее проявлявший авантюристические наклонности в политике, окончательно поставив крест на прежней политической карьере дуэлью с А. Гамильтоном, стойшей тому жизни, вынашивал планы воз-

рождения своего влияния. Из западных территорий США и испанских владений он якобы собирался создать независимое государственное объединение³³. В тех местах «Бэрр был лишь последним в череде спекулянтов и создателей всевозможных империй. ...Что Бэрр в действительности собирался делать, остается неясным до настоящего времени»³⁴. Несомненным было одно — его действия в нижнем течении Миссисипи могли вызвать войну с одной из европейских держав. В условиях, когда и Англия и Франция совершали по отношению к США враждебные акты, когда британские военные суда силой снимали с американских (как торговых, так и военных) судов действительных или мнимых дезертиров, правительство Джефферсона решило продемонстрировать силу, проявить твердость во внешней и внутренней политике. Кроме того, сам президент был явно заинтересован в устранении опасного политического деятеля, компрометировавшего республиканскую партию и осложнявшего ее позиции во внутриполитической борьбе. Поэтому сразу же после задержания А. Бэрра в январе 1807 года президент опубликовал декларацию, обвинявшую того в государственной измене.

В свою очередь Дж. Маршалл, также руководствуясь политическими мотивами, желая дискредитировать республиканскую партию и ее лидера, решил воспрепятствовать проведению процесса в том виде, в каком его замышлял президент. Этому должен был способствовать провал обвинения Бэрра в государственной измене. Сформулировав определение государственной измены, Маршалл сумел доказать, что представленные правительством документы не подтверждают совершения Бэрром такого преступления³⁵. Более того, глава Верховного суда потребовал от главы исполнительной власти представления находящихся в его распоряжении документов судебным властям и выступления президента США в качестве свидетеля на процессе. Острая конфронтация закончилась компромиссом. Маршалл убрал из текста решения Верховного суда некоторые фразы, бывшие явным личным выпадом против Джефферсона, президенту не пришлось выступать в качестве свидетеля, но, по сути дела, Бэрр был оправдан. Маршалл очень умело применил те положения Билля о правах, в которых говорилось о незаконности осуждения до суда, проведенного по предписанным законом правилам. Президент-республиканец был вынужден отступить перед собственными доктринами.

Таким образом, в этом деле было установлено несколько важнейших прецедентов. Во-первых, было подтверждено право подсудимого собирать доказательства в свою защиту. Следует подчеркнуть, что доводы Дж. Маршалла об особенностях «скорого и открытого суда» и правах обвиняемого порождались не столько его приверженностью демократическим институтам, сколько стремлением противодействовать политическим противникам. Во-вторых, было вновь подтверждено право Верховного суда определять соответствие тех или иных действий исполнительной власти Конституции. Борьба между судебной и исполнительной властью завершилась компромиссом — сторонам пришлось отступить от вопроса об обязательности для президента подчиняться решениям судебной власти. Маршалл считал, что он достаточно последовательно защищал этот принцип, Джефферсон утверждал, что отстаивал принцип разделения властей³⁶. В то же время без ответа остались многие вопросы*. Принципы и решения, которые нынешние американские правоведы представляют плодом напряженных философских размышлений, — не что иное, как порождение острой внутриполитической борьбы, где стороны зачастую поступали вопреки принципам, в верности которым клялись.

Важным рубежом в становлении политической системы Соединенных Штатов стала англо-американская война. К началу войны не все ее части успели «притереться» друг к другу; практика работы большинства государственных учреждений (особенно органов исполнительной власти) носила в значительной степени характер импровизации, не была подчинена единой системе. К тому же настоящим проклятием государственной машины был сепаратизм. Все эти факторы в полной мере проявились во время войны.

Накануне войны «ястребы» из конгресса (вроде Г. Клея и Дж. Кэлхуна) планировали по меньшей мере захват Ка-

*

Не был, например, окончательно определен состав государственной измены. Это послужило одной из причин, помешавших довести до конца суд над Дж. Дэвисом после Гражданской войны. Вопрос же о праве судебных властей требовать от главы исполнительной власти предоставления суду находящихся в его распоряжении вещественных доказательств оставался открытым с 1807 до 1974 года, когда Верховный суд единогласно подтвердил право судебных властей требовать от президента Р. Никсона выдачи записей бесед, связанных с «уотергейтским делом».

нады. Однако ход военных действий быстро развеял их иллюзии. Если на море они велись с переменным успехом (да и то потому, что Британия, удачно осуществлявшая блокаду побережья США, не бросила в бой основные силы флота), то на суше дела обстояли почти катастрофически. Из шестисот с лишним тысяч человек, состоявших в списках милиции всех штатов, на призыв президента Мэдисона откликнулось менее пяти тысяч. Лишь в 1814 году численность армии с громадным трудом удалось довести до 35 тысяч человек³⁷. Милиция штатов не желала идти сражаться за пределы своих территорий. Губернаторы трех штатов Новой Англии вообще отказались выполнить приказ президента США об отправке в его распоряжение войск. Купцы Новой Англии и Нью-Йорка поставляли противнику продовольствие. В августе 1814 года президенту и членам конгресса пришлось спасаться от приближавшихся английских войск, которые не только захватили столицу, но и безнаказанно ушли, успев сжечь и Капитолий, и Белый дом.

Под предлогом обсуждения мер по обороне побережья Новой Англии от британского флота 15 декабря 1814 г. федералисты, выступавшие против этой войны, созвали в Хартфорде (штат Коннектикут) конвент. На нем присутствовали делегаты от Массачусетса, Коннектикута, Род-Айленда и Вермонта. В резолюции конвента республиканская администрация обвинялась в злоупотреблении властью и нарушении баланса сил в Союзе приемом новых штатов. Резолюция требовала принятия поправок к Конституции США, ограничивающих полномочия федерального правительства и ограждающих прежнее положение Новой Англии. В случае отказа рассмотреть эти требования, а также продолжения войны, она грозила созывом другого конвента для принятия соответствующих мер. Штаты, не так давно дружно клеймившие Кентуккскую и Вирджинскую резолюции, заняли почти что сходные позиции. Если республиканцы в 1798 году все-таки ограничились в основном резолюциями, то часть федералистов в 1814 году была настроена гораздо серьезнее. Однако их поведение в годы войны внесло раскол в ряды федералистской партии — слишком уж очевидным был разрыв с прежними принципами.

Представители Хартфордского конвента прибыли в Вашингтон, дабы предъявить его резолюцию, одновременно с известиями о подписании в Генте мира с Великобрита-

нией и победе у Нового Орлеана, единственной настоящей победе, одержанной уже после подписания мира.

Страна вступала в новый этап своей истории, на передний план надолго выходили внутренние проблемы социально-экономического и политического развития.

§ 2. Развитие буржуазных отношений и эволюция конституционных доктрин: 1816—1860 гг.

Завершение англо-американской войны знаменовало собой вступление Соединенных Штатов в новый этап развития. В стране начинается промышленный переворот, широкие масштабы принимает освоение Запада, на Юге крепнет система плантационного рабства, прочно связанная с мировым рынком, интенсивно расширяется территория*. Весьма бурным был этот период и в политическом отношении: начавшись с «эры доброго согласия», иллюзий всеобщего примирения, он очень скоро стал временем острых конфликтов, мощных общественно-политических движений, ожесточенного соперничества различных партийных группировок. Именно тогда с достаточной ясностью наметилась расстановка сил, конфликт между которыми, обострившийся в 50-е гг., привел к Гражданской войне.

Главное в социально-экономическом становлении страны в то время — борьба двух тенденций развития капитализма — «вглубь» и «вширь». Развитию «вширь» — ничем не сдерживаемому, подчас хаотическому росту мануфактур, заселению и освоению Запада — противостояла тенденция к стабилизации уже существующих капиталистических отношений, их углублению, упорядочению, введению в более строгие и жесткие рамки. Совершался поворот от прежней, унаследованной кое в чем еще от колониальных, дореволюционных времен социально-экономической структуры к новой, в гораздо большей степени связанной с самостоятельным капиталистическим развитием страны.

*

После войны в Союз почти каждый год вступали новые штаты: 1816 год — Индиана, 1817 год — Миссисипи, 1818 год — Иллинойс, 1819 г. — Алабама, 1820 год — Мэн, 1821 год — Миссури.

Шло становление политической системы Соединенных Штатов. Все эти обстоятельства непосредственно отражались на деятельности государственных органов, на эволюции конституционных доктрин. Сами они стали частью развертывавшейся борьбы.

Первым, довольно кратковременным, но весьма плодотворным и показательным периодом стала так называемая «эра доброго согласия» — время от конца англо-американской войны до экономического кризиса 1819 года и дебатов, приведших к Миссурийскому компромиссу, т. е. до начала 20-х гг.³⁸. В это время сошла с общенациональной политической сцены некогда могучая партия федералистов. Произошло это не столько из-за ее ошибочной тактики в годы войны, сколько потому, что ее программа была почти полностью воплощена в жизнь ее противниками — республиканцами. Эмбарго, введенное правительством республиканцев, сыграло роль мощнейшего протекционистского тарифа, а нужды войны заставили перейти к еще более последовательному поощрению собственной промышленности. Следующим шагом в этом направлении стал принятый в 1816 году первый, пока еще довольно скромный, но по характеру явно протекционистский тариф, направленный против попыток Великобритании «задушить в колыбели» зарождающуюся американскую промышленность.

Слабость финансовой системы, выявившаяся в ходе войны, заставила воссоздать Национальный банк, бывший в глазах прежнего поколения республиканцев «чуждым», подлежащим безусловному уничтожению. Республиканцы, наученные горьким опытом военного кризиса, выступали теперь сторонниками проведения программы внутренних улучшений — строительства дорог, каналов, портов, улучшения естественных водных путей, т. е. создания сети коммуникаций, призванной связать страну в одно целое.

Такой поворот в столь важных вопросах не был для республиканцев отходом от прежних доктрин. Они смотрели на него как на необходимое приспособление к новым обстоятельствам, как на реализацию старых доктрин в новой ситуации. В условиях, когда Соединенные Штаты превратились в «маленькое республиканское пятнышко на полях венских трактатов», правящая партия была вынуждена не только следовать республиканским принципам, но и укреплять государственные институты молодой республики. Важнейшим требованием в этом отношении стало

упорядочение деятельности и укрепление федеральной власти.

Федералисты, лишившиеся собственной экономической и политической программы, расколовшиеся по вопросу об отношении к злополучному для их партии Хартфордскому конвенту, очень скоро перестали быть реальной политической силой и утратили влияние на общенациональном уровне. Однако такое положение грозило весьма серьезными последствиями и для республиканской партии. Отождествив себя с обществом в целом, республиканская партия сама превратилась в рыхлый конгломерат, готовый развалиться при первом же серьезном потрясении.

«Эра доброго согласия» знаменовалась активной деятельностью Верховного суда, во главе которого стоял Дж. Маршалл. На протяжении сравнительно короткого времени была принята серия важных решений, затронувших многие положения Конституции. Активность Верховного суда в это время во многом объясняется тем, что деятельность федералистов, окопавшихся в нем, не только не противоречила политике двух других ветвей государственной власти, но до поры даже совпадала с ней в некоторых вопросах. Поворот Верховного суда к поддержке действий федерального правительства³⁹ соответствовал усилиям по приведению в порядок изрядно дезорганизованной экономики страны. Без этих мер дальнейшее развитие становилось попросту невозможным. Поэтому деятельность Верховного суда не только не встречала серьезного сопротивления, но и сама стала частью «эры доброго согласия». Видные республиканцы У. Джонсон и Дж. Стори, ставшие членами Верховного суда, в решающих вопросах были на стороне Дж. Маршалла.

Основное направление деятельности Верховного суда в это время — выяснение соотношения полномочий властей штатов и федерального правительства. В решениях, принятых между 1815 и 1830 гг., члены Верховного суда исходили из предпосылки, что Соединенные Штаты представляют собой единую и суверенную нацию, а не конфедерацию суверенных штатов. Такой подход был обусловлен рядом факторов. Благоприятное, или по крайней мере невраждебное, отношение к этой доктрине конгресса было во многом подготовлено позицией нового поколения республиканцев — Г. Клея, Дж. Кэлхуна и им подобных, которые еще до англо-американской войны начали проповедовать необходимость укрепления центральной власти,

создания сильного, мощного государства, располагающего подобающими вооруженными силами, крепко связанного сетью дорог и каналов, проводящего целенаправленную политику защиты собственной промышленности и торговли. Наряду с этим Верховный суд почти в каждом деле, касавшемся полномочий федеральных властей и властей штатов, упорно отстаивал свое право решать подобные вопросы, защищал место, выделенное ему в политической системе Соединенных Штатов законом 1789 года.

Уже в марте 1816 года, вынося решение по делу *Martin v. Hunter's Lessee*, связанному с земельными спекуляциями, Верховный суд в очередной раз подтвердил свои полномочия высшей судебной инстанции, свое исключительное право решать вопрос о конституционности принимаемых законов и, кроме того, приоритет федеральных законов над законами отдельных штатов. Уже тогда с достаточной четкостью наметилось противостояние между сторонниками прав штатов и приверженцами сильной федеральной власти. Дело было, однако, не только в этом, уже довольно традиционном для политической жизни Соединенных Штатов, конфликте. Интенсивность деятельности Верховного суда и его упорство были вызваны изменившейся социально-экономической и политической ситуацией. Бурное, ничем не сдерживаемое развитие частно-предпринимательской деятельности, вызвав поначалу всплеск экономической активности, обернулось в 1819 году серьезнейшими потрясениями, расстроившими весь хозяйственный механизм США.

В условиях кризиса власть имущие, в первую очередь финансисты, кредиторы, обращались к судам в поисках защиты от всего того, что они считали радикальным, противозаконным. Речь, разумеется, шла прежде всего о законодательстве отдельных штатов, о действиях властей штатов. Таким образом, вопрос о полномочиях федеральной власти оказался тесно связанным с защитой права собственности. Главным оплотом оппозиции централизаторским устремлениям стали правительства штатов, особенно тех, чьи интересы прямо затрагивались решениями Верховного суда.

Одним из наиболее серьезных этапов развернувшейся борьбы стала серия решений, вынесенных в 1819 году. Первым среди них было дело Дартмутского колледжа. Власти штата Нью-Гэмпшир — губернатор и законодательное собрание — взяли курс на изъятие управления колледжем из рук федералистов, имевших там с давних

пор прочные позиции. Те, в свою очередь, решили использовать конфликт для того, чтобы дать генеральное сражение республиканцам.

Дж. Маршалл, рассматривая дело, трактовал частный колледж как корпорацию, а его хартию, выданную еще британской короной, как договор. Объявив хартию колледжа договором, он поставил вопрос о том, находится ли данный договор под защитой Конституции Соединенных Штатов и не нарушают ли его действия властей штата. Ответ его был совершенно определен — хартия признавалась договором, нарушение которого невозможно без нарушения Конституции Соединенных Штатов, а действия властей Нью-Гэмпшира признавались именно таким нарушением⁴⁰. Таким образом, был провозглашен принцип святости, нерушимости договора, непреложности его выполнения. Принцип приоритета федерального законодательства означал в данном случае ненарушимость выполнения обязательств, налагаемых договором, на всей территории — уже существовавшей или потенциальной — Соединенных Штатов. Кроме того, Дж. Маршалл санкционировал правомерность существования корпораций, ставших впоследствии основной формой организации крупного бизнеса в США.

С проблемой обязательности выполнения положений договора было связано и решение по делу *Sturges v. Crownshield* о конституционности закона штата Нью-Йорк о банкротстве. Подобные законы были прямо и непосредственно связаны с положением должников — одним из наиболее острых вопросов политической жизни того времени. Решение Верховного суда, признавшего закон штата Нью-Йорк неконституционным, привело к серьезному ограничению деятельности штатов в этой области, хотя полностью и не исключило ее⁴¹. Характерно, что конгресс много раз обсуждал различные проекты общенационального закона о банкротстве, но так и не решился сделать какие-либо определенные шаги. Принцип непреложности выполнения договора, несомненно, способствовал становлению основ функционирования капитализма как системы хозяйства, его развитию в равной степени и «вглубь» и «вширь». Вместе с тем провозглашение неконституционными законов ряда штатов в конечном счете было направлено и против концепции народного суверенитета. Сама же деятельность Дж. Маршалла превратилась в объект острейшей критики⁴².

Наконец, в том же 1819 году Верховный суд вынес ре-

шение по делу *McCulloch v. Maryland*, занявшее центральное место в вопросе толкования прав конгресса и приоритета федерального законодательства над законодательством штатов. Данный конфликт был вызван к жизни деятельностью Национального банка. Национальный банк, с одной стороны, несомненно, способствовал некоторому упорядочению финансового положения в стране, играя роль барьера на пути распространения ничем не обеспеченных бумажных денег. Бумажные же деньги, выполняя функцию средства обращения, хотя и способствовали продвижению на Запад, открытию новых предприятий, облегчению положения должников, породили безудержные спекуляции, приведшие к особо тяжелым последствиям в годы кризиса. С другой стороны, Национальный банк все больше превращался в оплот финансовой буржуазии, сравнительно узкой, элитарной группы господствующего класса, заинтересованной в четкой деятельности уже сложившегося механизма. Для этой группы, корнями уходившей в колониальные времена, главным было развитие «вглубь». Она была заинтересована не столько в новых возможностях капиталистического развития, сколько в использовании уже имеющихся, причем решающее значение для нее имела защита собственного привилегированного положения.

Неудивительно, что действия Национального банка вызывали недовольство широких слоев населения, включая предпринимателей и даже зависевших от него местных банкиров и финансистов. Именно этим недовольством и объясняется принятие штатом Мэриленд закона, по которому местное отделение Национального банка облагалось налогом, препятствовавшим его нормальному функционированию.

Закон стал предметом разбирательства в деле *McCulloch v. Maryland*. Признавая, что в Конституции не оговорено право конгресса создавать банки или корпорации, Дж. Маршалл указывал, что в ней нет и условия, прямо ограничивающего побочные и подразумеваемые права конгресса. Следовательно, конгресс, по его мнению, обладал не только прямо обозначенными в Конституции, но и другими, подразумеваемыми правами, правами на «необходимые и должные» действия, связанные с реализацией его полномочий. Поскольку, утверждал Дж. Маршалл, затруднения, связанные с отсутствием Национального банка, «убедили даже наиболее предубежденных в необходимости принятия закона», дело это находилось в рамках полномо-

чий конгресса⁴³. Другой аспект дела касался права штата Мэриленд облагать налогом местное отделение Национального банка. Здесь Дж. Маршалл снова прибег к принципу верховенства федерального законодательства, отвергнув правомочность штата принимать подобные статуты.

Это решение, заложившее правовые основы единой финансово-кредитной системы, несмотря на яростную критику, было дополнено в 1824 и 1829 гг. новыми, изымавшими действия Национального банка из-под юрисдикции штатов⁴⁴, причем в 1824 году дело проиграл не только штат Огайо, легислатура которого приняла закон, по которому местное отделение Национального банка было обложено налогом, но и местные должностные лица, действовавшие в соответствии с этим актом.

Недовольство, вызванное позицией Верховного суда в деле *McCulloch v. Maryland*, было особенно велико на Юге и Западе. Началось даже движение за принятие поправки к Конституции, по которой власти штата получили бы право в случаях, подобных имевшему место в 1819 году, запретить функционирование Национального банка на своей территории. Законодательные собрания пяти штатов поддержали этот проект, а в девяти он был отвергнут. Однако события 1819—1824 гг. показали, сколь велико было недовольство действиями Национального банка. Начала складываться широкая, хотя во многом и противоречивая, коалиция, сказавшая свое веское слово в политической борьбе позже, в конце 20-х — начале 30-х гг. Несмотря на нарастание сопротивления действиям Верховного суда, могло показаться, что линия, столь успешно проводимая высшей судебной инстанцией в решениях 1819 года, получит дальнейшее продолжение, что концепция приоритета федеральных властей примет еще более законченные формы. Этого, однако, не произошло. Дальнейшее развитие в наметившемся направлении прочно заблокировал Миссурийский компромисс.

Политический кризис, вызванный обсуждением вопроса о допуске в состав Союза штата Миссури, с полной ясностью продемонстрировал, что наряду с целым комплексом довольно сложных задач социально-экономического характера в политическую жизнь Соединенных Штатов вошла новая проблема — рабство. В разгоревшемся конфликте разношерстному блоку противников рабства противостоял единый Юг, сильный своими связями с мировым рынком, сплоченностью и решимостью до конца отстаивать основу своего экономического процветания. Этим и объясняется исход

кризиса — Миссури был принят в Союз в качестве рабовладельческого штата. Фактически Юг одержал победу⁴⁵, поскольку остальные участники компромисса обязались не вмешиваться в вопросы, связанные с существованием рабства, признав его, так сказать, «внутренним делом» Юга.

Однако, сделав это, надо было признать и то, что власть штатов простирается на ряд таких вопросов, которых федеральный конгресс вообще не имеет права касаться. Позиция южан была однозначна — уже в ходе дебатов они вплотную подошли к мысли о выходе из Союза в случае неблагоприятного для них исхода спора⁴⁶. Пойдя на компромисс, противники южан вынуждены были признать тем самым, что важнейшая сторона жизни многих штатов и предмет острых дебатов на новых территориях фактически находится вне сферы компетенции федеральной власти. Наметившейся было достаточно четко линии на установление принципа приоритета федерального законодательства над законодательством штатов был положен предел, введена была та граница, за которую федеральные власти не могли переходить. Это с достаточной ясностью проявилось во время второго Миссурийского компромисса в марте 1821 года, когда в конгресс была представлена конституция будущего штата. В ней содержалось запрещение въезда на территорию Миссури свободным неграм и мулатам, что вызвало серьезные протесты в конгрессе. Дело удалось уладить при посредничестве Г. Клея, который предложил законодательному собранию Миссури дать заверения, что данное условие никогда не будет истолковано как ограничение прав американских граждан⁴⁷. Характерно, что само обсуждение подобных вопросов ушло из рук Верховного суда в конгресс, где они решались путем компромиссов, основанных на весьма туманных, как это было во втором Миссурийском компромиссе, заверениях.

Следует отметить, что и сами доктрины, которыми оперировал в это время Верховный суд, вряд ли могли в сколь-либо значительной степени способствовать решению возникшего вопроса. Святость договора, защита права собственности в приложении к проблеме рабства в лучшем случае не давали ничего для ее решения. В худшем случае эти принципы могли привести — и в конечном счете привели — к распространению сыска беглых рабов и, следовательно, рабства на всю остальную территорию Союза. Образовался своего рода конституционный тупик, главное направление деятельности Верховного суда было блокировано, важнейший вопрос жизни страны

остался без ответа. Не случайно после 1820—1821 гг. активность Верховного суда пошла на убыль, большинство его решений было всего лишь развитием принципов, положенных в основу решения по делу *McCulloch v. Maryland*⁴⁸.

Особое место на этом фоне занимает дело *Gibbons v. Ogden*, затрагивавшее проблемы развития транспортной сети страны. Дело возникло в 1819 году и было связано с выдачей штатом Нью-Йорк одной из пароходных компаний монопольного права на плавание по Гудзону. Штаты Коннектикут и Нью-Джерси ответили принятием таких же законов, запретив парходам, зарегистрированным в Нью-Йорке, входить в свои воды. Создалось положение, грозившее в полном смысле слова парализовать сообщение между штатами. В 1824 году дело дошло до Верховного суда. Решая этот вопрос, Дж. Маршалл опирался на положение Конституции, разрешавшее конгрессу регулировать торговлю между штатами. Торговлю он истолковал максимально широко, не только как «транспорт», «перевозку», но как нечто большее — как «отношения»⁴⁹. Права конгресса были очерчены весьма расширительно, особенно в области регулирования торговли между штатами.

Данное решение было довольно популярным, т. к. ограничение выдачи всевозможных монопольных прав в это время поддерживалось различными слоями населения. В решении Верховного суда специально оговаривалось, что полномочия конгресса простираются на отношения между штатами в принципе — вне зависимости от типа транспорта. Тем самым создавались предпосылки к созданию единой транспортной сети страны, независимой от деятельности отдельных штатов. В полной мере значение этого решения сказалось уже через несколько лет, когда, наряду с развитием пароходного сообщения по водным путям, началось интенсивное строительство железных дорог.

Серия решений Верховного суда, принятых между 1816 и 1824 гг., — принцип непреложности выполнения договора, «банковское дело», «пароходное дело» — создавали солидную правовую основу для функционирования капиталистической экономики. Создание такого фундамента было особенно важно для Соединенных Штатов, еще только входивших в полосу бурного территориального и экономического роста. Значение этих решений было в значительной мере потенциальным. Они обеспечивали юридические предпосылки для создания единого рынка, хотя до его реального появления было еще очень далеко. Возможности, заложенные

в решениях маршалловского Верховного суда, были реализованы много десятилетий спустя*.

В то же время политика Верховного суда встретила на уровне штатов и в конгрессе серьезнейшую оппозицию. Обстановка затяжного (особенно на Западе) экономического кризиса стимулировала подобные выступления — на каждой своей сессии с 1819 по 1827 год Верховный суд признавал неконституционными те или иные меры, направленные на облегчение положения многочисленных должников, принятые штатами⁵⁰. Аргументы, выдвигаемые противниками Верховного суда в конгрессе, совпадали с аргументацией их единомышленников в штатах. Они делали упор на отсутствие в Конституции положений о праве Верховного суда признавать недействительными законы и судебные решения штатов, на то, что Верховный суд не несет ответственности перед народом за свои действия. Утверждалось, что ущемление прав штатов ведет к нарушению народного суверенитета, прав граждан, населявших эти штаты. В конгресс вносились, правда, без особого успеха, проекты превращения сената в последнюю инстанцию во всех делах, касающихся законодательства штатов, об увеличении числа членов Верховного суда.

Проблема полномочий властей штатов приобрела после англо-американской войны новые черты. Мощный импульс был придан ей развернувшимся в это время движением за демократизацию политической жизни, и прежде всего за расширение избирательного права. К 40-м гг. в подавляющем большинстве штатов к участию в выборах допускались практически все белые мужчины, достигшие определенного возраста. Избрание выборщиков во время президентских выборов постепенно изымалось из рук законодательных собраний штатов: вопрос все чаще решался прямым голосованием. К 1828 году только в двух штатах из 24 (Южной Каролине и Делавэре) сохранялась прежняя система. Расширялся круг выборных должностных лиц, количество представителей, выбираемых тем или иным округом, все чаще определялось численностью населения, а не суммой уплачиваемых налогов**. Движущей силой борь-

*

«Сообщество предпринимателей, для которого так верно трудился Маршалл, еще находилось в состоянии младенчества, хотя, без сомнения, оно уже успело показать миру, на что оно способно». — *Dan-gerfield G. Op. cit., p. 163.*

**

В числе наиболее последовательных сторонников распределения норм представительства на основе

бы за демократизацию политической жизни были прежде всего широкие слои мелкой и средней буржуазии. Первые рабочие партии, возникшие в Пенсильвании и Нью-Йорке, также входили в этот блок.

Таким образом, сторонники прав штатов делились на два, достаточно тесно переплетенных, но все же ясно различных течения — демократическое, связанное с борьбой широких масс за улучшение своего положения, и южное, плантаторское, защищавшее интересы рабовладельческой олигархии. Наличие столь широкой оппозиции делало положение сторонников усиления федеральной власти чрезвычайно уязвимым. Особенно ясно это проявилось в годы президентства Дж. К. Адамса. Президент представил на рассмотрение конгресса ряд мер, направленных на дальнейшее сплочивание страны воедино, на создание определенной структуры, закрепляющей это единство, — расширение сети дорог и каналов, создание Национального университета, введение единой системы мер и весов, исследование западной части страны. Президент выдвигал хорошо обоснованные и детально разработанные законопроекты, направленные на поощрение промышленности, развитие торговли, сельского хозяйства, наук. Все эти мероприятия должны были осуществляться федеральными властями. Современники отмечали, что по своему духу программа Дж. К. Адамса совпадала с доктринами, которые отстаивал в это же самое время Дж. Маршалл⁵¹. Однако предложения президента по большей части наталкивались на сопротивление конгресса, особенно со стороны южан — сторонников прав штатов. Против президента действовал вице-президент Дж. Кэлхун, который, пользуясь своими правами председателя сената, назначал членами всевозможных сенатских комитетов заведомых противников главы исполнительной власти, в значительной мере блокируя проведение в жизнь его программы.

Главным направлением развития страны по-прежнему оставалось движение «вширь» — создание новых возможностей для развития капитализма. В сложившейся ситуации преждевременный поворот к развитию «вглубь» грозил тем, что базис для будущего капиталистического развития окажется недостаточно прочным. Чрезмерный же уклон в сторону прав штатов, ведущий в конце концов к сепаратизму, грозил раздроблением единой страны. Борьба этих

суммы налогов, особенно налогов на имущество, был Д. Уэбстер. — *Current R. Op. cit.*, p. 37.

противоположных тенденций и составила реальное содержание многих острейших эпизодов политической борьбы периода «джексоновской демократии».

Победа сторонников Э. Джексона на президентских выборах 1828 года, открывшая новую важную страницу в истории США, создала предпосылки для максимально свободного развития капитализма, для ликвидации оплота торгово-финансовой буржуазии — Национального банка. В области политической, связанной с проблемами власти и конституционных доктрин, пребывание Э. Джексона у власти ознаменовалось реформой государственной службы и нуллификационным кризисом.

Рассматривая реформу государственной службы, проведенную при Э. Джексоне, следует учитывать общее состояние федерального аппарата в конце 20-х гг. В стране, раскинувшейся на громадном пространстве от Канады до Флориды, насчитывавшей уже не менее 14 млн. жителей, имелось чуть более 10 тысяч федеральных чиновников. В ряде районов, особенно в новых штатах, федеральные органы в силу малочисленности и слабости едва могли выполнять свои функции. В самом Вашингтоне число государственных служащих — от президента до последнего клерка — не превышало пятисот человек⁵². Однако сокращение правительственных расходов и численности правительственного аппарата были любимыми лозунгами тогдашних политических кампаний. Под такими же лозунгами вел кампанию в 1828 году и сам Э. Джексон.

Приход джексонских демократов к власти ознаменовался небывалым прежде «разделом добычи» — в первый же год было сменено 900 федеральных чиновников, всего же «разделу добычи» подверглось не менее трети всех федеральных должностей*. Производя «раздел добычи», Э. Джексон и его сторонники не только укрепили позиции собственной партии, но и действовали в соответствии с собственными концепциями демократии: по их убеждению, только периодическая сменяемость должностных лиц гаран-

* Современные американские историки, изучающие эволюцию государственного аппарата США, полагают, что степень сменяемости была гораздо меньше и большинство перемещений пришлось на второй срок пребывания Джексона на посту президента. — *Crenson M. The Federal Machine. Beginnings of Bureaucracy in Jacksonian America.* Baltimore — Lnd. 1975, p. 3; *White L. Jacksonians: A Study of Administrative History, 1829—1861.* N. Y., 1956.

тирует их ответственность перед народом. Но переход к системе «раздела добычи», раздачи мест сторонникам победившей партии требовал превращения государственных учреждений в обезличенные организации, деятельность которых не зависела бы от личных качеств отдельных служащих, т. е. бюрократизации государственного аппарата. Возможность роста бюрократии была заложена в самом принципе «правления законов, а не правления людей», подразумевающим известную степень имперсональной организации. Однако, начиная с Дж. Вашингтона, правительство в своей деятельности опиралось не столько на формальные правила, сколько на личные качества и достоинства того или иного администратора. Само правительство в значительной мере составлялось на основе личных симпатий и антипатий. Деятельность государственных учреждений определялась личными пристрастиями их руководителей, а руководители принадлежали к прежней породе аристократии и полуаристократии, господствовавшей в политической жизни страны после завоевания независимости. До Э. Джексона реорганизации в системе органов исполнительной власти были редчайшим исключением. Единственный прецедент — реорганизация министерства финансов и морского министерства во время англо-американской войны.

Реформы сторонников Э. Джексона носили гораздо более широкий и систематический характер. Правда, из-за противодействия конгресса далеко не все они были претворены в жизнь. Однако в отношении двух учреждений — министерства почт и Главного земельного управления — джексо尼亚нцы добились своего. Эти ведомства были самыми крупными агентствами федерального правительства, в них состояло три четверти всех занятых на федеральной службе⁵³. По роду своей деятельности они были постоянно и непосредственно связаны с широкими слоями населения, что превращало их в важные каналы воздействия на электорат. Помимо министерства почт и Главного земельного управления, реорганизации подверглись военное министерство и три раза — Государственный департамент.

Суть происходивших перемен заключалась в том, что права и обязанности государственных служащих были довольно четко, причем для многих учреждений впервые за всю их историю, очерчены и закреплены в законодательном порядке. Официальные функции правительственных чиновников были довольно последовательно отделены от их деятельности в качестве частных лиц. Государственные учреждения превратились в своего рода организационные абстрак-

ции, действующие независимо от качеств людей, работающих в этих учреждениях. Их руководители, прежде занимавшиеся в основном общими вопросами, всех больше превращались в узких специалистов, административная иерархия становилась более сложной и формализованной. Появились правила, регламентирующие поведение государственных служащих на службе и вне ее.

Перестройка аппарата исполнительной власти сопровождалась и активизацией его деятельности. Если в первые годы президентства Э. Джексона и делались попытки сократить правительственные расходы (1828 г.—16 394 тыс. долл., 1829 и 1830 гг.—около 15 млн.), то к 1833 году правительственные расходы составили 23 млн. долларов, причем затраты на содержание армии выросли на 18 %, а расходы министерства почт — в 2,7 раза⁵⁴.

Укрепление исполнительной власти было прямым следствием изменений, вызванных подъемом демократического движения. Выход на политическую арену широких слоев населения, рост числа избирателей, развертывание мощных, зачастую эгалитарных по характеру, движений требовали укрепления и модернизации всех звеньев политической системы буржуазного общества. Не случайно другой стороной этого процесса стало превращение политических партий в неотъемлемую часть политической системы. В 20-е и 30-е гг. были окончательно уничтожены многие архаичные структуры, сохранявшиеся в политической жизни страны с колониальных времен и в свое время пережившие революцию. Буржуазно-республиканские институты теперь в гораздо большей степени соответствовали обстановке буржуазного экономического и территориального развития Соединенных Штатов, которые стали единственной страной, где республика была не «политической формой революционного преобразования буржуазного общества, а консервативной формой его существования»⁵⁵.

Вместе с тем укрепление аппарата федеральной власти соответствовало многим устремлениям сил, на которые опиралась демократическая партия. Колонизация Запада была невозможной без создания транспортной сети, строительства и поддержания дорог. Для джексоновских демократов вопрос полномочий федерального правительства заключался лишь в том, что оно должно было брать на себя выполнение тех задач, которые действительно выходят за рамки полномочий штатов. При Э. Джексоне федеральные войска все чаще использовались для вытеснения индейцев с территорий, на которых те находились согласно договорам, подпи-

санным с правительством Соединенных Штатов*. Активно действующая исполнительная власть — в вопросах ли освоения Запада, в борьбе ли с Национальным банком — была составной частью, притом активной, общего потока, боровшегося за расширение рамок капиталистического развития.

Однако укрепление органов исполнительной власти не решало и не могло решить важнейшего вопроса о соотношении власти федеральной и властей штатов. Более того, в это время в южных штатах усилились позиции нуллификаторов — наиболее экстремистски настроенных сторонников прав штатов, считавших, что штаты вправе не признавать федеральные законы и отменять на своей суверенной территории распоряжения федерального правительства, хотя бы и соответствующие Конституции. Сама доктрина нуллификации не была чем-то новым. Кентуккская и Вирджинская резолюции носили, по сути дела, нуллификаторский характер. Нуллификаторским было и решение законодательного собрания Массачусетса, признавшего Акт об эмбарго 1807 года «несправедливым, угнетательским и неконституционным», а следовательно, не имеющим обязательной силы. Во время англо-американской войны законодательное собрание Коннектикута отказалось предоставить в распоряжение федерального командования свои войска и трактовало Коннектикут как «свободный, суверенный и независимый штат», а Соединенные Штаты — как конфедерацию штатов⁵⁶.

После принятия в 1816 году Верховным судом решения по делу *Martin v. Hunters Lessee* вирджинские республиканцы — сторонники прав штатов, возглавляемые С. Роаном, утверждали, что штат имеет право не выполнять решения Верховного суда. Потребовался довольно ловкий маневр — другое решение Верховного суда, сулившее вирджинцам получение с Кентукки весьма значительных сумм, чтобы зас-

* В мае 1830 года был принят Акт о переселении индейцев, который давал президенту право вести переговоры с индейскими племенами, жившими к востоку от Миссисипи, о переселении их на запад, за Миссисипи, причем земли предполагалось выкупать по минимальной, чисто символической цене. Некоторые из наиболее развитых племен пытались отстоять свои земли судебным порядком. Верховный суд вынес даже решение о неконституционности одного из законов Джорджии, направленного против индейцев, но ничего не сделал для претворения в жизнь этого решения, против которого выступили и южные штаты, и президент.

тавить их признать полномочия Верховного суда. Однако такой своеобразный «подкуп», разумеется, не решал принципиальных вопросов. В основе теории и практики нуллификации лежало стремление тех или иных политических групп захватить в политической системе страны место и влияние, не соответствовавшее их реальному политическому и экономическому весу. В случае, если им отказывали в их требованиях, они грозили сломать систему, выйти из нее.

Принятие нового протекционистского тарифа 1824 года южане встретили с откровенным беспокойством, а дополнивший его в 1828 году «тариф абсурдов», направленный не только на защиту американской промышленности, но и на привлечение на сторону Э. Джексона населения ряда штатов, вызвал с их стороны яростные протесты. Со времен Миссурийского компромисса прошло немного времени, но Юг уже начал ощущать изменение соотношения сил внутри Союза. Север обгонял его и по росту населения и по промышленному развитию. Протекционистские тарифы ставили под удар одну из основ экономики Юга — его связь с мировым рынком.

Оплотом нуллификаторов стала Южная Каролина, а главным идеологом — Дж.Кэлхун. В свое время Кэлхун выступал как сторонник сильной федеральной власти, но тогда, после англо-американской войны, южане еще надеялись играть в Союзе решающую роль. Теперь же вице-президент, скрывая свое авторство, создал наиболее законченный документ нуллификаторов — «Экспозицию и протест Южной Каролины», принятый законодательным собранием штата. В этом документе обосновывалось право каждого штата отказаться от выполнения любого законодательного акта, принятого федеральным конгрессом, если сам штат сочтет, что этот закон противоречит Конституции⁵⁷. Утверждалось, что в результате принятия новых тарифов Южная Каролина, как и все южные штаты, вынуждена вносить в федеральную казну больше средств, чем другие, а получает меньше. В целом и доктрина прав штатов, и нуллификация, и даже сецессия были основаны на идее, согласно которой экономическому благосостоянию и образу жизни меньшинства грозят политические решения, принимаемые большинством.

Несмотря на то, что летом 1832 года конгресс несколько снизил ставки тарифа 1828 года, Южная Каролина в ноябре 1832 года объявила и те и другие недействительны-

ми, запретив федеральным органам сбор соответствующих пошлин на территории штата. В случае попыток принудить ее согласиться на принятые конгрессом тарифы Южная Каролина грозила выходом из Союза. В ответном обращении к жителям Южной Каролины президент указал, что отмена одним из штатов Союза закона, принятого федеральным конгрессом, противоречит Конституции, а выход из Союза квалифицировал как измену⁵⁸. Вместе с тем в послании конгрессу он предложил сократить тарифные ставки.

В марте 1833 года были приняты два закона, направленные на достижение компромисса,— один из них давал президенту право использовать армию и флот для сбора пошлин, другой предусматривал их постепенное снижение.

Южная Каролина, не поддержанная другими южными штатами, которые не ощущали еще серьезной угрозы своему положению, вынуждена была отменить свое прежнее постановление. Объявляя акт о применении вооруженных сил незаконным, она, по сути дела, лишь «спасала лицо», поскольку использование силы становилось излишним.

Конечно, сам по себе компромисс ничего не решал, он лишь подчеркивал серьезность положения. Именно поэтому Э. Джексон и его сторонники видели единственный путь сохранения целостности Союза в продолжении прежней линии — игнорировании проблемы рабства. В прощальном обращении, ставшем своего рода «политическим завещанием», Э. Джексон, отстаивая необходимость сохранения Союза, предупреждал против «систематических попыток посеять семена раздора между отдельными частями Соединенных Штатов, свести партийные разногласия к географическим, возбудить Север против Юга и Юг против Севера»⁵⁹. В случае попыток расторжения Союза, говорил он, «разрыв будет становиться все шире и шире, вопросы, которые сейчас обсуждаются и решаются на собраниях законодателей, будут решаться мечом на полях сражений», а за первым расколом неизбежно последуют новые, обломки прежде единой страны станут легкой добычей для иноземных авантюристов⁶⁰.

Однако, стремясь сохранить Союз, осуждая доктрину нуллификации, Э. Джексон совершенно четко и недвусмысленно наметил пределы вторжения федеральных властей во внутренние дела штатов. Нарушение права собственности, внутреннего мира и спокойствия граждан, про-

извольное вмешательство в их жизнь не может быть оправдано никакими соображениями человеколюбия и гуманизма⁶¹. Вывод был совершенно очевиден: если для поддержания целостности Союза требовалось устраниться от решения проблемы рабства, то для сохранения единства страны надо было заплатить и эту цену.

Таким образом, сохранение Союза, обеспечивающего оптимальные перспективы капиталистического развития, ставилось в зависимость от сохранения фактора, препятствующего этому развитию. Во время второго президентства Э. Джексона вопрос о рабстве все более обострялся и постепенно выходил на первый план в политической жизни страны.

Стремление и в дальнейшем игнорировать вопрос о рабстве, на котором строили свою политическую линию деятели «джексоновской демократии», оборачивалось все большими издержками. Среди многочисленных и очень пестрых общественных, политических, религиозно-этических и других движений, столь характерных для этого периода, с каждым годом громче звучал голос антирабовладельческих сил. Их состав, разумеется, тоже не был однородным, он отражал разномастный состав джексонской коалиции, включая широкий спектр элементов от приверженцев ограничения распространения рабства на новые территории до убежденных аболиционистов.

Реальный ход политической борьбы в 20—40-е гг. показал, что решить накопившиеся противоречия в рамках сложившегося соотношения сил практически невозможно. Несмотря на мощный подъем демократического движения, на расширение электората, становление гораздо более демократичной, нежели прежняя, политической системы (особенно на уровне штатов), в рассматриваемый период не удалось добиться принятия ни единой поправки к Конституции, хотя такие попытки предпринимались не раз. Четырежды получали одобрение сената и каждый раз проваливались в палате представителей предложения, направленные на демократизацию порядка избрания сенаторов⁶². Требования ввести выборы президента прямым голосованием, усилившиеся после президентских выборов 1824 года, также ни к чему не привели. В условиях острой межсекционной и межпартийной борьбы, когда не только на федеральном уровне, но и в отдельных штатах зачастую сталкивались по пять и более политических группировок, добивавшихся проведения своих сторонников в конгресс, даже второстепенные по характеру поправки к Консти-

туции не получали должной поддержки для ратификации*.

Вместе с тем продолжавшееся бурное экономическое развитие страны существенно изменило многие вопросы, бывшие прежде предметом ожесточенной борьбы. Так, протекционистские тарифы перестали быть жизненной необходимостью для прочно вставшей на ноги американской промышленности. Острейший кризис, разразившийся в 1837 году, вновь вызвал к жизни вопрос о положении должников и, следовательно, непреложности выполнения договоров. В свете новых потребностей развития частнособственнических отношений несколько изменились задачи Верховного суда, возглавленного после смерти Дж. Маршалла Р. Тэни. «Речь не шла больше о защите самой собственности; дело касалось, скорее, двух видов интересов, связанных с собственностью, — тех, которые уже были твердо обеспечены, и тех, которые отражали интересы новых, еще вступающих в конкурентную борьбу предприятий»⁶³. Следовало в первую очередь создать условия для максимально свободного развития капитализма, создания и функционирования новых предприятий.

Уже в 1837 году были вынесены принципиально важные решения, отражавшие изменения в деятельности Верховного суда. Дело *Charles River Bridge v. Warren Bridge* касалось хартии, выданной законодательным собранием Массачусетса компании, владевшей мостом и получавшей изрядные прибыли. Выданная в 1785 году хартия была в 1792 году продлена на семьдесят лет. Однако в 1828 году законодательное собрание выдало другую хартию на постройку почти в том же месте нового моста, причем как только компания, построившая мост, покрывала издержки, взимание пошлин за пользование мостом могло быть прекращено. Первая компания потребовала выдачи судебного предписания, запрещавшего строительство нового моста. Верховный суд, признав право штата регулировать вопросы, связанные со «всеобщим благом», отказался рассматривать выдачу второй хартии как нарушение договора⁶⁴.

*

Не ратифицированной осталась даже принятая в 1810 году поправка, запрещавшая американским гражданам принимать от иностранных государств дворянские титулы, почетные звания и награды, хотя многие американцы полагали, что она давно принята и стала поправкой XIII к Конституции США. — *Kelly A., Harbison W. Op. cit., p. 326.*

Характерно, что Р. Тэни не подверг ревизии прежнее решение по дартмутскому делу, а лишь вывел рассматриваемый вопрос из сферы его применения. Тем не менее это решение, а также дело *Mayor of New York v. Miln*, в ходе рассмотрения которого в том же 1837 году были признаны конституционными законы штата Нью-Йорк по поводу судов, заходящих в нью-йоркский порт⁶⁵, не только открывали широкие возможности для развития транспортной сети страны, но и создали климат, способствующий появлению новых предприятий. Верховный суд с гораздо большей снисходительностью, нежели прежде, смотрел на действия отдельных штатов в социально-экономических вопросах. Концепция народного суверенитета, воплощенная прежде всего в местном самоуправлении, в правительствах отдельных штатов, служила в годы «джексоновской демократии» делу развития капитализма «вширь». Так, в деле *Briscoe v. Bank of Kentucky* в значительной мере вразрез с прежними решениями суд признал законным выпуск бумажных денег банком, контролируемым штатом Кентукки⁶⁶. Такой поворот в деятельности Верховного суда, укомплектованного теперь в основном сторонниками Э. Джексона, не был удивительным после ожесточенной борьбы джексонианцев с Национальным банком⁶⁷.

В это время члены Верховного суда принимали активное участие в деятельности окружных судов, причем чаще всего по многу лет в одном и том же округе. Назначения в Верховный суд производились с учетом интересов штатов, входивших в округ. Характерно, что к моменту смерти Дж. Маршалла шесть западных и южных штатов вообще еще не были включены в систему округов. Лишь один из семи членов Верховного суда, Дж. Маклин, представлял округ, считавшийся в это время западным (в него входили Огайо, Кентукки и Теннесси)⁶⁸. Это не могло не отражаться на деятельности Верховного суда — члены его неизбежно становились выразителями интересов определенных групп штатов.

Между тем, по мере того как вопрос о рабстве выходил на первый план в политической жизни страны, отношения между отдельными штатами становились все более натянутыми. В ряде северных штатов начиная с 1824 года были приняты так называемые «законы о личной свободе», направленные на защиту свободных негров и беглых рабов от посягательств рабовладельцев. В ответ южане (особенно отличалась этим Южная Каролина) приняли ряд законов, запрещающих свободным неграм въезд на территорию

своих штатов. Дело дошло до того, что негры — члены экипажей судов, приходивших в южные порты, заключались на весь срок пребывания судна в порту под арест⁶⁹. В 40-е гг. Верховный суд занимал по этому вопросу весьма двусмысленную позицию. Признавая конституционность федерального закона 1793 года о беглых рабах, он одновременно признавал право отдельных штатов запрещать подчиненным им должностным лицам выполнять этот закон, поскольку штаты, по его мнению, не были обязаны проводить закон в жизнь⁷⁰.

Оживление аболиционистской деятельности в 30-е гг. и яростная реакция Юга поставили сразу несколько вопросов, связанных с основными положениями Конституции. Наложение южными штатами запрета на ввоз аболиционистской литературы, предложения Дж. Кэлхуна о введении федеральной цензуры на отправляемые по почте материалы, поддержанное Э. Джексон⁷¹, представляли собой явное нарушение свободы слова. Принятие в мае 1836 года палатой представителей «правила кляпа», запрещавшего рассматривать в конгрессе какие-либо петиции и другие материалы, относящиеся к вопросам рабства, фактически нарушало Конституцию США. Не случайно Дж. К. Адамс, бывший президент, считал эти действия прямой угрозой политической системе страны⁷². Однако большинство членов конгресса в это время продолжало придерживаться мнения, что сохранение Союза требует уступок Югу в вопросе о рабстве.

Последствия этой бесконечной цепи компромиссов и уступок требованиям рабовладельческой олигархии стали очевидны к 1850 году, когда решение важнейшей задачи — дальнейшего территориального расширения Соединенных Штатов (речь шла о вступлении в Союз Калифорнии) — было заблокировано рабовладельцами. Ценой принятия Калифорнии в Союз стал новый закон о беглых рабах, который на всей территории Союза надлежало проводить в жизнь федеральным властям. Компромисс 1850 года, а точнее «перемирие 1850 года»* было нарушено уже

*

В компромисс 1850 года вошла целая система законов. Между Калифорнией и Техасом решением конгресса были образованы две территории — Нью-Мехико и Юта, где решение вопроса о рабстве было отдано в руки населения. Калифорния допускалась в Союз в качестве свободного штата. Запрещалась торговля рабами в округе Колумбия. Вместе с тем новый закон о беглых рабах квалифициро-

весной 1854 года принятием закона Канзас-Небраска, по сути, ликвидировавшим Миссурийский компромисс — одну из основ всей политической жизни страны в тот период.

Разразившаяся вскоре в Канзасе гражданская война показала, что возможности решения вопроса о рабстве в рамках существовавшей политической системы стремительно сокращаются, причем инициатором вооруженного конфликта становилась именно плантаторская олигархия⁷³. Прежние партийно-политические объединения распадались, конгресс охватывал паралич⁷⁴. Именно в такой обстановке и было вынесено решение Верховного суда по делу Дреда Скотта, негра из Миссури. Д. Скотт, побывавший со своим хозяином в штатах, где рабство было запрещено, обратился в суд первой инстанции с просьбой признать его свободным человеком. Еще в 40-е гг. Верховный суд довольно терпимо относился к «законам о личной свободе», существовавшим в ряде северных штатов, по которым раб, побывавший в этих штатах, становился свободным человеком. Теперь он же семью голосами против двух решил, что негры не имеют прав граждан, что раб, находящийся на «свободных» территориях, не становится свободным, а конгресс не имеет права запрещать рабство на территориях. Миссурийский компромисс был объявлен неконституционным. Раб, говорилось в решении Верховного суда, является собственностью хозяина, которую он может взять с собой в любой штат или территорию, а правительство обязано эту собственность защищать. Речь шла, таким образом, о фактическом распространении рабства на всю территорию Соединенных Штатов⁷⁵.

Решение по делу Д. Скотта лишь способствовало дальнейшему нарастанию кризиса. «Вопреки распространенному мнению, суд не смог успокоить споры, разгоревшиеся вокруг рабства, вынеся четкое, определенное решение»⁷⁶. Более того, в критический для страны момент Верховный суд, на протяжении предшествовавших сорока лет так много сделавший для успешного развития капиталистической экономики и становления буржуазно-демократической политической системы, не только усугубил ее кризис, но и утратил на время возможность оказывать влияние на развитие событий.

вал как преступление любую попытку помешать претворению его в жизнь. Рабы, согласно этому закону, теряли право выступать свидетелями в случаях, касающихся непосредственно их. — *Potter D. M. The Impending Crisis 1848—1861. N. Y., 1976, p. 90.*

**§ 1. Влияние Гражданской войны
и Реконструкции на развитие
конституционно-правовых доктрин:
1861—1877 гг.**

В истории Соединенных Штатов вряд ли можно найти классовое столкновение, сопоставимое по масштабам с Гражданской войной и Реконструкцией. «Неотвратимый конфликт», назревавший на протяжении нескольких десятилетий, завершился в конце концов революционным взрывом, ибо Гражданская война и последовавший за ней период Реконструкции были не чем иным, как своеобразной формой, в которой осуществилась, по сути, вторая буржуазная революция в США. Эти события — «убедительное доказательство того, что нельзя путем компромисса эффективно решать коренные проблемы, связанные с борьбой за власть между классами»¹, — оказали огромное воздействие практически на все стороны жизни американского общества, в том числе на развитие конституционно-правовых доктрин. За сравнительно короткий исторический отрезок в конституционно-правовом нормотворчестве произошли значительные изменения, для которых в иное время потребовались бы многие десятилетия.

В основе начавшейся весной 1861 года Гражданской войны лежали долго накапливавшиеся в организме американского общества противоречия, в широком спектре которых приоритет, безусловно, принадлежал столкновению интересов плантаторов-рабовладельцев южных штатов и буржуазии «свободных» северных штатов.

По словам К. Маркса, борьба Севера и Юга «являлась движущей силой истории Соединенных Штатов в течение полувека»². Однако до определенного момента система плантационного хозяйства на Юге и система свободного предпринимательства на Севере не только не противоречили, но, напротив, взаимообуславливали, дополняли друг друга³. Подобная ситуация позволяла политическим лидерам Севера и Юга избегать прямой конфронтации в вопросе о рабстве.

Своеобразной аксиомой политической философии США тех лет стала идея «справедливого компромисса». Такие разноплановые деятели, как демократы М. Ван-Бюрен, С. Дуглас, Дж. Полк, виги Дж. Уайт, Г. Клей и другие, постоянно подчеркивали, что видят свою миссию в «урегулировании всех существующих спорных проблем между штатами, вытекающих из вопроса о рабстве на справедливой, равной и честной основе»⁴. Это стремление отчетливо проявилось в основных политико-правовых доктринах, законодательных актах и судебных решениях (доктрина суверенитета поселенцев, компромисс 1850 года, билль Канзас-Небраска, закон о выдаче беглых рабов и т. д.).

Однако в подобных «справедливых компромиссах» чем дальше, тем явственнее ощущался «южный» привкус. К. Маркс в связи с этим писал: «Если положительный и окончательный результат каждой отдельной схватки оказывался в пользу Юга, то внимательный наблюдатель исторических событий не мог не заметить, что каждое продвижение рабовладельцев является шагом на пути к их окончательному поражению»⁵. Постоянные уступки южанам во имя сохранения Союза вызывали нараставшее раздражение у наиболее последовательных идеологов промышленной буржуазии Севера. Так, будущий лидер радикальных республиканцев — противников рабовладения Т. Стивенс, полемизируя со сторонниками умиротворения Юга, пророчески предсказывал: «Мы так часто спасали Союз, что, я боюсь, наша любовь окажется в конце концов для него губительной»⁶.

Усилившаяся агрессивность Юга все больше накаляла обстановку в стране, делала перспективу сосуществования рабовладельческих и «свободных» штатов нереальной. Еще в 1858 году будущей президент США А. Линкольн заявил: «Страна не может оставаться наполовину свободной, наполовину рабовладельческой... Либо с распространением рабства будет покончено, либо его сторонники не остановятся до тех пор, пока не сделают его законным институтом в масштабе всей страны, в старых и новых штатах, на Севере и на Юге»⁷.

Действительно, на выборах 1860 года южане выступили с ультиматумом: рабство должно быть санкционировано законом на всей территории США, без каких-либо ограничений со стороны федеральных властей⁸. В противном случае они считали себя правомочными на любые акции, вплоть до сецессии (т. е. выхода из состава Союза).

Суть их построений сводилась к следующему: 1) Конституция — соглашение между «суверенными штатами», а Союз, созданный на базе этого документа, — не более чем лига отдельных штатов, сохраняющих полную самостоятельность в решении внутренних вопросов; 2) суверенитет штата — не отчуждаемое в пользу федерального правительства свойство, оно навсегда сохраняется за штатом; 3) каждый штат имеет право в любой момент отказаться от выполнения положений федеральной Конституции и выйти из состава Союза, если сочтет, что федеральные власти своими действиями ущемляют его суверенитет.

Спор о юридической природе Союза так и не удалось решить конституционными методами, ибо южане и не стремились к этому. Напротив, на рубеже 60-х гг. они усиленно искали предлог для реализации своего плана создания самостоятельной рабовладельческой конфедерации. Избрание на пост президента А. Линкольна, кандидата от оформившейся в 1854 году на основе платформы, содержавшей требование ограничения рабства, республиканской партии, послужило экстремистски настроенным южанам сигналом к сецессии и началу Гражданской войны, ставшей, как отмечают американские исследователи, «трагическим доказательством неспособности дальнейшего усовершенствования Союза на базе Конституции»⁹.

Действительно, Гражданская война разрушила социально-экономическую и политическую структуру американского общества. Впервые классовая борьба в США приняла форму крупномасштабного вооруженного конфликта. Ясно, что политическому механизму, все звенья которого направлены на предотвращение революционного взрыва, ориентированы на решение проблем общества эволюционным путем, необходимо было существенно перестроиться.

Какие же задачи встали перед американским обществом в этот критический период его истории? С социально-экономической точки зрения предстояло расчистить пути для дальнейшего беспрепятственного развития буржуазных отношений на всей территории США. В политическом плане необходимо было создать такие условия, которые гарантировали бы гегемонию промышленной буржуазии в политическом процессе и воздвигли надежный барьер против попыток плантаторов Юга реставрировать свои позиции в государственной структуре¹⁰. Помимо этого существовал целый комплекс важных, сугубо правовых проблем: предстояло дать юридическое обоснование военным меро-

приятиям администрации, и в первую очередь мерам, направленным на освобождение негров-рабов; подготовить почву для реставрации Союза на новой основе; довести до логического завершения решение вопроса о гражданских правах для всего мужского населения Соединенных Штатов; окончательно утвердить безусловность приоритета федеральных властей над властями штатов.

Однако унаследованный от прошлого багаж традиционных конституционных представлений оказался явно недостаточным — в жестких рамках традиционалистских воззрений на Конституцию решить поставленные самой жизнью новые проблемы было невозможно. Поэтому американские законодатели пошли по пути адаптации Конституции к новой ситуации, благо предусмотренная процедура дополнения основного текста путем принятия поправок давала такую возможность. В ходе Гражданской войны и Реконструкции Конституция США была дополнена тремя поправками — XIII, отменявшей рабство (вступила в силу 18 декабря 1865 г.), XIV, предоставлявшей бывшим рабам права граждан США и запрещавшей штатам ограничивать права граждан (28 июля 1868 г.) и XV, запрещавшей ограничивать право голоса по признаку расы или цвета кожи (30 марта 1870 г.).

Характерно, что правовое оформление вопросов, связанных с отменой рабства, началось лишь на заключительном этапе войны и даже после ее завершения, когда военные победы Севера предопределили исход борьбы. На ранней стадии конфликта большинство политических лидеров буржуазии Севера, включая президента А. Линкольна, всячески избегали постановки вопроса о правовой ликвидации института рабства. Все действия федеральной администрации в 1861—1862 гг. подтверждают этот тезис. Колесания президента хорошо иллюстрирует его, ставшая хрестоматийной, оценка целей и задач правительства в начавшейся вооруженной борьбе: «Я должен спасти Союз. Если эту задачу можно выполнить без освобождения рабов, я сделаю это, но если решить ее можно только путем освобождения рабов, я пойду и на это»¹¹. Долгое время Линкольн не оставлял надежд на компромисс с конфедератами, настаивая на единственном условии — признании верховенства федеральной власти. Лишь критическая ситуация, возникшая летом 1862 года, показала, что уничтожение рабства — обязательное условие восстановления Союза. Только тогда стала готовиться президентская «Прокламация об освобождении рабов», обнародованная

1 января 1863 г. Отмена рабства на основе акта исполнительной власти, а не закона, объяснялась обстановкой военного времени, что сразу же дало повод противникам освобождения негров поставить под сомнение правомерность прокламации¹².

Для того чтобы отместить возражения и обосновать освобождение рабов на высшем, конституционном уровне, радикальные республиканцы добились принятия соответствующей поправки к Основному закону. Хотя судьба этой инициативы была, по существу, предрешена развитием событий на фронтах, разношерстный блок противников освобождения рабов попытался утопить ее в бесконечных словопрениях. Прежде всего, утверждали они, подобное вмешательство федерального правительства во «внутренние дела» отдельного штата фактически означает полный отход от прежнего духа Конституции. Однако этот аргумент не выдерживал критики, ибо статья V Конституции США прямо предусматривает возможность дополнения этого документа принятием поправок¹³.

Тогда оппоненты поправки попытались оспорить правомочность ее ратификации. Дело в том, что для ратификации необходимо было согласие 27 штатов, в то время как в Союзе их оставалось лишь 25 и два — Кентукки и Делавэр — отказались поддержать поправку. И тем не менее она была одобрена. Ее утверждение обеспечили голоса восьми южных штатов, оккупированных войсками северян. На их территории, в соответствии с президентским планом Реконструкции, были созданы временные правительства, которые и одобрили эту меру. Парадокс состоял в том, что чуть позднее радикальные республиканцы (Стивенс, Самнер, Батлер, Уэйд, Чейз и др.), вступившие в конфронтацию с новым президентом Э. Джонсоном, отказались признать полномочия этих правительств, но одновременно отстаивали законность ратификации ими поправки. Абсурдность такой позиции с формально-юридической точки зрения мало заботила радикальных республиканцев, поскольку они к тому времени обладали подавляющим большинством голосов в конгрессе.

«Фактическая конституция всегда изменялась в соответствии с потребностями господствующего класса»¹⁴ — история принятия поправки XIII лишний раз подтверждает этот тезис, свидетельствует о том, что в реальной политике формально-юридические моменты играют подчиненную роль по отношению к совокупным стратегическим ин-

тересам социальных сил, контролирующих ход политического процесса.

Военное поражение конфедерации южных штатов решило еще один важный политико-правовой вопрос — о природе Союза. США, наконец, стали «нацией в конституционном смысле слова. Провал попытки сецессии, доказанный в ходе сражений, подтвердил верность юридических и философских установок, отстаиваемых Севером: за штатами не резервируется право на выход из Союза»¹⁵. Вскоре эта ставшая реальностью истина была санкционирована судебной системой. В деле *Texas v. White* (1869) Верховный суд постановил: «Конституция во всех своих положениях исходит из принципа нерасторжимости Союза, состоящего из нерасторжимых штатов»¹⁶. Отныне всем попыткам дать какое-то «конституционное» обоснование концепции права штатов на отделение от федерации как их «резервируемого» права был положен конец.

Отмена рабства и капитуляция вооруженных сил мятежной конфедерации знаменовали собой завершение важной страницы в истории американского общества, но одновременно поставили на повестку дня серию новых, весьма сложных политико-правовых проблем, сразу же оказавшихся в центре ожесточенной партийно-политической борьбы¹⁷. В первую очередь, безусловно, необходимо было определить условия возвращения мятежных штатов в состав Союза и статус освобожденных рабов. Текст Конституции не давал ответа на эти вопросы, а от того, какой вариант решения будет реализован на практике, зависело, какие силы будут доминировать в политической жизни США в послевоенный период.

Сложность положения правящей республиканской партии заключалась в том, что ей необходимо было добиться скорейшего возвращения бывших мятежных штатов в состав Союза и одновременно создать надежные гарантии того, что они будут лишены возможности претендовать на гегемонию в политической жизни восстановленного Союза. С точки зрения промышленной буржуазии, интересы которой выражали республиканцы, в этой исходной установке заключалось серьезное противоречие. Для того чтобы выбить у бывших рабовладельцев почву для притязаний на лидерство, необходимо было существенно ограничить их политические и экономические права, создать в южных штатах социальную опору республиканской партии. Но здесь возникла опасность чрезмерного усиления позиций демократических сил, что таило в себе потенциальную уг-

розу господству самой буржуазии. Отсюда и появление двух планов Реконструкции.

Автором первого плана, зародившегося еще в конце 1863 года, был А. Линкольн. Концепция президента сводилась к следующему: сецессия незаконна. Люди, ее совершившие, нарушили Конституцию; сецессию совершили конкретные лица, а не штат; понятие «штат как политический организм» нельзя отождествлять с понятием «правительство штата»; штаты остались в составе Союза; для восстановления Союза необходимо разбить мятежников и создать в этих штатах правительства, признающие приоритет федеральных властей¹⁸.

В декабре 1863 года была обнародована прокламация, гарантировавшая амнистию участникам мятежа при условии, что каждый из них принесет присягу лояльности федеральному правительству. Если таковых наберется более 10% от общего числа лиц, имевших право голоса, то в штате можно создавать правительство, которое будет пользоваться всеми положенными ему по Конституции США правами. Позднее к этому добавилось требование одобрения поправки XIII. Еще в ходе войны такие правительства были созданы в Теннесси, Арканзасе и Луизиане. К маю 1866 года все южные штаты, кроме Миссисипи, выполнили эти требования и, следовательно, получили возможность вернуться в состав Союза в качестве полноправных политических единиц. И вот тут выяснилось, что, хотя с юридической точки зрения президентский план Реконструкции выглядел вполне логичным и обоснованным, с политической точки зрения он отнюдь не удовлетворял республиканцев.

Дело в том, что бывшие мятежники, формально выполнив необременительные требования прокламации об амнистии и общие положения поправки XIII, попытались фактически вернуть социально-политическую жизнь в южных штатах в привычное для себя русло. Опираясь на «черные кодексы», на жесточайший террор, проводимый ку-клукс-кланом, плантаторы в 1865—1866 гг. смогли если не юридически, то фактически восстановить на местах рабство и стали всерьез подумывать о возврате к довоенному статус-кво. Ф. Энгельс писал по этому поводу: «Если дело пойдет так дальше, то через шесть месяцев в вашингтонском конгрессе будут заседать все прежние мошенники-сецессионисты»¹⁹.

Чтобы пресечь «мирное» наступление южан, требовались решительные экстраординарные меры, инициаторами

которых выступили радикальные республиканцы. Их лидеры Стивенс и Самнер выдвинули две близкие друг другу концепции — «завоеванных провинций» и «самоубийства штатов». Южные штаты, отделившись от Союза, стали иностранными государствами, ведущими войну против США, утверждали радикалы. Следовательно, они потеряли все дарованные им Конституцией права. Очищенные от войск конфедератов штаты должны считаться либо оккупированными провинциями, лишенными внутреннего самоуправления (Стивенс), либо неорганизованными территориями, управляемыми конгрессом (Самнер)²⁰.

Еще летом 1864 года радикалы предприняли первые практические шаги для претворения в жизнь своих планов: в конгресс был внесен билль Уэйда-Дэвиса. По мысли авторов законопроекта, возвращению южных штатов в Союз должно было предшествовать принятие ими новых конституций, включающих следующие обязательные положения: о лишении права голоса должностных лиц конфедерации; об отмене рабства; об отказе от выплаты долгов конфедерации. Перед созывом конституционных конвентов требовалось, чтобы большинство мужского белого населения штата принесло присягу лояльности федеральному правительству. Чтобы сорвать принятие этого билля, Линкольн использовал «карманное вето».

Окончание войны и явное несоответствие политики нового президента Э. Джонсона задачам закрепления политической гегемонии республиканцев еще более обострили ситуацию. Стремясь перехватить у президента инициативу в проведении Реконструкции, радикальные республиканцы добились в декабре 1865 года создания Объединенного комитета по вопросам Реконструкции во главе с сенатором У. Фесенденом. На первый план выдвинулся не легкий вопрос о предоставлении бывшим рабам прав граждан США в полном объеме. Нелегким он был потому, что даже многие решительные противники рабства не могли окончательно перешагнуть через барьер прочно укрепившихся в сознании белых американцев расистских предрассудков. Даже А. Линкольн, автор «Прокламации об освобождении рабов», искренне осуждая институт рабства, одновременно испытывал серьезные сомнения относительно того, готовы ли бывшие рабы немедленно стать полноправными гражданами США²¹.

В то же время республиканцы не могли не видеть, что негры были их естественными союзниками в борьбе с «мирным» наступлением бывших рабовладельцев. Не слу-

чайню лидер радикалов Т. Стивенс подчеркивал, что предоставление неграм гражданских прав «должно гарантировать сохранение политического господства республиканской партии»²². Поэтому, несмотря на отчаянное сопротивление противников углубления революционных преобразований, на известные колебания в собственной среде, радикальные республиканцы всей логикой политической борьбы подталкивались к решению вопроса о гражданских правах негров.

В результате промежуточных выборов 1866 года контроль над обеими палатами конгресса оказался в руках радикалов. Летом 1866 года они добились того, что представители южных штатов в Капитолии, избранные на основе президентского плана Реконструкции, были дезавуированы. Таким образом, возобладали концепции Стивенса-Самнера, согласно которым бывшие мятежные штаты до принятия новых конституций объявлялись «политически мертвыми». Итогом работы Объединенного комитета по вопросам Реконструкции стал проект поправки XIV к Конституции, которая «была и остается наиболее важным конституционным достижением американской буржуазно-демократической революции 60-х годов прошлого века»²³.

Его авторы Стивенс и Конклинг, исходя из презумпции верховенства федеральных властей над органами власти штатов, распространили идею Билля о правах о том, что индивидуальные свободы охраняются Конституцией от посягательств федеральных властей, на взаимоотношения индивида и штата. Раздел 1 поправки гласит: «Все лица, родившиеся или натурализованные в Соединенных Штатах и подчиненные юрисдикции оных, являются гражданами Соединенных Штатов и штата, в котором они проживают. Ни один штат не должен издавать или применять законы, которые ограничивают привилегии и льготы граждан Соединенных Штатов; равно как ни один штат не может лишить какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры либо отказать какому-либо лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите законов».

Принятию поправки предшествовало разделение территории южных штатов на основе закона о Реконструкции 1867 года на пять военных округов, управляемых назначенными президентом военными губернаторами. Под их надзором проходила выработка новых конституций штатов и выборы в легислатуры, которым был предъявлен жесткий ультиматум: допуск представителей южан в конг-

ресс США и признание правительств штатов ставились в зависимость от ратификации ими поправки XIV. Несмотря на взрыв негодования «тираническими действиями» радикалов, южане вынуждены были уступить — они даже согласились с принятием поправки XV, гарантировавшей неграм право участия в выборах. Лидеры южного истеблишмента изменили тактику: от конфронтации они перешли к поискам компромисса с буржуазией Севера.

Поправка XIV была нацелена на решение вполне конкретных задач: гарантировать неграм права граждан и тем самым расширить социальную базу республиканской партии. Однако довольно скоро толкование XIV поправки пошло в направлении, которое никак не укладывалось в рамки ее первоначального содержания.

Гражданская война, устранив все препятствия на пути развития капитализма, дала импульс американской промышленности. Оценивая изменения в американском обществе за два десятилетия, прошедших с момента окончания Гражданской войны, Ф. Энгельс писал: «Тенденция капиталистической системы к окончательному расколу общества на два класса — горстку миллионеров, с одной стороны, и огромную массу наемных рабочих, с другой, — эта тенденция, несмотря на то, что с ней постоянно сталкиваются и ей противодействуют другие социальные факторы, нигде не проявляется с большей силой, чем в Америке...»²⁴. Крупные корпорации постепенно заняли господствующие позиции в американской экономике. Быстрыми темпами шел процесс подчинения обеих партий и государственного аппарата интересам большого бизнеса. Деловые круги все настойчивее требовали от правительства действенных мер, предупреждавших принятие «неразумных» законов, хоть как-то ограничивающих их активность. Иными словами, они требовали, чтобы принципам *laissez-faire* было дано юридическое обрамление. В 1875 году легислатура Нью-Джерси создала важный прецедент, одоббив закон, отменявший максимум для акционерного капитала корпораций и дававший им право беспрепятственно заниматься «побочным вспомогательным бизнесом». Таким образом, характерная для 20—30-х гг. XIX века тенденция к регламентации деятельности корпораций сменилась политикой их максимального поощрения, — «началось соревнование между штатами за предоставление льготных условий для корпораций»²⁵.

Стержень дискуссии по конституционно-правовым вопросам стал перемещаться в сферу определения юридичес-

кой природы взаимоотношений бизнеса и государства. Юристы корпораций подметили, что в деле охраны интересов бизнеса неопределимую роль может сыграть положение поправки XIV о недопустимости лишать какое-либо лицо свободы и собственности без «надлежащей правовой процедуры». Эта расплывчатая формулировка позволила адвокатам крупного капитала юридически обосновать концепцию «безусловных прав» (т. е. прав, вытекающих из самой природы справедливости, прав, охрана которых должна являться целью общества) и распространить ее на корпорации.

Впервые доктрина «безусловных прав» и положения о «надлежащей правовой процедуре» были применены Верховным судом в 1873 году в так называемом *Slaughter House Case*. Суть этого частного дела, которому суждено было сыграть роль важнейшего прецедента, заключалась в следующем: В 1869 году легислатура штата Луизиана одобрила закон о том, что все бойни Нового Орлеана должны быть сконцентрированы в одном месте на окраине города. Хотя формально все мясники имели доступ на эту единственную бойню, по существу контроль над ней оказался в руках одного лица, диктовавшего свои монопольные условия остальным предпринимателям. Те обратились в суд штата с жалобой на то, что новое законодательство нарушает их права и привилегии как граждан США. Суд штата отверг их притязания. Тогда дело было передано в Верховный суд. Большинством голосов (5:4) высшая судебная инстанция отклонила иск, отказавшись распространить положение о «надлежащей правовой процедуре» на случаи, где речь шла о регулировании штатом имущественных отношений. Судья С. Миллер заявил: «Совершенно очевидно, что есть гражданство США и гражданство штата, которые явно отличаются друг от друга»²⁶. В сферу действия поправки XIV, по мнению суда, попадали только привилегии, гарантированные федеральным гражданством. Суд, однако, четко не определил круг привилегий, защита которых входила в обязанности федеральных властей. Ясно было только то, что данный прецедент явно устранял федеральное правительство из области регулирования экономических отношений. Это явилось важным завоеванием большого бизнеса, ибо крупной корпорации было гораздо проще навязать свою волю легислатуре отдельного штата, чем федеральному правительству.

В связи с такой неожиданной интерпретацией поправки XIV в прогрессивистской историографии сложилась даже

концепция «сговора», согласно которой авторы поправки уже в момент ее принятия отчетливо предвидели подобные последствия²⁷. Позднейшие исследования опровергли этот тезис. И тем не менее можно согласиться с мнением тех исследователей, которые отмечают, что поправка XIV объективно «не смогла осуществить то, на что она, по мнению большинства, была рассчитана (т. е. реально гарантировать гражданские права негров. — Авт.), зато в действительности она осуществила то, что вряд ли кто мог предположить»²⁸ (т. е. дала свободу рук бизнесу).

После выборов 1872 года период Реконструкции вступил в завершающую фазу. Буржуазия Севера начала явно тяготиться активностью революционно-демократического лагеря. Примирение плантаторов с итогами войны, с переходом ключевых позиций в политической системе США к буржуазии создало благоприятную почву для компромисса между этими силами на общей платформе борьбы за свертывание революционно-демократических преобразований. Отражая эти настроения, сенатор Стюарт еще в 1870 году заявил: «Реконструкция продолжается вот уже пять лет, и страна желает, наконец, покоя... Мы хотим окончания Реконструкции»²⁹. Ждать пришлось недолго. Компромисс 1877 года знаменовал собой завершение периода Реконструкции.

Важнейший итог Гражданской войны и Реконструкции — утверждение в США чисто буржуазного общества. Институт рабства, превратившийся в препятствие на пути развития буржуазных отношений, был уничтожен, хотя негры так и не стали полноправными гражданами США. Победа Севера способствовала решению и другого важного вопроса — о том, насколько далеко простирается понятие «суверенитет штата».

Конституция США оказалась достаточно гибкой для того, чтобы стать инструментом реализации новых устремлений господствующего класса. Конституционное право было быстро приспособлено для наиболее эффективного обслуживания социально-политических интересов большого бизнеса. Можно согласиться с оценкой американских исследователей, констатировавших: «Если в итоге Гражданской войны и Реконструкции кто-то получил подлинное освобождение, так это частное предпринимательство»³⁰. Эта адаптация дала правящим кругам новые рычаги для юридической защиты частнособственнических отношений. Классово-охранительные функции Конституции были продемонстрированы как никогда ярко. В то же время собы-

тия тех лет показали, что никакая модернизация конституционно-правовых доктрин не в состоянии предотвратить классовые антагонизмы, неизбежно углублявшиеся по мере перехода американского капитализма в монополистическую стадию.

§ 2. «Правовой фундаментализм» на страже интересов монополий

Новый этап в развитии конституционных принципов наступил на рубеже XIX—XX веков. Как писал В. И. Ленин, «порождение монополии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма»³¹. Уже в 70-е—80-е гг. XIX века большой бизнес, занявший ключевые позиции в экономике, добился серьезных успехов в деле правового закрепления принципов *laissez-faire* во всех сферах общественной жизни. «Содержание политической истории последней четверти столетия определялось уже волей полновластного хозяина страны — крупного промышленного капитала, подчинившего своим интересам обе главные партии»³². Однако политические горизонты монополий даже в этот, наиболее благоприятный для них период были далеко не безоблачными. Бесконтрольная деятельность крупных корпораций наталкивалась на возраставшее с каждым днем сопротивление трудящихся. Распространявшиеся социалистические идеи призывали к коренной перестройке всей системы общественных отношений, к уничтожению частной собственности на средства производства³³. Антимонополистическое движение стало неотъемлемым компонентом политической жизни США, а вопрос о роли и месте гигантских промышленных объединений оказался в центре идейно-политической жизни американского общества. Очень быстро в этой полемике выявилось несколько направлений.

«Мы сделали эту страну богатой, от нас зависит ее развитие»³⁴, безапелляционно утверждал один из крупнейших железнодорожных магнатов тех лет Дж. Гулд. А раз так, задача всех звеньев государственного аппарата — обеспечить оптимальные условия для развития бизнеса, другими словами — необходимо полностью отказаться от любых форм его правовой регламентации. В тот период

в высшем эшелоне собственно монополистической буржуазии превалировали именно такие настроения. Не случайно идеи основоположника социал-дарвинизма Спенсера и его крупнейшего американского последователя У. Самнера пользовались в этих кругах огромной популярностью.

Однако отдельные, наиболее дальновидные идеологи буржуазии (Л. Уорд, Р. Эли, а позднее Г. Кроули, У. Уэйл, Ч. Ван-Хайз), составлявшие ее «мозговой трест», уже тогда высказывали опасения, что подобная «практика джунглей» может привести к отрицательным последствиям в плане долгосрочных социальных и экономических интересов всего правящего класса. Лидеры этого направления, так же как и капитаны американской индустрии, ничуть не сомневались, что будущее капиталистической экономики принадлежит трестам. В приверженности корпоративному бизнесу, конкуренции, частной инициативе представители обоих направлений общественно-политической мысли были почти единодушны. Но «признавая неизбежность и необходимость частной инициативы при капитализме, они склонялись к мысли, что слепое почитание принципа *laissez-faire* в экономике может обернуться непредвиденными последствиями в политике». Отсюда делался вывод о том, что в интересах самих же монополий их деятельность в какой-то мере подлежит политико-правовому регулированию.

В тот период далеко не все представители буржуазии понимали неизбежность процесса трестирования промышленности. Многим он казался отступлением от естественного хода экономического развития, порождением порочного законодательства, нечестной конкуренции и т. д. Квинтэссенция подобных взглядов — формула будущего президента США В. Вильсона: «Я за большой бизнес, но против трестов»³⁵. Логика его рассуждений была проста: раз тресты порождены порочной политической и экономической деятельностью людей, надо создать юридические преграды на ее пути, выработать такое законодательство, которое, не нанося ущерба интересам крупного капитала, устранит тресты, созданные «нечестным» путем. «Лежавший в основе концепции «ропуска» трестов формально-правовой метод анализа причин и природы возникновения предпринимательских объединений»³⁶ был идеологически выгоден буржуазии, ибо позволял направить огромный потенциал движений социального протеста в русло в целом бесперспективной борьбы за возврат к идеализированным временам «свободной конкуренции».

Это было тем более важно, что в США получали все

большее распространение концепции радикальной борьбы с трестами. Хотя и неверно понимая причины возникновения трестов, их приверженцы (Г. Ллойд, Э. Беллами) тем не менее резко ставили вопрос о том, как бороться с ними. «До тех пор пока контроль над средствами существования и общественными богатствами является частным делом могущественнейших индивидуумов, именно они будут осуществлять регулирование общества, а не наоборот»³⁷, — писал известный американский публицист Г. Ллойд. Не веря в возможность отделения «хорошего» большого бизнеса от «плохого» (трестов), в роспуск последних без предварительного проведения глубоких социально-экономических реформ, идеологи этого направления выход из сложившегося положения видели даже в упразднении капиталистической собственности на средства производства. И хотя приверженцы радикальных антимонополистических концепций в большинстве своем не воспринимали марксистской идеологии, такой потенциальной угрозы неизбежности принципу частной собственности американское общество никогда ранее не знало.

Сохранение и укрепление частномонополистических устоев требовало скорейшей нейтрализации столь опасной тенденции. Не последняя роль в решении этой сложной задачи принадлежала буржуазному праву. Буржуазные исследователи часто пытаются представить процесс эволюции конституционно-правовых доктрин, их приспособления к условиям перерастания капитализма «эпохи свободной конкуренции» в монополистический в виде изолированного от развития общества явления, протекавшего под влиянием «самозволюции» правовой мысли. Эта посылка явно не соответствует действительности.

Общественно-политическая жизнь США тех лет отличалась исключительной остротой и насыщенностью. Прежде всего необходимо отметить резкую эскалацию классовых конфликтов между трудом и капиталом. Достаточно сказать о грандиозной по тем временам забастовке железнодорожников (1877 г.), о вошедших в анналы международного рабочего движения событиях в Чикаго (1886 г.), о стачке в Гомстеде (1892 г.), о первом в истории США походе безработных на Вашингтон (1894 г.) и проходившей в том же году знаменитой Пульмановской стачке, чтобы представить себе масштабы и глубину противоречий, раздиравших американское общество³⁸. Не менее высоким был накал партийно-политической борьбы. Резко усилилась тяга масс к независимым политическим действиям.

Все эти факторы не могли не сказаться самым существенным образом на адаптации конституционно-правовых доктрин к условиям перерастания американского капитализма в монополистическую стадию.

Процесс этот имел ряд специфических черт. Бросается в глаза известное несоответствие между итогами политического развития страны в указанный период и эволюции конституционно-правовых доктрин. В политическом плане определенные успехи антимонополистических сил бесспорны. Введение праймериз, реформы процедуры выборов и правил работы конгресса позволили вовлечь в политический процесс новые слои населения, расширить участие рядовых американцев в функционировании партийных структур, впервые поставить под сомнение полностью господство партийных боссов. В ряде штатов было принято прогрессивное социально-экономическое законодательство, в известной мере ограничившее монополии, улучшившее условия труда и жизни рабочих³⁹. Все это готовило почву для пополнения политико-правового арсенала буржуазного государства этатистскими идеями.

Однако в сфере выработки и закрепления правовых доктрин реакционные круги большого бизнеса сумели не только удержаться на прежних рубежах, но в ряде случаев существенно укрепили свои позиции. Консервативный подход явно доминировал, когда речь шла об интерпретации конституционных положений. Правда, судебный корпус не был идейно монолитным. На рубеже веков в его недрах зарождается социологическая школа права, виднейшими представителями которой стали О. Холмс и Л. Брандейс. Они и их последователи считали, что судебное правотворчество требует не только формального знания и применения законов, но и должно учитывать условия реальной жизни. Бесспорно, взгляды и деятельность таких столпов юриспруденции, как О. Холмс и Л. Брандейс, намечали пути дальнейшей эволюции американского права, направляли ее в русло либерального конституционализма⁴⁰. Но столь же очевидно, что их голоса тонули в мощном хоре ультраконсерваторов типа Фуллера, Филда, Брюера, Уайта и др.

Социально-экономические реформы тех лет отражали новый, только зарождавшийся либерально-этатистский подход в попытках разрешения обострившихся проблем буржуазного общества. Однако различные звенья его политической системы обладают неодинаковой гибкостью, в различной степени подвержены восприятию новых идей,

отражающих потребности развития капитализма на конкретном историческом этапе. Партийно-политический механизм, наиболее гибкий и динамичный элемент этой системы, гораздо быстрее, чем остальные ее компоненты, улавливает новые идеи, интерпретирует, воплощает их на практике, проводит «экспериментальную» обкатку, как того требуют интересы правящего класса.

Судебное сословие, на которое возложена задача интерпретации Конституции и определение соответствия новых законов положениям Основного закона, — наиболее консервативная часть государственного аппарата, который в свою очередь сам является наименее гибкой частью политической системы буржуазного общества. Не случайно американские консерваторы рассматривали Верховный суд как свой оплот в политике, последний бастион в битве за сохранение «ценностей» американизма. Их кумир У. Тафт (занимавший в разное время посты президента США и главы Верховного суда) считал, что нет более важной задачи, чем «сохранение Верховного суда как института, гарантирующего, что ни одно лицо не может быть лишено собственности без надлежащей правовой процедуры»⁴¹. В американском обществе еще явно господствовали идеи индивидуализма в социал-дарвинистской окраске, сторонники которых свято верили в безграничные возможности бизнеса. Поэтому нет ничего удивительного, что суды крайне негативно относились к ограниченным социально-экономическим экспериментам, осуществлявшимся буржуазными партиями под давлением нараставших движений социального протеста. «Буржуазии США потребовалось пережить крах 1929 года, — пишет Н. В. Сивачев, — чтобы понять, что наступило время, когда частномонополистические принципы теряют почву»⁴². А пока бизнес и его политические адвокаты исходили из презумпции «чем меньше правительство вмешивается в дела бизнеса, тем лучше» и делали все для того, чтобы внедрить эту презумпцию в право, не допустить его «осквернения» элементами либерального реформизма.

И все же право не могло не реагировать на новые проблемы, возникшие в обществе. Судебная власть была вынуждена заниматься правовыми аспектами процесса концентрации капитала. Наиболее острые конфликты, вылившиеся в судебные тяжбы, возникли в сфере деятельности железнодорожных компаний. Это было вполне закономерно. Процесс монополизации здесь протекал интенсивнее, чем в других отраслях. Ни в одной другой области предпри-

нимательской деятельности не было столь очевидных корыстных злоупотреблений, нигде бизнес не позволял себе столь явного пренебрежения интересами общества. Грабительская политика железнодорожных компаний-спрутов наносила колоссальный ущерб не только трудящимся, но в известной мере и крупной буржуазии, занятой другими видами бизнеса. Возмущение носило достаточно массовый характер. Поэтому именно в этой области были предприняты первые попытки найти эффективные формы правового контроля за деятельностью корпораций.

Еще в 1876 году Верховный суд в деле *Munn v. Illinois* признал, что легислатуры штатов имеют право законодательным путем фиксировать расценки за пользование зернохранилищами и устанавливать иные условия функционирования предприятий, связанных с «общественными интересами». Подытоживая дело, председатель Верховного суда М. Уэйт заявил: «Лицо, решившее использовать свою собственность в сфере, где общество имеет законные интересы, по сути, уступает обществу часть своей заинтересованности в использовании своей собственности и, следовательно, должно подчиниться контролю со стороны общества во имя общественных интересов»⁴³. Данное решение вызвало серьезное беспокойство в кругах предпринимателей, поскольку оно узаконило идею допустимости законодательной регламентации бизнеса.

Однако в 1886 году в деле *Santa Clara County v. Southern Pacific Railroad Co.* адвокатам железнодорожных корпораций удалось подтолкнуть Верховный суд к созданию не просто выгодного их клиентам, но чрезвычайно важного для дальнейшего развития конституционных доктрин прецедента: понятие «лицо» из поправки XIV было распространено на корпорации как на юридические лица, вследствие чего их нельзя было лишить собственности без «надлежащей правовой процедуры». Такое расширительное толкование нормы Конституции, имевшей своей первоначальной и единственной целью оградить личность от произвола властей штатов, создало «юридическую» основу для противостояния попыткам легислатур штатов регламентировать деятельность корпораций.

В период с 1877 по 1898 год лоббисты большого бизнеса инспирировали серию дел, в решениях по которым Верховный суд ориентировал судебную практику на установку: когда две стороны вступают в договорные отношения, легислатура штата не вправе ограничивать стороны в выборе условий договора, ибо это является нарушением поп-

равки XIV. В понятие «безусловных прав» было включено и право на «свободу договора». Бурная индустриализация рассматривалась законодательными и судебными органами как всеобщее благо, получение высокой прибыли — как стимул этого процесса, а договор — незыблемый юридический документ, регулирующий взаимоотношения работодателей и работников. Вывод очевиден: не дело государства вмешиваться в эти отношения. Бизнес постепенно получал полную свободу рук.

Когда под давлением антимонополистических сил в ряде штатов было принято прогрессивное социальное законодательство, регулировавшее условия труда (продолжительность рабочего дня, уровень заработной платы) и вводившее ограничение на использование детского и женского труда, на пути его применения встала судебная власть. В 1905 году по делу *Lochner v. New York* Верховный суд еще раз продемонстрировал возможности интерпретации положений Конституции в интересах предпринимателей. Суть дела заключалась в следующем. В штате Нью-Йорк был принят закон, ограничивавший продолжительность рабочего дня в хлебопекарнях 10 часами. Суд штата признал владельца одной из них, Локнера, виновным в нарушении этой нормы. Локнер обжаловал решение суда штата в Верховный суд. Высший суд страны признал (на основании поправки XIV) неконституционным законодательство, регламентировавшее продолжительность рабочего дня. Решение обосновывалось тем, что вмешательство законодательной власти штата во взаимоотношения предпринимателей со своими рабочими якобы нарушало «свободу договора», которая включалась в число «безусловных прав», и лишало стороны, вступающие в договор, свободы без «надлежащей правовой процедуры». Иными словами, Верховный суд признал, что «социальное законодательство штатов не совместимо с духом федеральной Конституции»⁴⁴. Классовая направленность данной юридической конструкции была вопиюще откровенной.

К концу 80-х гг. XIX века становилось все очевиднее, что деловая активность крупнейших компаний явно переросла рамки отдельных штатов, приобрела общенациональный характер. Корпорации нашли пути обхода неблагоприятного для них законодательства ряда штатов. Так, многие предприниматели учреждали корпорации в тех штатах, где законодательство устанавливало для монополий благоприятный правовой режим. Другие штаты в таком случае не могли регулировать условия деятель-

ности данных компаний на своей территории, даже если там были расположены основные производственные мощности.

В подобной ситуации более или менее действенная регламентация трестов могла быть осуществлена лишь на федеральном уровне. Однако традиционные конституционные доктрины препятствовали этому. И тем не менее экономические и политические реалии развития капитализма диктовали необходимость институционализации определенных форм участия буржуазного государства в регулировании капиталистического хозяйства.

Конгресс США предпринял ряд шагов, направленных на создание приемлемого для правящих кругов федерального законодательства, регулирующего бизнес. 4 февраля 1887 г. вступил в силу Закон о междуштатной торговле, согласно которому запрещались соглашения между железнодорожными компаниями о регулировании тарифов за провоз людей и грузов. Противозаконной становилась практика создания в этой области объединений по типу пулов. Было декларировано, что тарифы должны быть «разумными и справедливыми». Для надзора за выполнением закона учреждалась Комиссия по междуштатной торговле (КМТ). Как отмечают американские исследователи, «Комиссия по междуштатной торговле была первым в истории страны федеральным агентством, которому конгресс делегировал широкие полномочия квазизаконодательного, квазисудебного, квазиадминистративного характера»⁴⁵. Действительно, создание КМТ стало заметной вехой в истории американской конституционной системы. Впервые, пожалуй, был учрежден государственный орган, характер компетенции которого вступал в противоречие с классической схемой разделения властей — на КМТ в той или иной мере были возложены функции всех трех «ветвей» государственной власти.

Хотя реальные возможности нового органа были весьма ограничены, владельцы железных дорог встретили его создание в штыки. Быстро была найдена зацепка, которая вскоре позволила фактически ликвидировать позитивную значимость закона. В нем констатировалась необходимость установления «разумных и справедливых» тарифных расценок на перевозки людей и грузов, но само это определение не раскрывалось. Воспользовавшись этим, хозяева железнодорожных компаний инспирировали серию судебных исков, направленных против КМТ. В ходе разбора этих дел Верховный суд, опираясь на доктрину разделе-

ния властей, лишил комиссию практически всех сколько-нибудь реальных рычагов воздействия на тарифную политику железнодорожных корпораций. Из 16 важнейших дел, возбужденных корпорациями против комиссии в период между 1897 и 1906 гг., последняя проиграла 15⁴⁶. И не случайно член Верховного суда Дж. Харлан, резюмируя итоги судебного наступления корпораций на комиссию, отмечал: «Мне кажется, последние решения Верховного суда в отношении полномочий Комиссии по междуштатной торговле, взятые в совокупности, превращают ее в бесполезное с практической точки зрения агентство и аннулируют многие важные меры, предпринятые конгрессом для регулирования междуштатной торговли»⁴⁷.

Неэффективность и ограниченность закона о междуштатной торговле в деле регулирования деятельности крупного бизнеса, недовольство некорпорированной буржуазии засилием трестов, а главное, нарастание антимонополистического движения побудили обе главные буржуазные партии поставить в своих избирательных платформах в 1888 году в общей форме вопрос о разработке антитрестовского законодательства. В 1890 году эти декларации были воплощены в законе Шермана, который и по сей день остается фундаментом всего антитрестовского законодательства⁴⁸. Составители закона Шермана, как убедительно доказали советские исследователи, исходили из совершенно неверных посылок, касающихся природы трестов⁴⁹. Они ограничивали понятие «монополия» лишь сферой торговли, хотя на самом деле та являлась прямым порождением процессов концентрации производства. Складывалась парадоксальная ситуация: акт «объявлял незаконными соглашения и объединения в форме треста, направленные на ограничение конкуренции и междуштатной торговли, но отнюдь не запрещал крупной корпорации»⁵⁰. Возникает вопрос: почему закон, содержащий столь явно нелогичные установки, до сих пор не утратил своего значения для правоприменительной практики американского буржуазного государства? Советский ученый О. А. Жидков пишет по этому поводу: «одна из основных причин такого долголетия заключается в том, что закон Шермана характеризуется предельной краткостью, абстрактностью и многозначностью своих формулировок... которые в условиях доминирования прецедентной системы права легко поддавались приспособлению к меняющейся экономической и политической обстановке»⁵¹. Действительно, закон Шермана давал буржуазному государству исключительно широкие воз-

возможности для политического маневра. Его по праву можно считать одним из самых хитроумных изобретений американских законодателей, актом, который вполне соответствовал долгосрочным стратегическим интересам как большого бизнеса, так и государства. С первых дней существования этого статута буржуазные идеологи приложили немало усилий для того, чтобы представить его как надежное средство ограждения «свободной конкуренции» от монопольного контроля трестов над теми или иными сферами экономики. В условиях нарастания антимонополистического движения такой закон отвечал идеологическим задачам правящего класса: буржуазное государство получало возможность демонстрировать обществу свое «неприятие» алчных трестов, свою «приверженность» идее равных возможностей всех граждан в сфере предпринимательства, свободы частной инициативы, т. е. тем принципам, которые были положены в фундамент Конституции.

Однако, несмотря на очевидное соответствие закона долгосрочным интересам всего класса буржуазии, на первых порах он вызвал раздражение воротил делового мира. Привыкшие к вседозволенности «бароны-разбойники» увидели в нем прежде всего результат «преступной социалистической агитации». Они сразу же сделали все для того, чтобы выхолостить потенциально опасные для них положения закона Шермана.

Случай не замедлил представиться. В 1895 году Верховный суд разбирал дело, вызванное попыткой правительства США добиться на основании закона Шермана роспуска одного из наиболее «зарвавшихся» трестов—Американского сахарного треста, который сосредоточил в своих руках более 90% всего производства сахара в стране. Представители правительства утверждали на слушаниях дела, что подобная монополия существенно ограничивала междуштатную торговлю, и требовали аннулирования соглашений, на базе которых был создан трест. Однако Верховный суд не внял аргументам правительства и дал казуистичное толкование конституционного понятия «торговля». Глава этого органа, реакционер М. Фуллер, указал в решении: «Торговля является следствием производства, но не является его частью»⁵². Следуя логике сторонников отживавшего свой век принципа *laissez-faire*, Фуллер утверждал, что если право регулировать междуштатную торговлю, по Конституции, традиционно входило в прерогативы конгресса, то федеральное регулирование промышленного производства не может считаться конституци-

онным. Порочность этой логики очевидна — в эпоху монополистического капитализма просто немыслима ситуация, при которой корпорации, монопольно контролирующие производство каких-либо товаров, одновременно не располагали бы монополией на рынке этих товаров. Проведенное «судом Фуллера» механистическое разделение торговли и производства вело к тому, что на практике тресты получили возможность обходить положения закона Шермана, сами по себе достаточно расплывчатые. Более того, решение по данному делу создавало чрезвычайно выгодную для корпораций своего рода «буферную зону» вне юрисдикции как федерального правительства, так и органов власти штатов. «Доктрина Верховного суда 1895 года на долгое время стала оправданием бездеятельности правительственных органов в сфере антитрестовской политики»⁵³, — отмечает О. А. Жидков.

Чтобы как-то сгладить эффект от этого одиозного решения, Верховный суд позднее слегка модифицировал свой подход к закону Шермана, провозгласив доктрину, согласно которой все монополистические объединения подразделялись на «разумные» (т. е. действующие в рамках общественных интересов) и «неразумные» (т. е. противопоставляющие свои интересы потребностям общества). Опираясь на эту доктрину, буржуазные идеологи стали усиленно внедрять в сознание масс тезис о том, что специфические условия развития капитализма в США порождают особый тип «социально ответственных» гигантских корпораций, существование которых не только не противоречит интересам широких слоев населения, но, напротив, является предпосылкой прогресса всего общества.

Вскоре после принятия закона Шермана выяснилось, что он может быть использован в таком направлении, которое авторы закона вряд ли предвидели. В принципе, он мыслился как средство ограждения свободной конкуренции от разрушительного воздействия процесса трестирования. Но в этой сфере закон потерпел фиаско. Зато он неожиданно дал государству эффективные «легальные» средства борьбы с организованным рабочим движением.

Уже в 1896 году закон Шермана был использован против Объединенного совета рабочих Нового Орлеана. Антипрофсоюзная направленность этого статута была подтверждена в 1908 году в деле, возбужденном против профсоюза шляпников. В решении по данному делу Верховный суд объявил, что профсоюз «является организацией, соз-

данной для ограничения торговли между отдельными штатами»⁵⁴, и, следовательно, является незаконным объединением. Сочетание доктрины «преступного сговора» и судебных запретительных приказов, лежавшее в основе практики применения закона Шермана, открыло перед монополиями широкие возможности в борьбе против профсоюзов⁵⁵.

Умело приспособившаяся к интересам крупного капитала интерпретация законов и Конституции, политические лидеры консервативных кругов монополистической буржуазии сумели в основном пресечь попытки демократических сил ослабить господствующие позиции «баронов-разбойников» в экономике и политике. Позитивное значение либеральных реформ, проведенных в годы «прогрессивной эры» в сфере трудовых отношений и социального законодательства, было во многом сведено на нет. Особую роль сыграли судебные органы, создавшие «неприступную крепость вокруг «договорных», собственнических прав предпринимателей, к которой профсоюзы и весь рабочий класс не смогли подступить вплоть до экономического кризиса 1929—1933 годов»⁵⁶.

Консервативный и даже реакционный характер судебной власти рельефно проявился в конце XIX века в подходе к решению еще одного крупного конституционного вопроса — о гражданских правах негритянского населения. Конституционные поправки периода Реконструкции (XIV, XV), казалось бы, наделили негров всеми правами граждан США. Однако по мере свертывания революционно-демократических преобразований на Юге, поправка XIV стала все чаще использоваться не по прямому своему назначению — для охраны прав граждан, а для всемерной защиты свободы деятельности корпораций. Хотя формально рабство было ликвидировано на Юге, по существу все делалось для того, чтобы, как писал В. И. Ленин, «на почве «свободного» и республикански-демократического капитализма восстановить все возможное, сделать все возможное и невозможное для самого бесстыдного и подлого угнетения негров»⁵⁷.

К концу XIX века расисты южных штатов перешли в открытое наступление. В штатах принимались статуты, лишавшие негров реальных возможностей пользоваться правами, декларированными федеральной Конституцией. Расисты жаждали правового закрепления фактически сложившейся в 80-е гг. на территории бывшей Конфедерации системы расовой сегрегации. Еще в 1883 году Верховный

суд объявил неконституционным федеральный закон о гражданских правах 1875 года, который декларировал, что негры имеют равные с белыми права в местах общественного пользования. Судебная власть расчищала путь для институционализации расовой сегрегации в повседневную жизнь Соединенных Штатов.

Важнейшим прецедентом в этом процессе стало решение Верховного суда, вынесенное в 1896 году по делу *Plessy v. Ferguson*. В деле ставился вопрос о конституционности одобренного в 1890 году легислатурой Луизианы закона, предписавшего сегрегированное пользование общественным транспортом для белых и негров. Суд постановил, что луизианский статут ни в коей мере не нарушает конституционного принципа «равной защиты законом».

Для обоснования своей позиции суд прибегнул к чистой казуистике, пустив в ход два термина — «расовые различия» и «расовое неравенство». Антиконституционным объявлялось только закрепление «расового неравенства». Законодательство же, «учитывавшее различие в цвете кожи», якобы ничем не противоречило духу Конституции и вполне отвечало принципам поправки XIV. Поскольку рассматриваемый закон предусматривал, что негры могут на «равной» основе (хотя и раздельно) с белыми пользоваться транспортом, то он ничем не нарушал конституционные права цветного населения. Что касается понятия «расовые различия», то оно, как утверждал суд, вытекало из самой природы людей, а не создавалось законом. Следовательно, практика фактической дискриминации на основе «расовых различий» не может быть объектом судебного конституционного надзора. Расисты могли торжествовать: правовая основа системы расовой сегрегации была заложена.

В серии последующих судебных решений принцип «раздельное, но равное» был распространен на сферу образования. Исходя из расистских теорий биологических различий между белыми и черными, многие штаты законодательно запретили браки между представителями двух рас. В 1898 году, признав конституционным закон штата Миссисипи, вводивший избирательный налог и разрешавший местным должностным лицам использовать систему «тестов грамотности», Верховный суд способствовал фактическому отстранению негров от участия в выборах в южных штатах. Конгресс, который, в соответствии с поправкой XV, должен был следить, как соблюдаются закрепленные ею конституционные гарантии права голоса для всех гражд-

дан, по существу, никак не реагировал на явное попрание Основного закона страны. К первой половине 1910-х гг. система расовой сегрегации, с благословения Верховного суда и при прямом попустительстве конгресса, стала господствовать на Юге США. Конституционная доктрина «раздельных, но равных» возможностей легализовала сегрегацию в американском обществе более чем на полвека»⁵⁸.

Важным направлением борьбы антимонополистических сил за устранение наиболее одиозных форм социальной несправедливости стало движение за реформу системы налогообложения. Широкий блок социальных сил активно требовал от правительства, чтобы все члены общества несли налоговое бремя пропорционально уровню своих доходов. Предлагалось расширить и само понятие «доходы» за счет включения в него всех видов денежных поступлений, а не только стоимости недвижимости.

Первая попытка установить единообразный по всей стране подоходный налог, взимаемый со всех видов собственности, была предпринята конгрессом в 1894 году. Естественно, владельцы крупных состояний крайне враждебно отнеслись к этой мере, усмотрев в ней «узаконенный грабеж», меру социалистического характера, призванную подготовить почву для конфискации их богатств.

Поскольку попытки блокировать принятие неугодного крупной буржуазии закона не принесли результата, консерваторы возложили свои надежды на Верховный суд. И тот не обманул их ожиданий. В 1895 году усилиями консервативно настроенных членов суда была объявлена неконституционной та часть закона о тарифах, которая санкционировала введение прогрессивного подоходного налога. Верховный суд аргументировал свое решение так: введенный конгрессом налог на доходы с собственности является «прямым налогом», а таковой, согласно разд. 2 статьи I Основного закона, должен распределяться между штатами пропорционально численности их населения. И хотя суд всячески стремился подчеркнуть, что в своем решении он исходит из буквы Конституции, социальная суть его решения была очевидна. Судья С. Филд отметил: «Нынешние нападки на капитал лишь начало. Они готовят почву для последующих, более масштабных и агрессивных наскоков, которые приведут в конце концов к превращению политического процесса в войну бедных против богатых, войну, которая будет постоянно обостряться и расширяться»⁵⁹. Принимая решение, судьи-архиконсерваторы типа

Фуллера и Филда рассчитывали пресечь попытки институционализации столь непомерно радикальной и опасной, с их точки зрения, формы налогообложения, какой представлялся им прогрессивный единообразный подоходный налог.

Поначалу успех был на их стороне. Однако явная несправедливость существовавшей системы налогообложения с каждым днем становилась все более очевидной. Поэтому накал борьбы вокруг вопроса о реформе налогов не ослабевал. Начиная с 1905 года на каждой сессии конгресса либеральные законодатели предпринимали попытки претворить в жизнь свои планы. Президент США Т. Рузвельт, улавливавший пульс общественной жизни, стремясь перехватить инициативу у либеральных групп, в 1907 году включил предложение о реформе существовавшей системы налогообложения в свое ежегодное послание «О положении в стране». Демократы внесли соответствующий пункт в свою предвыборную платформу в 1908 году. Даже такой почитаемый в консервативных кругах человек, как У. Тафт, в ходе своей предвыборной кампании вынужден был, учитывая настроения избирателей, в осторожной форме заявить, что в принципе он поддерживает мысль о том, что настала пора внести коррективы в сложившуюся практику взимания налогов.

В 1909 году во время обсуждения очередного билля о тарифах демократы вновь внесли поправку о введении единообразного подоходного налога. Сложившийся в ходе дебатов по этому вопросу блок демократов и прогрессивных республиканцев имел хорошие шансы добиться ее принятия. Тогда лидер консервативных республиканцев в сенате Н. Олдрич, тесно связанный с финансовой империей Рокфеллеров, пытаясь сорвать планы своих политических оппонентов, оттянуть срок введения этой «грабительской» меры, предпринял на первый взгляд удачный маневр. Он побудил президента США У. Тафта вмешаться в борьбу и выступить с предложением о проведении налоговой реформы путем принятия соответствующей поправки к Конституции. Консерваторы исходили из того, что процесс ратификации поправки — дело долгое и сложное; они рассчитывали использовать все имевшиеся в их распоряжении рычаги (а их было немало) для давления на легислатуры штатов.

Коалиция демократов и прогрессивных республиканцев также была вынуждена согласиться с этим планом, ибо в условиях оппозиции Верховного суда принятие кон-

ституционной поправки было единственной (хотя и не простой) возможностью ввести единообразный подоходный налог. Тактический план Олдрича был реализован. Но, как отмечают американские исследователи, это была «пиррова победа»⁶⁰. Популярность предложения о реформе системы налогообложения была настолько велика, что легислатуры большинства штатов довольно быстро ратифицировали очередную поправку к Конституции. 25 февраля 1913 г. поправка XVI вступила в силу. Она гласила: «Конгресс имеет право устанавливать и взимать налоги с доходов, получаемых из любого источника, без распределения этих налогов между штатами и безотносительно к каким-либо переписям или исчислениям населения».

Поправка изменила прежнюю конституционную норму, содержащуюся в разделе 2 статьи I Основного закона, и фактически отменила принцип деления налогов на прямые и косвенные, установленный Верховным судом. Для развития конституционной системы США поправка имела то значение, что она существенно расширила власть конгресса в сфере налогообложения и финансов, видоизменила всю структуру государственных финансов. В американской юридической литературе часто утверждается, что поправка стала радикальным шагом на пути к «более справедливому» перераспределению богатств. Однако в действительности налоговая политика правительства США всегда строилась и строится прежде всего с учетом интересов монополистической буржуазии⁶¹.

Наибольших успехов прогрессистам удалось добиться в деле демократизации политического процесса. Так, в период с 1909 по 1911 год группе прогрессивных республиканцев, возглавляемых Дж. Норрисом (Небраска), в результате ожесточенной борьбы удалось урезать диктаторские полномочия спикера палаты представителей, что облегчило прохождение через конгресс реформистского законодательства.

В результате активной борьбы популистов и их последователей постепенно стала распространяться система первичных выборов (праймериз), которая до известной степени ограничивала влияние партийных боссов в штатах на процесс выдвижения кандидатов на выборные федеральные должности. 31 мая 1913 г., после долгой и напряженной борьбы, была ратифицирована поправка XVII к Конституции, в соответствии с которой сенаторов стали избирать прямым голосованием, что несколько увеличило их ответственность перед избирателями. Наконец, был рас-

ширен круг лиц, имевших право участвовать в выборах: к 1920 году в электорат влилась новая большая группа избирателей — женщины, которые получили право голоса на основе поправки XIX. Хотя эта мера отнюдь не устранила дискриминации женщин, особенно в социально-экономической сфере, она заставила руководство обеих партий, причем чем дальше тем больше, вносить определенные коррективы в свою избирательную стратегию.

Резкой и постоянной критике со стороны прогрессистов подвергался оплот консервативных элементов — судебная власть. Однако все попытки провести сколько-нибудь радикальную перестройку судов (например, добиться введения отзыва судей или узаконить систему проведения общенациональных референдумов по вопросам конституционности того или иного законодательного акта) закончились провалом. Определенных успехов сторонники реформ добились на уровне штатов: в Висконсине, Миннесоте, Северной и Южной Дакоте, Орегоне были предприняты шаги в сторону введения «прямой» демократии: избиратели получили право законодательной инициативы, отзыва выборных должностных лиц, на проведение референдумов. Однако ожидания прогрессистов явно превосходили реальные результаты реформ. «Фактически в «прогрессивную эру», несмотря на утверждение перепуганных консерваторов, было не так уж много действительно радикальных изменений», — небезосновательно считают американские исследователи Келли и Харбисон⁶².

С началом первой мировой войны поступательное движение реформ резко затормозилось, а затем прекратилось вовсе. Волна шовинистических настроений, захлестнувшая США, отвлекла внимание общества от реальных социально-политических проблем. В антимонополистическом лагере, главном оплоте борцов за реформы, усилились разногласия. Наступила полоса кризиса. Политику реформ сменила политика милитаризации страны, регулирования экономики в угоду военным интересам.

Итоги «прогрессивной эры» весьма противоречивы. С одной стороны, в эти годы под напором массовых движений протеста были проведены определенные социально-экономические и политические реформы, несколько расширившие степень участия масс в политическом процессе, ограничившие наиболее одиозные формы проявления всевластия монополий. Были предприняты первые попытки регулирования социально-экономических отношений. На повестку дня вышли новые проблемы, предпринимались

широкомасштабные социально-экономические эксперименты, окончательно получившие права гражданства уже позднее.

С другой стороны, частичные уступки помогли правящим кругам удержать движения протеста в традиционных рамках легалистской борьбы. В полном объеме сработала выведенная В. И. Лениным формула политического поведения буржуазии в условиях резкого обострения классово-вой борьбы: «Не либерализм против социализма, а реформизм против социалистической революции — вот формула современной, «передовой», образованной буржуазии. И чем выше развитие капитализма в данной стране, чем чище господство буржуазии, чем больше политической свободы, тем шире область применения «новейшего» буржуазного лозунга «реформы *против* революции»⁶³. Правда, заряд радикализма, заложенный в антимонополистическом движении, оказывался порой настолько высок, а глубина социальных противоречий, разъедавших американское общество, столь значительной, что они не всегда умещались в те довольно жесткие рамки реформ, уступок, компромиссов, лавирования, которые допускались политикой буржуазного реформизма. Поэтому буржуазия не забывала активно использовать и другие способы борьбы с антимонополистическими силами, причем в равной мере физические и правовые формы подавления социального протеста. Вторая форма репрессивной политики сыграла особо важную роль в защите классовых интересов монополистической буржуазии США.

Классовая сущность конституционных доктрин на этом отрезке проявлялась как никогда отчетливо. Господствовавшие в то время реакционные варианты трактовки Конституции закрепляли только те новеллы, которые не затрагивали коренные интересы монополий. Однако такая консервативная тенденция не имела никакой исторической перспективы. С каждым днем становилось все очевиднее, что традиционная интерпретация конституционно-правовых доктрин более не соответствует объективным реальностям зарождавшегося государственно-монополистического капитализма. На повестку дня постепенно выдвигается проблема их этатизации.

§ 1. Крах «правового
фундаментализма»: 1917—1933 гг.

Соединенные Штаты вступили в период новейшей истории, когда у власти пятый год находилась демократическая администрация во главе с В. Вильсоном. За это время ее политическое лицо существенно переменилось. Под влиянием комплекса сложных внешне- и внутриполитических процессов правящая элита отходит от прежнего увлечения реформистскими рецептами решения социально-экономических и политических проблем¹. Политико-правовой облик Вашингтона начинают определять люди, безоговорочно приверженные отжившим свой век доктринам «правового фундаментализма».

Этот парадокс легко объясним. Первая мировая война позволила американской буржуазии существенно упрочить свои позиции как внутри страны, так и на международной арене. «Америка сильна, ей теперь все должны, от нее все зависит, ее все больше ненавидят, она грабит всех, и она грабит очень оригинально»², — писал В. И. Ленин.

Укрепление позиций Соединенных Штатов вселяло в умы людей, определявших политический курс страны, надежды на наступление «американского века». Известный политический обозреватель тех лет П. Маурер писал: «Наш долг, наши интересы требуют того, чтобы мы заняли особое место в мире, которое предопределено нам волей судьбы и нашими собственными усилиями»³. При таком подходе любые новшества, в том числе и в сфере права, представлялись угрозой тому «уникальному» социально-политическому механизму, который вознес Соединенные Штаты на вершину их могущества. «Правовой фундаментализм» же, освящавший своим авторитетом незыблемость всего политического механизма США, казался надежным гарантом процветания Америки.

Однако многочисленные изменения, происшедшие в американском обществе под влиянием войны, отнюдь не сняли остроты социальных конфликтов, имманентных ка-

питализму. «Буржуазный строй во всем мире переживает величайший революционный кризис»⁴, — подчеркивал в те годы В. И. Ленин. Это стало особенно очевидно после победы Великого Октября. В молодой Советской Республике на практике успешно решались многие важнейшие социально-политические и экономические проблемы, которые американские либералы осмеливались ставить лишь в риторической форме.

Уже первая Конституция нашей страны оказала огромное воздействие на развитие конституционно-правовой мысли, внеся в эту сферу проблемы, долгое время остававшиеся вне поля зрения буржуазных юристов. Воздействие советских правовых доктрин поначалу в большей мере сказалось на развитии конституционного нормотворчества западноевропейских государств, прежде всего Германии, Чехословакии, Бельгии и т. д., и «прежде всего в плане расширения избирательных прав и введения некоторых других уступок демократического плана»⁵.

Изменения подобного рода затронули и Конституцию США (достаточно, упомянуть поправку XIX, предоставившую избирательные права женщинам). Однако большая (по сравнению с Западной Европой) прочность частнособственнических отношений в США обуславливала одно весьма важное обстоятельство. Для сходных процессов в Соединенных Штатах влияние Великой Октябрьской социалистической революции в полной мере сказалось лишь в годы Великого экономического кризиса 1929 — 1933 гг., хотя в целом ряде принципиальных моментов оно, безусловно, ощущалось еще ранее. Оно проявлялось в бурном подъеме классовой борьбы, в ходе которой в 1919 году родилась Коммунистическая партия США — боевой авангард американских трудящихся, политическая сила, открыто бросившая вызов всевластию крупного капитала, предложившая американскому народу программу коренного переустройства общества на началах социальной справедливости. Перед правящим истеблишментом США встала сложная задача — как, оставаясь в рамках буржуазного правопорядка, нейтрализовать революционизирующее воздействие идей Октября.

Главную роль в выполнении данной миссии был призван сыграть буржуазный реформизм, видевший панацею от революционных катаклизмов в увеличении доли социальных вопросов в идеологии и политике буржуазных партий, в деятельности государства, а также в усилении

государственного регулирования экономических вопросов. «Семена революции в репрессиях,— подчеркивал апостол буржуазного реформизма В. Вильсон.— Лекарство против нее не должно быть негативным по своему характеру. Оно должно быть конструктивным»⁶. Правда, и сам Вильсон и руководимая им демократическая партия на практике все дальше отходили от этих принципов. «Может кто-нибудь назвать хоть одну реформу, предложенную или тем более осуществленную демократами после окончания войны?»⁷— восклицал в 1919 году влиятельный в либеральных кругах обозреватель У. Липпман. В этой гневной филиппике эмоции несколько искажают объективную картину. Даже в 20-е гг., в период господства идеологии и практики «твердого индивидуализма», государственно-монополистические тенденции не исчезли полностью из жизни американского общества. Достаточно упомянуть о попытках регулирования аграрного сектора экономики, борьбе за государственное гидроэнергостроительство в долине реки Теннесси, мерах по государственному регулированию радиовещания, наконец, о законе 1926 года, введившем систему государственного арбитража трудовых конфликтов на железных дорогах⁸. Однако эти тенденции, безусловно, не определяли развитие американского капитализма.

Не последнюю роль в торможении государственно-монополистических процессов сыграли в 20-е гг. конституционно-правовые доктрины, закреплявшие в сфере права устаревшие принципы *laissez-faire*. Это и понятно. Резкий пересмотр взглядов на роль надстройки в решении социально-экономических проблем, к которому призывали сторонники этатистских концепций, требовал и соответствующего — достаточно радикального — пересмотра конституционно-правовых доктрин, их скорейшей этатизации. Приверженцы «правового фундаментализма» тем не менее вплоть до «нового курса» в целом успешно отбивали все попытки приспособления конституционного права США к новым реальностям. После войны правящие круги, направляемые откровенно реакционной группировкой, взяли курс на подавление всех форм борьбы трудящихся против диктата монополий. «В той мере и в той степени, в какой я могу говорить от имени правительства США,— провозгласил Х. Догерти, министр юстиции в администрации Гардинга,— я заявляю, что буду использовать всю полноту власти, имеющуюся у федерального правительства, для того чтобы помешать профсоюзам разрушить

систему открытого цеха»⁹. Ярчайшим примером этой линии стали «палмеровские рейды», дело Н. Сакко и Б. Ванцетти, в котором судебные власти грубейшим образом попрали элементарные демократические свободы, и активное использование судебным корпусом *injunctions* против стачечников.

В борьбу против антимонополистического движения свою лепту, естественно, внес и Верховный суд США. В 1921 году он интерпретировал закон Клейтона как ничего не меняющий в отношении антитрестовского законодательства к действиям профсоюзов. В 20-е гг. Верховный суд 6 раз использовал антитрестовское законодательство против профсоюзов. В 1922 году большинство его членов пришло к выводу, что федеральные власти не правомочны одобрять законодательство, регулирующее детский труд. Правда, в 1924 году конгресс после ожесточенных дебатов принял соответствующую поправку к Конституции, но стараниями Торговой палаты, НАП и других организаций большого бизнеса ее ратификация была сорвана. В 1923 году большинством (5 против 3) голосов был объявлен неконституционным закон, устанавливавший минимум заработной платы для женщин в федеральном округе Колумбия. «Следует помнить, что из трех основополагающих принципов, на которых держится государство и во имя которых существует правительство — защита жизни, свободы и собственности,— главным является защита собственности»¹⁰,— придя к такому выводу, представители высшего эшелона судебного корпуса, по существу, полностью заблокировали всякие возможности вмешательства федеральных властей в процесс регулирования трудовых отношений, дав предпринимателям полную «свободу рук» и полностью оправдав «безудержную, нерегулируемую эксплуатацию труда в так называемом свободном обществе»¹¹. Как справедливо отмечал в 1929 году один из наиболее авторитетных представителей «новой волны» социологической школы права Ф. Франкфуртер, «сторонники «правового фундаментализма» возродили взгляды, которые были устаревшими уже 25 лет назад»¹².

Таким образом, в 20-е гг. на авансцене политической жизни США находились не столько коренные социально-экономические проблемы, сколько второстепенные вопросы морально-этического порядка, в том числе и в сфере права. Подобная ситуация могла возникнуть только в специфической атмосфере того времени с ее неприкрытой апо-

логетикой американизма, культом бизнеса и предпринимательства, преклонением перед библейскими добродетелями в теории и разнузданной вакханалией спекуляций на практике. Если в 90-е гг. XIX — начале XX века американская прогрессивная публицистика использовала классический образ «барона-грабителя», то в годы «просперити» высшим авторитетом в вопросах этики и поведения стал бизнесмен.

Известный американский специалист, видный представитель так называемой этно-культурной школы, профессор Р. Келли отмечал в этой связи одну любопытную деталь. Правящая элита США, занимавшая в 20-е гг. в политико-правовой сфере весьма консервативную и даже откровенно реакционную позицию, субъективно воспринимала свое политическое поведение совсем иначе: «Промышленники и финансисты были убеждены, что они являются не консерваторами, какими их традиционно привыкли изображать, а смелыми новаторами. Они имели в этот период такой престиж, каким ранее никогда не обладали и никогда не будут обладать»¹³. Под влияние подобной пропаганды попали даже многие бывшие идеологи прогрессистов. Так, один из крупнейших писателей-прогрессистов Л. Стефенс в 20-е гг. существенно изменил свое отношение к «капитанам индустрии»: «Большой бизнес в Америке производит сейчас все то, что социалисты провозглашали своей целью — еду, кров, одежду для всех»¹⁴.

Публицисты промонополистического направления тем более не жалели красок для восхваления благородства королей делового мира. Один из видных апологетов бизнеса Д. Мур совершенно серьезно писал, что человечество могло бы прекрасно обойтись без наследия Фидия, Сократа и других выдающихся представителей мировой цивилизации. «Но где был бы мир сегодня без высокого духовного мужества, предприимчивости и усердия промышленников и банкиров наших дней? Без них мир бы до сих пор находился в состоянии варварства и дикости»¹⁵, — безапелляционно утверждал он. В подобном климате социально-экономическим проблемам было трудно пробиться на первый план.

Президент К. Кулидж в одном из своих ежегодных посланий «О положении в стране» подчеркивал: «Эпоха совершенства еще не наступила, но опасность задержать ее приход заключается не столько в недостатке законодательных мер, сколько в ошибках правительственных действий»¹⁶. Еще более откровенно эта идея была сформулирована в предвыборной платформе республиканцев 1924 го-

да: «Республиканская партия, как всегда, решительно выступает против любых попыток правительственного вмешательства в дела бизнеса»¹⁷. Эти же мысли пронизывали брошюру Гувера «Американский индивидуализм» — своеобразную «библию» среднего американца в 20-е гг. Функции государства, по Гуверу, сводились к «поддержанию инициативы и творческих возможностей американцев»¹⁸. Иными словами, все «ветви» государственной власти, весь инструментарий, имеющийся в их распоряжении, должны быть нацелены на то, чтобы устранить любые препятствия на пути бизнеса.

Очевидно, что в подобной обстановке людям, стоявшим у кормила государственной власти, обсуждать серьезные конституционно-правовые проблемы было невыгодно. Гораздо удобнее было перевести полемику в плоскость морально-этических вопросов, конечно, относительно важных, но явно не определявших ни сущностное, ни функциональное содержание конституционного права. Неудивительно, что страстные дискуссии 20-х гг., по существу, не оказали серьезного влияния на эволюцию конституционных принципов. Это вполне естественно, ибо судебная система США билась над решением таких «фундаментальных» правовых проблем, как пить или не пить, преподавать в школах теорию Дарвина или нет и тому подобных сюжетов, которые исчезли, как только на страну обрушился экономический кризис. Годы «просперити» стали ярким примером безвременья, и их (с некоторыми оговорками) можно опустить при рассмотрении магистральных направлений эволюции конституционных концепций.

Разрыв между объективными потребностями американского общества и их субъективным отражением в политике, праве, сознании правящего истеблишмента привел Соединенные Штаты в конце концов к катастрофическим последствиям. «Несоответствие между интенсивным углублением внутренних противоречий капиталистического воспроизводства, развивающегося на частномонополистической базе, и ослаблением государственно-монополистических регулирующих элементов мстит за себя особой силой взрыва этих противоречий в кризисе 1929—1933 гг.»¹⁹, — отмечают советские исследователи.

Великий экономический кризис, до основания потрясший все здание американского капитализма, казавшегося всего несколько лет назад таким мощным и незыблемым, еще раз убедительно продемонстрировал, что Конституция США сама по себе отнюдь не гарантирует выработку оп-

тимальных рецептов развития и совершенствования общественных отношений. Более того, в традиционалистской интерпретации она утратила всякие возможности для дальнейшей охраны и стабилизации буржуазного правопорядка. Лишь весьма серьезная перестройка всей системы конституционно-правовых воззрений, их адаптация к новым реальностям, новым потребностям развития капитализма, начавшаяся после прихода к власти администрации Ф. Д. Рузвельта, позволила этому документу вновь стать реальной основой политической системы США, опирающейся ныне уже на государственно-монополистический фундамент.

§ 2. «Новый курс» и первые попытки приспособления Конституции к условиям государственно- монополистического капитализма: 1933—1939 гг.

4 марта 1933 г. был приведен к присяге 32-й президент Соединенных Штатов Ф. Д. Рузвельт. Он вступил в должность, когда крупнейший в истории капитализма экономический кризис достиг своей высшей точки. Хозяйственный механизм наиболее развитой в промышленном отношении империалистической державы находился в состоянии полного расстройствa. Безработица достигла гигантской цифры — даже по официальным данным в 1933 году не имели работы 13 млн. человек. Промышленное производство в 1932 году сократилось почти вдвое по сравнению с 1929 годом. Резко упали доходы фермеров — с 11 312 млн. долларов в 1929 году до 4 748 млн. долларов в 1933 году²⁰.

Политический курс прежней администрации, строившийся в соответствии с канонами «твердого индивидуализма», который категорически отрицал правомерность государственного регулирования социально-экономических отношений, полностью провалился. Несмотря на все уверения Г. Гувера в том, что «просперити находится за углом», было очевидно — правительство не в состоянии контролировать ситуацию. В стране резко усилились радикальные настроения, нарастало разочарование в существовавшей в США политической и социально-экономической системе. «Я консервативен в такой мере, в какой только может

быть консервативен человек,— говорил в разгар кризиса глава Фермерского союза Висконсина А. Янг,— но как мне относиться к экономической системе, которая выкидывает на улицу в таком возрасте меня и жену? Остается только стать красным»²¹. «Великий инженер», бывший еще недавно кумиром многих американцев, а с ним и вся республиканская партия катастрофически теряли престиж в глазах избирателей. Как метко заметил в 1932 году сенатор-республиканец Х. Джонсон, «только Иуда был тогда менее популярен, чем Гувер»²². Этим всеобщим разочарованием умело воспользовались демократы, лидер которых Ф. Рузвельт вел свою предвыборную кампанию под лозунгом «нового курса», сулившего перемены к лучшему во всех сферах жизни общества. «Страна нуждается и, если я правильно понимаю ее настроение, требует смелого и настойчивого эксперимента»²³,— говорил он. Предсказать исход выборов было нетрудно: демократы легко победили своих традиционных оппонентов, получив главный приз — президентское кресло и контроль над обеими палатами конгресса.

Гораздо сложнее было выработать программу, на основе которой можно было бы рассчитывать на выход из затянувшегося кризиса. Требовались срочные, экстраординарные меры, ибо обанкротилась не просто политическая линия правительства Гувера, но вся идеология «твердого индивидуализма», долгие годы доминировавшая в общественно-политической жизни США. Не случайно сенатор Р. Лафоллет-младший констатировал еще в 1931 году: «Время философии *laissez-faire* безвозвратно ушло в прошлое»²⁴. Это прекрасно понял Ф. Рузвельт. Его «новый курс» «можно определить как политику либерального этатизма, которой присущи две взаимосвязанные черты. Во-первых, это форсированное развитие государственного регулирования экономики, а во-вторых, это огосударствленный подход к решению социальных проблем в духе широкого социального маневрирования с учетом ряда требований народных масс»²⁵.

Действительно, «экономический кризис 1929—1933 гг., обнажение и резкое обострение классовых конфликтов в стране «радикализовали» политическое мышление буржуазных либералов»²⁶. У нового президента оказалось достаточно политической смелости для того, чтобы во имя спасения капитализма пойти на резкий разрыв со всей предшествовавшей политико-правовой традицией.

«Новый курс» прошел в своем развитии три этапа:

1) 1933—1934 гг., когда были заложены основные принципы государственного регулирования экономики; 2) 1935—1936 гг. — период сдвига влево, когда под воздействием рабочего и демократического движения правительство вынуждено было обратиться к решению ряда социальных вопросов, институционализировать некоторые важные требования масс; 3) 1937—1939 гг. — период, когда в процессе острейшей борьбы двух тенденций (или углубление социального законодательства, или свертывание политики реформ) перевес постепенно перешел на сторону консервативного блока, что и обусловило завершение «нового курса»²⁷.

Уже на первом этапе был проведен комплекс важных мероприятий, направленных на стабилизацию экономики. Их можно условно разбить на три группы. Первая включала в себя законодательство, направленное на регулирование и укрепление валютно-финансового механизма США: отмена золотого стандарта, меры по оздоровлению банковской системы, рефинансирование задолженности, гарантирование государством депозитов размером до 5 тыс. долларов; позднее, в 1934 году, была осуществлена девальвация доллара и создана Комиссия по торговле акциями, осуществлявшая надзор за деятельностью фондовой биржи с целью пресечения вакханалии спекуляций дутыми акциями, столь характерной для 20-х гг.

Вторая группа мероприятий касалась аграрного законодательства. Центральное место в этой области занимал закон о регулировании сельского хозяйства 1933 года, нацеленный на повышение доходов фермеров за счет увеличения цен на производимые ими продукты. В соответствии с законом за сокращение производства основных видов сельскохозяйственной продукции фермеры получали премиальные выплаты из особого фонда, образованного за счет введения нового специального налога.

Третье и, пожалуй, главное звено в законодательстве «ста дней» касалось регулирования индустриальных отношений. Основы политики новой администрации получили отражение в Законе о восстановлении промышленности, принятом летом 1933 года. Он состоял из трех главных разделов: 1) государственное регулирование условий промышленного производства; 2) регулирование трудовых отношений; 3) помощь безработным.

Первые мероприятия «нового курса» способствовали известной стабилизации экономики. Однако по мере того, как страна выходила, а точнее, выползала из самой глу-

бокой фазы кризиса, атмосфера единения вокруг президента-спасителя, каким весной 1933 года казался Рузвельт, быстро рассеивалась. Усилилась критика его действий и справа, и слева. Демократические силы требовали от администрации действенных мер, направленных на оказание помощи тем, кто больше всего страдал от последствий кризиса. Стремительно возрастала социальная напряженность. Страну потрясли массовые выступления фермеров. На новую ступень поднялось забастовочное движение трудящихся. Усилилась тяга к независимым политическим действиям.

Одновременно и большой бизнес, уверовав, что худшие времена позади, стал выказывать все большее раздражение по поводу чрезмерного вмешательства федерального правительства в прерогативы индивидуального предпринимателя. Деловые круги требовали решительного подавления забастовочного движения и других форм борьбы антимонополистических сил. В 1933 году лидеры «старой гвардии» республиканской партии в силу чрезвычайных обстоятельств вынуждены были санкционировать планы новой администрации, уповая на то, что все так называемое экспериментальное законодательство носит временный характер и, как только экономическая ситуация стабилизируется, будет отменено. Однако вскоре стало очевидно, что оно быстро и прочно институционализируется в политико-правовую структуру американского общества, резко усиливая процесс поляризации сил. В послании «О положении страны» в январе 1934 года Рузвельт констатировал: «Теперь, когда мы определенно находимся на стадии выхода из кризиса, отчетливо обозначилась разграничительная линия между теми, для кого этот процесс означает возврат к старым методам правления... и теми, для кого он означает реформу многих старых политических принципов и традиций, существенную перестройку всей нашей системы мышления и как следствие — перестройку многих социально-экономических структур»²⁸.

Противники реформ возлагали большие надежды на промежуточные выборы 1934 года, в ходе которых они рассчитывали дать генеральное сражение ньюдилерам. В концентрированном виде идеи американских реакционеров получили выражение в вышедшей в то время книге Г. Гувера «Вызов свободе». Кумир американских консерваторов не скрывал своих целей: «Реальная альтернатива, лежащая перед нами, и реальная надежда человечества заключаются в восстановлении нашей системы свободы,

которая в прошлом породила столь эпические достижения в области улучшения благосостояния общества»²⁹. В работе были четко сформулированы основные обвинения в адрес «нового курса», в ряду которых важное место занимал тезис об антиконституционности законодательства, принятого с момента вступления Рузвельта в должность президента³⁰. «Старая гвардия» республиканской партии не скрывала, что, как только она вновь овладеет реальными рычагами государственного управления, механизм государственно-монополистического регулирования социально-экономических процессов будет немедленно демонтирован.

Однако этим надеждам не было суждено сбыться. На промежуточных выборах 1934 года «великая старая партия» потерпела сокрушительное поражение. Первый натиск сил реакции завершился провалом. Но выборы продемонстрировали и другое: на левом фланге демократической партии заметно усилилось недовольство нерешительностью и непоследовательностью президента в проведении либеральных реформ. Окрепили также позиции сторонников независимых политических действий, которые вели активную подготовку к созданию третьей партии на случай, если к 1936 году Рузвельт не продемонстрирует на деле своей готовности к углублению реформ.

Для нейтрализации этой крайне опасной для социальной стабильности буржуазного общества тенденции Рузвельт решился на ряд смелых политических шагов, позволивших Компартии США назвать этот период «одной из самых прогрессивных страниц» в истории страны³¹. В 1935—1936 гг. под давлением демократических сил правительство пошло на значительные уступки трудящимся: были резко расширены ассигнования на общественные работы, принят закон о социальном обеспечении, введивший страхование по старости и безработице, увеличена помощь фермерам, причем не только верхушке, но в какой-то мере и низкодоходным группам сельского населения. В осторожной форме Рузвельт предпринял попытку несколько видоизменить систему налогообложения за счет некоторого увеличения доли лиц с высокими доходами и корпораций в общем фонде налоговых поступлений. Была ограничена деятельность холдинг-компаний в сфере коммунального обслуживания. Наконец, был одобрен Национальный акт о трудовых отношениях, санкционировавший коллективно-договорную деятельность профсоюзов³².

Отличительная черта всех мер «нового курса» — рез-

кое повышение роли федерального правительства в регулировании социально-экономических отношений. Форсированное вторжение буржуазного государства в эти сферы заметно повлияло на характер американского капитализма. «В целом к началу второй мировой войны в социально-экономической и идейно-политической структуре США произошли большие перемены. В США сложилась либеральная форма государственно-монополистического капитализма»³³.

Набравший темпы объективный процесс этатизации социально-экономических процессов резко противоречил правовой традиции, что и послужило основой для острого конфликта между исполнительной и законодательной «ветвями» государственной власти, с одной стороны, и судебными органами, с другой. В этом столкновении в специфической форме получила отражение борьба не только внутри правящего класса по вопросам выбора магистральных направлений развития капитализма, но в известной мере — и прогрессивных сил с лагерем реакции за контроль над ходом политического процесса. Не последнюю роль здесь играли проблемы конституционности всего законодательства «нового курса». Как писал летом 1933 года известный американский историк Г. Коммаджер, «доктрины *laissez-faire*, отвергнутые большинством законодателей и избирателей, нашли последнее прибежище в судебных органах»³⁴. Действительно, политические взгляды большинства членов Верховного суда находились в явном противоречии с неолиберальными концепциями, на базе которых строила свою деятельность администрация Рузвельта.

По мере того как надежды консерваторов на возвращение власти в руки республиканцев таяли, взоры их все чаще обращались к судам, которые уже не раз успешно сокрушали многие реформистские прожекты либералов. Один из лидеров правого крыла республиканской партии О. Миллс так суммировал построения своих единомышленников: «Политика Рузвельта не принесла оздоровления экономики, совсем наоборот. Если уж администрация не способна добиться этого, то единственной «ветвью» государственной власти, заслуживающей доверия, является Верховный суд»³⁵.

Советские исследователи, как правило, отношение судов к мероприятиям «нового курса» разделяют на три периода: 1) 1933 — 1934 гг. — период выжидания; 2) 1935 — 1936 гг. — период резкой конфронтации между Верховным

судом и администрацией, когда суду удалось ликвидировать ряд важных правовых актов, принятых конгрессом на первом этапе «нового курса»; 3) с 1937 года, когда Верховный суд вынужден был признать конституционным социальное законодательство «нового курса» и инкорпорировать в конституционное право этактические принципы решения социально-экономических проблем³⁶.

На протяжении 1933—1934 гг. консервативное большинство Верховного суда тщательно готовилось к решающим сражениям с либералами, замахнувшимися на привычную конституционно-правовую практику. Продумывались аргументы, велась обработка общественного мнения, подбирался наиболее удобный момент для атаки.

Первое столкновение произошло в январе 1935 года. В деле *Panama Refining Co. v. Ryan* суд подавляющим большинством голосов объявил неконституционной статью 9 (С) «Положения о незаконно добываемой нефти» Закона о восстановлении промышленности*. Основанием послужило якобы имевшее место нарушение принципа разделения властей: по мнению суда, конгресс без должных ограничений передал исполнительной власти квазизаконотворительные функции дискреционного характера.

Время и способ атаки на центральный акт первого этапа «нового курса» были выбраны не случайно. Приближался момент, когда истек срок его действия. Акция Верховного суда оказала на первых порах заметную морально-политическую поддержку противникам администрации в конгрессе, заставив задуматься колеблющихся конгрессменов относительно окончательного определения своей позиции в борьбе по вопросу о необходимости продления полномочий, которые были делегированы администрации в соответствии с этим законом. В то же время, нанеся удар по периферийной части закона, суд, в первую очередь его председатель Ч. Э. Хьюз, стремился сохранить почву для поисков приемлемого для умеренно-консервативных кругов компромисса с ньюдилерами.

Демарш Верховного суда резко обострил и без того весьма напряженную обстановку. Ситуация развивалась таким образом, что достижение компромисса становилось все менее реальным. Перед руководством правящей пар-

* Это положение не входило в ключевой раздел закона, посвященный «кодексам честной конкуренции», но имело сходное звучание, касаясь регулирования условий производства и продажи нефти.

тии весной 1935 года отчетливо вырисовывалась дилемма: либо пойти навстречу требованиям различных отрядов демократического движения, либо потерять свое влияние в этих кругах³⁷. После долгих и мучительных колебаний Рузвельт бросил весь вес и престиж государственного аппарата на поддержку ряда крупных либерально-реформистских законопроектов, не заботясь о реакции своих политических противников. На президента обрушился шквал обвинений, в том числе в намерении ликвидировать Конституцию и установить в стране режим личной власти³⁸. Однако реальные шансы на то, чтобы затормозить наступление либерально-демократических сил, оставались только у Верховного суда. И тот не замедлил использовать все имевшиеся в его распоряжении возможности для борьбы с «новым курсом».

С мая 1935 года Верховный суд вступил в один из самых острых за всю историю США конфликтов с исполнительной властью. 6 мая, объявив неконституционным Закон о введении пенсионного обеспечения на железных дорогах, он поставил под сомнение любую возможность введения в будущем системы пенсионного обеспечения, а 27 мая добрался, наконец, до стержневых положений Закона о восстановлении промышленности (*Schechter v. United States*). Закон был признан неконституционным на основании того, что: 1) его положения, по мнению суда, незаконно делегировали законодательные функции органам исполнительной власти, нарушив тем самым базовый принцип конституционного устройства США — принцип разделения властей; 2) как указывалось в судебном заключении, положения акта, направленные на регулирование условий труда, в данном случае вторгались в сферу внутриштатной торговли и, следовательно, не могли быть отнесены к компетенции федеральных властей³⁹. В январе 1936 года сходная судьба постигла Закон о регулировании сельского хозяйства. В мае был объявлен неконституционным Закон о регулировании угольной промышленности.

В общей сложности в период с января 1935 года по май 1936 года Верховный суд аннулировал 11 важнейших законов, принятых на первом этапе «нового курса». Во всех случаях основной удар Фемиды обрушивался на попытки законодательно санкционировать право федерального правительства регулировать различные аспекты социально-экономических отношений. «Суды, таким образом, замахнулись на самое существенное в тех средствах, с помощью которых правительство Рузвельта стремилось укрепить

основы буржуазного строя, подвергнувшиеся столь суровым испытаниям в ходе кризиса и депрессии»⁴⁰.

Решения Верховного суда подорвали позиции ньюдилеров и престиж президента. Губернатор Пенсильвании Дж. Эрл назвал действия Верховного суда «вызовом всем американцам»⁴¹. Правда, столь прямые и откровенные выпады встречались не часто, — почтительное отношение к судам в крови американских законодателей. Ньюдилеры старались не показывать своего глубокого разочарования итогами первой проверки нового законодательства на конституционность. Сенатор Вагнер даже публично поблагодарил Верховный суд «за службу, которую он сослужил, обратив внимание конгресса на необходимость более тщательной разработки нового законодательства»⁴². Но тот же Вагнер говорил и другое: «США как государство основаны на презумпции, согласно которой в случае возникновения конфликта между отдельными положениями Конституции и интересами благосостояния людей первое должно быть подчинено интересам второго»⁴³. Этот тезис стал главным в аргументации сторонников модернизации конституционно-правовых доктрин, их приспособления к новым реальностям американского общества.

Несмотря на то что Верховный суд встал на путь открытого саботажа мероприятий «нового курса», Рузвельт в преддверии надвигавшихся президентских выборов не решился на немедленную конфронтацию с ним. Основные усилия он сосредоточил на борьбе за принятие «обязательного» законодательства, призванного сementировать политическую коалицию, сложившуюся вокруг демократической партии. Решение этой задачи в стратегическом плане создавало условия для социально-политической стабилизации буржуазного общества, а в тактическом отношении готовило почву для борьбы за собственное переизбрание в 1936 году. Вместе с тем, не упуская из виду угрозу, которую таил в себе вопрос о конституционности нового законодательства, президент начал все чаще публично порицать позицию, занимаемую «девятью старцами». Если реакционное большинство суда обвиняло либеральных демократов в нарушении священного принципа разделения властей, те утверждали то же самое, но уже в отношении своих противников. «Судебные органы, тормозя вступление в силу одобренных конгрессом законов, берут на себя, таким образом, дополнительные функции и превращаются все более и более в бесконтрольную, неорганизованную, медленно действующую третью палату конгрес-

са»⁴⁴, — утверждал Рузвельт. Одновременно президент усиленно развивал тезис о том, что новые обстоятельства требуют отказа от догматического подхода и ортодоксальной трактовки безусловно верных в своей основе базовых положений Конституции и основополагающих суждений «отцов-основателей». В предвыборной платформе демократов говорилось: «Если окажется, что насущные проблемы американского общества нельзя эффективно решать законодательным путем в рамках Конституции, мы будем добиваться одобрения дополнительных поправок к ней, гарантирующих принятие законов, которые штатные и федеральные власти сочтут необходимыми»⁴⁵.

Выборы 1936 года, ставшие своеобразным референдумом по вопросу об отношении к «новому курсу», завершились на редкость убедительной победой демократической партии, которую, как и четыре года назад, возглавлял Ф. Рузвельт. Орган правых республиканцев газета *New York Herald Tribune*, комментируя итоги выборов, вынуждена была констатировать: «Два препятствия остаются на пути нового курса — Конституция и Верховный суд. Эти два оплота свободы, эти два стража конституционных принципов государственного устройства и прав меньшинства только и являются сдерживающей силой против тенденции к усилению президентской власти, развивающейся в последние четыре года»⁴⁶.

Действительно, даже оставаясь в явном меньшинстве, Верховный суд являл собой угрозу всему прогрессивному законодательству, одобренному на втором этапе «нового курса». Его архаичная позиция, пожалуй, никогда не находилась в таком очевидном несоответствии с реальным соотношением политических сил, как в конце 1936 — начале 1937 года. И хотя в первом после победы послании «О положении в стране» Рузвельт не счел необходимым конкретизировать свои планы в отношении суда, по некоторым положениям этого документа можно было предположить, что готовятся проекты нейтрализации его возможной атаки на основы «нового курса», на принцип государственного регулирования социально-экономических отношений. «Необходимо найти средства для того, чтобы приспособить наше законодательство и наши конституционно-правовые представления к тем актуальным потребностям, которые встают перед величайшей в мире демократической державой»⁴⁷, — указывал Рузвельт.

Предостережение не подействовало. Суд продолжал пиратствовать. В конце 1936 года, опираясь на преслову-

тую доктрину о «свободе договора», он аннулировал закон штата Нью-Йорк, регулировавший размер минимальной заработной платы для женщин. Вместе с ним были ликвидированы аналогичные законы еще ряда штатов. Реакционная трактовка доктрины о «свободе договора» не оставляла сомнений в том, что в случае ее применения будут объявлены неконституционными важнейшие федеральные законы, регулировавшие условия труда.

В то же время явная несостоятельность данной доктрины применительно к новому социальному законодательству вызывала растущее сопротивление даже в судебном корпусе. Позиции последователей социологической школы неуклонно укреплялись. К классическому тезису Холмса «Право живет не в логике, а в опыте»⁴⁸ присоединились члены Верховного суда Брандейс, Стоун и Кардозо, которые неоднократно резко критиковали реакционную линию большинства. Х. Стоун, например, заявил: «Мрачной иронией выглядят все разговоры о свободе договора для тех, кого экономические условия вынуждают продавать свой труд за плату, которая не позволяет им свести концы с концами»⁴⁹.

В результате безрассудных акций Верховного суда сложилась напряженная ситуация. Страну охватила волна «сидячих забастовок», направленных на то, чтобы заставить предпринимателей не только на словах, но и на деле признать положения узаконенных ранее либеральных реформ⁵⁰. Профсоюзы, другие отряды демократического движения заявляли, что они не будут сидеть сложа руки, если суд замahнется на социальное законодательство 1935—1936 гг. Престиж судов, считавшийся с момента образования США незыблемым, заметно упал. А ведь они своим авторитетом в немалой степени освящали устои всей капиталистической системы США. Нежелание ультраконсерваторов понять реальности середины 30-х гг. грозило вызвать острейший социально-политический кризис.

В этой обстановке Рузвельт решил нанести упреждающий удар. 5 февраля 1937 г. он обратился к конгрессу со специальным посланием, в котором излагал свой план реформы Верховного суда⁵¹. Стержнем его стало предложение о расширении состава суда. Ясно, что президент рассчитывал, введя туда лояльных ему людей, изменить баланс сил в свою пользу. Но план президента неожиданно натолкнулся на упорное сопротивление конгресса. Против него открыто выступили не только правое крыло республиканской партии, но и многие демократы, даже из числа

тех, кто обычно послушно следовал в фарватере правительственного курса. Резко против намерения Рузвельта высказался республиканско-демократический прогрессивный блок (Бора, Уилер, Най, Фрезер, Х. Джонсон). На волне оппозиции началось формирование двухпартийной консервативной коалиции в конгрессе, которая будет играть заметную роль в партийно-политической борьбе в конце 30-х гг. В итоге либералы оказались в изоляции, и план реформы Верховного суда был провален.

Но, проиграв сражение, Рузвельт выиграл войну. Суд не смог остаться безучастным свидетелем той острейшей борьбы, которая была вызвана его, мягко говоря, опрометчивой деятельностью в предшествующие два года. Даже для умеренно-консервативных судей типа Хьюза и Робертса становилась очевидной невозможность сохранения традиционного подхода к интерпретации конституционно-правовых доктрин. Новые, этактистские веяния все сильнее проникали в умонастроения судебного корпуса.

В разгар дебатов вокруг проекта, 25 марта, Верховный суд вынес решение, которое произвело эффект разорвавшейся бомбы,—он признал конституционным закон штата Вашингтон о минимуме заработной платы для женщин, идентичный объявленному несколько месяцев назад неконституционным закону штата Нью-Йорк. Однако на сей раз суд отошел от традиционной доктрины о «свободе договора». Судьи «вдруг» обнаружили, что Конституция, оказывается, ничего не говорит о «свободе договора»: «Она говорит о свободе и запрещает лишать свободы без надлежащей правовой процедуры». Отсюда делался важный вывод о том, что сама свобода «подлежит ограничению со стороны надлежащей процедуры»⁵². Решив, что «свобода договора» не является абсолютным, ничем не лимитированным понятием, суд подчеркнул: «То, что это можно делать (регулировать условия труда. — Авт.) в общественных интересах... невозможно отрицать»⁵³. Данное решение зафиксировало начало отхода суда от доктрины о «свободе договора», являвшейся ярчайшим выражением индивидуалистической философии в сфере права.

Отступничество суда от традиционалистских политико-правовых принципов этим не ограничилось. Очень скоро, в апреле, в деле *National Labor Relation Board v. Jones Laughlin Steel Corporation* был признан конституционным Национальный акт о трудовых отношениях, составлявший основу рабочей политики правительства Рузвельта. На сей

раз речь шла о толковании понятия «междуштатная торговля».

Как известно, именно узкая трактовка этого термина давала консервативно настроенным судьям возможность отрицать право федеральных властей регулировать трудовые отношения в сфере промышленного производства. Формулируя новый подход судов к толкованию понятия «междуштатная торговля», судья Робертс подчеркнул: «Когда масштабы промышленного производства приобретают общенациональный размах, превращая отношение к междуштатной торговле в определяющий фактор всей деятельности промышленности, как можно утверждать, что индустриальные отношения составляют запретное поле, куда конгресс не имеет права вмешиваться, даже когда это необходимо для того, чтобы оградить саму междуштатную торговлю от парализующего воздействия индустриальной войны?»⁵⁴. Важно отметить, что, определяя понятие «междуштатная торговля», суд принял во внимание не реальный размер конкретного производства, а общие масштабы данной отрасли. Комментируя новую линию суда, судья Дж. Макрейнольдс, известный своими ультраконсервативными взглядами, возмущенно заявил: «Трудно, даже невозможно представить себе другую столь отдаленную от истины интерпретацию понятия междуштатной торговли или более явное посягательство на права, зарезервированные за штатами»⁵⁵. Не вдаваясь в дискуссию о том, какая интерпретация положений Конституции является истиной, можно все же смело утверждать, что в данном случае действительно произошел резкий разрыв со всей предшествовавшей правовой традицией и был сделан важнейший шаг по пути этатизации конституционно-правовых доктрин.

В мае 1937 года успешно прошел проверку на конституционность Закон о социальном обеспечении. Несколько позднее, в 1939 году, был санкционирован Закон о регулировании сельского хозяйства 1938 года. Объективный процесс этатизации конституционно-правовых воззрений закрепили персональные перестановки на судебном Олимпе. В 1937—1938 гг. ушли в отставку два консервативно настроенных члена Верховного суда — У. Ван-Девантер и Дж. Сазерлэнд. Их место заняли либералы Х. Блэк и С. Рид. К 1943 году господство либерально-этатистских кругов в Верховном суде, состав которого практически полностью изменился (из прежней девятки остался только О. Робертс), стало неоспоримым.

Итак, сам план реорганизации Верховного суда формально провалился, что негативно сказалось на внутривнутриполитической обстановке, способствовал, наряду с другими факторами, реставрации позиции консервативных сил. Однако борьба, развернувшаяся вокруг данного плана, безусловно, и, надо признать, достаточно серьезно повлияла на темпы процесса адаптации буржуазного права к условиям государственно-монополистического капитализма. Сенатор Бирнс, позднее ставший членом Верховного суда, весной 1937 года заметил: «Я не знаю, какой эффект окажут эти решения на судьбу законопроекта о реформе судебной системы, но зато я точно знаю, какое влияние план президента оказал на поведение членов суда»⁵⁶. Признавая справедливость подобных оценок, нельзя в то же время не согласиться с мнением тех советских исследователей, которые подчеркивают решающее значение более глубоких факторов в процессе этатизации правовых доктрин: «И все же гораздо более важную роль в изменении линии судов сыграли две другие причины: во-первых, массовое движение в защиту и расширение социального законодательства; во-вторых, усиление позиций противников «твердого индивидуализма» в правящих верхах, которые, разобравшись в сущности рузвельтовской политики, выступили в поддержку расширения роли государства в социально-экономической сфере»⁵⁷.

Оценивая итоги перестройки поведения судов, происшедшей в конце 30-х гг., следует признать ее долговременное воздействие на развитие конституционно-правовых доктрин. Во-первых, в результате санкционирования буржуазным правом этатистского подхода к решению социально-экономических проблем резко расширились prerogatives федеральных органов власти. В сферу их компетенции вошли принципиально новые области — аграрная политика, индустриальные отношения, регулирование банковских операций и т. д. Во-вторых, в конституционное право был прочно инкорпорирован принцип ответственности федерального правительства за состояние социально-экономических отношений. В-третьих, произошел отход от концепции «дуалистического федерализма»⁵⁸. «За два десятилетия пребывания у власти правительства демократов Ф. Рузвельта и Г. Трумэна федеральная система серьезно видоизменилась в плане распределения социально-экономических функций между Союзом и членами федерации»⁵⁹. На смену «дуалистическому федерализму» постепенно приходил «новый федерализм». Иными словами, формирова-

лась новая схема взаимоотношений федеральных органов и властей штатов.

Несмотря на важность и значимость отмеченных выше перемен, нет оснований говорить о «конституционной революции»: речь шла об адаптации конституционно-правовых доктрин к условиям форсированного развития государственно-монополистического капитализма, что позволило буржуазному праву относительно успешно выполнять свои функции в новых условиях, классовая же сущность отдельных правовых концепций и Конституции в целом отнюдь не изменилась. Не изменились и масштабы, в рамках которых буржуазное право способно решать спорные политические проблемы, сдерживать конфликты, охранять господство монополистической буржуазии. Повысив до известных пределов эффективность функционирования политического механизма, этатизация правовых доктрин в конечном счете оказалась не в состоянии устранить коренные противоречия, которые подтачивают устой американского капитализма. «Государственное регулирование экономики и социальная инфраструктура, будучи главным наследием «нового курса», в какой-то степени содействовали повышению приспособляемости американского капитализма к условиям новейшего времени. Однако «встроенные стабилизаторы» уже успели доказать свою беспомощность под ударами обостряющегося общего кризиса капитализма»⁶⁰, — данная оценка последствий перехода американского капитализма в государственно-монополистическую стадию вполне приложима и к политико-правовой сфере.

Современность

Глава VI.

Конституция и политическая система

§ 1. Некоторые теоретические проблемы

В исследовании проблем взаимодействия Конституции и современной политической системы США методологически важно выделить и рассмотреть три главных вопроса: характер и особенности, во-первых, Конституции США, во-вторых, политической системы современного американского общества и, в-третьих, основных направлений воздействия Конституции на политическую систему общества.

В качестве исходной посылки следует указать прежде всего на то, что конституция как основной закон капиталистического государства является не только сугубо правовым, но и политико-идеологическим по своему характеру и назначению документом.

Можно с известными оговорками согла-

ситься с мнением западно-германского правоведа К. Хессе, полагающего, что конституции ряда буржуазных государств представляют собой «некое материальное единство, содержание которого отражено в основных ценностях позитивного права»¹. Такая трактовка подчеркивает неразрывную связь современной буржуазной конституции с функционирующей в той или иной капиталистической стране системой права. Однако из этого не следует, что конституция сводится лишь к некоему материальному единству, к чисто правовому по своему характеру и содержанию документу, к «основному правопорядку жизни общества»². Конституция, как известно, отражает и закрепляет не только существующий экономический, но и социальный, духовный, политический строй того или иного общества, в силу чего она должна рассматриваться не только в чисто правовом или материальном, но и во всех других, отражающих различные стороны жизни общества, аспектах, в том числе политико-идеологическом. Буржуазная конституция, как справедливо считают советские ученые, неизменно выступает в виде политико-юридического и политико-идеологического акта³. Содержание этого акта, степень его реальности и фиктивности (соотношение формальной и «живой» конституции), отношение к нему противоборствующих классовых сил, уровень конституционных завоеваний трудящихся масс, степень конституционной законности в государственном управлении — все это важные показатели и критерии оценки того, как функционирует политическая система современного капиталистического общества⁴.

Что касается Конституции США, то с помощью норм, содержащихся в этом основополагающем правовом документе, а также в актах, изданных на его основе и в его развитие, опосредуется в конечном счете вся сеть политических институтов, политических связей и отношений, существующих между ними, система политико-правовых ценностей, включающих в себя «значительное число принципов, лозунгов, правил, максим, заклинаний, заповедей и т. д.»⁵. Не случайно некоторые западные политологи и социологи называют Конституцию США не иначе, как «политической конституцией», собранием «социально-политических верований и обрядов американского общества», специальным инструментом в руках политических деятелей и их близких друзей, нюансы которого правильно понимаются и адекватно толкуются далеко не многими людьми»⁶. Изучение Конституции США, по их мнению, должно быть составной частью «предмета политической науки или науки о государ-

стве», имеющей дело с «различными типами человеческих ассоциаций», материальными и политическими интересами граждан, основными сферами и направлениями деятельности государства⁷.

Вторая, не менее важная теоретическая посылка — положение о том, что конституция должна исследоваться не только и даже не столько как явление формально-юридическое, сколько как явление реально существующее и функционирующее, фактическое.

В советской и зарубежной юридической литературе принято классифицировать буржуазные конституции на писанные и неписанные, гибкие и жесткие, формально-юридические и «живые». Последняя классификация предпочтительнее, поскольку подразделение по иным признакам, кроме степени связи и соответствия конституции реальной действительности, отличается большей мерой условности и неопределенности. Так, деление конституций на писанные и неписанные страдает односторонностью и неточностью, ибо в настоящее время «нет таких конституций, которые можно было бы полностью и без оговорок отнести в разряд писанных и неписанных основных законов государства». Например, конституция Великобритании, которую принято считать неписаной, включает значительное число писанных нормативно-правовых актов, таких, как билль о правах (1689 г.), законы о выборах, принимавшиеся в XIX и XX вв., Акты о парламенте (1911 и 1949 гг.) и др. Американский же Основной закон, который, по общему правилу, относят к числу писанных, дополняется рядом «неписанных правил и обыкновений, появившихся на свет вопреки воле и желанию отцов-основателей конституции»⁸.

Подразделение буржуазных конституций на формально-юридические и «живые» дает возможность, отталкиваясь от текста конституции, исследовать все те явления и составные части политической системы буржуазного общества, которые возникли и существуют в действительности если не вопреки, то, во всяком случае, помимо положений, зафиксированных в Основном законе. Данное замечание относится в первую очередь к Конституции США, где «реальная политическая система создавалась и ее структурные подразделения институционализировались помимо текста Основного закона страны»⁹. В подтверждение сказанному можно сослаться на процесс образования политических партий, организаций монополистической буржуазии (Комитет экономического развития, Национальная ассоциация промышленников, Ассоциация американских

банкиров и др.), системы комитетов конгресса, исполнительного аппарата президента и ряда других государственных и общественно-политических институтов, которые даже не упоминаются ни в основном тексте, ни в поправках к Конституции.

Говоря о необходимости рассмотрения «живой», реальной Конституции США при анализе различных аспектов ее соотношения с политической системой общества, нужно обратить внимание на следующие моменты. Реальная конституция, так же как и юридическая, отражает и фиксирует сложившееся в обществе соотношение классовых сил. Независимо от того, о каких составных частях политической системы капиталистического общества идет речь, их возникновение, существенное изменение форм и методов деятельности, усиление или, наоборот, ослабление их активности свидетельствуют, как правило, об определенных сдвигах, происходящих внутри самого буржуазного общества.

Существование «живой», фактической конституции наряду с юридической — явление вполне закономерное. В литературе справедливо указывается в связи с этим на то, что «живая» конституция сложилась и продолжает развиваться как результат юридического приспособления конституционной системы США к современным социально-политическим и международным условиям, что ее концепция отражает стремление к преодолению разрыва, образовавшегося «между формальными принципами и нормами конституционного права и реальной, сложившейся политической практикой», и что она «оправдывает приспособление конституционного права (в его позитивистском понимании) к политической реальности с помощью новелл социологического содержания»¹⁰.

Понятие «живой» конституции достаточно широко используется и в буржуазной юридической и политологической литературе. Западные авторы признают, что конституционное право — это не только выражение того, что записано в конституции ее создателями, но и продукт процесса непрерывного изменения социально-политических ценностей и результат их повседневной «конституционной интерпретации»¹¹. Конституция США, заключают буржуазные политологи и социологи, находится в состоянии постоянного изменения и приспособления к действительности, «во многих отношениях она заново пишется каждым новым поколением»¹².

Разумеется, наряду с данным представлением о дина-

мике и характере Конституции США в буржуазной литературе существуют и противоположные мнения, стремящиеся свести конституцию и закрепленные в ней принципы к чисто юридической трактовке¹³. Кроме того, судебная практика, особенно на уровне отдельных штатов, не всегда идет по пути безоговорочного признания факта существования «живой», отражающей процесс непрерывного изменения и развития политической системы общества конституции, не всегда рассматривает «соответствующие концепции и политическую практику как составную часть конституции»¹⁴. Однако все более прочные позиции у американских юристов и политологов завоевывает точка зрения, согласно которой «слова, составившие еще в 1787 году текст старейшей в мире конституции — Конституции США, плюс выражения, определившие содержание 26 поправок к ней, соотносятся со словами и содержанием конституции сегодняшних дней лишь метафорически... Основные рамки и ограничения в отношении системы государственного управления, предусмотренные в тексте Конституции США, ныне сохраняют свою силу только в области теории. Что же касается практики и фактов современной американской общественно-политической жизни, то они совсем иные. В силу этого, хотя слова, составляющие текст Конституции США, остаются прежними, содержание их весьма существенно изменилось»¹⁵.

Следующая исходная посылка, касающаяся проблемы взаимодействия Конституции США с политической системой, — положение о том, что не все разделы Основного закона имеют одинаковое отношение к политической системе общества. Одни из них непосредственно связаны с политической системой и ее составными элементами, другие — косвенно, опосредованно. Прямые связи проявляются, например, в статье I (раздел. 1) Конституции, провозглашающей, что «все законодательные полномочия, сим установленные, предоставляются конгрессу Соединенных Штатов, который состоит из сената и палаты представителей»; в статье II (разд. 1), устанавливающей, что «исполнительная власть предоставляется президенту Соединенных Штатов Америки»; в статье III (разд. 1), закрепляющей, что «судебная власть Соединенных Штатов предоставляется одному Верховному суду и таким нижестоящим судам, какие конгресс может время от времени учреждать».

Взаимоотношения других статей и поправок к Конституции США с политической системой общества и ее отдельными структурными элементами носят косвенный харак-

тер. Взаимосвязь и взаимодействие конституционной системы с политической в данном случае выступает не прямо, а через посредство экономической, социальной, духовной, правовой и других систем, в той или иной мере закрепляемых с помощью норм, содержащихся в Конституции. В качестве примеров можно сослаться на статью I (разд. 7), гласящую, что «все законопроекты о государственных доходах исходят от палаты представителей, но, как и по другим законопроектам, сенат может соглашаться с ними или вносить к ним поправки»; статью IV (разд. 1), устанавливающую, что «полное доверие и уважение должны оказываться в каждом штате официальным актам, документам и материалам судопроизводства любого другого штата»; статью VI, провозглашающую, что «настоящая Конституция и законы Соединенных Штатов, принимаемые во исполнение оной, равно как и все договоры, которые заключены или будут заключены от имени Соединенных Штатов, являются верховным правом страны; и судьи в каждом штате обязаны следовать таковому праву, что бы ему ни противоречило в конституции или законах любого штата»; поправку XVI, закрепляющую, что «конгресс имеет право устанавливать и взимать налоги с доходов, получаемых из любого источника, без распределения этих налогов между штатами и безотносительно к каким-либо переписям или исчислениям населения».

Разумеется, подобное подразделение носит условный характер: помимо статей Конституции, имеющих прямое или косвенное отношение к политической системе США, существуют такие, которые практически не поддаются классификации. В их числе можно назвать, например, поправку III, устанавливающую, что «ни один солдат не должен в мирное, равно как и в военное, время размещаться на постой в доме без согласия владельца; однако в военное время это допускается, но лишь в порядке, предусматриваемом законом», поправку VIII, декларирующую, что «не должны требоваться чрезмерные залоги или налагаться чрезмерные штрафы, либо назначаться жестокие и необычные наказания», и др.

Однако эта классификация имеет и несомненные преимущества, так как позволяет сосредоточить внимание на основных, наиболее важных сторонах механизма взаимосвязи и взаимодействия Конституции и политической системы США, более глубоко и всесторонне изучить буржуазную политико-правовую материю.

В более конкретном виде политическая система США

представляется как система, «состоящая из огромного числа органов, политических и правовых учреждений и институтов, которые создавались как в рамках официального конституционализма, так и помимо него и вопреки ему»¹⁶. В механизме взаимосвязи и взаимодействия с Конституцией США эта система проявляется не только в целостном виде, но и как дифференцированная, расчлененная на составные части. Наиболее важные из них, в той или иной мере соотносящиеся с отдельными статьями или поправками к Конституции США, — институциональный, функциональный, регулятивный (нормативный) и коммуникативный уровни (срезы). В политической системе Соединенных Штатов в соответствии с таким членением выделяются следующие частные подсистемы: 1) институциональная, состоящая из различных общественно-политических институтов, организаций, включая государство, политические партии, разнообразные общественные объединения, принимающие участие в той или иной мере в политической жизни страны; 2) функциональная, складывающаяся из совокупности функций, которые выполняются отдельными общественно-политическими институтами, группами классово-однородных и разнородных институтов, входящих в политическую систему буржуазного общества; 3) регулятивная, выступающая в виде совокупности различных социальных норм и других регулятивных средств (традиций, принципов, политических воззрений, обычаев и пр.), направленных на регламентацию внутренней жизни и деятельности политической системы общества; 4) коммуникативная, представляющая собой совокупность разнообразных связей и отношений, существующих между различными составными компонентами политической системы американского общества и «стягивающих» последние в системный комплекс, полисистему¹⁷. Каждая частная подсистема отличается не только содержанием и внутренним строением, но и характером взаимоотношений, а также степенью связанности отдельными положениями Конституции.

Необходимо отметить, что политическая система США, возникшая и функционирующая на базе классово-антагонистического общества, неизменно выступает как весьма разнородный, внутренне противоречивый социальный механизм. Основными противостоящими и противодействующими составными частями являются организации буржуазии, с одной стороны, и объединения пролетариата и его сторонников, с другой. К первой группе относятся буржуазное государство, выполняющее роль главного звена политичес-

кой системы общества, демократическая и республиканская партии с примыкающими к ним объединениями (Молодые демократы Америки, Коалиция за демократическое большинство, Национальная федерация женщин-республиканок, Консервативный форум демократов, Национальная федерация молодых республиканцев, Ассоциация республиканских губернаторов, Республиканский национальный комитет студентов колледжей и т. д.), так называемые третьи политические партии (Американская независимая партия, или Американская партия, Либертарианская партия и др.), ассоциации, представляющие интересы крупной монополистической буржуазии (Совет по рекламе, Конференс борд, Торговая палата, НАП и др.), организации и ассоциации мелкого бизнеса (Национальная ассоциация малого бизнеса, Ассоциация мелких бизнесменов Новой Англии и др.), различные филантропические фонды типа Фонда Форда, Фонда Карнеги, Фонда Рокфеллеров, многочисленные религиозные объединения — Национальный совет церквей Христа в США, Национальная ассоциация евангелистов, Американский совет христианских церквей, Национальная ассоциация молодых христиан и др. Ко второй группе относятся Коммунистическая партия США, Союз молодых рабочих за освобождение, Новое американское движение, Ассоциация американских студентов, Коалиция за спасение социального страхования, Американская лига за социальное обеспечение детей и пр.

Каждая группа организаций выражает и защищает противоположные экономические, политические и социальные интересы и образует свою собственную подсистему ассоциаций. Доминирующее положение в политической системе американского общества занимает подсистема организаций буржуазии. Подсистема объединений пролетариата выполняет в ней значительную, хотя и не определяющую, роль. Разумеется, ни в тексте Конституции США, ни в поправках к ней факт деления американского общества на противоборствующие классовые силы не только не отражается, но, наоборот, всячески затушевывается. На это указывают, в частности, демонстративно подчеркивающие равноправие всех граждан США, а следовательно, и их ассоциаций, входящих в политическую систему общества, такие положения Конституции, как статья IV (разд. 2), в которой говорится, что «гражданам каждого штата предоставляются все привилегии и льготы граждан других штатов»; поправка XIV (разд. 1), в которой утверждается, что «все лица, родившиеся или натурализован-

ные в Соединенных Штатах и подчиненные юрисдикции оных, являются гражданами Соединенных Штатов и штата, в котором они проживают. Ни один штат не должен издавать или применять законы, которые ограничивают привилегии и льготы граждан Соединенных Штатов; равно как ни один штат не может лишить какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры либо отказать какому-либо лицу, в пределах своей юрисдикции, в равной защите законов»; поправка XV (разд. 1), в которой декларируется, что право голоса «граждан Соединенных Штатов не должно отрицаться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом по признаку расы, цвета кожи либо в связи с прежним нахождением в подневольном услужении».

Однако политическая жизнь Соединенных Штатов, сложившаяся практика говорят совсем об ином — о формальном равенстве и фактическом неравенстве, о далеко не одинаковом положении, которое занимают граждане — представители различных социальных групп, и месте, которое занимают формируемые ими организации в политической системе.

Доминирующее положение системы организаций буржуазии в политической системе общества объективно предопределяется тем, что в руках господствующего класса находятся основные средства производства, все рычаги государственной власти и управления, политические, правовые, экономические и идеологические средства воздействия на массы, органы государственного принуждения и т. д. Подчеркивая доминирующее положение господствующего класса в буржуазном обществе, его политике и идеологии, К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что «мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями» и что «тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила»¹⁸. Однако эта сила не единственна и не абсолютна. Наряду с ней существует, ей противостоит и противодействует сила пролетарской политики и идеологии, сила объединений пролетариата. В основе этого вполне закономерного и объективного явления лежит ряд оказывающих системообразующее воздействие факторов, таких, как существование буржуазных и пролетарских объединений в рамках одного и того же капиталистического общества, в пределах одной и той же буржуазной политико-правовой надстройки. Определенное системообразующее воздействие на буржуазные и про-

летарские объединения оказывает буржуазное государство, способствующее их «удержанию» в пределах одной и той же политической системы общества, выступающее в виде своеобразной формы, «в которой все гражданское общество данной эпохи находит свое сосредоточие»¹⁹.

В системе антагонистических отношений, складывающихся между буржуазией и ее организациями и пролетариатом и его объединениями, первая выступает, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, как «положительная сторона антагонизма, удовлетворенная в себе самой частная собственность»²⁰. Пролетариат, вынужденный «упразднить самого себя, а тем самым и обуславливающую его противоположность — частную собственность, — делающую его пролетариатом», во всех ситуациях проявляется как «отрицательная сторона антагонизма, его беспокойство внутри него самого, упраздненная и упраздняющая себя частная собственность»²¹. Положение, занимаемое буржуазией и пролетариатом и их организациями, выполняемая ими социальная роль определяют их политико-правовой статус вообще и конституционный статус в частности.

При рассмотрении вопросов, касающихся путей взаимодействия Конституции и политической системы США, методологически важно выявить как характер и особенности основных функций, выполняемых Конституцией по отношению к политической системе США, так и воздействие политической системы США и ее отдельных структурных элементов на конституционную среду.

В американской юридической и политологической литературе нет единого подхода к вопросу о социальной роли, назначении и функциях Конституции США, равно как и политической системы общества. Исследуя механизм конституционного воздействия на экономическую, социальную, политическую системы общества, одни авторы склонны считать, что основное назначение Конституции США заключается в том, чтобы «функционировать в качестве символа национального единства», закреплять общие для всего общества цели, «распределять власть и устанавливать ограничения, рамки ее осуществления», создавать институты, определяющие основной круг прав и обязанностей граждан и способствующие разрешению возникающих между ними и государственными органами споров²². Конституция при этом рассматривается в виде своеобразного «многостороннего контракта, существующего между различными суверенными сообществами или отдельными

гражданами», в соответствии с которым должны устанавливаться и осуществляться все политические отношения. Соответственно конституционным представляется все то (принципы, нормы, отдельные акты), что «не только не противоречит, а, напротив, полностью согласуется с буквой и духом Конституции»²³.

Другие авторы склонны усматривать социальную роль и назначение Конституции США в том, чтобы быть основным инструментом, средством «выражения народной воли», «формирования политического лидерства», создания на различных уровнях государственной власти «наиболее эффективных форм правления». При этом, однако, нередко замечается, что действующая Конституция зачастую не достигает ни своих общих целей, ни целей, касающихся усиления эффективности политической системы и формы государственного правления. Насколько «американцы как отдельные индивиды, — пишет, например, Х. Хазлитт, — эффективны в окружающем их мире сами по себе», настолько же неэффективны создаваемые и используемые ими «формы правления и институты»²⁴.

Наконец, третья группа авторов исходит из того, что главное назначение Конституции США в том, чтобы «обеспечивать социальный мир и прогресс, предохранять права индивидов от нарушений и создавать условия для дальнейшего роста и обеспечения национального благосостояния»²⁵. Рассматривая Конституцию США как важнейший «документ, который дополняется в зависимости от изменения условий и требований времени», многие буржуазные теоретики в сугубо апологетических целях важнейшие ее функции сводят в конечном счете к следующему: «ограничить произвольные, превышающие компетенцию действия правительственных органов, гарантировать права граждан, определять формы и направления деятельности суверенной власти»²⁶. Высказывается также мысль о том, что Конституция США призвана способствовать установлению и осуществлению на практике института политической ответственности, который должен быть направлен на повышение эффективности государственных органов, на «исправление несправедливости и на освобождение от судебного преследования невиновных лиц»²⁷; однако в силу того, что «Конституция США, кроме указания на обладание президентом права помилования, ничего не говорит о том, кто и при каких обстоятельствах может быть помилован», она зачастую не достигает своих целей²⁸. Право же помилования на уровне штатов, находящееся в руках

губернаторов, нередко используется ими «для освобождения от судебного преследования и ответственности своих политических друзей и единомышленников, а также лояльных к их партии лиц, которые были уличены в совершении уголовно наказуемых деяний и должны быть привлечены к уголовной ответственности».

Каковы же настоящие функции Конституции США, выполняемые ею по отношению к политической системе американского общества?

Конституция, как известно, закрепляет сложившееся в обществе соотношение классовых сил и характер взаимосвязей отражающих их общественно-политических институтов. Речь идет об общественно-политических институтах, принадлежащих не только противоборствующим классам, но и образуемых на базе правящего истеблишмента. Применительно к США это проявляется, в частности, в том, что Конституция закрепляет «систему разделения законодательной, исполнительной и судебной власти», а также характер взаимоотношений облеченных властными полномочиями институтов, «устанавливает различные организационные формы деятельности данных институтов, предусматривает определенный порядок и процедуру избрания или назначения должностных лиц, а также различные виды и формы их ответственности»²⁹.

Конституция США не детализирует особенности взаимоотношений различных общественно-политических институтов, «не объясняет, насколько четко и как законодательная, исполнительная, судебная власти должны быть отделены друг от друга». В силу этого, отмечается в американской юридической и политологической литературе, «даже при наличии двухсотлетнего опыта интерпретации Конституции США полный смысл и значение принципа разделения властей, в особенности применительно к практике делегирования законодательных прерогатив конгресса президенту, исполнительно-распорядительным органам или же независимым агентствам (*independent agencies*), все еще остается далеко не ясным»³⁰.

В советской специальной литературе особо подчеркивается, что разграничение функциональной компетенции между тремя ветвями власти осуществлено в Конституции США в весьма общих чертах: «Учредители Конституции исходили из того, что сами понятия «исполнительная власть» и «судебная власть» предполагают соответствующие им функциональные назначения — исполнение законов и осуществление правосудия. Что же касается пред-

метов правового регулирования этих двух ветвей власти, то о них не сказано ни слова. Исключение Конституция делает только для конгресса, которому вручаются законодательные полномочия, но который формально не получил от Основного закона статуса носителя законодательной власти»³¹.

Конституция США создает, закрепляет политико-правовые гарантии и охраняет экономическую, социально-политическую и духовную власть господствующего класса буржуазии, привилегированное положение общественно-политических институтов монополистического капитала. Несмотря на широту и разнообразие функций, выполняемых Конституцией США по отношению ко всему буржуазному обществу, господствующему классу и политической системе, главными целями и объектами конституционного регулирования, как справедливо отмечается советскими учеными, «неизменно остаются основные, принципиальные конституционные отношения — отношения власти буржуазии, господства в обществе ее монополистической верхушки. Конституция и по содержанию, и по форме так или иначе призвана обслуживать эту цель»³².

Разумеется, Конституция США, подобно конституциям других буржуазных государств, избегает прямого и открытого закрепления диктатуры буржуазии. Более того, она последовательно стремится представить власть буржуазии и механизм реализации этой власти как систему властвования всех слоев капиталистического общества, всего американского народа. «Мы, народ Соединенных Штатов, — говорится, например, в преамбуле Конституции США, — дабы образовать более совершенный Союз, установить правосудие, гарантировать внутреннее спокойствие, обеспечить совместную оборону, содействовать всеобщему благоденствию и закрепить блага свободы за нами и потомством нашим, торжественно провозглашаем и устанавливаем настоящую Конституцию для Соединенных Штатов Америки». Именем народа, «принадлежностью» ему прав и свобод оперируют также поправка II, прокламирующая право народа хранить и носить оружие; поправка IV, провозглашающая «право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов», и др. Поэтому нельзя не согласиться с мнением, что «классовую сущность содержащихся в конституции положений и предписаний невозможно установить посредством логико-юридического анализа соответствующих статей и разделов. Она глубоко скрыта, завуалирована»³³. Ее мож-

но определить лишь на основе обобщения и анализа практики реализации конституционных положений, процесса проведения конституционных установлений и предписаний в жизнь.

Конституция США и развивающиеся конституционные положения законодательство фиксируют структуру политической системы американского общества, наиболее важные принципы ее организации и деятельности, закрепляют ее экономические, социально-политические и идеологические основы. В тексте непосредственно Конституции, как известно, акцент делается на закрепление структуры и компетенции центральных органов государственной власти, суда и управления, порядка взаимоотношений федерации в целом и ее отдельных субъектов, процедуры принятия, изменения и дополнения текущего законодательства, также порядка и условий принятия самой Конституции. «Только с постепенным прибавлением поправок Основной закон США стал регулировать тот комплекс вопросов, который мы привыкли относить к конституционному регулированию»³⁴. Речь идет о провозглашении и закреплении в Билле о правах свободы слова, печати, вероисповедания, «права народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб», «права на скорый и публичный суд беспристрастных присяжных» в случае уголовного преследования лица и др. Кроме того, имеются в виду конституционные нормы и положения, создающие основу для «формирования и развития избирательной системы», общие конституционные принципы организации и деятельности государственного и общественно-политического механизма США, принцип разделения властей, ответственности президента и других должностных лиц, принцип (доктрина) делегирования или точнее «неделегирования» законодательства (поскольку «теоретически этот процесс имеет определенные ограничения»), принцип строгой субординации государственных органов и издаваемых ими нормативно-правовых актов и др.³⁵.

С помощью системы норм, содержащихся в основном тексте и некоторых поправках, Конституция закрепила (правда, лишь в самых общих чертах) «традиционную структуру политики», включающую в себя «политических функционеров, избирателей, а также находящуюся между ними и связующую их между собой совокупность объединений, наиболее важными из которых являются политические партии, профсоюзы, торговые ассоциации и фермерские объединения»³⁶.

Значительно расширив круг вопросов, выходящих за рамки чисто государственной деятельности и подлежащих непосредственному конституционному регулированию, Конституция США, тем не менее, не превратилась из «конституции государства» в «конституцию государства и общества»³⁷.

Конституция США способствует дальнейшей институционализации капиталистического общества и его политической системы, последовательному упорядочению и развитию системы организаций буржуазии, повышению их роли и эффективности. Закрепляя систему сложившихся в обществе экономических и социально-политических отношений, она тем самым создает определенные предпосылки не только для дальнейшей стабилизации внутриклассовых и в известной мере межклассовых взаимосвязей, но и для последующего развития опосредуемых ими общественно-политических институтов, их более упорядоченного и эффективного функционирования. Многие из относительно новых направлений государственной деятельности, пишет в связи с этим американский автор — специалист по конституционному праву А. Миллер, обязаны своим возникновением, с одной стороны, сильному общественному давлению и требованиям, которые были направлены в адрес конгресса и иных государственных органов США, а с другой — Конституции Соединенных Штатов, которая «доказала свою способность приспосабливаться к самым различным, включая кризисные, ситуациям, возникавшим в жизни разных поколений американцев»³⁸.

Создавая условия для появления новых, отвечающих интересам монополистического капитала, направлений государственной деятельности и различных общественно-политических институтов, Конституция США в то же время используется для укрепления в значительной мере утраченного со стороны широких слоев американского общества доверия к старым буржуазным институтам.

С плохо скрываемой тревогой буржуазные политологи С. Липсет и В. Шнайдер пишут, например, о том, что в течение последних десятилетий неуважение и недоверие к правительству США, церкви, бизнесу, школе, прессе и другим традиционным «национальным институтам продолжали постоянно расти» и что к середине 70-х гг. «разрыв между нашими гражданами и нашим правительством достиг такого высокого уровня, какого он не достигал никогда раньше»³⁹.

Опросы населения, проведенные в Соединенных Шта-

тах в период между 1981 и 1983 гг., еще раз подтвердили сравнительно невысокий уровень доверия населения к федеральному правительству и другим наделенным властными полномочиями общественно-политическим институтам. Согласно данным, полученным в феврале 1983 года Национальным центром по изучению общественного мнения США и Институтом общественного мнения Харриса, 62% из числа опрошенных американцев выразили «недовольство, досаду и отчуждение по отношению ко всем тем, кто вершит делами общества и показал свое бессилие изменить что-либо в лучшую сторону»⁴⁰.

Стремясь укрепить доверие к различным элементам политической системы американского общества, повысить их социальную роль и эффективность, правящие круги США используют все находящиеся в их руках рычаги воздействия на общественное мнение страны, в том числе конституционные и обычные нормативно-правовые акты.

Наряду с названными формами, направлениями социально-политического влияния Конституции США на политическую систему общества существуют и другие. Их много и они весьма разнообразны. Однако цель и назначение их в конечном счете едины — усиление системы объединений буржуазии и ослабление системы организаций пролетариата.

§ 2. Влияние первой поправки на политическую систему США

Среди составных частей Конституции США, тесно взаимодействующих с политической системой американского общества, особое место занимает первая поправка, открывающая Билль о правах, до принятия которого, как это широко признано в западной литературе, «процесс формирования конституционной системы Соединенных Штатов не был полностью завершен»⁴¹. Полный текст ее гласит: «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии или запрещающего свободное исповедание оной, либо ограничивающего свободу слова или печати либо право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб».

Данная поправка вместе с поправкой XIV к Конституции играет весьма важную роль по отношению к таким структурным элементам политической системы США, как

негосударственные, общественно-политические институты*. Не будет особым преувеличением сказать, что если основной текст Конституции США, закрепляя систему федеральных органов государственной власти, порядок их формирования, деятельности, взаимоотношений между собой и с соответствующими государственными органами на уровне штатов, имеет дело исключительно с государственно-правовой частью политической системы американского общества, с ее первичным элементом в лице буржуазного государства, то поправка I, точнее — интерпретация ее текста, осуществляемая Верховным судом США, судами отдельных штатов, непосредственно связана с негосударственной частью политической системы американского общества, в состав которой входят партии, профсоюзы, молодежные, религиозные и другие общественные организации. Поправка I выступает как правовая, вернее конституционная, основа процесса формирования и функционирования всех негосударственных органов и организаций, как исходная юридическая база для разработки и издания различных нормативно-правовых актов, регламентирующих внутреннюю жизнь и деятельность данных институтов**. Рассматривая политико-правовую роль этой поправки, американские специалисты не случайно акцентируют внимание на том, что она обеспечивает упорядочение активности социальных групп, «гарантирует свободу речи, петиций и объединений», имеет дело «не только с правом на передачу информации и идей, но и с правом на создание и поддержание той или иной веры, на свободное общение граждан друг с другом, на запрос и получение необходимой информации, на сохранение молчания (*to remain silent*) и на формирование ассоциаций с другими людьми» с целью совместного осуществления тех или иных вытекающих из «широкого толкования свободы выражения мнений» прав и устремлений⁴².

Аналогично оценивается социальная роль и назначение поправки I различными судебными инстанциями, исходящими из того, что «право ассоциаций является производным от первой поправки к Конституции США, гарантирующей свободу слова, собраний и петиций» и что оно может

* Здесь речь идет в основном о применении поправки I к политико-партийному составу политической системы США.

** Сказанное не означает преуменьшения роли других составных частей Конституции США по отношению к политической системе американского общества.

рассматриваться как «отдельная, самостоятельная свобода, предохраняемая первой поправкой к Конституции»⁴³. Поправка I может рассматриваться, по мнению некоторых американских специалистов, как «правовая установка, положившая конец существованию свободного правительства в пользу усиления свободы частного сектора, как важнейшее средство обеспечения деятельности такого правительства, которое способствует созданию необходимых условий для жизнедеятельности инициативных и просвещенных граждан. Будучи важной юридической формой защиты гражданских прав и свобод, первая поправка отражает собой великие принципы естественного права и свободного правительства, сыгравшие огромную роль в разработке и принятии Билля о правах»⁴⁴.

Рассуждая о важности поправки, о «гарантированности» прав и свобод граждан, включая право на образование ассоциаций, буржуазные юристы, политологи и социологи вынуждены признавать, что сама по себе она не может в достаточной степени обеспечить эти права и что в силу этого «право на образование политических ассоциаций в США является весьма призрачным», зачастую нарушается судебными и другими государственными органами⁴⁵. Разумеется, пишет по этому поводу американский автор, Конституция США провозглашает довольно широкий круг прав и свобод граждан, но безудержная инфляция, высокие налоги, хроническая безработица, бездомность и другие реалии американской экономической и социально-политической жизни сводят эти права и свободы к нулю. В условиях американской политической системы «мало что можно сделать со стороны кого бы то ни было для устранения этих недугов... Верным является, например, то, что Конституция США позволяет гражданам обращаться к правительству с петициями. Однако она даже не упоминает о том, что правительство должно хотя бы рассматривать их. В результате этого последние могут быть просто выброшены в мусорный ящик»⁴⁶.

В качестве одного из примеров декларативности, необеспеченности политических прав и свобод американских граждан Ф. Ландберг приводит обращения к правительству с многочисленными петициями, заявлениями и воззваниями, требующими прекращения войны во Вьетнаме: «Огромная часть американского общества, включая интеллигенцию, ежедневно выступала против необъявленной войны во Вьетнаме, однако, несмотря на это, она все же продолжалась в течение целых 8 лет... Поведение прави-

тельства в этот период показало, что если оно того пожелает, то может в течение длительного времени полностью игнорировать мнения и устремления многих людей»⁴⁷.

Каким же образом из содержания поправки I к Конституции США выводится право ассоциаций, о котором в ней даже не упоминается?

Применительно к поправке I суть процесса интерпретации ее содержания сводится в итоге к приспособлению и распространению конституционно закрепленных в ней положений, касающихся одних прав и свобод (свободы слова, печати, вероисповедания и т. п.) на другие — право или свободу ассоциаций.

Политическая теория и судебная практика США, используя интерпретацию в целях обоснования права ассоциаций и раскрытия его природы и содержания, идут по следующим основным направлениям. Прежде всего предпринимаются попытки установления генетических связей права ассоциаций, с одной стороны, и свободы слова и печати, с другой. Подчеркивая тот факт, что «свобода ассоциаций как концепция окончательно сложилась в американской политической теории и судебной практике из серии судебных дел 1950-х и 1960-х годов»⁴⁸, многие американские авторы и судебные органы США исходят из тезиса о том, что право ассоциаций непосредственно связано и вытекает из свободы слова. «Не подлежит никакому сомнению, — говорится в одном из решений Верховного суда США по делу, касающемуся права образования и деятельности общественно-политических организаций, — что свобода вовлечения в ассоциации с целью дальнейшего развития и совершенствования верований и разделяемых идей является неразрывной составной частью, аспектом гражданских прав и свобод, обеспеченных требованием неуклонного соблюдения положений и установлений четырнадцатой поправки к Конституции, охватывающей собой свободу слова»⁴⁹.

В основе подобного рода суждений, указывающих на неразрывную связь свободы слова и ассоциаций, лежит в известной степени обоснованный и отвечающий действительности тезис о том, что свобода слова должна непременно дополняться свободой ассоциаций, которая выступает в качестве организационного оформления, своеобразного организационного механизма, опоры свободы слова. Ассоциации должны создаваться и развиваться, по мнению сторонников данной точки зрения, для того, чтобы «служить инструментом выражения и обмена мнениями на рынке

сбыта идей», средством их наиболее полного выявления и проведения в жизнь⁵⁰. В настоящее время, утверждают они, «очевидным является тот факт, что право ассоциаций выступает в качестве своеобразного придатка права выражения мнений»⁵¹.

Другой, заметно выделяющийся в буржуазной юридической и социологической литературе, путь, по которому развивается процесс выведения и формально-юридического обоснования права ассоциаций, — установление генетических связей права ассоциаций и права на проведение митингов, собраний или же права на подачу требований и петиций. Оспаривая правомерность выведения права ассоциаций из свободы слова и выражения мнений на том основании, что подобное «доктринальное жонглирование сильно ограничивает сферу применения или поле действия свободы ассоциаций»⁵², некоторые американские теоретики считают, что «было бы лучше признать право на проведение собраний, зафиксированное в поправке I к Конституции США, в качестве логического базиса для выведения и обоснования права ассоциаций»⁵³. Данный базис позволяет, по их мнению, гораздо шире и точнее интерпретировать право формирования ассоциаций, трактовать ассоциации не иначе как «обычные собрания, существующие в течение определенного времени и занимающие определенное пространство»⁵⁴.

Аналогичную позицию занимают некоторые судебные органы. Они исходят из того, что «свобода слова и право на обращение к правительству с петициями не могут выступать в качестве основы для формирования одинакового по своему логическому объему права ассоциаций» и что только «право на проведение собраний включает в себя свободу формирования ассоциаций»⁵⁵.

Сторонники подобного взгляда обосновывают свою позицию тем, что взаимосвязь «собраний и ассоциаций» создает благоприятные условия для «усиления способности у людей к активному участию в процессе общественного развития и изменения», подготавливает «базу для дальнейшего развития и совершенствования новых логических структур, человеческих восприятий и ценностей», способствует накоплению сил и возможностей «для достижения групповых целей»⁵⁶.

Не вдаваясь в подробности этих споров, отметим лишь, что они не затрагивают сущностные, социально-классовые проблемы и носят сугубо схоластический, формальный характер. В конечном счете не столь важно то, каким обра-

зом аргументируется право ассоциаций и из каких формально-юридических источников оно исходит — из свободы слова, печати или права на проведение собраний и обращение к правительству с петициями. Все разновидности подобного академического теоретизирования и «теоретического жонглирования» так или иначе сводятся к различной интерпретации первой (и отчасти четырнадцатой) поправки, к различной формально-юридической трактовке ее содержания. Гораздо более важно то, какой конкретный социально-политический смысл вкладывается в поправку I и как понимаются в данном случае структурные элементы политической системы современного буржуазного общества — сами ассоциации.

Анализ американской научной литературы, посвященной рассмотрению этой проблемы, показывает, что в ней в принципе нет сколько-нибудь значительных расхождений в вопросах толкования социального содержания и назначения поправки I, а также по отношению к выводимому из нее праву на образование ассоциаций. Подчеркивая, что «по крайней мере в теории добровольные ассоциации и процессы их формализации в мириадах групп являются истинным образом жизни Соединенных Штатов»⁵⁷, американские политологи стремятся доказать, что право ассоциаций выступает как юридическая база процесса формирования и функционирования всего плюралистического общества и его политической системы.

Несмотря на различие взглядов относительно интерпретации текста поправки I, буржуазные теоретики единодушны в понимании ее социальной роли и назначения как одного из средств создания и поддержания «демократической» политической системы общества. Поправка I, по мнению западных политологов, в равной мере защищает и охраняет интересы всех ассоциаций, независимо от их социально-классовых, политических, идеологических, структурных, функциональных и иных отличительных черт и особенностей⁵⁸. На деле же, в процессе реализации конституционных установлений, содержащихся в поправке I, явное предпочтение отдается всякого рода буржуазным, особенно монополистическим, союзам и объединениям в ущерб пролетарским организациям.

Конкретно это выражается, в частности, в допущении слишком широкого толкования понятия и содержания экономических и социально-политических ассоциаций, что позволяет практическим органам весьма выборочно подходить к признанию права ассоциаций. Таким образом,

создаются благоприятные условия для дальнейшего развития и совершенствования буржуазных объединений и, наоборот, воздвигаются формально-юридические преграды на пути нормального функционирования пролетарских организаций. Примером весьма абстрактного представления об ассоциациях могут служить следующие дефиниции: ассоциации — это «не просто скопления, а соединения людей, являющихся источником власти и преследующих при этом свои определенные цели», «организационные группы, созданные для достижения тех или иных общих интересов и имеющие свою собственную административную структуру и функции», или «общность людей, имеющая свои относительно определенные границы, нормативно установленный порядок, систему власти, коммуникаций, систему координированного членства»⁵⁹.

Неодинаковое отношение судебных органов США к классово противоположным институтам общества проявляется также в расширительном толковании содержания права ассоциаций, когда речь заходит о буржуазных объединениях, и, наоборот, в крайне ограничительном толковании, когда дело касается пролетарских организаций. В качестве примеров можно сослаться на деятельность религиозных общин или буржуазных средств массовой информации, с одной стороны, и деятельность профсоюзов, с другой. В первом случае основной акцент делается на неограниченность свободы вероисповедания, на равенство прав различных религиозных групп и ассоциаций, на «право приверженцев всех видов религии на публичное почитание и уважение», на свободу обмена и циркуляции информации и т. д.⁶⁰. Во втором случае основное внимание концентрируется на необходимости ограничения прав профсоюзов, на «замыкании» их деятельности рамками отдельных предприятий, на усилении государственного контроля за процессом их возникновения и функционирования⁶¹. «Объединение рабочих с целью повышения заработной платы, — говорится в одном из ранних судебных решений, вынесенных на основе одностороннего, ограничительного толкования поправки I, — можно рассматривать с двух точек зрения: во-первых, как средство извлечь пользу для себя... Во-вторых, как нанесение ущерба тем, кто не вступает в их сообщество. Норма права осуждает и то и другое»⁶².

Существует множество способов ограничения или полного запрещения деятельности неугодных господствующему классу объединений. Наиболее распространенными явля-

ются следующие: прямое ограничение права ассоциаций, безотносительно прав и свобод, зафиксированных в поправке I к Конституции США; ограничение права ассоциаций в связи с ограничением соотносящейся с ним свободы слова; ограничение права ассоциаций в связи с ограничением свободы митингов, собраний, демонстраций и т. п.

В качестве формально-юридических предлогов и оправданий для прямого ограничения права ассоциаций, наиболее часто применяемого судебными органами в отношении пролетарских объединений, используются фарисейские заявления о «необеспеченности» права ассоциаций в силу того, что они оторваны от государства и его отдельных органов, а также из-за того, что Конституция США в известной мере ограничивает государственное вмешательство во внутреннюю жизнь и деятельность негосударственных организаций.

Реализация конституционных гарантий в отношении негосударственных ассоциаций, вмешательство судебных инстанций во всякого рода конфликты, возникающие в рамках ассоциаций, становятся возможными лишь тогда, когда в качестве одной из сторон выступает государственный орган или организация. Расширение государственного вмешательства в процесс создания и функционирования общественных организаций, по логике буржуазных идеологов, автоматически ведет к усилению конституционных гарантий прав ассоциаций как таковых и их отдельных членов. Следует признать, пишет в связи с этим американский теоретик Т. Эмерсон, что в настоящее время «юридические права индивидов внутри ассоциаций остаются относительно ограниченными действующим законодательством. В целом их конституционные гарантии не реализуются. Они применяются лишь против государственных акций, но не против негосударственных центров власти»⁶³. Чтобы изменить такое положение, усилить гарантии права ассоциаций в целом и одновременно уберечь рядовых членов от притеснения со стороны руководства или «доминирующих фракций», необходимо, по мнению ряда американских политологов, расширить с помощью правовых и неправовых мер воздействие государства на различные негосударственные органы и организации⁶⁴.

Активно используются для ограничения права ассоциаций рассуждения относительно того, что оно должно служить проведению в жизнь лишь буржуазно-демократических идей. Если же организация отстаивает иные принципы, то на нее не должно распространяться право ассо-

циаций, и ее деятельность подлежит жесткому ограничению или даже полному запрету. Американская юридическая и политическая практика знает немало примеров гонения прогрессивных организаций под предлогом их «недемократичности». Ярчайший из них — преследование Коммунистической партии США⁶⁵.

«Забывая» о том, что классическая буржуазная теория предусматривает наряду с другими традиционными атрибутами демократии (такими, как многопартийность) наличие официально существующей оппозиции, некоторые американские авторы заявляют, что «ассоциации, ставящие перед собой цель накопления власти, не подлежат защите в соответствии с требованиями поправки I к Конституции», что такие ассоциации «опасны уже сами по себе» и что в США «нет и не может быть конституционного права выступать с критикой или нападками на правительство»⁶⁶.

Важным инструментом борьбы с прогрессивными организациями стала укоренившаяся в политической теории и судебной практике США еще в довоенный период доктрина о «подрывной активности», ставящая судебные органы перед необходимостью делать каждый раз выбор между «свободой слова и ассоциаций, с одной стороны, и национальной безопасностью, с другой»⁶⁷. Позже она была дополнена доктриной о «коммунистической угрозе», служившей с начала пятидесятих годов формально-юридическим обоснованием для судебных преследований в США «организаций, входящих в коммунистический фронт» и «организаций, выражающих сочувствие и подверженных влиянию коммунистов». Представляя взгляды членов компартии в искаженном плане, судебные органы последовательно руководствовались тезисом о том, что «угроза национальной безопасности, исходящая со стороны коммунистического заговора, перевешивает все соображения, касающиеся индивидуальных свобод»⁶⁸. В соответствии с так называемым Актом о внутренней безопасности США 1950 года, все организации, подпадавшие под рубрику «коммунистических» или «сочувствующих», обязаны были регистрироваться или представлять в государственные органы списки своих членов, указывать источники и суммы всех денежных доходов и расходов, отчитываться о наличии печатных станков и множительных машин и т. д. В случае отказа от регистрации члены данных организаций подвергались всякого рода административно-правовым и уголовным преследованиям⁶⁹.

Право на ассоциации ограничивают и бытующие на

уровне отдельных штатов и отчасти на федеральном уровне идеи о «единстве и неделимости избирательного процесса» как национальном благе, которое достигается благодаря доминированию на политической арене США двух главных буржуазных партий и оттеснению на задний план всех остальных.

По мнению американских авторов и судебных инстанций, третьей партии, в особенности те, которые относятся официальными кругами США к «экстремистскому движению», дестабилизируют не только избирательный, но и политический процесс в целом⁷⁰. Произвольно ставя «коммунизм и социализм» в один ряд с «фашизмом», буржуазные идеологи в целях оправдания репрессивных мер, предпринимаемых в отношении членов Коммунистической партии и других прогрессивных организаций США, постоянно внушают мысль о том, что эти «экстремистские движения» неизбежно деформируют ход политического процесса, создают тем самым многие проблемы, и ставят вопрос «о допустимости членства в той или иной ассоциации наряду с вопросами о свободе как таковой в центр внимания»⁷¹.

Ограничения права ассоциаций в связи с ограничением соотносящейся с ним свободы слова устанавливаются и широко проводятся в жизнь, если право ассоциаций непосредственно выводится из свободы слова. В этих случаях, как было отмечено раньше, доминирует в принципе здравая позиция, согласно которой «свобода слова и выражений не может существовать без признания права ассоциаций»⁷². В таком суждении имеется, однако, и своя негативная сторона. Суть ее в том, что при лимитировании прав и свобод пролетарских организаций, наряду с их прямыми ограничениями, широко используются и косвенные, осуществляемые через систему мер, ограничивающих свободу слова.

К числу формально-юридических и фактических ограничений свободы слова, косвенно отражающихся на свободе ассоциаций, следует отнести прежде всего ограничения и даже прямые запреты на так называемые бунтарские речи. В соответствии со специальным законом, принятым еще в 1798 году (*Sedition Act of 1798*), объявлялись уголовно наказуемыми устные или письменные выступления, «порочающие правительство, президента и конгресс, вызывающие у людей ненависть и презрение к ним, создающие вокруг них дурную славу, дискредитирующие их, побуждающие к выступлению против них и к мятежу»⁷³. Анало-

гичные ограничения с некоторыми дополнениями содержатся также в поправке 1918 года к Акту о шпионаже 1917 года (*Espionage Act of 1917, 40 Stat. 553*), согласно которой подлежат ограничению или полному запрету все выступления, в которых высказывается «презрение, насмешка, издевка или создается дурная слава о форме правления США, Конституции, флаге или о форме одежды, принятой в армии и на флоте США»⁷⁴.

Значительному ограничению вплоть до полного запрета подлежат публичные выступления, в которых содержатся так называемые боевые слова, провоцирующие слушателей на нарушение общественного порядка. Судебные инстанции США на всех уровнях поддерживают обвинения по поводу произнесения «боевых слов» и «неправомерного» (с точки зрения официальных кругов) поведения тех лиц, которые «отказываются выполнить требования полиции о прекращении выступлений, побуждающих слушателей к выражению недовольства и совершению иных действий, ведущих к нарушению общественного порядка»⁷⁵. В данном случае судебные органы США вступают в конфликт с основными положениями известных буржуазных доктрин о надклассовости и неограниченности прав и свобод. Пытаясь выбраться из этого тупика и хоть как-то оправдать свою позицию, они прибегают к следующим аргументам: «свобода слова не является абсолютной во все времена и при всех обстоятельствах»; всегда имеется «определенный, относительно ограниченный разряд речей, запрещение которых и применение наказания за произнесение которых никогда не порождает конституционных проблем»; провозглашение свободы слова и собраний «вовсе не означает, что каждый человек в любое время и в любом общественном месте может обращаться к массе с изложением своих мнений и убеждений. Конституционные гарантии свободы слова подразумевают сосуществование организованного общества, поддерживающего общественный порядок, без которого свобода будет вытеснена анархией»⁷⁶. Нет необходимости говорить о том, какие широкие возможности предоставляют репрессивным органам США данные установки, проникнутые «заботой» об обществе, общественном порядке.

Наряду с названными ограничениями, непосредственно касающимися свободы слова и опосредованно — свободы ассоциаций, существуют и иные, аналогичные им ограничения. Они относятся в основном к так называемым «символическим речам», заключающимся, например, в отказе

приветствовать флаг как символ, в ношении определенных эмблем и других «символических признаков систем, идей и институтов»⁷⁷. При решении дел, связанных с «символическими речами», Верховный суд США исходит, как правило, из того, что «символизм является примитивным, но весьма эффективным путем передачи идей. Использование эмблемы или флага, символизирующих систему, личность, идею или институт, представляет собой кратчайший путь от ума к уму»⁷⁸.

Судебные ограничения на «символические речи» в ряде случаев дополняются запретами на не в меру «шумные, мешающие окружающим речи», на «нелояльные», «подрывные», наносящие ущерб интересам национальной безопасности и «подлежащие запрету в специфических обстоятельствах речи»⁷⁹.

Ограничения права ассоциаций в связи с ограничением права на проведение собраний, митингов, демонстраций, на организацию пикетов и т. п. устанавливаются как под теми же традиционными формально-юридическими предлогами, что и ограничения на свободу слова и печати, так и под относительно новыми, касающимися лишь данных прав и свобод.

Среди подобных ограничений следует выделить в первую очередь те, которые устанавливаются и реализуются под предлогом избежания нарушений права собственности отдельных штатов или частных лиц. Суть занимаемой при этом судебными органами позиции сводится к тому, что каждый штат, на территории которого проходят демонстрации или митинги, будучи собственником земли и зданий, волен давать санкцию на проведение демонстраций или, наоборот, запрещать их. «Каждый штат как собственник обладает властью для удержания собственности под своим контролем и использования ее по назначению в рамках действующего законодательства... Конституция США не препятствует отдельным штатам устанавливать контроль за использованием их собственности в целях, не противоречащих закону»⁸⁰. Аналогично обстоит дело и с решением вопроса о проведении, точнее — об ограничении права на проведение собраний и митингов на территории, принадлежащей местным государственным органам, отдельным корпорациям или частным лицам⁸¹.

Ряд ограничений устанавливается на проведение митингов, демонстраций и собраний на территории конгресса США, законодательных органов (легислатур) ряда штатов и других государственных органов. Формально не существ-

вует таких нормативно-правовых актов, принятых на федеральном уровне или на уровне штатов, которые бы прямо, в открытой форме запрещали или ограничивали деятельность тех или иных социальных слоев и групп, связанную с проведением митингов, собраний или манифестаций на данной территории. Более того, в судебных решениях зачастую демонстративно, в сугубо пропагандистских целях подчеркивается, что территория, на которой располагаются законодательные органы, суды и публичные библиотеки, так же как «общественные улицы и парки», «полностью открыта для демонстраций общественности»⁸². Однако многочисленные оговорки в значительной степени обесценивают предоставляемые трудящимся, на первый взгляд, весьма широкие права и свободы. Поэтому к Конституции США вполне применимы слова К. Маркса о том, что Основной закон любого буржуазного общества содержит в самом себе «свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свобод — в оговорке», что «сами формулировки в конституции таковы, что... каждая статья, неся в себе свою противоположность, полностью себя аннулирует»⁸³.

Наиболее типичными и распространенными оговорками, используемыми судебными органами США для ограничения права на проведение собраний, митингов и демонстраций, являются ссылки на возможные нарушения во время демонстраций автодорожного движения, проблемы одновременного прохождения в одном и том же месте двух различных митингов, на опасность блокирования во время проведения митингов, собраний и демонстраций входов или выходов из зданий и т. п.⁸⁴. Эти «технические» предлоги дополняются зачастую оговорками социального плана, такими, как угроза нарушений общественного порядка во время проведения митингов и демонстраций, угроза «нарушения общественного спокойствия в частной жизни граждан» и др.⁸⁵.

Система сложившихся в процессе реализации поправки I формально-юридических предлогов и оговорок активно используется государственными органами США для постоянного воздействия на политическую систему американского общества в направлении создания наиболее оптимальных условий для дальнейшего развития и совершенствования буржуазных общественно-политических институтов и торможения процесса возникновения и развития пролетарских организаций.

Глава VII. Этатизация социально-экономических доктрин в современном конституционном праве США

В истории «живой» Конституции отчетливо зафиксировались важнейшие этапы развития американского общества, когда на базе социально-экономических изменений происходила существенная перестройка в функционировании механизма государственной власти, появлялись новые экономические и социально-политические доктрины, призванные обосновывать необходимость перемен. Эволюция конституционного права США, основополагающих конституционных доктрин не всегда однозначно соответствовала этим изменениям. Более того, конституционные доктрины нередко вступали в противоречие с реальностью и объективной необходимостью. Эта тенденция отчетливо прослеживается на протяжении всего периода перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, составляющий основу современного американского общества. С точки зрения процесса этатизации социально-экономических доктрин в современном конституционном праве ключевым является период с конца XIX века до 1937 года, который отмечен острой борьбой между реакционными легалистами, стремившимися воспрепятствовать объективным тенденциям усиления государственного вмешательства с позиций незыблемости прав частной собственности и свободы предпринимательства, и сторонниками более гибких социологических правовых теорий, отстаивавшими необходимость адаптации права к меняющимся условиям.

Победа сторонников второго направления выразилась, в частности, в полной переориентации Верховного суда, который после 1937 года в большинстве рассматриваемых дел более не подвергал сомнению конституционность законодательных актов, принятых федеральным конгрессом в области экономики и трудовых отношений.

Конституционно обосновать новый подход, состоявший в активном использовании государственного механизма, в первую очередь исполнительной власти, в проведении широких экономических и социальных реформ, оказалось совсем не просто. Инициативу в этом вопросе взяли на себя лидеры демократической партии во главе с президен-

том Ф. Д. Рузвельтом. Рузвельт прекрасно сознавал, что прямо опереться на Конституцию было нельзя, что выполнение намеченных планов потребует выхода за рамки узкого толкования Основного закона. Однако в необходимости такого шага еще следовало убедить очень многих как в правящей элите, так и в широких кругах общественности.

Не случайно уже в своей инаугурационной речи Ф. Рузвельт отметил: «Наша Конституция настолько проста и практична, что всегда имеется возможность удовлетворить новые потребности путем изменения в акцентах и приспособления (содержания Конституции. — Авт.) без утраты необходимой формы»¹. В той же речи он заявил о своей готовности просить конгресс о предоставлении ему самых широких исполнительных полномочий, эквивалентных чрезвычайным военным полномочиям президента. Как показали дальнейшие события, Ф. Рузвельт и его «мозговой трест» часто прибегали к доктрине чрезвычайных полномочий президента, появившейся в годы первой мировой войны, если ощущали недостаток в конституционно-правовых основаниях предлагавшихся законопроектов.

Действительно, в области регулирования экономики и трудовых отношений, что составляло основу законодательства «нового курса», администрации Рузвельта было трудно найти опору в традиционных конституционно-правовых экономических и социальных доктринах, господствовавших в 20-е гг. и более ранние периоды. Законодательные же прецеденты, связанные с государственным регулированием экономики, имели специфический характер и не колебали основы конституционно-правового фундаментализма. Так, начиная с 70-х гг. XIX века и вплоть до начала 30-х гг. XX века большинство в Верховном суде почти неизменно принадлежало сторонникам «надлежащей правовой процедуры», «свободы договора» и других доктрин реакционного легализма, в основе которых лежала философия *laissez-faire*. Не случайно поэтому именно Верховный суд часто становился оплотом реакции и антидемократических кругов.

Своего апогея консервативное толкование Конституции достигло в 20-е гг. в период деятельности Верховного суда под председательством бывшего президента США У. Тафта. Будучи твердым консерватором-индивидуалистом, У. Тафт активно выступал против «болезни чрезмерной законодательной деятельности» и открыто осуждал «некоторых реформаторов», которые говорили о «чрезмерном индивидуа-

лизме Конституции», и призывал охлаждать «патерналистский энтузиазм таких реформаторов»².

Поддерживаемый судьями П. Батлером, У. Ван-Девантером, Д. Мак-Рейнолдсом, Д. Сазерлендом и Э. Сэнфордом, У. Тафт неизменно трактовал Конституцию и все конституционное право узко легалистски, выступая за ограничение полномочий федерального правительства. В откровенной манере реакционное большинство Верховного суда в эти годы подвергало сомнению социально-экономические положения, лежавшие в основе федерального или штатного законодательства, если оно хоть в малой степени ущемляло интересы собственников-предпринимателей и противоречило философии *laissez-faire*. В каждом таком случае пускалась в ход доктрина «надлежащей правовой процедуры».

Это один из главных догматов конституционного права, который основан на положении поправки V к Конституции, установившей, что «никто не может быть лишен жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры; частная собственность не должна изыматься для общественного пользования без справедливого возмещения». Указанное положение, относившееся к деятельности федеральных властей, было повторено позднее в поправке XIV (1868 г.) и распространено на органы власти в штатах.

Конституционная практика США изначально трактовала эти положения ограничительно, применяя их в отношении судопроизводства по гражданским и уголовным делам. Однако в самом конце XIX века началось их расширительное толкование, связанное с появлением концепции «материальной надлежащей правовой процедуры», направленной на защиту прав собственности и свободы предпринимательства корпораций. Реакция широко использовала эту концепцию в борьбе против прогрессивных реформ и либерального социально-экономического законодательства на федеральном и штатном уровне, устанавливая превосходство «естественного права» над государственным правом, подчеркивая ограниченность полномочий государственной власти по сравнению с «естественными правами» личности в социально-экономической области.

В концепции «материальной надлежащей правовой процедуры» конституционное понятие «естественных прав», например свободы, напрямую связывалось с непоколебимостью частнособственнических прерогатив, в том числе

«свободы договора», что способствовало неограниченной эксплуатации наемного труда капиталом.

В 20-е гг. при рассмотрении Верховным судом дел, связанных с «материальной надлежащей правовой процедурой», множество мер федеральных и местных властей, направленных на урегулирование продолжительности рабочего дня, размера заработной платы и условий труда, не выдержали столкновения с доктриной «свободы договора». Реакционное большинство Верховного суда во главе с У. Тафтом решительно выступило против права трудящихся на пикетирование, отказывая им в защите этих прав по федеральному закону Клейтона³ и признавая недействительными в таких случаях законы штатов, ограничивавшие использование судебных предписаний против пикетирования⁴.

Своими решениями Верховный суд не оставил никаких сомнений в том, что в его понимании «бизнес — это собственность, и любое нарушение путей его осуществления является потенциальным нарушением прав собственности»⁵. С этих позиций Верховный суд торпедировал в 1923 году закон о минимуме заработной платы в округе Колумбия, принятый конгрессом в 1918 году, постановив, что он нарушает положение о «надлежащей правовой процедуре» и тем самым противоречит поправке V в целом. Выступая от имени большинства, верховный судья Сазерленд подчеркнул, что «такого понятия, как абсолютная свобода договора, конечно, не существует», тем не менее такая свобода «является общим правилом и содержит ограниченное число исключений»⁶. Это решение стало классическим примером отождествления социально-экономической доктрины *laissez-faire* с конституционными правами и в дальнейшем неоднократно цитировалось как необходимый прецедент для обоснования аналогичных акций судебных органов.

Помимо сферы трудовых отношений Верховный суд при У. Тафте внес свою лепту в ограничение прерогатив таких федеральных органов экономического регулирования, как Федеральная торговая комиссия⁷ и Комиссия по междуштатной торговле⁸, ущемляя их административные полномочия. С учетом этих решений и сложившейся к началу 30-х гг. конституционной практики в отношении прав и свобод бизнеса становится более понятным акцент на доктрину о чрезвычайных полномочиях президента, который делался администрацией Ф. Рузвельта в первые годы его пребывания у власти.

Активные действия администрации Рузвельта способствовали не только ускорению объективного перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм и складыванию целостной системы ГМК, но и развитию субъективного процесса огосударствления, который затронул сферу идеологии и политической практики. С этого рубежа развернулся широкий фронт государственно-монополистической трансформации основополагающих идейно-политических и социально-экономических доктрин. Не осталось в стороне от всеобщего процесса и конституционное право.

Эволюция конституционного права в эти годы проходила в острой, временами ожесточенной борьбе сторонников реформ «нового курса» и реакционных индивидуалистов. Главным оплотом последних продолжал оставаться Верховный суд, состав которого по сравнению с 20-ми гг. практически не изменился. Лишь в 1930 году вместо ушедшего У. Тафта президентом Гувером был назначен Чарльз Эванс Хьюз. С конституционной точки зрения раннее законодательство «нового курса» было не слишком хорошо обосновано. По более поздним признаниям специалистов в области конституционного права, оно «покоилось на неопределенных конституционных теориях и нечетких правовых основаниях»⁹.

Конституционное обоснование создатели этого законодательства искали в большой группе прецедентов, связанных с использованием положения разд. 8 статьи I Конституции о полномочии конгресса «регулировать торговлю с иностранными государствами, между отдельными штатами и с индейскими племенами».

Практика интерпретации указанного положения Конституции в целях развития конституционного права была не столь обширна. На протяжении 100 лет со времени принятия Конституции конгресс существенно не использовал свое право регулировать междуштатную торговлю, фактически он обратился к нему гораздо позже, в конце XIX века.

В это время некоторым представителям правящих кругов США становилась постепенно более понятной мысль о том, что проблемы интегрированной национальной экономики, достигшей высокой степени развития, не могут быть решены лишь при помощи законодательства штатов, что деятельность большого бизнеса требует определенной регламентации со стороны федеральных властей. Отражением этого процесса стало принятие на основе положения

о междуштатной торговле закона о междуштатной торговле (1887 г.), закона Шермана (1890 г.), закона о создании Федеральной торговой комиссии (1914 г.), другого специального законодательства, включая разнообразные законы о железнодорожном транспорте. Однако все они были лишь отдельными примерами, в которых проявлялась объективная тенденция к огосударствлению. За пределами антитрестовского законодательства, социально-политическая направленность которого общеизвестна, и регулирования отраслей общественного пользования очень «небольшое число статуты налагало существенные ограничения на деловую активность предпринимателей»¹⁰.

Судебные толкования положения о междуштатной торговле, имевшие место в конце XIX — начале XX века в связи с принимавшимся законодательством, были весьма противоречивыми и не создали четкой концепции государственного регулирования. Наряду с расширительной трактовкой «регулирования торговли», включавшей в себя, например, функционирование промышленных предприятий, условия труда и заработной платы, существовали, как уже отмечалось, примеры обратного рода, когда смысл понятия сводился к регулированию лишь самих условий торговли и транспортировки, а административные права федеральных органов регулирования сильно ограничивались.

Объективные социально-экономические противоречия американского буржуазного общества, обострившиеся в ходе великого кризиса 1929—1933 гг., были гораздо более масштабными и сложными, чем те проблемы, которые регулировались на основе положения о междуштатной торговле в предшествовавший период. На повестку дня кризис поставил всеобъемлющее государственное регулирование экономики, включая промышленность, сельское хозяйство, финансовую систему, решение острых социальных проблем — безработицы, условий труда, профсоюзных прав и многих других вопросов.

Все это потребовало усиления конституционно-правового обоснования законодательства «нового курса» путем привлечения, помимо положения о регулировании междуштатной торговли, положения того же разд. 8 статьи I Конституции, гласящего, что конгресс правомочен «устанавливать и взимать налоги... для того, чтобы выплачивать долги, обеспечивать совместную оборону и общее благоденствие».

Как и в первом случае, конституционная практика США не выработала к 30-м гг. четкого подхода в опреде-

лении содержания понятия «общее благоденствие». Однако несомненно, что авторы законодательства «нового курса» давали ему столь же широкое и модернистское толкование, как и положению о регулировании междуштатной торговли.

Таким образом, в основания программы реформ «нового курса» были заложены три различные концепции конституционного права: «о чрезвычайных полномочиях», «об общем благоденствии» и «о регулировании торговли между штатами». Эти положения трактовались очень широко и наполнялись современным, государственно-монополистическим содержанием, отражавшим всеобщий процесс огосударствления. С их помощью конституционно санкционировалось радикальное расширение роли государства в регулировании важнейших вопросов социально-экономической жизни.

Под влиянием объективного и субъективного процессов огосударствления конституционное право США эволюционировало в сторону окончательного утверждения догмата о том, что федеральные исполнительная и законодательная власти обладают не ограниченными ничем, кроме самой Конституции, полномочиями регулировать, по сути дела, все основные сферы общественной жизни.

Об этом свидетельствует само законодательство «нового курса». В течение короткого времени были приняты Чрезвычайный закон о банках, Закон об улучшении положения в сельском хозяйстве, Закон о восстановлении национальной промышленности. Преамбула последнего закона, типичная для всей группы законодательных актов, упоминала о складывании «национального чрезвычайного положения» в результате распространения безработицы и «дезорганизации промышленности», что привело к «затруднению междуштатной торговли», затронуло «общественное благоденствие», подорвало «стандарты жизни американского народа». Путем увязывания вместе этих понятий в законе обосновывалась необходимость реализации конгрессом соответствующих полномочий, предписанных ему Конституцией¹¹.

Не случайно Ф. Рузвельт в одном из своих посланий писал, что «Национальный закон о восстановлении промышленности, вероятно, будет записан в истории как самый важный и имеющий большие последствия закон, когда-либо принимавшийся конгрессом»¹². Действительно, это был самый всеобъемлющий статут того времени, реализовавший идеи государственного регулирования конку-

ренции и производства в промышленности, безработицы и трудовых отношений, включая признание профсоюзов и создание механизма по предотвращению трудовых конфликтов.

Закон этот отличался от всех предшествовавших тем, что конституционное положение «междуштатная торговля» приравнивалось в нем к понятию «промышленное производство». Другое отличие — делегирование самых широких законодательных полномочий исполнительной власти и руководителям отдельных административных ведомств, когда-либо предоставлявшихся в мирное время.

Основные идеи и принципы законодательства по регулированию экономических проблем позднее были дополнены и развиты соответствующими законодательными мерами в социальной области, включающими регулирование проблемы безработицы, непосредственных условий труда и отношения профсоюзов с предпринимателями в процессе коллективных переговоров. Важнейшие из них — законы о социальном страховании (1935 г.) и об установлении справедливых условий труда (1938 г.), а также Национальный закон о регулировании трудовых отношений (закон Вагнера, 1935 г.). С конституционно-правовой точки зрения эта группа законов также существенно отличалась от предшествовавшей практики, «ибо государственное вмешательство в трудовые отношения происходило в форме отрицания наиболее реакционных норм общего права, носителем которых была судебная система»¹³. До принятия социального законодательства 30-х гг. в США имел место, по сути, произвол судебной власти, освящавший нещадную эксплуатацию рабочей силы предпринимателями.

В соответствии с законодательством 30-х гг. федеральное правительство впервые брало на себя основные функции по регулированию всего комплекса трудовых отношений. Острые классовые столкновения этого периода обусловили умеренно-либеральный характер указанных реформ, которые отражали некоторые важные требования трудящегося населения.

Таким образом, реформы «нового курса» по масштабу, характеру и содержанию существенно отличались от конституционной практики более ранних периодов. Некоторые наиболее реакционные, «твердо индивидуалистские» правовые доктрины отрицались либо отводились на второй план, а другие конституционные теории и положения наполнялись принципиально новым, государственно-монополистическим содержанием.

Хотя эти изменения были подготовлены всем ходом объективного развития США, быстрая и коренная ломка сложившихся понятий и принципов, конституционно-правовых теорий не могла пройти бесследно для администрации Ф. Рузвельта и «нового курса». Сам по себе отход с прежних позиций конституционной практики делал законодательство «нового курса» уязвимым со стороны враждебно настроенных теоретиков и практиков конституционного права. Еще больше их раздражал тот факт, что конгресс принимал законы в рекордно короткое время без особых дебатов и сопротивления.

По мере того как стабилизировалась экономическая ситуация и постепенно исчезали панические настроения в среде бизнеса, на политической арене США активизировались реакционные силы, развернувшие широкую кампанию против реформ «нового курса». Их действия достигли апогея в середине 30-х гг., в преддверии выборов 1936 года.

27 мая 1935 г. при рассмотрении одного из дел Верховный суд единогласно признал неконституционным закон о восстановлении промышленности. Председатель Верховного суда Хьюз отверг теорию «чрезвычайных полномочий», заявив, что «чрезвычайные условия не создают и не расширяют конституционные права»¹⁴. Последующие события были сложными и противоречивыми. С одной стороны, Верховный суд по инерции в 1935—1936 гг. принял серию аналогичных решений. Однако утверждались они далеко не единогласно, что демонстрировало постепенную эволюцию части судей, и в первую очередь Л. Брандейса, Б. Кардозо, Х. Стоуна, в сторону одобрения более современного подхода к толкованию Конституции.

С другой стороны, Ф. Рузвельт, высмеяв верховных судей за отсталое толкование Конституции в духе «времени лошадей и кабриолетов», заявил, что он готов принять вызов Верховного суда по поводу конституционной реформы¹⁵. Его администрация, несмотря на позицию Верховного суда, предприняла новые успешные шаги по проведению через конгресс законов, основывавшихся на модернистской интерпретации упоминавшихся положений Конституции. Правда, в этих статутах, принятых под давлением широких масс, упор больше делался на решение социальных проблем.

Продолжением активных действий в законодательной сфере администрация Рузвельта обеспечивала «новому курсу» все возрастающую поддержку, что ярко показали выборы 1936 года. Появление все новых разнообразных за-

конов на сходной идейной основе не только подвергало серьезному сомнению компетентность Верховного суда в вопросах окончательного толкования Конституции, но и свидетельствовало о превращении государственного регулирования в неотъемлемую часть социально-экономической и политической жизни США.

Своей обструкционистской политикой в середине 30-х гг. Верховный суд противопоставил себя законодательной и исполнительной власти, т. е. государственно-монополистической политике и практике, получившей к тому же массовое одобрение в ходе избирательной кампании 1936 года. В результате создалась ситуация, чреватая опасными последствиями для самого Верховного суда, действия которого могли привести к ослаблению или даже временной утрате им некоторых функций.

Указанные обстоятельства не могли не ускорить трансформацию взглядов судей и позиции Верховного суда в целом, который в 1937 году в решениях по группе дел вынужден был признать конституционность основных социальных реформ «нового курса»¹⁶. Этому способствовали и более частные факторы — пропагандистская кампания Ф. Рузвельта в пользу реформы самого Верховного суда, гибкое, осторожное и тщательно аргументированное конституционное обоснование новых законов.

Таким образом, в 1937 году в истории конституционного права Соединенных Штатов открылся новый период, в течение которого в решениях Верховного суда было санкционировано радикальное расширение социально-экономических функций буржуазного государства. Судебная власть оказалась, следовательно, последней «ветвью» государственной власти страны, начавшей с этого времени ускоренными темпами переходить на этактистские рельсы.

События последующих лет показали, насколько глубоки были изменения, происшедшие в американском обществе в 30-е гг. Создание разветвленной системы государственного регулирования в период второй мировой войны дало новый импульс развитию основных конституционно-правовых принципов в решении проблем федерального контроля промышленности, транспорта, сельского хозяйства, финансовой системы и трудовых отношений.

Процесс этактизации социально-экономических доктрин в конституционном праве США продолжался и в дальнейшем, став непосредственным отражением очередной ступени в развитии государственно-монополистического капитализма после второй мировой войны, когда завершилось

его превращение из чрезвычайного и экстраординарного явления в постоянный элемент структуры американского капитализма. В ходе этого процесса постепенно складывались современные методы государственно-монополистического регулирования. От различных форм антикризисной и «антициклической» политики капиталистическое государство перешло к методам долгосрочного регулирования экономики, к политике стимулирования экономического роста с целью укрепления позиций монополий и достижения достаточно высоких темпов экономического развития как базы для решения назревших социальных проблем. По восходящей линии шло и развитие заложенных в период «нового курса» принципов государственного регулирования социальных отношений, в результате чего в стране была создана разветвленная социальная инфраструктура. По мере совершенствования методов государственно-монополистического регулирования после второй мировой войны завершилось и становление двух основных форм государственно-монополистической идеологии правящего класса США — неолиберализма и неоконсерватизма.

На этой основе с конца 30-х гг. началась существенная трансформация «живой» Конституции США, продолжавшаяся в течение всего послевоенного периода. Главная проблема, ставшая тогда перед Верховным судом, заключалась в том, чтобы, отбросив все устаревшее в конституционно-правовых доктринах, приспособить их к новым условиям XX века. Об этом со всей определенностью заявил в 1943 году член Верховного суда Р. Джексон: «Величественные принципы Билля о правах возникли на основе философии, которая гласила, что индивидуум — это центр общества, что для обеспечения его свободы необходимо оградить его от правительственного вмешательства и что поэтому правительству должно быть предоставлено как можно меньше полномочий для контроля над повседневной жизнью людей. Мы должны теперь применить принципы Билля о правах к новым условиям, когда концепция *laissez-faire* и доктрина правительственного невмешательства явно устарели, по крайней мере в приложении к экономическим проблемам, а социальный прогресс может быть достигнут с помощью все более тесной социальной интеграции и все расширяющегося и усиливающегося правительственного контроля»¹⁷.

Разумеется, процесс приспособления конституционно-правовых доктрин к условиям современного государственно-монополистического капитализма не был и не мог быть

прямолинейным. В решениях Верховного суда время от времени проглядывали остатки старых концепций «надлежащей правовой процедуры», «свободы договора» и других доктрин реакционного легализма. На подобные факты указывал, в частности, в 1949 году член Верховного суда либерал Х. Блэк, оценивая их как проявление «продолжающегося сопротивления правительственному регулированию»¹⁸.

Но все же в целом процесс огосударствления конституционно-правовых доктрин в социально-экономической области с конца 30-х гг. стал господствующей тенденцией. С согласия Верховного суда федеральные органы власти значительно расширили существующие и приобрели многие новые полномочия в социально-экономической сфере, которые не значились в тексте Конституции, но стали теперь весьма расширительно толковаться как «подразумеваемые» и «имманентные» полномочия федерального правительства.

Существенно трансформировалась и сама роль Верховного суда в социально-экономической области. Поскольку инициатива в деле проведения реформ, в развитии и реализации данной сферы конституционного права исходила с 30-х гг. от исполнительной и законодательной «ветвей» государственной власти, Верховный суд был вынужден провозгласить доктрину «судебного самоограничения» («судебной сдержанности») и занять второстепенные позиции в социально-экономической политике государства. Сторонники этой доктрины утверждали, что несогласие Верховного суда с тем или иным курсом социально-экономического законодательства не может служить основанием для признания его неконституционным и что право судить о целесообразности или нецелесообразности законодательных мер в экономической и социальной сферах принадлежит только органам законодательной власти. В решении, подготовленном Х. Блэком и единогласно принятом в 1963 году Верховным судом, говорилось: «Мы отказываемся от положения суперлегислатуры, которая была бы уполномочена судить о мудрости законодательства. Мы решительно отказываемся от возврата к тому периоду, когда суды использовали доктрину «надлежащей правовой процедуры» для отмены законов о регулировании бизнеса и промышленных отношений, так как они считали эти законы неблагоприятными, непригодными или находящимися в противоречии с защищаемым ими идейным течением... Кого бы ни взяли законодатели в учителя — Адама Смита, Гербер-

та Спенсера, лорда Кейнса или кого-нибудь другого, — это их право, и суд не может его оспаривать»¹⁹.

Дальнейшим развитием доктрины «судебной сдержанности» явился принцип, сформулированный в 1965 году членом Верховного суда А. Голдбергом и гласивший, что органы законодательной и исполнительной власти в центре и на местах могут и должны стать своеобразной «лабораторией для испытания новых социальных и экономических теорий»²⁰. Выдвижение и реализация доктрины «судебной сдержанности» сыграли серьезную роль в закреплении за буржуазным государством обширных полномочий в области экономики и социальных отношений.

Не менее важным проявлением трансформации конституционно-правовых доктрин стало решительное изменение принципов взаимоотношений между полномочиями органов власти штатов и полномочиями федерального правительства. В 1941 году Верховный суд отказался от активного применения доктрины «дуалистического федерализма», опиравшейся на поправку X к Конституции США, прибегнув к доктрине «верховенства федерального законодательства»²¹. С этого времени он стал признавать права штатов только в пределах, которые устанавливались федеральным законодательством. Федеральное правительство и власти отдельных штатов теперь уже не были двумя взаимоисключающими носителями суверенитета. В сложившейся структуре государственно-монополистического капитализма штаты стали играть новую роль, как пишут американские авторы, «агентов национальной политики»²². В последующие десятилетия Верховный суд выработал новую трактовку конституционного положения о верховенстве федеральной власти — доктрину «преимущества права федерации»²³. Суть ее состояла в том, что федеральное законодательство всегда имеет преимущество перед законами штатов, относящимися к той же сфере регулирования, даже если последние не вступают в прямое противоречие с федеральными актами.

После второй мировой войны Верховный суд не раз использовал правовые концепции «судебной сдержанности» и «преимущества права федерации» для одобрения социально-экономического законодательства и основанной на нем политики федерального правительства. Тем самым он давал конституционно-правовую базу для осуществления того или иного курса социально-экономической политики. Однако ведущая роль в формулировании идейной направленности правительственной политики в сфере эко-

номики и социальных отношений принадлежала теперь органам законодательной и исполнительной власти. Доктрина «судебной сдержанности» сводила роль Верховного суда не столько к надзору за конституционностью, сколько к контролю за корректностью выполнения положений законодательных органов, норм права и решений административных регулирующих агентств.

Начавшийся с конца 30-х гг. процесс переориентации и изменения функций Верховного суда в проведении социально-экономической политики уже в первые послевоенные годы поставил монополистическую буржуазию США перед необходимостью усиления своего влияния на ключевые звенья механизма формирования основных принципов политического курса в этой области — конгресс и федеральное правительство. Громадное расширение экономического и политического могущества крупного капитала, происшедшее в годы второй мировой войны, значительное укрепление консервативных сил в политической жизни страны благоприятствовали осуществлению этой задачи.

Главным результатом усилившегося воздействия бизнеса на органы федеральной власти был резкий поворот вправо рабочей политики американского государства при одновременном усилении правительственного вмешательства в трудовые отношения. Законы Тафта-Хартли (1947) и Лэндрема-Гриффина (1959) установили действующие и поныне жесткие ограничения деятельности профсоюзов, существенно уменьшающие их права и возможности в ведении стачечной борьбы, вовлечении новых членов, заключении коллективных договоров, участии в политической жизни страны.

Практическое осуществление нового трудового законодательства, многократно поддержанное в решениях Верховного суда, означало прямую ревизию либерального характера рабочего законодательства «нового курса», хотя его конституционность и не подвергалась сомнению. Сохраняя в неприкосновенности основные конституционно-правовые принципы государственно-монополистического регулирования трудовых отношений, представители правящих кругов США сумели придать ему антирабочий характер и создать «новый механизм» сдерживания профсоюзного движения.

С этой целью федеральные органы исполнительной власти с одобрения Верховного суда успешно использовали старые доктрины прав штатов, с помощью которых поощрялись антирабочие меры, осуществляемые на местах,

угрожали применением судебных предписаний против рабочих, участвующих в забастовочной борьбе. В одном из решений Верховного суда прямо указывалось на то, что применение федеральных законов, запрещающих судебные предписания против рабочих, становится ненужным в свете «провозглашенной конгрессом политики поддержания классового мира и достижения индустриального самоуправления»²⁴.

Вместе с тем в рабочую политику буржуазного государства после второй мировой войны были прочно инкорпорированы государственно-монополистическая конституционно-правовая концепция «национального благосостояния» и даже вызывавшая ранее такое недовольство буржуазии теория «чрезвычайных полномочий президента». Это не было случайностью. Ведь отныне любая забастовка на частных предприятиях, которая, по мнению президента, проводится в условиях «национального чрезвычайного положения», могла быть по условиям закона Тафта-Хартли отложена через обращение в суд на 80 дней. В такой ситуации даже реакционные круги отнюдь не возражали против делегирования президенту конгрессом «чрезвычайных полномочий» на подавление забастовочного движения.

На ограничение прав рабочих были рассчитаны и строгий правительственный контроль за соблюдением правил поведения профсоюзов, мелочная регламентация их деятельности во всех областях. Для надзора за трудовыми отношениями была создана громадная бюрократическая машина.

Верховный суд занимал, как правило, весьма благожелательную позицию по отношению к деятельности федеральных органов регулирования трудовых отношений. С конца 40-х до конца 60-х гг. он отменил лишь 26 решений Национального управления по трудовым отношениям, поддержав его позицию более чем в 70% случаев²⁵. Подавляющее большинство этих дел было связано с конкретными правами рабочих и предпринимателей, вытекающими из действующего законодательства. И хотя Верховный суд нередко корректировал решения регулирующих органов (главным образом в пользу предпринимателей, но иногда и в пользу рабочих), он неизменно поддерживал принципиальную линию правящих кругов США на создание отвечающего их интересам механизма государственно-монополистического регулирования трудовых отношений.

Однако в деятельности Верховного суда после второй мировой войны проявилась и другая тенденция — тенден-

ция к поддержке либерального социально-экономического законодательства. Особенно отчетливо она сказалась в 60-х гг., в период, когда в стране развернулись массовые движения социального протеста. Под их влиянием в социальной политике буржуазного государства произошли серьезные сдвиги. Серия либеральных реформ, проведенных правительствами Дж. Кеннеди и Л. Джонсона, стала попыткой комплексного решения сложнейших социальных проблем, рассчитанной на то, чтобы включить миллионы белых и черных бедняков в орбиту влияния «индустриального государства», и значительно расширила сферу государственно-монополистического регулирования социальных отношений.

Существенно изменился к этому времени и состав Верховного суда. Постепенное усиление либерального крыла суда, начавшееся после того, как в 1953 году во главе его встал Э. Уоррен, завершилось в начале 60-х гг. его превращением в прочное большинство, что, разумеется, тоже не могло не сказаться на идеологической ориентации высшего органа судебной власти США.

Один из наиболее важных показателей поддержки Верховным судом неолиберальных программ социально-экономического законодательства — отказ от доктрины ничем не ограниченного права частной собственности и защита принципа государственного регулирования монополистических промышленно-финансовых корпораций. В решениях суда неоднократно подтверждалась правовая обоснованность действий федеральных административных агентств по регулированию бизнеса. В отдельных случаях Верховный суд под давлением общественного мнения высказывался за некоторое ограничение привилегий монополистических фирм и даже признавал незаконными ряд слияний крупных корпораций²⁶.

Другое проявление общей либеральной ориентации Верховного суда в 60-х гг. — принципиальное одобрение правительственных мероприятий по оказанию помощи низкодходным группам населения. Формирование системы *welfare*, т. е. системы государственного вспомоществования гражданам, доходы которых находились ниже официальной «черты бедности», началось еще в период «нового курса» Ф. Рузвельта, но только в 60-х гг. она стала неотъемлемой составной частью социальной политики буржуазного государства. К середине 70-х гг. по различным программам государственной благотворительности получали помощь более 15 млн. человек²⁷.

Рассмотрение дел, связанных с функционированием системы государственного вспомоществования, было новым направлением в деятельности Верховного суда. Оно вошло в практику лишь в конце 60-х гг. Одно из важных решений в этой области — принятое в 1969 году постановление Верховного суда о неправомерности положения федерального законодательства, требовавшего от любого получателя пособия обязательного проживания в одном и том же месте в течение определенного периода времени²⁸. В те же годы Верховный суд на основании доктрины «преимущественного права федерации» отменил несколько решений властей штатов, нередко отказывавших в помощи лицам, которые по существующим федеральным стандартам имели право на получение пособий по одной из программ государственного вспомоществования — программе помощи нуждающимся семьям с малолетними детьми²⁹.

Еще большее значение имели попытки некоторых либеральных членов Верховного суда предоставить беднякам прочные юридические права на получение пособий. Так, судья У. Бреннан предложил рассматривать выплаты по системе *welfare* не как форму благотворительности, а как право собственности, аналогичное праву на получение пособий по системе социального страхования³⁰. В отдельных своих решениях Верховный суд в известной мере приблизился к подобной трактовке правового статуса выплат по системе государственного вспомоществования³¹.

Однако большинство членов Верховного суда, в том числе и часть либералов, не поддерживали такой трактовки и продолжали рассматривать пособия по системе *welfare* лишь как форму благотворительности. Весьма непоследовательной была и позиция Верховного суда по вопросу о конкретных формах осуществления программ государственного вспомоществования на местах. Поддерживая федеральные стандарты, определявшие категории получателей пособий, Верховный суд в то же время предоставлял властям штатов все необходимые полномочия для решения вопросов о размерах фондов государственного вспомоществования в том или ином штате и о конкретных способах их использования³².

Таким образом, после второй мировой войны конституционное право США санкционировало радикальное расширение роли государства в таких важных направлениях, как регулирование экономики, установление правительственного контроля над трудовыми отношениями, признание принципа ответственности государства за социальное бла-

госостояние граждан. Доктрины «свободы договора» и «надлежащей правовой процедуры», являвшиеся главными бастионами правового фундаментализма, отступили под напором более современного толкования положений Конституции о «регулировании торговли между штатами» и об «общем благосостоянии». Принятию и осуществлению необходимого законодательства в сфере экономики и социальных отношений способствовала и одобренная Верховным судом концепция «судебной сдержанности». Что касается идеологической направленности социально-экономического регулирования, то в зависимости от конкретной политической обстановки в стране и от соотношения сил в классовой борьбе оно могло принять более консервативные формы, как это было в первое послевоенное десятилетие, или стать более либеральным, как в 60-х гг. И в том и в другом случаях его сущность оставалась государственно-монополистической.

Развитие государственно-монополистического капитализма после второй мировой войны ознаменовалось еще одним важным процессом в жизни американского общества — распространением государственного регулирования на сферу межрасовых отношений. Правда, новое расширение социальных функций буржуазного государства и обеспечение самых элементарных гражданских прав негритянского населения получило конституционно-правовое обоснование только в результате острейшей политической борьбы.

Система расовой сегрегации и дискриминации негров во всех сферах общественной жизни, сложившаяся в Соединенных Штатах в последней четверти XIX века и закрепленная рядом решений Верховного суда, прежде всего решением 1896 года о «раздельных, но равных возможностях» развития белой и цветной рас³³, оставалась в полной неприкосновенности вплоть до середины XX века. Даже в период «нового курса» Ф. Рузвельта, когда в ходе осуществления начатых в те годы социальных программ была предоставлена определенная материальная помощь многим нуждающимся неграм, каких-либо изменений в правовом положении черного населения не произошло и все сегрегационные барьеры продолжали существовать.

И только после второй мировой войны негритянская проблема постепенно стала выдвигаться на одно из первых мест в политической жизни США. Разгром фашизма, создание и укрепление мировой социалистической системы, важные социальные завоевания в капиталистических стра-

нах Западной Европы, подъем национально-освободительного движения в Азии, Африке и Латинской Америке создали более благоприятную обстановку для решительной активизации действий борцов за гражданское равноправие негров. В этих условиях правящие круги США, претендовавшие на роль лидеров «свободного мира», не могли уже больше игнорировать законные устремления негритянского населения. Не случайно принятие федерального законодательства в области гражданских прав негров стало одним из пунктов программы «справедливого курса», выдвинутой после войны президентом Г. Трумэном. И хотя основные положения этой программы, в том числе и обещания, данные негритянскому населению, остались не осуществленными, они создали более прочную базу для его дальнейшей борьбы.

Не менее важную роль сыграли и принятые в тот период решения Верховного суда, впервые поставившие под сомнение законность доктрины «раздельных, но равных возможностей». Так, еще в годы второй мировой войны Верховный суд признал противоречащей Конституции утвердившуюся в южных штатах практику отстранения негров от участия в первичных выборах³⁴. Постановления суда первых послевоенных лет поддержали правовую обоснованность нескольких исков негритянских студентов, которым по расовым соображениям было отказано в поступлении в юридические школы при южных университетах³⁵. Эти решения Верховного суда по вопросу о правах негров и послужили основой для фронтального наступления на концепцию «раздельных, но равных возможностей».

В середине 50-х гг. был сделан очередной крупный шаг в этом направлении. 17 мая 1954 г. Верховный суд принял важное решение о неконституционности сегрегированного школьного обучения. В единогласном постановлении суда, подготовленном его новым руководителем Э. Уорреном, полностью отвергалась теория и практика «раздельного, но равного» обучения в государственных школах. В решении говорилось, что «условия раздельного обучения в принципе не могут быть равными, а следовательно, они противоречат положению поправки XIV к Конституции о равной для всех защите закона»³⁶. В соответствии с этим общим принципом через год, в мае 1955 года, Верховный суд предложил начать осуществление десегрегации школьного обучения и проводить его «по возможности без отлагательств»³⁷.

Хотя в решении 1954 года концепция «раздельных, но

равных возможностей» объявлялась незаконной только в системе государственных учебных заведений, Верховный суд впервые с 1896 года поставил под сомнение конституционность системы расовой сегрегации в целом. Об этом свидетельствовали и принятые тогда же постановления суда о неправомерности дискриминации негров в общественных парках, городских автобусах и некоторых других местах общественного пользования³⁸. Тем самым в решениях высшего органа судебной власти было дано конституционно-правовое обоснование законности борьбы за полную ликвидацию расовой дискриминации и за предоставление черному населению Америки равных с белыми гражданских прав.

Не удивительно, что решения Верховного суда вызвали ожесточенное сопротивление реакционеров-дискрикратов Юга. Законодательные собрания и суды южных штатов принимали резолюции, отвергавшие право федеральных властей вмешиваться в вопросы школьного обучения и оценивавшие решение 1954 года как ниспровержение «фундаментальных прав», охраняющих «свободу народа и суверенитет штатов»³⁹. Не ограничиваясь одними лишь легальными средствами борьбы, расисты Юга при содействии властей штатов нередко доходили до прямого физического сопротивления попыткам осуществления десегрегации школьного обучения, вступая в открытую конфронтацию с федеральными властями, как это произошло, например, в 1957 году в административном центре Арканзаса Литтл-Роке. Представители Юга в федеральном конгрессе активно поддерживали действия местных расистов и выступали с планами ограничения компетенции Верховного суда.

Однако сопротивление дискрикратов не могло помешать бурному нарастанию негритянского движения. С середины 50-х гг. оно вступило в новый этап своего развития. Эффективная кампания бойкота сегрегированного городского транспорта в Монтгомери, административном центре Алабамы, проведенная в 1955—1956 гг. под руководством Мартина Лютера Кинга, символизировала вовлечение в борьбу за равные гражданские права широких масс черного населения в цитадели расизма — в штатах «глубокого Юга». В течение последующего десятилетия, особенно в начале 60-х гг., эти штаты стали ареной многочисленных массовых митингов, демонстраций и «рейсов свободы», полем бескомпромиссной борьбы негритянского населения против всех форм расовой дискриминации.

Крупнейшим достижением массового негритянского дви-

жения, развернувшегося в Соединенных Штатах в конце 50-х — начале 60-х гг., было одобрение конгрессом ряда важных законодательных актов о гражданских правах негров, юридическую основу которых заложили решения Верховного суда 1954—1955 гг. Правда, сколько-нибудь серьезных сдвигов удалось добиться далеко не сразу. Первый из этих законов, утвержденный в 1957 году, предусматривал всего лишь создание федеральной комиссии по гражданским правам и специального отдела в министерстве юстиции, задачи которых ограничивались сбором информации о всех нарушениях гражданских прав и свобод. Ни закон 1957 года, ни новый закон, одобренный конгрессом в 1960 году, не дали федеральным правительственным органам полномочий на установление строгого контроля за соблюдением гражданских прав и на применение эффективных принудительных мер в этой области.

Мощный взлет борьбы за гражданское равноправие негров в первой половине 60-х гг. заставил правящие круги США пойти на новые уступки. Впервые за многие десятилетия была сделана серьезная попытка ограничения системы расовой дискриминации. По инициативе правительства в июле 1964 года конгресс принял закон о запрещении дискриминации при найме на работу и при обслуживании в местах общественного пользования. За ним последовал закон о защите избирательных прав негров и о федеральном контроле за их осуществлением, утвержденный в августе 1965 года. Наконец, в апреле 1968 года, конгресс запретил расовую дискриминацию при продаже и сдаче в аренду жилищ. Принятие всех этих актов, узаконивших новую социально-политическую функцию буржуазного государства — регулирование межрасовых отношений и охрану элементарных гражданских прав негров и других расово-этнических меньшинств, было, несомненно, важным сдвигом в политике официального Вашингтона.

На протяжении всего периода 60-х гг. Верховный суд продолжал играть чрезвычайно активную роль в деле укрепления конституционно-правовой базы, необходимой для принятия и практического осуществления нового законодательства о гражданских правах негров. Либеральное большинство Верховного суда во главе с Э. Уорреном, обосновывая свою линию поведения, исходило из убеждения в том, что доктрина «судебной сдержанности», которой судьи, как правило, руководствовались при решении проблем регулирования экономики и социальных отношений, неприменима в сфере гражданских прав и свобод,

так как здесь речь идет об охране основополагающих демократических принципов Билля о правах. Это и обусловило ту позицию юридического активизма в сфере гражданских прав и политических свобод, которую занял Верховный суд в 50—60-е гг.

Доказывая в своих решениях юридическую обоснованность законодательства о гражданском равноправии негров, Верховный суд встретился с серьезными конституционными трудностями. Так, правомерность статей закона 1964 года о запрещении расовой дискриминации в местах общественного пользования обосновывалась обычно ссылками на положение поправки XIV к Конституции о «равной защите законов». Между тем, согласно утвердившейся интерпретации, поправка XIV считалась применимой лишь к дискриминационным действиям штатов, а не отдельных лиц. Противники запрещения расовой сегрегации нередко использовали такую интерпретацию для доказательства неправомерности применения положений закона 1964 года к частным предприятиям обслуживания, хотя бы те и практиковали расовую дискриминацию. Для того чтобы парализовать подобные попытки, Верховному суду не раз приходилось прибегать к весьма расширительному толкованию Конституции и доказывать юридическую обоснованность закона 1964 года либо ссылками на право конгресса регулировать торговлю между штатами, либо указанием на то, что этот закон применим к любому частному предприятию обслуживания населения, владелец которого получал какую-либо помощь от властей штатов или был связан с ними другими деловыми отношениями⁴⁰.

Аналогичные методы использовал Верховный суд и при обосновании конституционности закона 1965 года о защите избирательных прав негров. Еще за несколько лет до его принятия в одном из решений суда на основе поправки XIV к Конституции была осуждена практика «несправедливого, неравного или дискриминационного распределения избирательных округов», препятствующая обеспечению равного представительства избирателей по принципу «один человек — один голос»⁴¹. Это постановление суда создало более прочную правовую базу для принятия поправки XXIV к Конституции, вступившей в силу в феврале 1964 года и предусматривавшей отмену избирательного и любого другого налогов, уплата которых в ряде южных штатов была одним из условий для занесения в списки избирателей. После принятия избирательного закона 1965 года Верховный суд, используя доктрину «преимущественных

прав федерации», санкционировал распространение положений поправки XXIV не только на выборы в федеральные органы власти, как это предписывалось ее текстом, но и на все выборы в органы власти в штатах, графствах и муниципалитетах⁴². Столь же широкая интерпретация конституционных положений была использована Верховным судом и для обоснования незаконности распространенной на Юге практики различного рода дискриминационных тестов, связанных с проверкой грамотности негров или их умения читать и толковать Конституцию. В 1966 году все эти дискриминационные барьеры были признаны судом юридически несостоятельными на основе расширительной интерпретации положения поправки XV к Конституции о праве конгресса издавать законы для практического осуществления принципа равной подачи голосов⁴³.

В конце 60-х гг. Верховному суду пришлось вновь вернуться к рассмотрению проблемы расовой сегрегации в школах. Дело в том, что принятые в середине 50-х гг. постановления о ее незаконности по-прежнему встречали упорное сопротивление реакционных сил и на Севере и особенно на Юге, в результате чего количество интегрированных школ росло крайне медленно. Попытки федеральных властей ускорить этот процесс, прибегая к угрозе лишения федеральных ассигнований, чаще всего не достигали цели, так как местные власти, столкнувшись с подобной угрозой, давали формальное согласие на десегрегацию школ, а фактически продолжали ее саботировать. Все это заставило Верховный суд в весьма решительных выражениях подтвердить свою позицию. В 1968 году в одном из своих постановлений он заявил, что соответствующие органы федерального правительства вправе требовать от местных властей не только формального согласия на интеграцию государственных школ, но и достижения конкретных позитивных результатов в этом направлении⁴⁴. Спустя год в новом решении суда было объявлено, что он будет отныне считать незаконным всякое дальнейшее промедление в осуществлении десегрегации школьного обучения⁴⁵.

Значительно менее последовательной была позиция Верховного суда при решении вопросов дискриминации расово-этнических меньшинств в сфере найма рабочей силы, а также при покупке и аренде жилищ. Регулирование подобных операций государством было связано с известным ограничением частнособственнических прав и привилегий. Поэтому даже либеральное большинство уорреновского суда, как правило, старалось избегать рассмотрения

случаев дискриминационной практики при найме и увольнении рабочей силы, и первые решения суда, подтверждающие конституционность соответствующих статей закона 1964 года, появились только в начале 70-х гг. Что же касается расовой дискриминации в жилищной сфере, то Верховный суд ограничился лишь подтверждением ее запрета в одной из статей закона о гражданских правах, принятого еще в 1866 году для обеспечения выполнения поправки XIII к Конституции. Эта статья, вошедшая в Свод законов США, но практически не применявшаяся, была теперь объявлена имеющей законную силу⁴⁶. Тем самым косвенно подтверждалась и конституционность закона 1968 года.

Таким образом, к концу 60-х гг. в Соединенных Штатах был создан механизм государственно-монополистического регулирования межрасовых отношений, а решения Верховного суда дали конституционно-правовое обоснование принципов его функционирования. Это позволило добиться определенных успехов в борьбе за гражданское равноправие негров и за ликвидацию наиболее вопиющих форм расовой дискриминации. Конечно, принятие законодательства о гражданских правах и неоднократное подтверждение его конституционности отнюдь не гарантировали немедленного осуществления декларируемых принципов гражданского равноправия. Каждый шаг на этом пути брался с бою. Но все же были созданы более благоприятные условия для вступления негритянского движения в новый этап своего развития и для перехода от борьбы за формально-юридическое равноправие негров и белых к борьбе за улучшение социально-экономического положения черных американцев, т. е. за достижение их фактического равенства.

На рубеже 60—70-х гг. начался новый, современный этап в развитии государственно-монополистического капитализма. Все острее стал проявляться кризис сложившихся после второй мировой войны методов государственно-монополистического регулирования. Этатизация процесса решения важнейших социально-экономических проблем все в большей степени теряла свою эффективность как средство преодоления противоречий капиталистического способа производства.

Малая эффективность государственно-монополистического регулирования экономики и социальных отношений сказалась и на эволюции общественного мнения. Волна почти всеобщего оптимизма 60-х гг. по поводу программ «великого общества» и «войны против бедности» сменилась чувством острого разочарования результатами социально-эконо-

мического законодательства, падением доверия к федеральному правительству и другим институтам государственной власти, ростом антиэтатистских настроений.

В этой обстановке правовой этатизм вступил в полосу столь же глубокого кризиса, что и вся система государственно-монополистического регулирования. Резкое усиление кризисно-депрессивных тенденций в развитии капиталистической экономики, отсутствие сколько-нибудь серьезного прогресса в решении крупнейших социальных проблем, связанные с этим сдвиги в социальной психологии широких масс населения — все это использовалось идеологами консервативных групп американской буржуазии как доказательство того, что этатистские конституционно-правовые доктрины не достигают своих целей и, следовательно, необходим их пересмотр.

В начале 70-х гг. произошло и существенное изменение состава Верховного суда. После ухода в отставку Э. Уоррена и его замены У. Бергером, а также после назначения президентом Никсоном трех новых членов Верховного суда в высшей судебной инстанции страны впервые за много лет сложилось прочное консервативное большинство. Позиция консерваторов по вопросу о компетенции суда существенно отличалась от точки зрения либералов. Суммируя ее, У. Бергер вскоре после вступления в должность заявил, что Верховному суду следует «проявлять меньшую активность, чем это было в период уорреновского суда» и «в большинстве случаев воздерживаться от вмешательства в решения других ветвей государственной власти»⁴⁷. Реализация этой позиции указывала на поворот Верховного суда от «либерального активизма» к «консервативной приверженности строгому толкованию Конституции»⁴⁸.

Разумеется, при всей консервативности своих убеждений большинство нового состава высшего органа судебной власти США во главе с У. Бергером понимало невозможность полного отхода от этатистской линии либерального уорреновского суда. Консерваторы не раз заявляли, что они не намерены отказываться от всех нововведений их либеральных предшественников и хотят лишь несколько замедлить дальнейшее движение в этом направлении. Тем не менее с начала 70-х гг. можно было наблюдать существенную переориентацию Верховного суда. По выражению одного из федеральных судей, на первый план в деятельности высшей судебной инстанции выдвинулась теперь «тенденция к интерпретации законов, а не курс на вторжение в сам законодательный процесс»⁴⁹.

Другим показателем изменения ориентации Верховного суда в 70-х гг. было то, что в своих решениях он стал гораздо реже использовать доктрину «преимущественных прав федерации», зачастую поддерживая действия местных властей даже тогда, когда они противоречили федеральному законодательству. Явный сдвиг вправо в политике Верховного суда встретил горячую поддержку со стороны ультраконсерваторов, приветствовавших «возрождение доктрины, которая в добрые старые времена была известна под названием доктрины прав штатов»⁵⁰.

Тенденция к ограничению применения концепции «преимущественных прав федерации» проявилась во многих конкретных решениях нового состава Верховного суда по вопросам социально-экономического регулирования. Так, консервативное большинство бергеровского суда нередко отказывалось принимать к рассмотрению иски к крупным промышленным фирмам на возмещение ущерба окружающей среде, заявляя, что вынесение решений по таким делам входит в компетенцию судебных органов штатов или соответствующих районных федеральных судов⁵¹. Аналогичная аргументация была использована консерваторами и при разборе дел, связанных с функционированием системы государственного вспомоществования. В ряде случаев Верховный суд признавал за властями штатов беспорное право уменьшать размеры пособий по системе *welfare* или даже отказывать в их выплате отдельным категориям получателей, если размеры ассигнований на эти цели окажутся недостаточными. Консервативное большинство бергеровского суда, продолжая и усиливая тенденцию, выявившуюся еще до ухода Э. Уоррена в отставку, категорически отвергло предложения отдельных судей-либералов об изменении правового статуса выплат по системе государственного вспомоществования, рассматривая их исключительно как форму благотворительности⁵².

Усиление консервативных тенденций в деятельности Верховного суда в 70-х гг. в еще большей степени сказалось в его решениях по вопросу о защите гражданских прав негров. Правда, и сам У. Бергер и его консервативные единомышленники не раз заявляли о необходимости дальнейших усилий по ликвидации всех форм расовой дискриминации. Однако конкретные действия бергеровского суда явно противоречили этим общим декларациям. Они сразу же продемонстрировали его отход от принципа «либерального активизма». Так, уже в 1971 году, когда возник вопрос о правомерности автобусных перевозок

школьников как средства достижения расового баланса в школах, прежде всего на Юге, Верховный суд признал правовую обоснованность таких перевозок только в том случае, если сегрегация школьного обучения является результатом официально одобренных местными властями правил, т. е. существует де-юре⁵³. В 1973—1974 гг. консервативное большинство бергеровского суда распространило этот принцип и на крупные города Севера, запретив там автобусные перевозки школьников, в особенности перевозки из городов в пригороды, если нет прямых доказательств официального поощрения местными властями сегрегированного школьного обучения⁵⁴. Новые постановления Верховного суда крайне затруднили борьбу за осуществление расовой интеграции в школах, особенно на Севере, где при формальном запрете сегрегированных школ их число фактически не только не сокращалось, но даже продолжало увеличиваться в силу растущей территориальной разобщенности негритянского и белого населения северных городов в условиях неуклонного распространения негритянских гетто и переселения значительной части белых в пригороды.

В конце 70-х гг. Верховный суд сделал еще одну крупную уступку противникам эффективных мер борьбы против расовой дискриминации. На сей раз была поставлена под сомнение правомёрность введения в качестве известной компенсации за дискриминационную практику предпочтительных квот для негров и других расово-этнических меньшинств при найме на работу и при поступлении в высшие учебные заведения. В решении по делу Бэки, принятом в июне 1978 года, Верховный суд признал юридически несостоятельной предпочтительную квоту для представителей расово-этнических меньшинств, введенную в Калифорнийском университете, расценив ее как проявление «дискриминации наизнанку», т. е. как дискриминацию по отношению к белым гражданам⁵⁵. Хотя Верховный суд и не запретил систему предпочтительных квот как таковую, его решение по делу Бэки было с восторгом встречено расистами, получившими определенную правовую основу для контрнаступления на гражданские права цветных американцев.

Таким образом, в 70-х гг. во многих направлениях деятельности Верховного суда обнаружился явный сдвиг вправо. Но все же даже консервативное большинство суда Бергера сознавало невозможность полного отказа от тех либеральных принципов, которые декларировались высшей судебной инстанцией США в течение предшеству-

ющих 10—15 лет. Суд Бергера не всегда занимал столь же негативную позицию по отношению к практике автобусных перевозок школьников, как это имело место в 1973—1974 гг. В июне 1979 года вразрез с решением по делу Бэкки он отверг иск белого химика-лаборанта Б. Вебера, ставивший под сомнение систему предпочтительных квот для цветных американцев на одном из промышленных предприятий Луизианы⁵⁶. Подобные отклонения суда Бергера от взятого им консервативного курса были результатом активной борьбы прогрессивных сил страны, требования которых Верховный суд в ряде случаев не мог игнорировать.

Непоследовательность высшего органа судебной власти вызывала крайнее недовольство ультраконсерваторов, считавших, что Верховному суду необходимо полностью отказаться от любых попыток интерпретации Конституции в духе либерального этатизма как совершенно несовместимых с целями «отцов-основателей»⁵⁷. Не случайно в ультраправых политических кругах на рубеже 70—80-х гг. широкое распространение получили проекты новых поправок к Конституции, предусматривавших решительное ограничение социально-экономических функций государства. С наибольшей последовательностью эти предложения были изложены в проекте известного экономиста, лидера школы монетаристов Милтона Фридмана. В 1980 году М. Фридман выдвинул идею дополнить Конституцию США специальным «экономическим биллем о правах», который стал бы своеобразным «эквивалентом поправки I к Конституции, устанавливающим прямые ограничения правительственных полномочий в экономической и социальной сферах»⁵⁸. С этой целью в «экономический билль о правах» предполагалось включить пункты о запрете любого законодательства, каким-либо образом ограничивающего свободу предпринимательской деятельности (в том числе и в сфере найма рабочей силы) или вводящего правительственный контроль над ценами и заработной платой, об отмене принципа прогрессивно-подходящего налогообложения, о ликвидации налога на доходы корпораций, а также об обязательном ограничении государственных расходов и неуклонном соблюдении сбалансированного бюджета⁵⁹.

Ультрареакционная, открыто промонополистическая направленность проекта Фридмана была вполне очевидной. Серьезных шансов на принятие он, разумеется, не имел. И тем не менее он явился лишь крайним выражением общей тенденции реакционных групп американской монополистической буржуазии к переходу в решительное

контрастование на все социально-экономические завоевания и политические права рабочего класса и других слоев трудящихся, к полному отказу от политики либеральных реформ и к ограничению государственного вмешательства в дела бизнеса. Откликаясь на эти требования, республиканская администрация Р. Рейгана пошла на существенное изменение акцентов и приоритетов в государственной политике в сторону усиления ее реакционного, промонопольного характера.

Деятели новой администрации оказывали постоянный нажим на Верховный суд, стремясь усилить консервативную направленность его политического курса. В 1982 году У. Смит, министр юстиции в правительстве Рейгана, решительно осудил любые проявления «либерального активизма» и правотворчества, которые, по его мнению, все еще сказывались время от времени в решениях бергеровского суда. «Пришло время, — заявил он, — чтобы все мы поняли, что Конституция предполагает судей, которые интерпретируют право, а не пророков в мантиях, которые приспособливают его по моде»⁶⁰.

Под влиянием общего поворота к консерватизму в политике правящих кругов США в первой половине 80-х гг. обозначился новый сдвиг вправо и в ориентации Верховного суда. В решениях, принятых в 1983—1984 гг., отчетливо проявилось стремление консервативного большинства суда Бергера предоставить крупному капиталу большую свободу действий, смягчить предписания антитрестовского законодательства и значительно ослабить установленные в 70-х гг. критерии оценки производственной деятельности крупных фирм, ведущей к загрязнению окружающей среды. Существенно усилилась и антипрофсоюзная направленность деятельности Верховного суда. В феврале 1984 года им было принято постановление, разрешающее фирмам, столкнувшимся с «финансовыми трудностями», закрывать принадлежащие им «неэффективные предприятия» и увольнять занятых там рабочих, не считаясь с наличием коллективного договора⁶¹. Наконец, в последние годы Верховный суд еще более ослабил свою активность в сфере защиты гражданских прав негров. Как отмечалось в печати в мае 1984 года, в дни 30-летия решения суда Уоррена о неконституционности сегрегированного школьного обучения, движение за ликвидацию расовой сегрегации в школах в 80-х гг. «не просто замедлилось, но практически приостановилось, а в ряде пунктов даже пошло вспять»⁶².

Консервативная ориентация Верховного суда прояви-

лась и в принятом им в июне 1983 года решении о неконституционности так называемого законодательного вето, т. е. практики запрета конгрессом нормативных актов президента, федеральных министерств и ведомств, получившей в последние десятилетия значительное распространение, что означало не только отмену положений большого числа законов, предусматривавших возможность применения законодательного вето, но и лишение конгресса одного из его важных полномочий по отношению к правительству и дальнейшее укрепление тенденции к усилению исполнительной власти.

Усиление консервативных тенденций в деятельности Верховного суда и его явные уступки реакционным кругам в первой половине 80-х гг. вызвали законную обеспокоенность либерально-демократических сил. Они обвиняют суд Бергера в том, что он перестал быть «средством лечения болезней, которыми страдает Америка»⁶³. Однако политический курс Верховного суда в 80-х гг. далеко не полностью удовлетворяет и правоконсервативные группы, которые считают, что в его решениях по-прежнему чувствуются остатки былого «либерального активизма».

Назначение в 1986 году У. Ренквиста на пост главы Верховного суда стало новым шагом к изменению баланса сил, оттеснению либеральных элементов. Уход в отставку летом 1987 г. 79-летнего Л. Пауэрлла-младшего, мнение которого в ряде случаев решало исход обсуждения не в пользу откровенных консерваторов, предоставило возможность Р. Рейгану обеспечить своим единомышленникам гарантированное большинство, «радикально изменить направление деятельности» Верховного суда, сделать его на долгие годы оплотом правоконсервативных сил⁶⁴.

Продолжающаяся в Соединенных Штатах острая полемика по вопросу о политическом курсе Верховного суда — составная часть борьбы вокруг характера и допустимых пределов государственно-монополистического регулирования экономики и социальных отношений. Сдвиг вправо, обозначившийся в 80-х гг., нельзя понимать как отказ от основных принципов государственного регулирования. Изменяются лишь его формы, усиливается его консервативная направленность. Что же касается общей линии на применение буржуазно-коллективистских, государственно-монополистических методов решения социально-экономических проблем и на их закрепление конституционно-правовой практикой, то в целом она остается господствующей тенденцией и в настоящее время.

**§ 1. Кампания за «права
человека» и ее смысл**

Президентство Р. Рейгана ознаменовалось широким наступлением на гражданские права — попытками подавить политическое инакомыслие, репрессиями против демократических организаций, сторонников мира, уступками консервативным силам и правому экстремизму в вопросах расового и женского равноправия и т. п. Размах наступления оказался столь внушительным, что Американский союз защиты гражданских свобод высказал опасение, что «под ударом находится сама конституционная система». Не следует, однако, думать, что речь идет о совершенно новом явлении. Рейгановская администрация лишь резко активизировала те тенденции, которые существовали и раньше.

Пожалуй, никогда еще со времен Американской революции проблема человеческих прав не обретала такой остроты и актуальности, как в 60—80-е гг., когда, с одной стороны, развитие американского общества в условиях НТР и общего кризиса капитализма чрезвычайно обострило положение личности, негарантированность ее благополучия и социальной безопасности, а, с другой стороны, массовое демократическое движение окрепло и консолидировалось настолько, что сумело добиться серьезных завоеваний в области гражданских прав, в частности ряда законодательных мер против расовой дискриминации. Однако если в революционный период буржуазные концепции личности исходили из естественно-правовой теории и прежде всего ею обосновывали требование равноправия и разумного общественного устройства (идеологическая функция «врожденных прав» в Декларации независимости), то в XX веке единое философское обоснование человеческих прав исчезло. Трактовку и понимание равноправия, гражданских свобод, равной ответственности и т. д. отличает широкий плюрализм позиций.

Правовая система и правовая практика — важные показатели положения личности в обществе, степени обеспеченности ее социально-экономических интересов. Идеальная борьба в США по вопросам прав человека показывает,

что абстрактные формулировки конституционных норм допускают разнотипные толкования, отражающие как прогрессивные социальные требования, так и антидемократические программы. Одновременно она свидетельствует о том, что демократические завоевания американского народа, закрепленные в нормах права, являются важным средством защиты интересов широких слоев населения. Именно поэтому активизация правых сил была связана с тенденциозным толкованием смысла конституционных гарантий прав человека и их прямым извращением. Вместе с тем социально-политическая практика последних лет наглядно выявила и серьезную социальную ограниченность Конституции США, что обусловило ее критику слева и требования большей демократизации. Все это объясняет, почему конституционные принципы и нормы стали в США предметом острой идеологической борьбы.

Идея прав человека играла важную политическую роль при последних американских президентах. Вынужденный под давлением демократического движения пойти на расширение гражданских прав, Л. Джонсон попытался извлечь для себя максимальную пропагандистскую выгоду, представляя программу «Великого общества» как продолжение традиции Билля о правах. В рассматриваемый период, и особенно в президентство Р. Никсона, стало очевидно, что конфронтация с социализмом с помощью старых идеологических и политических средств не дает ожидаемого эффекта, поэтому американский империализм сделал ставку на успех в экономическом соревновании. Буржуазная идеология стремилась доказать, что американский путь социального развития исторически не столь уж отличается по ряду параметров от советского (темпы промышленного развития, тенденции роста потребления и услуг), но является предпочтительным как лучший вариант и более высокая в данный момент «стадия роста» (по терминологии У. Ростоу, это стадия «массового потребления», переходящая в следующую стадию — «качества жизни»). Отсюда популярность идей «конвергенции» капитализма и социализма и «деидеологизации».

Однако ухудшение экономической ситуации в капиталистическом мире и успехи социализма в важнейших сферах хозяйства и культуры, вызвавшие вполне объяснимый интерес в развивающихся странах, ослабили позиции сторонников либерального курса и обусловили активизацию консервативных тенденций во внутренней и внешней политике США, ее откровенную реидеологизацию. При Дж.

Картере происходит заметный поворот от политики разрядки к конфронтации и усилению гонки вооружений. Предвыборные обещания, в немалой степени обеспечившие победу Картера (замораживание военного бюджета, курс на разрядку, переговоры об ограничении стратегических вооружений), были нарушены. Договор с СССР об ОСВ-2 (Вена, 1979 г.) не был представлен на ратификацию, началось наращивание военной мощи в различных регионах, наметилось резкое возрастание военного бюджета, блокировалась торговля с социалистическими странами, было принято решение бойкотировать Московскую олимпиаду. Этот политический курс была призвана подкрепить «психологическая война», в которой важнейшее место отводилось кампании за «права человека».

Речь идет не об ординарной спекуляции буржуазной идеологии на демократических принципах, — она никогда не прекращалась. Президентской директивой № 28 (1977 г.) кампания за «права человека» возводилась в ранг государственной политики, которая приняла воинствующий антикоммунистический характер. Фразеология новой кампании камуфлировала империалистическую политику, ориентированную прежде всего на вмешательство — под предлогом защиты прав человека — во внутренние дела других стран, представление социализма как антидемократической системы и угрозы «свободному миру», на дискредитацию коммунистических идеалов и ценностей. Чисто пропагандистская активность (масштабы и интенсивность которой резко возросли) сочеталась с прямой подрывной деятельностью спецслужб США и других членов НАТО, попытками инспирировать активность так называемого политического диссидентства в странах социализма, которое выдавалось чуть ли не за массовую оппозицию, и т. п.

Немаловажное значение придавалось кампании за «права человека» и в других странах Запада. В глазах мировой общественности Дж. Картер хотел реабилитировать США как лидера «свободного мира», цитадель демократических свобод и одновременно укрепить пошатнувшееся после Уотергейта доверие самих американцев к традиционным социальным ценностям. Однако попытка овладеть инициативой в идеологической борьбе не удалась, и в немалой степени по внутренним причинам. Углубляющийся экономический кризис, резкий рост числа безработных и американцев, живущих за «чертой бедности» (в 1980 году, последнем году президентства Картера, соответ-

ственно 7,4 и 29,3 млн. человек*), убедительнее всяких аргументов продемонстрировали несостоятельность социальной программы Картера. Усиление неоконсерватизма и правого экстремизма (к примеру, в 1979 году конституировалось движение «морального большинства», лидер которого Дж. Фолуэлл открыто выступил против политики разрядки, либерализма и гражданского равноправия внутри США) было следствием и показателем падения ее престижа и популярности. Сам Картер в своем выступлении 7 декабря 1978 г. в связи с 30-летием принятия ООН Всеобщей декларации прав человека был вынужден признать, что принципы Билля о правах в стране далеко не осуществлены. И не случайно рейгановская администрация предпочла перенести акцент с защиты «прав человека» на борьбу против «международного терроризма».

Формально новая кампания началась 28 января 1981 г. пресс-конференцией тогдашнего госсекретаря А. Хейга, который не просто квалифицировал как терроризм освободительную и революционную борьбу, но и обвинил СССР в ее поощрении: солидарность с освободительными движениями изображалась как чуть ли не прямая организация самой борьбы, Советскому Союзу и другим социалистическим странам приписывались все мыслимые и немыслимые грехи ультралевого и анархистского террора, а также провокационные акции, инспирированные самими западными спецслужбами (пример — дело С. Антонова в связи с покушением на Иоанна Павла II). Главная же идеологическая цель заключалась в дискредитации самих национально-освободительных и революционных движений, под-

*

Это по официальным данным, не соответствующим фактическому положению дел. Так, в первый показатель не вошли незарегистрированные безработные и те, кто был занят неполную неделю. «Таким образом, фактическая численность людей, не имеющих работу, в 1980 году в США достигла 14,7 млн. человек (13,3% экономически активного населения) и вдвое превышала величину, приводимую официальной статистикой» (Безработица — трагедия миллионов. М., 1983, с. 32). По официальным данным, к началу 1987 года в стране было 7,9 млн. безработных. При этом разные категории населения затронуты безработицей неодинаково: если у взрослых она охватывает 6% активного населения, то у молодежи — 17,3%; среди белых этот показатель равен 5,8%, среди испаноговорящих — 10,5%, среди негров — 13,7%. — Employment and Earning. 1987, v. 34, N 1, p. 7.

водимых под одиозную квалификацию «международного терроризма».

Было бы, однако, неверно думать, будто империалистическая пропаганда стала разыгрывать новую карту, совершенно отказавшись от «защиты прав человека». Спекуляции на терроризме и правах человека взаимно связаны и прочно входят в идеологический арсенал современной буржуазии. Еще до выступления Хейга стали возникать центры по исследованию «международного терроризма», в ноябре 1980 года в Страсбурге состоялась конференция западных специалистов по вопросам «борьбы с терроризмом» (аналогичная конференция прошла летом 1984 года в Вашингтоне), появились тенденциозные исследования буржуазных авторов. Осуждение «терроризма» сопровождалось клеветой на левые силы и демократическое движение в самом капиталистическом мире и было симптомом наступления на гражданские права. Рейган и не собирался сворачивать кампанию за «права человека». Это особенно наглядно проявилось в 1981 году: буржуазная пропаганда США подняла большой шум по поводу «попранных демократических прав и свобод» в Польше, в то время как американское правительство осуществляло политику экономического бойкота и шантажа, прямой помощи антисоциалистическим элементам в Польше (и одновременно принимало судебнополицейские меры против профсоюзного движения в США).

Сочетание разнотипных формул — не редкость в политическом лексиконе империализма. В фултонской речи Черчилля (март 1946 г.), ставшей символом поворота к политике «холодной войны», призыв бывшего британского премьера к мировой гегемонии США парадоксальным образом связан с надеждой на атомное оружие как средство защиты «великих принципов свободы и прав человека». Рейган использовал идею прав человека для идеологического прикрытия и оправдания глобальной агрессивной политики. Поскольку источником терроризма объявлялись национально-освободительные и революционные движения и социализм, представляющие «угрозу» свободе и правам человека, оправданными представлялись «вынужденные» меры по ее предотвращению. «Борьба с терроризмом» имеет четко выраженную антикоммунистическую направленность. Рейган откровенно выразил ее в речи «Проект демократии» в английском парламенте 8 июня 1982 г., провозгласив крестовый поход против коммунизма, направленный прежде всего против «империи зла» — Советского Союза.

Быстро реанимировав заглохнувшую было «защиту прав человека», администрация Рейгана стала увязывать ее с борьбой против «терроризма». Идеологический аспект последней — навязывание американским империализмом миру своих ценностей, своего понимания свободы, равенства, человеческих прав. А они, между прочим, самой буржуазной общественно-политической и правовой мыслью трактуются неоднозначно, и за теоретическими расхождениями скрывается борьба демократических и консервативных сил в американском обществе. Все это не может не сказаться на понимании природы и смысла основных прав человека, защита и утверждение которых вдохновляли борьбу патриотов за независимость два столетия назад и важнейшие из которых закреплены в американской Конституции.

Понятие «права человека» многозначно. Его содержание определяется в идеологическом контексте, чем объясняется обилие несовпадающих и конфликтующих точек зрения оппонентов, выступающих от имени и во имя человеческих прав. Буржуазная мысль исходит из наличия или принципиальной возможности всеобщих человеческих прав и их вневременного основания. Это порождает проблему соотношения должного и наличного правовых порядков, воспринимающуюся обычно как проблема соотношения человеческих и конституционных прав.

Многие современные буржуазные мыслители ищут основание права в морали. Так, философ права из Чикагского университета А. Джевирт вводит понятие морального права как свойственной всем людям формы исходного правового сознания, из которой выводятся остальные (производные) формы. По его мнению, права означают санкционированную моралью «законность» притязаний на необходимые условия человеческой деятельности: «Основанием прав служит моральный принцип, согласно которому все люди в равной мере могут претендовать на эти необходимые условия»¹. Право нормативно в силу своей универсальности, в основе которой — моральность человека. Даже когда буржуазные философы в качестве исходных берут «естественные» права, речь обычно идет не о возрождении доктрин XVIII века, а о попытке утвердить внеисторические основы общества, универсальность которых определяется их независимостью от преходящих факторов*.

* Ср.: «Естественные права не возникают из какой-либо конкретной организации общества или роли,

Понятие человеческих прав чаще всего связывается с такими первичными, или «фундаментальными», правами, которые служат критерием оценки конституционных норм и их интерпретаций. Буржуазное сознание, апеллирующее к правам человека вообще, не замечает, что их универсальные основания (принципы морали или «естественные» права) сами представляют собой исторический продукт, что право действительно, лишь когда оно признается политическим организмом, т. е. принимает форму государственного закона. «Право отдельного гражданина есть бессмыслица, когда не признано право государства», — пишет К. Маркс². И поскольку права человека возможны лишь в государстве, их выделение и отличие от прав гражданских свидетельствует об антагонистическом характере общества и отчужденном существовании человека, который противостоит другим людям и собственной общественной сущности. По словам К. Маркса, «так называемые *права человека*, *droits de l'homme*, в отличие от *droits du citoyen*, суть не что иное, как права *члена гражданского общества*, т. е. эгоистического человека, отделенного от человеческой сущности и общности»³.

Положение К. Маркса имеет важное методологическое значение для анализа буржуазной философии права. Так называемая обращенная форма сознания воспринимает права гражданина как осуществление прав человека, при этом оценка степени осуществленности и самих человеческих прав обусловлена общественно-политической позицией мыслителя. Таким образом, «права человека» — это абстрактное понятие, содержание которого определяется социальными интересами. Для буржуазии — это право частной собственности, гарантия прибыли на капитал, свобода мысли и слова в заданных рамках охранительной идеологии. Для мелкой буржуазии — право на результаты своего труда, на предпринимательский успех, обеспеченность «справедливых» условий хозяйничания (дешевый кредит, ограничение рыночной монополии) и т. п. Империалистическая буржуазия отстаивает права человека лишь в той мере, в какой они предполагают правопорядок и общественный уклад, обеспечивающие ее классовое господство.

которую их носитель может играть в рамках общественных институтов. Поскольку такими правами обладают не в силу социального положения, их обязан соблюдать каждый». — *Bowie S. E., Simon R. L. The Individual and the Political Order. Englewood Cliffs (N. J.), 1977, p. 61.*

Идеологи революционной буржуазии считали, что требование юридического равноправия выражает требование «естественного закона». Исторический опыт показал, что в принцип равенства перед законом буржуазия вкладывала свое, классово-ограниченное понимание. Широкие слои населения связывали с равноправием надежды на улучшение материального положения и возможность всеобщего благоденствия. И поскольку осуществление реального гражданского равноправия благоприятствует борьбе за социально-экономические интересы трудящихся, прогрессивные американские мыслители и общественные деятели постоянно обращались к традиционной идее прав человека, их демократическому пониманию. Обращение к наследию облегчается тем, что абстрактная формулировка важнейших принципов Декларации независимости и Конституции США позволяет трактовать их как универсальные нормы человеческого права. В таком случае исчезает различие между человеческими и гражданскими правами и акцент переносится на неполноту осуществления «подлинных» прав для тех или иных групп населения.

Такое понимание, отвечающее прежде всего массово-пропагандистским целям, было присуще М. Л. Кингу. Он считал, что американским неграм приходится слишком долго ждать «данных нам богом и Конституцией прав»⁴, которые, по смыслу и букве закона, должны принадлежать всем: «Когда основатели нашего государства начертали величественные слова Конституции и Декларации независимости, они выдали народу своеобразный чек, на который имел право каждый американец. Это было обязательство, гарантирующее людям неотъемлемые права на жизнь, свободу и стремление к счастью»⁵. Однако США нарушают свои обязательства, особенно в отношении негров.

М. Л. Кинг, таким образом, полагал, что требование гражданского равноправия конституционно по определению, «не замечая», что Конституция и Билль о правах узаконили рабство и, следовательно, права, «данные конституцией», не тождественны правам, «данным богом», т. е. общечеловеческим. Не случайно, говоря о Конституции, он приводит формулу прав человека из Декларации, которая в конституционных актах не повторена (хотя ни один буржуазный правовед не рискнул назвать ее неконституционной). Фактическое различие прав человека и гражданских прав сохраняется. Будучи поборником демократизации законодательства, М. Л. Кинг обосновывал правомерность гражданского неповиновения как способа борьбы против

несправедливых законов, противоречащих широко понимаемым всеобщим правам человека, которые он и квалифицировал как права, «данные богом и Конституцией». По его мнению, «гражданское неповиновение есть — в качестве формы протеста — публичное ненасильственное нарушение закона»⁶. Любопытно, что автор известной концепции «распределительной справедливости» Дж. Ролс, напротив, считает, что гражданское неповиновение осуществляется в рамках лояльности закону*. Две далеко не тождественные (буржуазно-демократическая и буржуазно-либеральная) позиции исходят из моральной оправданности гражданского неповиновения как действия, соответствующего основным правам человека, с тем существенным различием, что, по Ролсу, они достаточно защищены законодательством (беда лишь в том, что оно не соблюдается), по Кингу же, законодательство не соответствует этим правам и духу Конституции, и необходима борьба за более совершенный билль о правах.

Таким образом, даже будучи недостаточно определенным, понятие человеческих прав имеет в политической жизни США большое значение, прежде всего как первооснова легальной нормы**, и играет важную идеологическую роль в борьбе за гражданские права. Нельзя не заметить, что последний термин также нечеток. Буржуазное правоведение относит его, главным образом, к политическим правам и нормам гражданских правоотношений, закрепленным в конституции и равнозначных ей актах, вследствие чего понятия гражданских прав и конституционных прав часто употребляются как тождественные. Существует также специфически американский смысл понятия граж-

* Согласно Ролсу, реальное и неизбежное в современном демократическом (т. е. буржуазном) обществе социально-экономическое неравенство должно частично сглаживаться некоторым перераспределением благ и привилегий, осуществляемым через соответствующие программы и либеральное законодательство. См.: *Rawls J. Theory of Justice. Cambridge (Mass.), 1971, p. 367.*

** Некоторые считают, что, если нет легального обеспечения, нет и права... — пишет исследовательница проблем женского равноправия К. Ш. Томас. — Я с этим не согласна. Право без обеспечения есть просто необеспеченное право... История права учит, что признание идеи определенного права предшествует реальному изменению, которое превращает право в действительность». — *Thomas C. Sh. Sex Discrimination. St. Paul (Minn.), 1982, p. XX—XXI.*

данских прав — это идеальные нормы, воплощающие или символизирующие требования последовательного осуществления равноправия. Поэтому выражение «борьба за гражданские права» может означать как деятельность в пользу полной реализации прокламированных Конституцией и законодательством прав (например, в начале 60-х гг. необычайную остроту приобрела кампания американских негров за право голоса, формально предоставленное им в 1870 году поправкой XV к Конституции), так и борьбу за конституционное воплощение того или иного демократического требования в отношении человеческих прав (свежий пример — закончившаяся неудачей кампания за ратификацию поправки XXVII о женском равноправии).

Таким образом, нужно учитывать нечеткость понятий прав человека и гражданских прав и исходить из того, что определенность им придают прежде всего идейные установки интерпретаторов. Большой смысл имеет разделение прав на фундаментальные и производные, или коррективные. Первые исходны, по формуле Декларации, они являются прирожденными, а по первоначальной редакции Т. Джефферсона — неотчуждаемыми. Они, так сказать, абсолютны. Вторые базируются на них, получают конституционное воплощение, возможно, не вполне адекватное, и являются предметом уточнения, корректировки.

Дихотомия человеческих прав может выражаться в разных терминах, но неизменно указывает на производность конституционных прав от фундаментальных, из которых исходил манифест американской независимости. Как уже было отмечено, Декларация и Конституция — не тождественные по содержанию и назначению документы. Однако американская демократическая традиция всегда подчеркивала их органическую связь и преемственность и зачастую представляла Декларацию (правда, без достаточных оснований) источником Конституции. А. Линкольн считал, что смысл Декларации не просто в отделении колоний от Англии (т. е. в освобождении нации), но и в утверждении свободы человека. Он говорил о подписавших Декларацию деятелях: «Они предполагали просто провозгласить право, с тем чтобы оно могло быть осуществлено, как только позволят обстоятельства»⁷.

Конституционная история, однако, показала, что осуществление демократических прав шло главным образом в направлении утверждения формального равенства перед законом, «равных возможностей», «равной защиты закона». Да и юридическое равноправие утверждается медлен-

но, о чем свидетельствует ущемление политических прав негров, социально-экономических прав несовершеннолетних работников и женщин.

§ 2. Парадоксы «равных возможностей»

Ряд американских исследователей полагают, что в конституционных нормах, как они понимаются официальными кругами и тракуются Верховным судом, идея реального равенства, заложенная в Декларации, предана забвению. «Идеал равенства не был восстановлен в той роли, которую он играл в Декларации независимости, — пишет политолог Ч. Редениус. — До принятия Конституции понятие «равенство» включало в себя жизненно важные аспекты политического, экономического и социального равенства»⁸. Уже с момента принятия Конституции и особенно в первой половине прошлого столетия равенство рассматривалось как свобода личной инициативы в условиях юридического равноправия. «Следствием этого изменения было сведение равенства к тем рамкам, которые были определены Гамильтоном и Мэдисоном. Если люди равны и свободны в своих возможностях, то при любом «справедливом правительстве» между ними будут существовать различия. Неравное распределение собственности как раз является выражением этих различий»⁹.

Идеализация Редениусом эгалитаристских моментов Декларации имеет под собой определенную почву. Представители демократического крыла Просвещения увидели обусловленность социального неравенства неравномерным распределением собственности и пытались связать осуществление права каждого на счастье и надежды на моральное оздоровление нации со всеобщим гарантированным землевладением и ограничением крупной собственности (идеал джефферсоновской «фермерской демократии»). Эта опасная для буржуазии мысль была вытеснена идеей «равных возможностей», которая под влиянием демократического давления получила некоторую конкретизацию. Особое значение буржуазные правоведы придают принципу надлежащей правовой процедуры, который был введен поправкой V (вступила в силу в составе Билля о правах в 1791 г.) и подтвержден поправкой XIV (1868 г.), внесшей в число конституционных норм также право на равную защиту закона. Практика показала, что этих уста-

новлений оказалось недостаточно для обеспечения реального равноправия, поскольку ими не были предусмотрены эффективные гарантии и механизм защиты прав.

Так, процедурные нарушения в ряде судебных дел, связанных с особо серьезными обвинениями, заставили Верховный суд указать на недопустимость вынесения приговора без участия в деле адвоката подсудимого (*Powell v. Alabama*, 1932)¹⁰. Но, хотя следствием этого решения стала возможность получения подсудимыми бесплатной адвокатской помощи, в условиях буржуазного правосудия успех тяжбы в значительной мере определяется услугами дорогостоящего квалифицированного адвоката, по-прежнему недоступного малоимущим.

Действовавшие в период маккартизма комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, сенатский подкомитет по вопросам внутренней безопасности и ряд аналогичных органов привлекали к ответственности лиц, отказывавшихся давать информацию об участии в работе «подрывных организаций». Согласно закону Маккарэна (вступил в силу в 1950 г.), сама принадлежность к ним и пропаганда соответствующих идей уже являлись преступлением, так что участники демократических движений открыто принуждались — в нарушение Билля о правах — свидетельствовать против себя*. Такого рода нарушения фиксированных в законе прав человека — частое явление в американской истории¹¹.

Традиционно американские политики и юристы видели главное назначение Конституции в предупреждении чрезмерного усиления федеральной власти, в частности в ограждении от ее вмешательства области человеческих свобод. Идея ограничения юрисдикции центрального правительства противоречива и, подобно многим другим стереотипам правового сознания, не допускает однозначной оценки. В период конфронтации федералистов и джефферсонианцев возражения против концентрации государственной власти были в значительной мере обусловлены стремлением сохранить завоеванные и закрепленные в конституциях штатов демократические свободы. Однако принципы децентрализации и локальной автономии использовались и плантаторами Юга для сохранения рабства, а в конце XIX и в XX веке — расистами с целью не допустить

*

«...Никто не должен принуждаться в уголовном деле быть свидетелем против самого себя...» (поправка V).

предоставления неграм гражданских прав, предусмотренных поправками XIV и XV. Главная же причина живучести понимания свободы как того образа жизни и деятельности, который не вправе регламентировать правительство, заключалась в стремлении защитить капиталистическое предпринимательство от каких-либо ограничений, прежде всего связанных с правовой защитой социально-экономических интересов трудящихся. Буржуазные идеологи использовали для этого социал-дарвинистские аргументы, доказывая, что законодательное ограничение продолжительности рабочего дня, фиксация минимума зарплаты, введение социального страхования и социального обеспечения и т. п. представляют собой вмешательство в процесс «естественной» конкуренции и опасны для социального целого. Позже социал-дарвинистская аргументация была усилена и модифицирована прагматизмом, социальным бихевиоризмом и другими биологизаторскими теориями общества.

Ряд дискриминационных решений Верховного суда по вопросам гражданских прав явился следствием идеологического давления, хотя формально обоснование носило юридический характер. Так, постановление по делу *Plessy v. Ferguson* (1896 г.) узаконило принцип «раздельного, но равного» образования, официально санкционировав сегрегацию в системе государственной школы, неконституционность которой была определена лишь в 1954 году (*Brown v. Board of Education*). Решением по делу *Schechter Poultry Corp. v. United States* (1935 г.) были признаны недействительными федеральные кодексы по регулированию заработной платы и продолжительности рабочего дня.

Увязка свободы с ограждением сферы частной деятельности от вмешательства властей была в 60-е гг. использована леворадикальными идеологами бунтарского толка, взявшими на вооружение экзистенциалистские и психоаналитические учения о репрессивности всякой социальной регламентации и дисциплины. В наши дни неоконсервативная идеология вновь оживила такое понимание свободы, однако на сей раз оно используется для того, чтобы обеспечить свободу действий крупных монополий и корпораций в условиях проводимой рейгановской администрацией линии на ограничение и подавление прав человека.

Существование различных трактовок конституционных норм профессор философии Колорадского университета

Д. Хокинс объясняет тем, что исторически принцип равенства получил слишком абстрактную формулировку, которая сама по себе не исключала некоторых видов неравенства. «Отцы-основатели сформулировали принцип равенства как аксиому... как самоочевидную истину. Они рассматривали его как предпосылку разумной политической жизни и конституционного права. Однако принцип нашего конституционного равенства не был определен. Он явно не исключал экономического и других форм неравенства»¹². Хокинс, как и многие другие буржуазные мыслители, осознает различие между формальным и фактическим равенством. Однако свои надежды на преодоление реального неравенства он возлагает на возможность каждого гражданина развить свои индивидуальные способности посредством образования. Надежды иллюзорны. В них проявляется ограниченность неисторического подхода буржуазной социальной философии к юридическому равноправию, непонимание его главной функции — защиты и обеспечения определенного типа социального неравенства.

Права человека превращаются в значимую социальную ценность лишь в условиях их всеобщности. Они становятся гражданскими правами в достаточно зрелом капиталистическом обществе, когда равноправие, провозглашавшееся в качестве лозунга и требования, закрепляется конституционно. Универсализация правовых норм, какими бы абстрактными и ограниченными они ни были, — несомненный прогресс в сравнении с феодально-колониальным неравенством. США были в этом смысле пионерами правового равенства. Не случайно К. Маркс считал, что именно североамериканцы и французы *открыли* права человека, что в Америке была провозглашена первая декларация прав человека¹³. Это были буржуазные права, которым законодательство придавало конкретное социальное содержание. Для господствующего класса США это прежде всего право частной собственности и гарантия свободного предпринимательства, и поэтому даже прокламируемая свобода высказываний не должна была затрагивать эти первоосновы общества. Рабочая сила через систему «свободных контрактов» становится чужой собственностью, соответственно отчуждается продукт труда, и оба процесса прекрасно укладываются в рамки установленного правопорядка. «На одной стороне право собственности превращается в право присвоения чужого труда, — пишет К. Маркс, — а на другой стороне — в обязанность отно-

ситься к продукту своего собственного труда и к самому собственному труду как к стоимостям, принадлежащим другим»¹⁴. Юридическое равноправие, таким образом, является условием производства и воспроизводства капиталистической эксплуатации, т. е. экономического и вообще социального неравенства.

Идея конституционной защиты индивидуальной свободы обретает, таким образом, четко выраженный классово-социальный смысл, чем объясняется ее активная популяризация. При этом нередко вся функция Конституции в части человеческих прав сводится к ограждению свобод граждан лишь от вмешательства правительства. Профессор школы права Техасского университета Дж. С. Уильямс рассматривает эту функцию Конституции как одну из главных. По его мнению, она определена разделом 9 статьи I, поправками I—X (Билль о правах), XIII (1865 г.) XIV, XV, XIX (1919 г.), XXIV (1964 г.) и XXVI (1971 г.).

Перечень Уильямса можно несколько дополнить, но суть дела не столько в полноте, сколько в общем смысле норм: «Конституционная свобода индивида в нашей системе правления почти всегда... связана с индивидуальной свободой, противостоящей власти правительства. Она заключается в защите индивида от чрезмерного вмешательства со стороны правительства»¹⁵. Так понимаемая свобода не подразумевает конституционной защиты индивида от другого индивида. Уильямс приводит пример: если кто-то обокрал другого, здесь нет нарушения Конституции и, соответственно, нет конституционной защиты (хотя есть нарушение конкретных законов, и, следовательно, предполагается защита правительственных органов).

Пример многозначителен. В такой трактовке Конституция, по существу, не регулирует ряд важных сторон социальных взаимоотношений. А ведь дело может касаться не мелких правонарушений, а общественно значимых явлений. Скажем, многие аспекты отношений труда и капитала (интенсивность труда, рабочее время и время отдыха и пр.) не квалифицируемы в терминах конституционных норм, — они суть предмет «свободного соглашения» предпринимателя и трудящихся (кстати, далеко не всегда объединенных в профсоюз). Напротив, попытки правительства вмешаться в вопросы такого рода квалифицируемы как неправомерные. Американские буржуазные авторы любят обращать внимание на то, что конституционные формулировки прав человека носят не утвердительный, а запретительный характер: «Действие привилегии приказа *habeas*

corpus не должно приоснавливаться...» (статья I, разд. 9); «Конгресс не должен издавать ни одного закона... ограничивающего свободу слова или печати...» (поправка I); «...Право народа хранить и носить оружие не должно нарушаться» (поправка II); «Не должны требоваться чрезмерные залоги или налагаться чрезмерные штрафы, либо назначаться жестокие и необычные наказания» (поправка VIII) и т. д. Эта традиция сохраняется, о чем свидетельствует основная формулировка недавно отклоненной поправки XXVII: «Равенство в правах перед законом по признаку пола не может нарушаться или ограничиваться Соединенными Штатами или отдельными штатами»¹⁶. Данная редакционная особенность Конституции США объясняется тем, что права и свободы человека определяются через строго специфицированное ограничение правительственной власти.

Существенная ограниченность американской Конституции состоит в том, что она не определяет каких-либо позитивных обязанностей правительства и государства в отношении граждан, вследствие чего их права понимаются узко. Дж. Ролс пишет: «Грубо говоря, основные гражданские права включают политические свободы (право голоса и право занимать государственные должности) и свободу слова и собраний; свободу совести и свободу мысли; свободу и вместе с тем право индивида обладать собственностью; и свободу от ареста и заключения по произволу»¹⁷. В перечень не входят социальные права: на труд, отдых, образование, жилище, охрану здоровья и другие. Иными словами, оставаясь в рамках конституционной законности, буржуазное государство, по существу, не несет ответственности за наличие безработицы, неграмотных, голодающих, за отсутствие доступной медицинской помощи и т. п. Правда, в принятом конгрессом в 1946 году Законе о занятости ставится задача снизить безработицу до уровня не выше 4 % самодеятельного населения, в Законе о полной занятости и сбалансированном экономическом росте (1978 г.) формулируется аналогичная цель и даже говорится о «праве на труд». Однако контрольный уровень безработицы не был обеспечен, ответственность правительства не определена, а «право на труд», естественно, не могло обрести характера гарантированной правовой нормы. Схожая картина наблюдается и в других областях социального законодательства США.

Контраст с социалистическим правопорядком разителен. Конституцией СССР предусмотрены право граждан

на труд, подкрепленное гарантированной работой с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством и правом на выбор профессии, рода занятий в соответствии со способностями и подготовкой (ст. 40), право на отдых (ст. 41), охрану здоровья (ст. 42), материальное обеспечение (ст. 43), жилище (ст. 44), образование (ст. 45), пользование достижениями культуры (ст. 46), не говоря уже о таких правах и свободах, как государственная защита семьи, охрана материнства и детства, свобода совести (не тождественная свободе религии, предусмотренной поправкой I Конституции США) и т. д.

Социализм, каким бы исторически непродолжительным и сложным ни был его опыт, существенно обогатил понятие демократии, которая выступает одновременно и как гарантия прав человека и как форма их реализации: «Подлинная демократия служит каждому человеку, защищая его политические и социальные права...»; «демократия... это форма реализации... широких политических и гражданских прав...»¹⁸. Намеченные XXVII съездом КПСС и январским (1987 г.) Пленумом ЦК КПСС меры по устранению недостатков в функционировании института социалистической демократии и полной реализации демократического потенциала советского общества являются важнейшим компонентом осуществляемой в СССР перестройки. Характерной особенностью социалистического права является включение в традиционную конституционную номенклатуру позитивных социальных прав и привилегий.

Практика реального социализма оказала стимулирующее влияние на более широкое понимание человеческих прав, что нашло отражение в принятой Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека (1948 г), в которой удовлетворительный уровень жизни, доступность образования и медицинского обслуживания включены в перечень основных прав человека. Эти положения были развиты и конкретизированы в целом ряде международных пактов о правах человека¹⁹. Участники организованного ООН в 1981 году семинара по вопросам человеческих прав, мира и развития пришли к выводу, что права, сформулированные во Всеобщей декларации, должны быть дополнены правом на полное и гармоничное развитие личности. Семинар констатировал: «Право на развитие требует участия людей в принятии решений, затрагивающих их жизнь, и в политике и стратегии по осуществлению развития; право на развитие есть право на необхо-

димый уровень удовлетворения человеческих потребностей»²⁰.

Буржуазные трактовки прав человека этого, как правило, не предполагают. Демократические движения трудящихся, напротив, все острее ставят вопрос о гарантированных социально-экономических правах. Американские футурологи предсказывают усиление этой тенденции: «В будущем, несомненно, будут развиваться движения за установление права на работу, права на минимальный доход и право на гарантию чувства человеческого достоинства»²¹. Отношение не только консерваторов, но и многих либералов к такой перспективе в большинстве случаев негативное. И дело не в инерции правовой мысли, слишком тяготеющей к традиции, а в установке на сохранение общественного порядка, основу которого составляет фактическое неравенство. Профессор философии Алабамского университета А. Дженкинс в работе «Социальный порядок и границы права» обосновывает мысль о том, что требуемые социальные права, строго говоря, суть не права, а блага, поэтому они не могут предусматриваться конституцией. Права должны обеспечивать равные возможности обретения благ, а уж преуспеют или не преуспеют в этом отдельные лица, зависит от личных способностей и везения. Правовед К. Л. Карст обосновывает мысль о том, что предоставление всем прав на общественные блага будет нарушением принципа равенства, поскольку в таком случае их получателем будет и та часть населения, которая сама эти блага не смогла заслужить²².

Эта распространенная среди американских обществоведов точка зрения связана с убеждением в правомерности принципа: «В легальной системе, основанной на правах человека, не делается упор на экономическое равенство, хотя и подчеркивается существенное значение равенства прав»²³. Надежды либералов на то, что федеральные программы в области образования и профессиональной подготовки, вспомоществование беднякам, широкая система пособий по безработице и т. п. снимут остроту социальных проблем, не оправдались по той причине, что принимавшиеся меры носили компенсаторский характер и вовсе не предполагали элиминации реального неравенства. Кстати, в последний год своего президентства Дж. Картер предложил в качестве меры борьбы с инфляцией сократить на 13—14 млрд. долларов расходы на социальные нужды. Эту идею — с большим размахом — реализовал Р. Рейган. Консерваторы делают акцент на то, что Конституция

должна обеспечивать равенство возможностей, а не равенство результатов, т. е. получаемых благ.

Сама формула равенства возможностей крайне демагогична. Ведь она предполагает не относительно равные шансы на жизненный успех, а лишь «равную» свободу действия, которая на руку тем, кто обладает средствами и властью. В редких случаях, когда представителю социальных низов удастся несколько подняться по лестнице общественной иерархии, успех оплачивается неудачей многих жертв жестокого соперничества. Как пишет известный американский социолог М. Паренти, «равные возможности» означают равенство возможностей продвигаться вперед посредством конкуренции и становиться неравным по отношению к другим»²⁴. Реальные равные возможности осуществимы только посредством социального равенства, т. е. уничтожения классового антагонизма, эксплуатации и в последующем самих классовых различий, и марксизм не сводит равенство к формальному равноправию. «Под равенством, — писал В. И. Ленин, — социал-демократы в области политической разумеют *равноправие*, а в области экономической... *уничтожение классов*...»²⁵.

§ 3. Объект критики — равноправие

Реальное неравенство в США не нуждается в особой демонстрации. Наличие армии безработных, бездомных, живущих за чертой бедности, лишенных пенсионного обеспечения и т. д. фиксируется и официальной статистикой и средствами массовой информации. Поскольку социально-экономические права не гарантируются законодательно, с точки зрения властей во всем этом нет формального нарушения Конституции. Однако налицо фактическое нарушение ряда норм и демократического духа Конституции: необеспеченность социальных прав, с одной стороны, неизбежно ведет к несоблюдению принципов равной защиты и равных возможностей, а с другой — поощряет прямую ревизию принципа равноправия. В сегодняшних США обе тенденции проявляются достаточно наглядно.

Представители либеральной мысли нередко говорят, что важным условием нивелировки социального положения и возможностей является доступность общего образования, культуры, профессий. Это отнюдь не программная

установка либералов, а скорее вынужденное признание тех, кто не желает прослыть ретроградом, но в то же время не жаждет радикальной демократизации образования. Реальный прогресс в демократизации школы всегда был прежде всего результатом борьбы трудящихся и передовой интеллигенции. Разумеется, надежда на просвещение как решающее средство решения социальных проблем иллюзорна. Тем не менее даже относительная доступность образования и культуры в условиях капитализма — важное обстоятельство, облегчающее защиту трудящимися своих интересов.

Сегодняшняя американская администрация проводит в области просвещения четко выраженную классовую политику. Первый срок президентства Р. Рейгана ознаменовался резким сокращением расходов на социально-культурные нужды, приведшим к ухудшению образовательных возможностей непривилегированных слоев. Так, на одну треть было сокращено финансирование программ двуязычного обучения, урезаются ассигнования на образование детей, у которых английский язык — не родной (главным образом, это чиканос и пуэрториканцы). Обнаружился чрезвычайно низкий уровень грамотности значительной части населения. Дж. Коузол, автор хорошо документированной и вызвавшей широкий общественный резонанс книги «Неграмотная Америка», сообщает, что в стране 25 миллионов взрослых практически не умеют читать и писать (к примеру, не в состоянии воспринять предупреждение о ядовитости на баллоне с пестицидами, не могут расписаться). Особенно высок уровень так называемой функциональной неграмотности*, исключающей возможность эффективного участия в социально-экономической жизни еще 35 миллионов американцев. Для расово-этнических меньшинств показатели особенно удручающи: если среди белых функционально неграмотны 16%, то среди испаноязычных граждан — 56%, а среди негров — 44%²⁶. Таким

*

Функциональная неграмотность — характерное явление эпохи НТР. Обычно ее связывают с неспособностью человека разобратся даже в простых технологических инструкциях, но часто это и непонимание врачебного предписания или объявления о найме на работу. По сути дела, речь идет о низком уровне общей культуры и грамотности, который не позволяет усваивать и использовать необходимую для нормальной жизнедеятельности человека информацию.

образом, «равные возможности» не имеют в США реального культурно-образовательного обеспечения.

Другой разительный пример неравноправия — гражданский статус американской женщины. Ее права Конституцией США обойдены вообще. Даже Гражданская война, приведшая к серьезному прогрессу в области гражданских прав (поправки XIII—XV), по существу, ничего не изменила в правовом положении женщин. Более того, впервые в истории американской Конституции в поправке XIV было официально записано, что представительство штатов в конгрессе соответствует числу избирателей-мужчин. А ведь в первом разделе поправки дается дефиниция гражданина США, из которой следует, что выражение «все лица» распространяется и на женщин, следовательно, они являются субъектом всех гражданских прав и объектом «равной» конституционной защиты. Поправка XV запретила лишать избирательных прав и ограничивать их по признаку расы, цвета кожи либо в связи с прежним нахождением в подневольном услужении, но не отменила дискриминации по признаку пола.

Понадобились десятилетия упорной борьбы суфражисток и всех демократических сил, прежде чем конгресс принял в июне 1919 года решение о предоставлении женщинам права голоса (поправка XIX, вступившая в силу 26 августа 1920 г.). Однако до реального равноправия еще далеко. Консерватизм в данном вопросе принимает форму вполне конкретной и ощутимой дискриминации, опирающейся на инерцию социального мышления. Мотивируя решение Верховного суда 1873 года по делу *Bradwell v. Illinois* (истца тщетно пыталась использовать поправку XIV, доказывая свое право на адвокатскую деятельность), судья Дж. Бредли выдвинул самый ходовой и беспроблемный аргумент: «Присущие женскому полу от природы робость и нежность явно противопоставлены многим гражданским профессиям. Высшее назначение и миссия женщины состоит в том, чтобы выполнять благородную и благотворную роль жены и матери. Таков закон творца»²⁷. В явной или неявной форме, чаще со ссылкой не на всевышнего, а на природно-биологические факторы, этот довод широко используется и в XX веке.

Дискриминация женщин в США проявляется во всех общественных сферах. В законодательных собраниях штатов они занимают лишь 12 % мест, в Конгрессе США 100-го созыва — 4,1 %. Чрезвычайно мала доля женщин в ведущих профессиональных группах — среди инженеров, вра-

чей, ученых (от 2 до 9,5%), хотя в середине 80-х гг. они составляли уже 44% всей рабочей силы. Кстати, прилив женщин на рынок труда в значительной мере объясняется тем, что в условиях инфляции и роста цен традиционный глава семьи — мужчина часто не может прокормить даже малочисленную семью. Следствием роста удельного веса женской рабочей силы является активизация женского движения, его более тесная связь с массовыми организациями в борьбе за социально-экономические права американок, которые заметно ущемлены: работницы в США, как правило, лишены права на оплачиваемый отпуск и сохранение стажа и рабочего места в связи с беременностью и родами. В среднем по стране их заработная плата в 1985 году составила 64% от зарплаты мужчин (в 1975 году — 59%)²⁸.

Масштабы и острота такой дискриминации оживили в 60-х — начале 70-х гг. борьбу за женское равноправие. Внесенная еще в 1923 году поправка к Конституции о равных правах женщин обрела новую жизнь и в 1972 году была принята обеими палатами конгресса. Однако к марту 1979 года, когда истек срок ратификации, ее одобрили легислатуры лишь 35 штатов (при требуемых по Конституции 38), и конгресс продлил срок ратификации. В условиях активизации консервативных сил поправка XXVII стала объектом самых яростных нападок. Против нее выступили не только деятели типа Дж. Фолуэлла (заявившего, что женское равноправие противоречит установлениям бога), но и Р. Рейган (будучи кандидатом в президенты, он критиковал падение нравов как «издержку» эмансипации и восхвалял патриархальные американские ценности). 30 июня 1982 г. поправка была отклонена. Данная история — не только очередное доказательство декларативности принципов равных прав и равных возможностей в США. Она достаточно наглядно свидетельствует о том, что позиция законодателей разных уровней определяется в значительной мере факторами политического и лоббистского давления, а не настроением и точкой зрения рядовых американцев, большинство которых, как показали последующие социологические опросы, настроены в пользу предложенной поправки о равных правах*.

* «Наши опросы показывают, — пишет руководитель известного центра по изучению общественного мнения Дж. Гэллуп младший, — что если бы это предложение было представлено на общенародное рассмотрение, оно было бы принято». — *Gallup G., Jr, Proctor W. Forecast 2000. N. Y., 1984, p. 141.*

Говоря о причинах яростного сопротивления консервативных сил осуществлению женского равноправия, исследователи указывают прежде всего на то, что дискриминация женщин в оплате труда приносит предпринимателям миллиардные прибыли. Это, безусловно, верная, но не единственная и, пожалуй, не самая глубинная причина. Социальное неравенство лежит в самой основе буржуазного строя, оно имеет различные проявления (дискриминация по признаку расы, этнической принадлежности, пола) и ими же психологически подкрепляется. Таким образом, борьба за конституционные права женщин — это и борьба за их эмансипацию в быту, во всех областях хозяйства, культуры и общественно-политической жизни, и одновременно неотъемлемая часть борьбы за равноправие и равенство вообще, т. е. в области, где господствующий класс защищает свои позиции особенно упорно и не упускает возможности их укрепить.

Злоключения поправки XXVII свидетельствуют о том, что в условиях существенного поправления внутренней политики объектом нападков и ревизии становятся сам принцип равенства и его конституционное обеспечение. Американский правовед Б. Шварц, ссылаясь на результаты опроса общественного мнения, пишет о том, что с точки зрения многих американцев Билль о правах устарел и препятствует принятию эффективных мер против социальной критики, при этом до $\frac{3}{4}$ опрошенных высказались за запрещение антиправительственных собраний протеста, ограничение свободы слова и печати, треть опрошенных признала необходимым расширить права полиции и т. д.²⁹. Разумеется, опросы общественного мнения в США дают приблизительную, а иногда и сильно искаженную картину действительности, их результаты во многом зависят от установок организаторов или заказчиков, характера вопросов, выбора контингента, времени и места опроса. Однако в данном случае выявлена тенденция, подкрепляемая по иным параметрам другими социологическими исследованиями, так что есть полное основание говорить о сдвиге вправо в умонастроениях среднего американца, связанном с наступлением на гражданские права.

Идеологическим подкреплением этой политики все чаще выступают биологизаторские концепции общества, в особенности социальный этологизм, социобиология, различные варианты генетического детерминизма. Видный представитель социобиологии профессор Мичиганского университета Р. Д. Александер считает, что стремление к сча-

стью, лежащее в основе Билля о правах, — не что иное, как проявление биологической природы человека. Счастье реализуется в обладании собственностью, материальной обеспеченности, семье и т. п., но его конечный смысл — выживание и естественное воспроизводство. Человеческие устремления, обусловленные биологическими потребностями, всегда между собой сталкиваются, что делает нереализуемым идеал полной справедливости: «Справедливость с необходимостью является неполной, так как люди всегда к чему-то стремятся, а их стремления конфликтуют»³⁰.

Социальный биологизм продолжает традиции социал-дарвинизма, но вместо упрощенных доводов использует утонченную аргументацию, спекулирующую на данных генетики, молекулярной биологии, этологии. Биологическая уникальность каждого индивида рассматривается как главное основание вывода о неправомерности идеи равенства. С точки зрения социальных биологов, «в свете широкого распространения знания о генетических различиях людей нельзя надеяться, что общественность будет уважать доктрины равенства»³¹.

Современная буржуазная идеология в большей мере озабочена социальной стабильностью, чем всеобщим благоденствием, и поэтому все чаще обращается к мысли о том, что гармония и справедливость не предполагают, а исключают равенство и равноправие. Социальный биологизм пытается объяснить общественные явления на базе законов животного поведения и стадной иерархии и доказать, что стабильность сообщества должна покоиться на строгой субординации, предполагающей исключительные права «вожачков» по отношению к остальным. По мнению известного американского писателя и социолога, активного пропагандиста социально-этологических идей Р. Ардри, в человеческом обществе «равенство неестественно»³².

Данную идеологическую ориентацию нельзя назвать случайной, поскольку она обнаруживается и в техницистских концепциях постиндустриализма, в рамках которого наблюдается определенное сближение позиций либералов и неоконсерваторов в отношении к традиционным демократическим институтам и проблемам права. Развитие техницистских представлений о природе и характере социального управления вело к разработке элитаристских альтернатив представительной демократии. На смену утратившим

влияние идеям технократизма и «менеджеральной революции» пришли постиндустриалистские концепции структуры Дж. Гэлбрейта, адхократии А. Тофлера, меритократии З. Бжезинского и др. Смысл их в том, что народ при любом общественном строе не может быть субъектом власти, следовательно, реальная власть должна принадлежать социальной элите, так сказать, современной аристократии, обладающей способностями и квалификацией для руководства обществом.

А. Тофлер считает, что демократические принципы в условиях НТР («постиндустриального» развития) себя изжили. В предисловии к сборнику футурологических работ «Демократия предвидения» он пишет: «Наши политические институты и процессы, механизм представительного правления, весь аппарат «демократии», каким мы его знаем (право голоса, выборы, партии, парламентаризм и т. п.), — суть выражения не какой-то бессмертной мистической преданности человека свободе, а порождение промышленной цивилизации... Нынешний кризис демократии свидетельствует о том, что индустриальная эра завершается... Дело не в том, что мы свидетели «общего кризиса капитализма», который предсказал Маркс. Скорее дело в том, что мы находимся на ранних стадиях «общего кризиса индустриализма»³³. Тофлер и его сторонники выдвигают идею создания системы независимых от электората национальных, региональных и локальных органов «демократии предвидения», которые будут способны, опираясь на новейшую вычислительную технику, анализировать необходимую информацию для прогнозирования и принятия решений по всем социально значимым вопросам.

Нетрудно заметить, что важнейшие общественно-политические проблемы подменены здесь вопросами техники управления, а кризис буржуазного общества служит основанием для критики демократических принципов, для доказательства невозможности социального контроля снизу и обоснования идеи «внеконституционной элиты».

Активное наступление на Конституцию, ревизия ее основ отмечаются самими американскими политологами*.

*

Б. Гросс, говоря о «пяти колоннах», движущихся на американские демократические институты, особо выделяет консервативные силы, подрывающие при прямом содействии администрации Конституцию: «Четвертая колонна подкапывается под Конституцию. При активной помощи Белого дома она под-

Но, говоря о критике Конституции и требованиях ее пересмотра (особенно в части гражданских прав), необходимо иметь в виду ее глубокую противоречивость. Конституция утвердила национальный суверенитет американского народа и пренебрегла суверенными правами коренных американцев — индейцев. Она закрепила власть и привилегии крупных собственников, проигнорировав и поправ интересы социальных низов. Вместе с тем в Билле о правах зафиксированы и важнейшие завоевания демократических сил. И хотя соответствующие нормы недостаточно четки и не подкреплены надежными гарантиями, они создают довольно широкие легальные рамки для борьбы за права человека.

Несовершенство и двусмысленность американской Конституции четко обозначились в период активизации реформистских движений в начале XX столетия, когда конституционные принципы стали объектом интенсивной критики, особенно со стороны прогрессистов. Один из видных идеологов последних Дж. А. Смит несовершенство Конституции видел в том, что в ее основе лежит защита частной собственности и закрепление социально-экономического неравенства³⁴. Данной критической традиции была суждена долгая жизнь. Уже в наши дни известный писатель Г. Видал, большой знаток политической истории США, в одном из интервью заявил: «Я думаю, что мы должны пересмотреть нашу Конституцию... Ведь этот документ защищает только интересы класса имущих»³⁵.

Критика и особенно требование ревизии Конституции должны оцениваться конкретно-исторически. Нельзя не обратить внимание на то, что в 70—80-е гг. особенно активны в этом отношении правые силы, желающие под предлогом защиты прав личности расширить привилегии правящего класса. Так, стремление рейгановской администрации ослабить федеральный контроль над большим бизнесом и создать ему за счет сокращения социальных программ новые налоговые льготы преподносилось официальной пропагандой как требование «экономической свободы» и подкрепляло понимание свободы как защищенности человека от вмешательства правительства в его дела, включая предпринимательскую деятельность. Данное обстоятельство побудило американского экономиста Р. Б. Мак-

рывает одно за другим исконные права американских граждан». — США: Консервативная волна. М., 1984, с. 281.

кензи поднять вопрос о более адекватной формулировке в Конституции прав человека. По мнению Маккензи, личности, наряду с традиционными гражданскими правами, должна быть гарантирована свобода рыночного обмена в широком смысле слова (деятельностью и ее продуктами — товарами, капиталом, информацией, идеями). Журналисты неправильно трактуют основные свободы, не учитывая права на свободный рыночный обмен, что объясняется ошибочным предположением, будто в США нарушаются, главным образом, свобода слова и религии. Но это относится и к другим правам, которые необходимо зафиксировать в Конституции: «Свободу рынка нарушить так же легко, как и политические свободы. Видимо... нам следует пересмотреть поправку I и включить в нее все основные свободы»³⁶.

Неоконсерваторы и поправевшие либералы не столь уж часто говорят о коренном пересмотре Конституции, однако и такие случаи не исключение. З. Бжезинский, один из поборников меритократического правления (власти «достойных»), в свое время писал, что двухсотлетие провозглашения независимости США или двухвековой юбилей вступления в силу американской Конституции (т. е. 1989 г.) были бы удобным поводом созвать новый конституционный конвент для подведения итогов критического переосмысления политического устройства страны и, главное, «для определения смысла современной демократии»³⁷. Идея получила новый импульс благодаря новым (особенно религиозным) правам, усилиями которых была развернута широкая кампания за созыв специального конвента по пересмотру Конституции — так называемое движение «кон-кон»*. Формальным основанием такого требования прокламировалось желание ввести на уровне конституционной регламентации новый механизм выработки и принятия бюджета, который гарантировал бы его сбалансированность и устранил бы возможность проволочек с введением в действие. Однако американская общественность быстро поняла,

*

От термина «конституционный конвент». Согласно ст. V Конституции США, конвент может быть созван по требованию законодательных собраний двух третей штатов (напомним, что после 1787 года такой конвент ни разу не созывался). Появившийся в американском политическом лексиконе неологизм «коннирование» означает ревизию Конституции.

что под угрозой находятся прежде всего демократические права и свободы, поэтому программа «кон-кон» встретила сопротивление либеральной и демократической прессы и массовых движений, в частности организации «Граждане в защиту Конституции».

К числу демократических норм, подвергающихся нападкам новых правых, относятся и вытекающие из поправки I свобода совести (как уже отмечалось, понимаемая узко) и отделение церкви от государства. Нетрудно видеть, что за попыткой (в обход поправки I или путем ее изменения) ввести в государственных школах молитвы и изучение Писания, допустить финансирование религиозных школ за счет налогоплательщиков и т. п. скрывается стремление взять под контроль свободу мысли и слова, десекуляризировать общественную жизнь и навязать стране в качестве общенациональных принципов антидемократические политические догмы. «Смысл выступлений в пользу нового конституционного конвента таких лидеров религиозных правых, как П. Уэйрич и преподобный Пэт Робертсон, очевиден, — считают руководители движения «Объединенные американцы за разделение церкви и государства». — Мы знаем, что у них иная повестка дня, нежели проблема сбалансированного бюджета. Мы знаем, что они хотят навязать всему населению собственные сектантские ценности»³⁸.

Нельзя недооценивать значение такого противодействия попыткам ревизии Конституции справа. Не будучи в состоянии обеспечить более последовательное осуществление гражданских прав (часто и не задаваясь такой целью), оно нередко оказывается действенным средством защиты реально завоеванных американской демократией свобод.

О неблагоприятном положении с правами человека в США и об отношении к ним политических руководителей красноречиво свидетельствует неконструктивная, часто обструкционистская позиция США в международном сотрудничестве по правам человека и отказ американского правительства присоединиться ко многим международным конвенциям и пактам, выработанным в развитие Всеобщей декларации прав человека. В частности, США не участвуют в двух важных документах ООН 1966 года — Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах и Международном пакте о гражданских и политических правах. И причина, несомненно, в том, что ратификация этих пактов налагает на государство обязанность привести внутреннее законодательство в соответствие с меж-

дународно признанными нормами в области прав человека.

Историческая практика показывает, что в США в этой области деклараций больше, чем практических дел. Вот уже многие десятилетия ни одна крупная политическая кампания не обходится без апелляции к правам человека. Знаток американской конституционной истории П. Л. Мэрфи обращает внимание на то, что в 1936 году, сразу после Великого кризиса, и демократическая и республиканская партии включили в свои избирательные платформы пункты о поддержке поправки I (по иронии истории, в том же году с лозунгом защиты Конституции, направленным против Ф. Д. Рузвельта, выступила консервативная Ассоциация американских адвокатов, и даже нью-йоркское отделение Американского легиона выпустило памфлет в «защиту» гражданских свобод). «Однако, — пишет Мэрфи, — ни демократы, ни республиканцы не предусмотрели никаких конкретных путей обеспечения гражданских свобод»³⁹. Таким образом, пропагандистское обращение к защите «прав человека» имеет в США долгую историю. Это лишний раз свидетельствует о том, что абстрактная формулировка гражданских прав в Конституции США может быть использована как консерваторами, так и либералами, как правыми, так и левыми.

Однако есть существенная разница в понимании прав человека и свободы личности официальной идеологией, с одной стороны, и демократической общественно-политической мыслью и идеологией массовых демократических движений, с другой. Не следует забывать, что политика маккартизма, которой были свойственны откровенный антидемократизм и грубейшие нарушения прав человека, потерпела крах в результате противодействия не только активных и последовательных борцов за демократию (включая коммунистов), но и либеральной интеллигенции, а также определенных деловых, политических, религиозных кругов. Несмотря на заметное расхождение целей и требований всех формальных и неформальных антимаккартистских движений и групп, их деятельности было присуще и нечто общее — в целом результативное идейно-политическое использование конституционных принципов и норм*.

*

Особенно поучительна в этом отношении история борьбы за отмену закона Маккарэна. См.: *Чибириев С. А. Закон Маккарэна и борьба за его отмену.* М., 1975.

Послевоенная история США — лучшее свидетельство того, что Конституция США сохраняет важные легальные возможности защиты интересов широких слоев американского общества. Демократическое понимание прав и свобод человека в наибольшей степени соответствует историческому духу Конституции США, и именно оно сыграло важную роль в борьбе не только против маккартизма и «холодной войны», но и против расизма, войны во Вьетнаме, в расширении гражданских прав. Сегодня оно активно противостоит правой опасности и военной угрозе.

На страницах этой книги мы постарались познакомить читателя с историей возникновения и развития конституционно-правовых доктрин США. Основной закон, проблемы его интерпретации, как мы видели, постоянно находятся на переднем крае партийно-политической борьбы. Это и не удивительно: Конституция США, освящая своим авторитетом устои буржуазного правопорядка, является важным инструментом классового господства американской буржуазии. Она активно используется правящей элитой страны для создания оптимальных условий функционирования всего политического, социального и хозяйственного механизма, опирающегося на частнособственнические отношения.

Каковы же главные итоги 200-летней эволюции первой в мире писаной конституции? Сегодня в Соединенных Штатах идет интенсивное обсуждение этого вопроса. В жарких словесных турнирах уже сломано немало копий. Тем не менее американские специалисты далеки от выработки единой позиции. Официальная пропаганда, представители апологетического направления в истории, правоведении, политологии, социологии, философии не жалеют усилий для того, чтобы утвердить и в массовом сознании, и в научном мире идеализированную картину развития американского конституционализма, доказать, что Конституция США и поныне является эталоном, обеспечивающим наиболее динамичную форму государственного устройства. Как справедливо отмечают советские исследователи, в Соединенных Штатах «широко насаждается культ Конституции, а в арсенале идеологических орудий американской внешнеполитической пропаганды Основной закон страны занимает особое, важное место»¹. Американскую и зарубежную аудиторию пытаются убедить, что Конституция США, ставшая якобы высшим воплощением правовой мысли, дала адекватное юридическое выражение вечным, вневременным общечеловеческим ценностям, что она гарантирует успешное функционирование в любой ситуации созданного на ее основе политико-правового механизма. Не скупясь на эпитеты, авторы подобных работ пытаются создать впечатление, что уже одним фактом ее разработки Соединенные Штаты внесли огромный, неоценимый вклад в сокровищницу мировой цивилизации. Но раздаются и немало упреков в адрес данного документа, вплоть до утверждения, что ныне США нуждаются чуть ли не в коренном пересмотре основных положений своей Конституции, которая, по мнению ее радикальных критиков, во многом утратила способность обеспечивать надежное функционирование всего государственного механизма США.

Есть ли рациональное зерно в этих полярных точках зрения или, как всякие крайности, они дают искаженную картину действительности? Имеют ли американцы основания для того, чтобы гордиться своей Конституцией, или она превратилась в архаичный, безнадежно отставший от ритмов современной жизни документ, представляющий интерес лишь для узкого круга историков? Каково реальное значение Конституции в истории США? На эти, как, впрочем, и на многие другие вопросы, встающие при ее анализе, невозможно дать однозначный ответ.

Конституция США — документ исторический и может оцениваться только с позиций историзма. В ней были провозглашены многие бесспорно передовые и даже обгонявшие свой век правовые идеи: равенство всех перед законом, «естественные» права и свободы граждан, республиканские принципы государственного устройства и политический плюрализм, обеспечивавшие постоянную ротацию высших должностных лиц, и т. д. На базе принципов, закрепленных в Конституции, в США сформировалась государственная структура, действующая на основе определенных законодательных предписаний, черпающих обоснование не в божественном провидении, сословных привилегиях, силе и других формах внеэкономического принуждения, а в самом праве. Конечно, и тогда Конституция США, закрепленный в ней свод правовых воззрений отнюдь не являлись воплощением вековых устремлений человечества к таким идеалам, как свобода, равенство, право на счастье. «Конституция США создавалась для защиты классовых интересов буржуазии, ограждения наипервейшей американской свободы — свободы частнопредпринимательской деятельности и наипервейшего буржуазного права — права частной собственности»².

Только признание четко выраженного классового характера Конституции США позволяет дать объективную оценку ее исторической роли. В тот период, когда первые ручейки зарождавшегося буржуазного правопорядка робко пробивали себе дорогу в снежных массах феодально-монархического мира, появление Конституции США, безусловно, было выдающимся событием. Вполне понятна и гордость «отцов-основателей» за плод своих трудов — в конце XVIII века у этого документа не было аналогов. Поэтому их утверждение о том, что надо стремиться к распространению американских конституционных идеалов на остальной мир, несмотря на очевидный и притом весьма солидный экспансионистский заряд, несло в себе и определенное позитивное начало. Это была первая попытка инкорпорировать в систему международных отношений принципиально новый постулат — о том, что они должны строиться не на основе силы, а на основе права.

Важно подчеркнуть, что Конституция США оказалась не просто сводом оригинальных идей, а практичным документом, сыгравшим большую роль в становлении нового государства. Основной закон внес немалую лепту в консолидацию бывших английских колоний в

единый государственный комплекс, способствовал преодолению достаточно сильных сепаратистских настроений, бытовавших в молодой республике. Конституция США с ее приматом федеральной власти содействовала тому, что жители отдельных штатов постепенно стали осознавать себя представителями единой нации — американцами.

Естественно, наибольший эффект конституционные доктрины имели в деле укрепления буржуазного правопорядка, в формировании государственного механизма, обеспечивающего правящему классу прочный контроль над всеми звеньями политического процесса. Обеспечив надежные каналы подключения широких слоев избирателей к электоральному процессу, они увеличили устойчивость всей политической системы американского общества. Наконец, Конституция США, с чуткостью хорошего барометра улавливая новые тенденции общественного развития, помогала правящему классу придавать им такое законодательное обрамление, которое открывало дополнительные возможности для укрепления буржуазного строя, что превращало ее в незаменимый атрибут классового господства буржуазии США и вместе с тем до определенного момента — в важный инструмент общественного прогресса, делало ее своеобразным маяком для буржуазии других стран.

Мы не случайно подчеркиваем «до определенного момента». Монопольное положение американской буржуазии в политическом процессе, отсутствие серьезного вызова ее господству внутри страны увеличивало правовой консерватизм правящих кругов США, ограничивало масштабы тех нововведений в сфере конституционного нормотворчества, на которые готовы были пойти власть имущие. Постепенное превращение США в лидера буржуазного сообщества еще больше стимулировало эти процессы. Правящая элита США, убежденная в «святости американского опыта», с большим подозрением относится к идее сколько-нибудь серьезной модернизации конституционно-правовых доктрин. Как метко заметил советский историк В. В. Согрин, «передовые идеалы Американской республики XVIII века оказались не по плечу капиталистическим лидерам XX века, более того, явно тяготеют их»³. Конечно, это не означает, что конституционное право США ныне превратилось в статичный свод правовых верований. И сегодня Конституция США продолжает развиваться, сравнительно успешно адаптируясь к реальностям современного государственно-монополистического капитализма.

Говоря об усилении консервативного звучания положений американской Конституции, мы имеем в виду следующее. Во-первых, в современном мире существует подлинная альтернатива тем принципам государственного устройства, которые зафиксированы в Конституции США. Конституция СССР, обеспечивающая реальное народовластие, несет в себе огромный заряд демократизма. Именно она ныне является отправной точкой при оценке степени прогрессивности той или иной конституции. Во-вторых, даже среди буржуазных конституций амери-

канская по многим параметрам утратила передовые позиции и не отражает уровня развития буржуазного конституционализма. Это особенно наглядно проявляется при сравнении степени инкорпорирования принципа социальной ответственности государства в конституционное право, при сопоставлении масштабов закрепления в нем социально-экономических прав граждан. В-третьих, нарастает разрыв между конституционными декларациями и их реальным воплощением в жизни американского общества. Эта тенденция особенно усилилась после прихода к власти администрации Р. Рейгана, которая откровенно взяла курс на «консервативное обновление» основных конституционных постулатов.

Примеров подобного разрыва немало. Но особенно разительно несоответствие деклараций действительности в сфере обеспечения прав человека и внешнеполитической деятельности американского государства. Идеал «всеобщего благоденствия», провозглашенный в Конституции США, выглядит прямой насмешкой над положением миллионов безработных, бездомных, всех тех, кого буржуазные политологи называют аутсайдерами. Эти люди лишены элементарного права — права на труд. Не изжито в американском обществе и такое позорное явление, как расовая дискриминация. Нарастает социальная поляризация. Не случайно официальная пропаганда, деятели нынешней администрации предпочитают рассуждать не о «равенстве», а о «равных возможностях» для американцев, подразумевая под этим обеспечение условий для беспрепятственного функционирования системы частного предпринимательства. Сегодня, по выражению известного советского историка В. Л. Малькова, применительно к США можно говорить о «прогрессе» социального неравенства⁴.

Не меньший контраст со взглядами «отцов-основателей», изначальными конституционными установками представляет внешнеполитическая деятельность нынешней администрации. Провозглашенная в Конституции задача организации «совместной обороны» вкупе с общим культом закона, характеризующим мировоззрение политических лидеров молодой республики, ориентировали ее внешнеполитическую деятельность на утверждение системы международных отношений, основанной преимущественно на праве, а не на военной силе. Сегодня «ястребы», определяющие внешнеполитический курс США, склонны к тому, чтобы именно военно-силовой, а отнюдь не правовой фактор детерминировал динамику развития международных отношений. Как можно соотнести с понятиями «оборона» и «законность» такие акции США, как агрессия против Гренады или бандитское, иначе не назовешь, нападение на Ливию?

Тревогу прогрессивной общественности США вызывает и политика Верховного суда, в деятельности которого тон ныне задают все более консервативные силы, мечтающие о социальном реванше за поражения предшествующих лет. Нынешний состав Верховного суда

ведет фронтальное наступление на утверждавшуюся «судом Уоррена» либеральную интерпретацию конституционных доктрин в сфере социально-экономических отношений. Интенсивность этого натиска правых все возрастает. Можно согласиться с мнением О. А. Жидкова, который считает, что «имманентно присущий суду «консервативный заряд» в последние годы заметно увеличился»⁵.

Мы видим, что Основной закон США, вступая в третье столетие своего существования, испытывает воздействие крайне противоречивых тенденций. Почти 100 лет назад Ф. Энгельс писал: «Это именно и любопытно в Америке, что наряду с самым новым и самым революционным там преспокойно продолжает прозябать самое допотопное и устаревшее»⁶. Это в полной мере относится и к сегодняшнему положению дел в области конституционного нормотворчества. Какая из двух противоборствующих тенденций возобладает, будет зависеть от многих факторов, прежде всего от соотношения сил на политической арене США. Тенденции к «консервативному обновлению», которую пытаются развить и закрепить правоконсервативные круги, противостоит стремление прогрессивных сил укреплять демократический потенциал Конституции. Именно на это ориентирует трудящихся Америки Коммунистическая партия США, выступающая за максимальное расширение «индивидуальных свобод, гарантированных Биллем о правах»⁷, за проведение глубоких социальных преобразований в духе демократических традиций американского народа.

К предисловию

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 165.

² Буржуазная конституция на современном этапе. М., 1983, с. 15.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 345.

⁴ История буржуазного конституционализма XVII—XVIII веков. М., 1983, с. 6.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 68.

⁶ История США. Т. 1. М., 1983, с. 190.

⁷ Сивачев Н. В. Государственно-монополистический капитализм США. — Вопросы истории, 1977, № 7, с. 83.

⁸ Подробнее об этом см.: Маныкин А. С. История двухпартийной системы США. М., 1981; Ширяев Б. А. Возникновение политических партий (федералисты и республиканцы в 90-х годах XVIII века). — В кн.: Политические партии США в новое время. М., 1981; Согрин В. В. У истоков политических партий. — Там же; Трояновская М. О. Идейно-политическая эволюция партии джефферсоновских республиканцев (1800—1810 гг.). Автореф. канд. дисс. М., 1983.

⁹ Дементьев И. П., Маныкин А. С., Сивачев Н. В., Согрин В. В., Язьков Е. Ф. К вопросу о периодизации истории двухпартийной системы США. — В кн.: Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1978, с. 167.

¹⁰ Мишин А. А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США. М., 1984, с. 142.

¹¹ Жидков О. А. Верховный суд США: право и политика. М., 1985, с. 218.

¹² Мишин А. А. Государственное право США. М., 1976, с. 30.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 33.

¹⁴ Новая Программа Коммунистической партии США. — США: экономика, политика, идеология. 1983, № 4, с. 118.

К главе I

¹ См.: Jameson J. American Revolution Considered as a Social Movement. Princeton, 1926, p. 22.

² Ibid., p. 31.

³ См.: Kelly A. H., Harbison W. A. The American Constitution. Its Origins and Development. N. Y., 1970, p. 18.

⁴ См.: Brown R. E. Middle Class Democracy and Revolution in Massachusetts. 1691—1780. Itaca, 1955; Brown R. E., Brown B. K. Virginia, 1705—1786: Democracy or Aristocracy? East Lansing, 1964.

⁵ См.: Williamson G. American Suffrage from Property to Democracy. 1760—1860. Princeton, 1960, p. 40—41.

⁶ См.: Pole J. R. Political Representation and the Origins of the American Revolution. London, 1966, p. 146—151, 153—155, 161—163.

⁷ The Letters of Richard Henry Lee. Ed. by J. C. Ballagh. Vol. 1—2. N. Y., 1970, vol. I, p. 190—191.

- ⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 17.
- ⁹ Documents of American History. Ed. by H. S. Commager. Vol. 1—2. N. Y., 1945, vol. 1, p. 45.
- ¹⁰ См.: Otis J. The Rights of British Colonies Asserted and Proved.—Pamphlets of the American Revolution. Cambridge (Mass.), 1965, vol. 1, p. 449—470.
- ¹¹ См.: Benjamin Franklin's Letters to the Press. Williamsburg, 1950, p. 48, 88, 110, 111, 135, 136; The Works of Benjamin Franklin: Vol. 1—10. Boston, 1840, vol. 4, p. 262, 272, 281, 284, 286, 295, 298; vol. 7, p. 332, 333, 391, 392, 476, 486, 494.
- ¹² The Works of Benjamin Franklin, vol. 4, p. 295.
- ¹³ The Writings of Samuel Adams. Ed. by H. A. Cushing. Vol. 1—4. N. Y.—London, 1968, vol. 3, p. 262.
- ¹⁴ См.: Пейн Т. Избранные сочинения. М., 1959, с. 26, 29—33.
- ¹⁵ См. там же, с. 23—26.
- ¹⁶ Текст Декларации см. в кн.: Американские просветители. Избранные произведения в 2-х томах, т. 2. М., 1969, с. 27—33.
- ¹⁷ См.: Согрин В. В. Идеиные течения в Американской революции XVIII века. М., 1980, с. 126.
- ¹⁸ Political Affairs, 1976, No. 7, p. 1.
- ¹⁹ Боржо Ш. Учреждение и пересмотр конституций в Америке и Европе. Вып. первый. СПб, 1905, с. 8.
- ²⁰ См.: Campbell D. The Puritan in Holland, England and America. Vols. I—II. N. Y., 1892.
- ²¹ Fiske J. The Beginnings of New England, or the Puritan Theocracy in Its Relation to Civil and Religious Liberty. Boston—N. Y., 1889, p. 247.
- ²² Rossiter C. Seedtime of the Republic: The Origin of the American Tradition of Political Liberty. N. Y., 1953, p. 40.
- ²³ Hudson W. S. Religion in America. N. Y., 1965, p. 94.
- ²⁴ Hofstadter R. America at 1750: A Social Portrait. L., 1972, p. 293.
- ²⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 312.
- ²⁶ Samuel Adams: Selections from His Writings. Ed. by E. Lawson. N. Y., 1946, p. 44.
- ²⁷ Американские просветители, т. 2, с. 141—142.
- ²⁸ American Puritans. Their Prose and Poetry. Ed. by P. Miller. N. Y., 1956, p. 142.
- ²⁹ The Federalist. Cambridge (Mass.), 1961, p. 378—379.
- ³⁰ The Complete Writings of Thomas Paine. Ed. by Ph. Foner. N. Y., 1945, vol. 1, p. 357.
- ³¹ Пейн Т. Избранные сочинения, с. 206—207.
- ³² The American Revolution 1763—1783. A Bicentennial Collection (Doc. History of the United States). N. Y. e. a., 1970, p. 305.
- ³³ The Basic Ideas of Alexander Hamilton. N. Y., 1965, p. 7.
- ³⁴ Пейн Т. Избранные сочинения, с. 405.
- ³⁵ The Writings of Thomas Jefferson. Ed. by A. E. Bergh. Washington, 1905, vol. 3, p. 228.
- ³⁶ The Papers of James Madison. Ed. by R. A. Rutland a. o. Chicago, 1973, vol. 8, p. 299.
- ³⁷ Американские просветители, т. 2, с. 68.
- ³⁸ Там же, с. 356.

- ¹ Wood G. S. The Creation of the American Republic. 1776—1787. Williamsburg, 1969, p. 128.
- ² The Papers of Thomas Jefferson. Ed. by J. Boyd. Vol. 1—19. Princeton, 1950—1974, vol. 1, p. 292.
- ³ The Adams Papers. Ser. I. Diaries. Vol. 1—4. Col. by J. H. Butterfield. Cambridge (Mass.), 1961, vol. 3, p. 352.
- ⁴ Пейн Т. Избранные сочинения, с. 208.
- ⁵ См.: Руссо Ж. Ж. Трактаты. М., 1969, с. 167—179.
- ⁶ The Complete Writings of Thomas Paine, vol. 1, p. 377.
- ⁷ The Popular Sources of Political Authority: Documents on the Massachusetts Constitution of 1780. Ed by O. and M. Handlin. Cambridge (Mass.), 1966, p. 248.
- ⁸ См.: Wood G. S. Op. cit., p. 138.
- ⁹ Douglass E. P. Rebels and Democrats. The Struggle for Equal Political Rights and Majority Rule During the American Revolution. Chapel Hill, 1955, p. 225.
- ¹⁰ The Popular Sources of Political Authority, p. 342.
- ¹¹ См.: Main J. T. The Upper House in Revolutionary America 1763—1788. Madison—London, 1967, p. 101, 124—125, 133, 160—161, 187, 188—191.
- ¹² См.: Williamson G. Op. cit., p. 92—115.
- ¹³ См.: Jensen M. The American Revolution Within America. N. Y., 1974, p. 95—98.
- ¹⁴ См.: The Documentary History of the Ratification of the Constitution. Vol. 1. Constitutional Documents and Records. 1776—1787. Ed. by M. Jensen. Madison, 1976, p. 86.
- ¹⁵ Об их позиции в этом вопросе см.: Согрин В. В. Идеиные течения в Американской революции XVIII века, с. 194—200.
- ¹⁶ См.: Main J. T. Op. cit., p. 266.
- ¹⁷ О фракционных и партийных размежеваниях в американской революции, в частности в буржуазно-плантаторском блоке, см.: Согрин В. В. У истоков политических партий, с. 39—75.
- ¹⁸ The Documentary History of the Ratification of the Constitution vol. 1, p. 309—311.
- ¹⁹ Ibid., p. 316.
- ²⁰ См.: The Records of the Federal Convention of 1787. Vol. 1—4. New Haven, London, 1966, vol. 1, p. 135, 136, 420—422.
- ²¹ См.: Ibid., p. 48—51.
- ²² The Papers of Alexander Hamilton. Ed. by H. C. Syrett. Vol. 1—26. N. Y., 1963—1979, vol. 4, p. 73.
- ²³ См.: Ibid., vol. 3, p. 451—454.
- ²⁴ См.: The Records of the Federal Convention, vol. 1, p. 165, 166, 204, 241—244.
- ²⁵ См.: Ibid., vol. 1, p. 86, 87; vol. 2, p. 33, 52, 55, 114.
- ²⁶ См.: Ibid., vol. 1, p. 136, 138, 148, 150, 151, 219, 421, 422, 512, 513, 544; The Papers of Alexander Hamilton, vol. 4, p. 184—187.
- ²⁷ См.: The Papers of Alexander Hamilton, vol. 4, p. 563, 564.
- ²⁸ См.: The Records of the Federal Convention, vol. 1, p. 151.
- ²⁹ См.: Ibid., vol. 1, p. 148, 149, 218, 219, 414, 426, 430, 521.
- ³⁰ См.: The Documentary History of the Ratification of the Constitution, vol. 1, p. 243.
- ³¹ См.: Ibid., p. 306—307.
- ³² См.: The Records of the Federal Convention, vol. 3, p. 295, 296.
- ³³ Political Affairs, 1976, July, № 7, p. 22.

- ³⁴ См., например: Всемирная история, т. 5. М., 1958, с. 528—533; История США, т. 1, с. 140—143, 150.
- ³⁵ The Constitution of the United States of America. Ed. by E. C. Smith. N. Y., 1974, p. 8.
- ³⁶ Невинс А., Коммаджер Г. История Соединенных Штатов Америки. Нью-Йорк, 1961, с. 127.
- ³⁷ Beard Ch. A. An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. N. Y., 1966, p. 151.
- ³⁸ Дэй Т., Зиглер Х. Демократия для элиты. М., 1983, с. 61.
- ³⁹ The Records of the Federal Convention, vol. 1, p. 26—27.
- ⁴⁰ Ibid., p. 48.
- ⁴¹ Ibid., p. 42.
- ⁴² Ibid., p. 48.
- ⁴³ Ibid., p. 299.
- ⁴⁴ Брайс Дж. Американская республика, ч. 1. М., 1889, с. 120.
- ⁴⁵ Kennedy J. F. Profiles in Courage. N. Y., 1961, p. 25.
- ⁴⁶ Цит. по: Невинс А., Коммаджер С. Указ. соч., с. 121.
- ⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 17.
- ⁴⁸ Подробно об этом см.: Мишин А. А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США.
- ⁴⁹ Аптекер Г. Американская революция 1763—1783. М., 1962, с. 294.
- ⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 345.
- ⁵¹ См.: Hutchinson D. The Foundation of the Constitution. N. Y., 1975, p. 286.
- ⁵² См.: The Spirit of Seventy-Six. Ed. by Henry S. Commager and Richard B. Morris. N. Y., 1975, p. 389—391.
- ⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 16, с. 17.
- ⁵⁴ Apteker H. Early Years of the Republic. N. Y., 1976, p. 74.
- ⁵⁵ См.: Ковалевский М. М. Происхождение современной демократии. М., 1895, т. 1.
- ⁵⁶ См.: Еллинек Г. Декларация прав человека и гражданина. М., 1905.
- ⁵⁷ См.: Олар А. Политическая история Французской революции. М., 1938, с. 37.
- ⁵⁸ Там же, с. 62.
- ⁵⁹ Орлов А. Г. Политические системы стран Латинской Америки. М., 1982, с. 19.
- ⁶⁰ Congressional Record, 1983, November 18, p. E5879.

К главе III

- ¹ История США, т. 1, с. 205—287.
- ² См.: Маньикин А. С. История двухпартийной системы США, с. 3—29; Политические партии США в новое время, с. 76—116.
- ³ Miller J. The Federalist Era 1789—1801. N. Y., 1963, p. 25.
- ⁴ См.: Kelly A., Harbison W. The American Constitution, p. 173.
- ⁵ Государственный строй США. М., 1976, с. 294.
- ⁶ См.: White L. The Federalists. A Study in Administrative History. Westport, Conn. — Chicago, 1978, p. 10.
- ⁷ См.: Miller J. Op. cit., p. 10—11.
- ⁸ Alexander Hamilton's Papers on Public Credit, Commerce and Finance. Ed. S. McKee, Jr. N. Y., 1957, p. 103.
- ⁹ Подробнее см.: История США, т. 1, с. 241—244; Шпотов Б. М. Фермерское движение в США. М., 1982, с. 169—182.
- ¹⁰ Шпотов Б. М. Указ. соч., с. 171.

- ¹¹ Miller J. Op. cit., p. 179.
- ¹² См.: Warren Ch. The Supreme Court in United States History. In two Volumes. Boston—Toronto, 1922—1926, vol. 1, p. 96.
- ¹³ См.: Kelly A., Harbison W. Op. cit., p. 192—193.
- ¹⁴ См.: Warren Ch. Op. cit., vol. 1, p. 99.
- ¹⁵ См.: Ibid., p. 193.
- ¹⁶ См.: Haines Ch. The Role of the Supreme Court in American Government and Politics 1789—1835. Berkley—Los-Angeles, 1944, p. 42.
- ¹⁷ См.: Kelly A., Harbison W. Op. cit., p. 193.
- ¹⁸ Подробнее о борьбе, развернувшейся вокруг этих законов, см.: История США, т. 1, с. 254—257; Ширяев Б. А. Политическая борьба в США 1783—1801 гг. Л. 1981, с. 170—188.
- ¹⁹ См.: Miller J. Op. cit., p. 240.
- ²⁰ См.: The Political Writings of Thomas Jefferson. Ed. E. Dumbauld. Indianapolis—N. Y., 1955, p. 157.
- ²¹ См.: Miller J. Op. cit., p. 241.
- ²² См.: Kelly A., Harbison W. Op. cit., p. 213.
- ²³ См.: Swindler W. The Constitution and Chief Justice Marshall. N. Y., 1978, p. 11.
- ²⁴ См.: Ibid., p. 5—6.
- ²⁵ См.: Warren Ch. Op. cit., vol. 1, p. 242—243.
- ²⁶ См.: John Marshall: Major Opinions and Other Writings Ed. J. Roche. Indianapolis—New York, 1967, p. 78.
- ²⁷ См.: Афанасьева И. А. Правовые проблемы импичмента. — Проблемы американистики. Вып. 3. М., 1985.
- ²⁸ См.: Warren Ch. Op. cit., vol. 1, p. 255.
- ²⁹ См.: Swindler W. Op. cit., p. 14.
- ³⁰ Dunne G. Justice Story and the Rise of the Supreme Court. N. Y., 1970, p. 77.
- ³¹ См.: White L. The Jeffersonians. A Study in Administrative History 1801—1829. N. Y., 1951, p. VII.
- ³² См.: Ibid., p. 2.
- ³³ См.: История США, т. 1, с. 269.
- ³⁴ Swindler W. Op. cit., p. 35.
- ³⁵ См.: John Marshall: Major Opinions, p. 270.
- ³⁶ См.: Swindler W. Op. cit., p. 44.
- ³⁷ См.: Richards L. The Advent of American Democracy 1815—1848. Glenview (ILL), 1977, p. 116.
- ³⁸ Подробно характеристику этого периода см.: История США, т. 1, гл. гл. 6—8; Черниловский З. М. От Маршалла до Уоррена. Очерки истории Верховного суда США. М., 1982, гл. гл. 1—5.
- ³⁹ См.: Haines Ch. Op. cit., p. 331—336.
- ⁴⁰ См.: John Marshall: Major Opinions, p. 136, 144.
- ⁴¹ См.: Kelly A., Harbison W. Op. cit., p. 281—282.
- ⁴² Dangerfield G. The Era of Good Feelings. N. Y., 1963, p. 162.
- ⁴³ John Marshall: Major Opinions, p. 172, 174, 175, 177.
- ⁴⁴ См.: Kelly A., Harbison W. Op. cit., p. 291—292.
- ⁴⁵ См.: История США, т. 1, с. 291.
- ⁴⁶ См.: Letters of Spencer Roane to James Monroe. Feb. 16th, 1820. — Bulletin of the New York Public Library, 1906, March, vol. X, No. 3, p. 174—175.
- ⁴⁷ См.: McDonald F., Decker L., Govan Th. The Last Best Hope: A History of the United States. Part 2. 1815—1898. Menlo Park, Ca.-Lnd., p. 359.
- ⁴⁸ См.: Swindler W. F. Op. cit., p. 118—119.
- ⁴⁹ См.: John Marshall: Major Opinions, p. 210.

- ⁵⁰ См.: *Kelly A., Harbison W.* Op. cit., p. 298.
⁵¹ См.: *Dangerfield G.* Op. cit., p. 160—162.
⁵² См.: *Richards L.* The Advent of American Democracy. 1815—1848. Glenview, Illinois, 1977, p. 3.
⁵³ См.: *Crenson M.* Op. cit., p. 3.
⁵⁴ Подсчитано по: *Van Deusen G. G.* The Jacksonian Era 1828—1848. N. Y., 1966, p. 34—35.
⁵⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 127.
⁵⁶ См.: *Calhoun C.* A Disquisition on Government. Indianapolis — N. Y., 1953, p. XIII—XIV.
⁵⁷ См.: *Ibid.*, p. XVII.
⁵⁸ См.: *Richardson J.* A Compilation of the Papers and Messages of the Presidents. — Wash., 1902, vol. 2, p. 612, 618.
⁵⁹ Social Theories of Jacksonian Democracy. Representative Writings of the Period 1825—1850. Indianapolis—N. Y., 1954, p. 4.
⁶⁰ См.: *Ibid.*, p. 5.
⁶¹ *Ibid.*, p. 6, 8.
⁶² См.: *Kelly A., Harbison W.* Op. cit., p. 326—327.
⁶³ *Swisher C.* The Taney Period, 1836—64. N. Y., 1974, p. XV—XVI.
⁶⁴ См.: *Kelly A., Harbison W.* Op. cit., p. 345.
⁶⁵ См.: *McCloskey R.* The American Supreme Court. Chicago, 1960, p. 86—87.
⁶⁶ *Ibid.*, p. 88—89.
⁶⁷ См.: *Романова Н. Х.* Причины борьбы правительства Джексона против банка США (1829—1831 гг.) — Американский ежегодник. 1977. М., 1977, с. 86—108.
⁶⁸ См.: *Swisher C.* Op. cit., p. 4.
⁶⁹ См.: *Kelly A., Harbison W.* Op. cit., p. 362—36.
⁷⁰ См.: *Ibid.*, p. 360—361.
⁷¹ См.: *Richardson J.* Op. cit., vol. 3, p. 175.
⁷² См.: *Lipsky G. A.* John Quincy Adams. His Theory & Ideas. N. Y., 1950, p. 121—127.
⁷³ Подробнее см.: История США, т. 1, с. 367—379.
⁷⁴ См.: *Манькин А. С.* История двухпартийной системы США, с. 61—68.
⁷⁵ Подробнее о деле Д. Скотта и его значении см.: История США, т. 1, с. 365; Очерки новой и новейшей истории США, т. 1. М., 1960, с. 208; *Ефимов А. В.* США: пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха). М., 1969, с. 517; *Черниловский З. М.* Указ. соч., с. 62—66.
⁷⁶ *Potter D.* Op. cit., p. 278.

К главе IV

- ¹ История США, т. 1, с. 457.
² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 15, с. 316.
³ Подробнее об основных направлениях социально-экономического развития США в первой половине XIX века см.: *Ефимов А. В.* США: пути развития капитализма. М., 1969.
⁴ American Historical Documents. Ed. by H. Syrett. N. Y., 1967, p. 237.
⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 15, с. 314—315.
⁶ *Foner E.* Free Soil, Free Labor, Free Man. N. Y., 1972, p. 142.
⁷ The Collected Works of Abraham Lincoln. Ed. by R. Basler, vol. 1—9, New Brunswick, 1953—1955, vol. 2, p. 461.

⁸ National Party Platforms. Comp. by D. Johnson and K. Porter. Urbana, 1972, p. 31.

⁹ *Mitchell B., Mitchell L.* A Biography of the Constitution of the United States. Its Origin, Formation, Adaptation, Interpretation. N. Y., 1964, p. 283.

¹⁰ Партийно-политическая борьба и социально-экономическое развитие США в годы Гражданской войны детально проанализированы в исследованиях Р. Ф. Иванова, А. А. Кормильца и Г. П. Куропятника. См.: *Иванов Р. Ф.* Гражданская война в США. М., 1960; *Куропятник Г. П.* Вторая американская революция. М., 1961; *Кормилец А. А.* Политические партии на Севере США в условиях Гражданской войны. Автореф. канд. дисс. М., 1983.

¹¹ *Harper's Weekly*, 1862, September, p. 563.

¹² См.: *The Collected Works of Abraham Lincoln*, vol. 6, p. 28—30.

¹³ *The Constitution of the United States of America*. Wash., 1976, p. 14.

¹⁴ *Мишин А. А.* Государственное право США, с. 30.

¹⁵ *Kelly R.* The Shaping of the American Past. Englewood Cliffs, 1977, p. 374.

¹⁶ Цит. по: *Kelly A., Harbison W.* Op. cit., p. 449.

¹⁷ Подробнее см.: *Блинов А. И.* Критический период истории Соединенных Штатов. Реконструкция США после окончания Гражданской войны (1865—1877). Красноярск, 1957.

¹⁸ См.: *The Collected Works of Abraham Lincoln...* vol. 7, p. 53—56, 172—173.

¹⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 31, с. 108.

²⁰ См.: *Kelly A., Harbison W.* Op. cit., p. 454.

²¹ См.: *The Collected Works of Abraham Lincoln*, vol. 3, p. 79, 83, 145, 146.

²² Цит. по: *National Experience. A History of the United States*. Ed. by J. Blum, E. Morgan, L. Rose, A. Schlesinger jr., K. Stamp, C. Vann Woodward. N. Y., 1973, p. 362.

²³ *Черниловский З. М.* От Маршалла до Уоррена, с. 68—69.

²⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 264.

²⁵ *Мозолин В. П.* Корпорации, монополии и право. М., 1966, с. 38.

²⁶ Цит. по: *Kelly A., Harbison W.* Op. cit., p. 507.

²⁷ См.: *Byrd Ch.* An Economic Interpretation of the Constitution. N. Y., 1935.

²⁸ *A Biography of the Constitution*, p. 289.

²⁹ *History of the US Political Parties*. Ed. by A. Schlesinger jr. vol. I—IV, N. Y., 1973, vol. 11, p. 1293.

³⁰ *A Biography of the Constitution*, p. 293.

³¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 315.

³² *История США*, т. 2, с. 25.

³³ *Аскольдова С. М.* Начало массового рабочего движения в США (80-е годы XIX в.). М., 1966; *Куропятник Г. П.* Фермерское движение в США. От грейнджеров к Народной партии. М., 1971. *Согрин В. В.* У истоков современной буржуазной идеологии. М., 1975.

³⁴ Цит. по: *Hofstadter R.* The American Political Tradition and the Man who Made it. N. Y., 1974, p. 215.

³⁵ *Wilson W.* The New Freedom. N. Y., 1913, p. 180.

³⁶ *Согрин В. В.* Указ. соч., с. 129.

³⁷ *Lloyd H.* Wealth against Commonwealth. N. Y., 1894, p. 532—533.

³⁸ Подробнее об этом см.: *Аскольдова С. М.* Указ. соч., Очерки новой и новейшей истории США. М., 1960, т. 1.

³⁹ Подробнее о реформах «прогрессивной эры» см.: *Белявская И. А.* Буржуазный реформизм в США. М., 1968.

⁴⁰ Подробнее о деятельности О. Холмса и Л. Брандейса и установках «социологической школы» права см.: *Ботов С. В.* Буржуазная социология права. М., 1978; *Попкова Л. Н.* Социально-политические взгляды Л. Д. Брандейса. — Американский ежегодник. М., 1983; *Старченко Л.* Философия права и принципы правосудия в США. М., 1969; *Черниловский З. М.* Указ. соч.

⁴¹ Цит. по: *Katler S.* The Judicial Philosophy of Chief Justice Taft and Organized Labor 1921—1930. Ph. D. Ohio State University, 1960, p. 3.

⁴² *Сивачев Н. В.* Государственно-монополистический капитализм в США. — Вопросы истории, 1977, № 7, с. 84.

⁴³ Цит. по: *Kelly A., Harbison W.* Op. cit., p. 512.

⁴⁴ *A Biography of the Constitution...* p. 297.

⁴⁵ *Kelly A., Harbison W.* Op. cit., p. 553.

⁴⁶ Подробнее о деятельности междугосударственной торговой комиссии см. фундаментальную работу Шерфмана: *Sharfman J.* The Interstate Commerce Commission. Vol. 1—5, N. Y., 1931—1937.

⁴⁷ *Kelly A., Harbison W.* Op. cit., p. 556.

⁴⁸ Подробнее об истории принятия этого закона см.: *Супоницкая И. М.* Возникновение антитрестовского законодательства. — Американский ежегодник. М., 1971.

⁴⁹ См.: *Мозолин В. П.* Корпорации, монополии и право в США. М., 1968; *Жидков О. А.* США: антитрестовское законодательство на службе монополий. М., 1976.

⁵⁰ *Мозолин В. П.* Указ. соч., с. 378.

⁵¹ *Жидков О. А.* Указ. соч., с. 72—73.

⁵² Цит. по: *Selected Supreme Court Decisions.* N. Y., 1937, p. 189.

⁵³ *Жидков О. А.* Указ. соч., с. 142.

⁵⁴ Цит. по: *Selected Supreme Court Decisions,* p. 219.

⁵⁵ См.: *Сивачев Н. В.* США: государство и рабочий класс. М., 1982, с. 42.

⁵⁶ Там же, с. 44.

⁵⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 142.

⁵⁸ *Нитобург Э. Л.* Негры США. XVIII — начало XX века. М., 1979, с. 228.

⁵⁹ *Kelly A., Harbison W.* op. cit., p. 576.

⁶⁰ См.: *Ibid.,* p. 625.

⁶¹ См., например: США: государство и экономика. Механизмы государственно-монополистического регулирования. М., 1976.

⁶² *Kelly A., Harbison W.* Op. cit., p. 643.

Белявская И. А. Указ. соч., т. 375.

⁶³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 305.

К главе V

¹ Подробнее см.: *Козенко Б. Д.* «Новая демократия» и война. Внутренняя политика США (1914—1917). Саратов, 1980.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 67.

³ *Mowrer P.* Our Foreign Affairs. N. Y., 1924, p. 48.

⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 228.

⁵ Буржуазная конституция на современном этапе, с. 8.

⁶ *The State of the Union Messages of the Presidents of the United States,* vol. 3, p. 2664.

⁷ Burner D. The Politics of Provincialism. The Democratic Party in Transition 1918—1932. N. Y., 1968, p. 54.

⁸ Подробнее см.: Язьков Е. Ф. Фермерское движение в США (1918—1929). М., 1974. Сивачев Н. В. США: Государство и рабочий класс, часть 2, гл. 4—7.

⁹ Leuchtenberg W. The Perils of Prosperity 1914—1932. Chicago, 1972, p. 99.

¹⁰ Цит. по: Growth of Labor Law in the United States. Wash., 1967, p. 77.

¹¹ Сивачев Н. В. Указ. соч., с. 131.

¹² Bates J. The United States 1898—1928. Progressivism and Society in Transition. N. Y., 1976, p. 278.

¹³ Kelly R. The Shaping of the American Past. Englewood Cliffs., 1978, p. 585.

¹⁴ Leuchtenberg W. Op cit., p. 202.

¹⁵ Moore J. American Business in the World Market. N. Y., 1919, p. 15.

¹⁶ The State of the Union Messages, vol. 3, p. 2664.

¹⁷ National Party Platforms, p. 263.

¹⁸ Hoover H. American Individualism. Garden City, 1923, p. 54.

¹⁹ Государственно-монополистический капитализм. Общие черты и особенности. М., 1975, с. 21—22.

²⁰ Historical Statistics of the United States, p. 73, 283, 409.

²¹ Leuchtenberg W. Op. cit., p. 262.

²² Mayer G. The Republican Party 1854—1964. N. Y., 1964, p. 421.

²³ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. N. Y., 1938—1950, vol. 1, p. 646.

²⁴ Current History, 1935, August, p. 479.

²⁵ Сивачев Н. В. США: государство и рабочий класс, с. 197.

²⁶ Мальков В. Л. «Чуть-чуть левее центра»: общее и особенное в социальной политике Ф. Рузвельта. Американский ежегодник. М., 1983, с. 35.

²⁷ Подробнее о реформах «нового курса» см.: Мальков В. Л. Новый курс в США. М., 1973; Сивачев Н. В. Политическая борьба в США в середине 30-х годов XX века. М., 1966.

²⁸ The State of the Union Messages, vol. 3, p. 2806.

²⁹ Hoover H. The Challenge to Liberty. N. Y., 1934, p. 139.

³⁰ Ibid., p. 113, 114, 124, 125.

³¹ Political Affairs, 1962, December, p. 11.

³² Подробнее о реформах второго этапа «нового курса» см.: Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф. Новейшая история США. М., 1980.

³³ Сивачев Н. В. Франклин Рузвельт — президент действия и политический реалист. — США: Экономика, политика, идеология, 1982, № 1.

³⁴ Commager H. «Farewell — to Laissez-Faire». — Current History, August, 1933, p. 520.

³⁵ Boskin J. Politics of an Opposition Party: the Republican Party in the New Deal Period 1936—1940. Ph. D. Univ. of Minnesota, 1959, p. 297.

³⁶ Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф. Указ. соч., с. 116.

³⁷ Подробнее об эволюции демократической партии в это время см.: Печатнов В. О. Демократическая партия США: избиратели и политика. М., 1980.

³⁸ New York Herald Tribune, 1935, 18 July.

- ³⁹ Documents of American History. Ed. by H. Commager. N. Y., 1949, vol. 1—2; vol. 2, p. 458—463.
- ⁴⁰ Сивачев Н. В. «Новый курс» Ф. Рузвельта. — Вопросы истории, 1981, № 9, с. 58.
- ⁴¹ Congressional Record, vol. 79, pt. 8, p. 9087.
- ⁴² Huthmacher J. Senator Robert Wagner and the Rise of Urban Liberalism. N. Y., 1968, p. 201.
- ⁴³ Ibid., p. 202.
- ⁴⁴ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, vol. 1937, p. 58.
- ⁴⁵ National Party Platforms, p. 362.
- ⁴⁶ New York Herald Tribune, 1936, 4 November.
- ⁴⁷ The State of the Union Messages, vol. 3, p. 2831.
- ⁴⁸ Holmes O. Common Law. Boston, 1963, p. 5.
- ⁴⁹ Jackson R. The Struggle for Judicial Supremacy. N. Y., 1941, p. 173.
- ⁵⁰ Подробнее см.: История рабочего движения в США в новейшее время. М., 1970, т. 1, гл. X.
- ⁵¹ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, vol. 1937, p. 58—62. Подробнее о борьбе вокруг реформы Верховного суда см.: Мальков В. Л., Наджафов Д. Г. Америка на перепутье 1929—1938 гг. М., 1967, с. 159—170.
- ⁵² Documents of American History, vol. 2, p. 550.
- ⁵³ Ibid., p. 551.
- ⁵⁴ Kelly A., Harbison W. Op. cit., p. 766—767.
- ⁵⁵ Ibid., p. 767.
- ⁵⁶ Literary Digest, 1957, 24 April, p. 3.
- ⁵⁷ Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф. Указ. соч., с. 117.
- ⁵⁸ Подробнее о концепции «дуалистического федерализма» см.: Буржуазная конституция на современном этапе. М., 1983; Мишин А. А. Государственное право США.
- ⁵⁹ Никонов В. А. Федерализм и буржуазные политические партии. — В кн.: Проблемы американистики. М., 1983.
- ⁶⁰ Сивачев Н. В. «Новый курс» Ф. Рузвельта, с. 63.

К главе VI

- ¹ Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М., 1981, с. 19.
- ² Там же, с. 28.
- ³ См.: Мишин А. А. Государственное право США, с. 10—35; Практика буржуазного конституционализма (критические очерки). М., 1982, с. 3—18; Ильинский И. П., Мишин А. А., Энтин Л. М. Политическая система современного капитализма. М., 1983, с. 68—95; Мишин А. А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США, с. 15—33.
- ⁴ См.: Буржуазная конституция на современном этапе, с. 3.
- ⁵ Мишин А. А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США, с. 3.
- ⁶ Lundberg F. Cracks in the Constitution Secaucus. N. J., 1980, p. 11; Strong C. Modern Political Constitutions., L., 1976, p. 3.
- ⁷ Strong C. Op. cit., p. 3—4.
- ⁸ Ibid., p. 57.
- ⁹ Мишин А. А. Государственное право США, с. 30.
- ¹⁰ Буржуазная конституция на современном этапе, с. 48, 50.
- ¹¹ Harmon M. (ed.) Essays on the Constitution of the United Sta-

tes. N. Y., 1978, p. 135; *Sandalow T.* Constitutional Interpretation. — Michigan Law Review, 1981, No. 5, p. 1034.

¹² *Miller A.* Separation of Powers — Does it Still Work? — Political Quarterly, 1977, No. 1, p. 54.

¹³ См.: *Вильданов Р. X.* Конституция в политической системе буржуазного общества. М., 1968, с. 30—31.

¹⁴ *Harmon M.* (ed.). Op. cit., p. 135—136.

¹⁵ *Miller A.* Democratic Dictatorship. The Emergent constitution of Control. L., 1981, p. 35.

¹⁶ Государственный строй США. М., 1976, с. 3.

¹⁷ Подробнее об этом см.: *Тихомиров Ю. А.* Проблемы теории политической системы. — В кн.: Развитие политических систем в современном мире. М., 1981; *Чиркин В. Е.* К вопросу о теории политической системы общества как учебной дисциплине. — В кн.: Развитие капиталистических систем в современном мире; Актуальные проблемы современного политического развития (очерки теории). М., 1982; *Ильинский И. П., Мишин А. А., Эткин Л. М.* Указ. соч.

¹⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 45.

¹⁹ Там же, с. 63.

²⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 38.

²¹ Там же, с. 39.

²² См.: *Harmon M.* (ed.). Op. cit., p. 132.

²³ *Ibid.*, p. 132, 136.

²⁴ *Hazlitt H.* A New Constitution Now. New Rochelle, N. Y., 1974, p. 152.

²⁵ *Strong C.* Op. cit., p. 47.

²⁶ *Ibid.*, p. 10.

²⁷ *Lundberg F.* Op. cit., p. 15.

²⁸ *Ibid.*, p. 14—15.

²⁹ *Aranson P., Gellhorn E. and Robinson G.* A Theory of Legislative Delegation. — Cornell Law Review, 1982, No. 1, p. 2.

³⁰ *Ibid.*

³¹ *Мишин А. А.* Принцип разделения властей в конституционном механизме США, с. 17.

³² Буржуазная конституция на современном этапе, с. 33.

³³ *Мишин А. А.* Государственное право США, с. 16.

³⁴ Конституции буржуазных государств, с. 10.

³⁵ *Barber S.* The Constitution and the Delegation of Congressional Power. L., 1975, p. 52—53; *Strong C.* Op. cit., p. XXI; *Aranson P., Gellhorn E. and Robinson G.* Op. cit., p. 7.

³⁶ *Bonomi P., Burns J., Ranney (eds.)* The American Constitutional System under Strong and Weak Parties. N. Y., 1981, p. 119.

³⁷ См.: Практика буржуазного конституционализма, с. 8.

³⁸ *Miller A.* Separation of Powers, p. 60.

³⁹ *Lipset S., Schneider W.* The Decline of Confidence in American Constitution. — Political Science Quarterly, 1983, No. 3, p. 379—380.

⁴⁰ *Lipset S. and Schneider W.* The Confidence Gap: Business, Labor and Government. N. Y., 1983, p. 110—111; *Harris L.* Allination Rises to Record Heights. — The Harris Survey, 1983, 17 March, p. 1.

⁴¹ *Strong H.* The Constitution and the Bill of Rights. *Harmon M.* (ed.). Essays on the Constitution of the United States, p. 32.

⁴² The Constitution of the United States of America. Analysis and Interpretation. Wash., 1973, p. 968; *Halpern S.* (ed.). The Future of Our Liberties. Perspectives on the Bill of Rights., L., 1982, p. 57.

⁴³ *NAACP v. Alabama ex rel. Petterson*, 357 U. S. 449, 460—461 (1958); *United Transportation Union v. State Bar of Michigan*, 401

- U. S. 576, 578—579 (1971); Healy v. James, 408 U. S. 169, 181 (1972).
⁴⁴ *Strong H.* Op. cit., p. 48.
⁴⁵ Police Department v. Mosley, 408 U. S. 92 (1972); *Tribe L.* American Constitutional Law. N. Y., 1978, § 12—1; The Supreme Court, 1981 Term. Harvard Law Review, 1982, N 1, p. 175; The Supreme Court, 1982 Term. Harvard Law Review, 1983, N 1, p. 157.
⁴⁶ *Lundberg F.* Op. cit., p. 29—31.
⁴⁷ Ibid., p. 31.
⁴⁸ The Constitution of the United States of America, p. 966—967.
⁴⁹ NAACP v. Alabama, 357 U. S. 449, 460—461 (1958): Bates v. City of Little Rock, 361 U. S. 516, 522—523 (1960).
⁵⁰ Cm.: The Constitution of the United States of America, p. 967; Bates v. City of Little Rock, 361 U. S. 516, 524 (1970).
⁵¹ Political Boycott Activity and the First Amendment. — Harvard Law Review, 1978, No. 1, p. 659.
⁵² Runyon v. McCrary, 427 U. S. 160, 175—176 (1976).
⁵³ *Baker C.* Scope of the First Amendment Freedom of Speech. UCLA Law Review, 1978, № 5, p. 1031.
⁵⁴ Ibid., p. 1031—1032.
⁵⁵ Bates v. City of Little Rock. 361 U. S. 516, 522—523 (1970); *Baker C.* Op. cit., p. 1031.
⁵⁶ *Baker C.* Op. cit., p. 1032.
⁵⁷ The Future of Our Liberties, p. 88.
⁵⁸ Cm.: *Tribe L.* Op. cit.; *Beth L.* Mr. Justice Black and the First Amendment: Comments on the Dilemma of Constitutional Interpretation. Journal of Politics, 1979, No. 4; *Baer J.* Equality under the Constitution. Reclaiming the Fourteenth Amendment. L., 1983.
⁵⁹ Cm.: Dictionary of Sociology and Related Sciences. Totowa N. J., 1968, p. 16; *Baker C.* Op. cit., p. 1032; *Hall R.* Organisations: Structure and Process. Englew Wood Cliffs, N. Y., 1982, p. 32—33.
⁶⁰ Cm.: Editor and Publisher, 1976, 3 July, p. 1—31; *Antieau Ch.* Constitutional Construction, N. Y., 1982, p. 174; St. Halpern (ed.) The Future of Our Liberties, p. 78—79.
⁶¹ The Constitution of the United States of America, p. 968; The Constitution and What it Means Today. Princeton Univ. Press, 1973, p. 927—928.
⁶² Цит по: *Сивачев Н. В.* США: государство и рабочий класс, с. 14.
⁶³ St. Halpern (ed.). The Future of Our Liberties, p. 65.
⁶⁴ Cm.: The Constitution of the United States of America, p. 985; *Emerson Th.* The First Amendment in the Year 2000. — St. Halpern (ed.). Op. cit., p. 65.
⁶⁵ Cm.: The Constitution of the United States of America, p. 974.
⁶⁶ *Baker C.* Op. cit., p. 1034.
⁶⁷ *Abraham H.* The Future of First Amendment Protections for Freedom of Speech, Press, and Association. — St. Halpern (ed.). Op. cit., p. 88.
⁶⁸ The Constitution of the United States of America, p. 88.
⁶⁹ Cm.: Dennis v. United States. 341 U. S. 494, 71 S. Ct. 857, 95 L. Ed. 1137 (1951); The Constitution of the United States of America, p. 973; *Cushman R.* Leading Constitutional Decisions. N. Y., 1977, p. 250—260; *Murphy W.*, *Tanenhaus J.* Comparative Constitutional Law. N. Y., 1977, p. 607—621.
⁷⁰ Cm.: The Supreme Court, 1982 Term. — Harvard Law Review, 1983, No. 1, p. 161.
⁷¹ *Abraham H.* Op. cit., p. 88—89.

- ⁷² *Emerson Th.* The First Amendment in the Year 2000, p. 65.
- ⁷³ CM.: The Constitution of the United States of America, p. 1001; *Chafee F.* Free Speech in the United States. Cambridge, 1941, pp. 19—35, 497—516.
- ⁷⁴ CM.: *Abrams v. United States*, 250 U. S. 616 (1919); The Constitution of the United States of America, p. 1000—1002.
- ⁷⁵ CM.: The Constitution of the United States of America, p. 1008; *Feriner v. New York*, 340 U. S. 315 (1951); *Edwards v. South Carolina*; 372 U. S. 229 (1963); *Gregory v. City of Chicago*, 394 U. S. III (1969); *Bachellar v. Maryland*, 397 U. S. 564 (1970).
- ⁷⁶ CM.: The Constitution of the United States of America; p. 1008—1009, 1020; *Cox v. Louisiana*, 379, U. S. 536, 554—556 (1965); *Schuttlesworth v. City of Birmingham*, 394 U. S. 147 (1969).
- ⁷⁷ *Stromberg v. California*; 283 U. S. 359 (1931); *Street v. New York*, 394 U. S. 576 (1969); *Cohan v. California*, 403 U. S. 15 (1971).
- ⁷⁸ *West Virginia State Board of Education v. Bernette*, 319, U. S. 624, 632 (1943).
- ⁷⁹ CM.: *Abraham H.* Op. cit., pp. 88—90; The Constitution of the United States of America, p. 1029; *Kovacs v. Cooper* 336 U. S. 77 (1949); *Cohen v. California*, 403 U. S. 15 (1971).
- ⁸⁰ *Cox v. Louisiana*, 379 U. S. 559, 578 (1965).
- ⁸¹ CM.: The Constitution of the United States of America, p. 1021.
- ⁸² *Schuttlesworth v. City of Birmingham*, 394 U. S. 147, 152 (1969); *Grayned v. City of Rockford*, 408 U. S. 104 (1972); *J. Rankin Brigade v. Capitol Police Chief*, 342 F. Supp. 575 (D. C. D. C.), (1972).
- ⁸³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 132; т. 7, с. 535.
- ⁸⁴ CM.: The Constitution of the United States of America, p. 1020.
- ⁸⁵ CM.: *Ibid.*, p. 1023, 1028.

К главе VII

- ¹ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Ed. by Samuel L. Rosenman (13 vols. N. Y., 1938—50), vol. II, pp. 14—15.
- ² *Taft W.* Liberty Under Law. An Interpretation of the Principles of Our Constitutional Government. New Haven, 1922, p. 40.
- ³ *American Steel Foundries v. Tri-City Central Trades Council*, 257 U. S. 184 (1921).
- ⁴ *Truax v. Corrigan*, 257 U. S. 312 (1921).
- ⁵ *Murphy P.* The Constitution in Crisis Times. 1918—1969. N. Y., 1972, p. 48.
- ⁶ *Adkins v. Children's Hospital*, 261 U. S. 525 (1923).
- ⁷ *Federal Trade Commission v. Gratz*, 253 U. S. 421 (1920).
- ⁸ *St. Louis and O'Fallon Railway Company v. United States*, 279 U. S. 461 (1929).
- ⁹ *Murphy P.* Op. cit., p. 129.
- ¹⁰ *Stern R.* The Commerce Clause and the National Economy, 1933—1946. — Harvard Law Review, vol. LIX, 1946, N 5, p. 646.
- ¹¹ Documents of American History. Ed. by H. Commager, vols. 1—2, N. Y., 1949, vol. 2, pp. 452—453.
- ¹² Public Papers of FDR, vol. 11, p. 246.
- ¹³ *Сивачев Н. В.* Правовое регулирование трудовых отношений в США. М., 1972, с. 31.
- ¹⁴ *Schechter Poultry Corp. v. U. S.*, 295, U. S., 495, 528, 553 (1935).
- ¹⁵ Public Papers of FDR, vol. IV, p. 207.

¹⁶ NLRB v. Jones and Laughlin Steel Corporation 301, U. S. 58 (1937), Stewart Machine Company v. Davis, 301 U. S. 548 (1937) и другие дела.

¹⁷ *Mason A.* The Supreme Court from Taft to Burger. Baton Rouge and London, 1979, pp. 144—145.

¹⁸ Hood v. Du Mond, 336 U. S. 525, 562 (1949).

¹⁹ Ferguson v. Scrupa, 372 U. S. 92, 98 (1963).

²⁰ Pointer v. Texas, 380 U. S. 400, 413 (1965).

²¹ United States v. Darby, 312 U. S. 100 (1941).

²² *Kelly A., Harbison W.* Op. cit., p. 793.

²³ Garner v. Teamster, Chauffeurs and Helpers Local Union No. 776 (AFL), 346 U. S. 485 (1953); Weber v. Anheuser—Busch, 348 U. S. 468 (1955); Motor Coach Employees v. Lockridge, 403 U. S. 274 (1971).

²⁴ William Arnold Co. v. Carpenter District Council, 417 U. S. 12 (1974).

²⁵ *Moore J.* The NLRB and the Supreme Court.—Labor Law Journal, 1969, April, pp. 216, 218.

²⁶ Brown Shoe Co. v. United States, 370 U. S. 294 (1962); California Motor Transport Co. v. Trucking Unlimited, 404 U. S. 508 (1972).

²⁷ См.: *Кассирова Е. П.* США: кризис социальной политики. М., 1978.

²⁸ Shapiro v. Thompson, 394 U. S. 618 (1968).

²⁹ King v. Smith, 392 U. S. 309 (1968); Lewis v. Martin, 397 U. S. 552 (1970).

³⁰ См.: *Wasby S.* Continuity and Change. From the Warren Court to the Burger Court. Pacific Palisades, Calif., 1976, pp. 127—128.

³¹ Goldberg v. Kelly, 397 U. S. 254 (1970); Wheeler v. Montgomery, 397 U. S. 280 (1970).

³² См.: *Wasby S.* Op. cit., pp. 128, 131.

³³ Plessy v. Ferguson, 163 U. S. 537 (1896).

³⁴ Smith v. Allwright, 321 U. S. 649 (1944).

³⁵ Sipuel v. University of Oklahoma, 332 U. S. 631 (1948); Sweatt v. Painter, 339 U. S. 629 (1950).

³⁶ Brown v. Board of Education, Topeka, Kansas, 347 U. S. 483, 494 (1954).

³⁷ Brown v. Board of Education, 349 U. S. 294 (1955).

³⁸ Holcome v. Beal, 347 U. S. 974 (1954); Mayor and City Council of Baltimore v. Dawson, 350 U. S. 877 (1955).

³⁹ Черниловский З. М. От Маршалла до Уоррена, с. 158.

⁴⁰ Heart of Atlanta Motel v. United States, 371 U. S. 241 (1964); Daniel v. Paul, 395 U. S. 298 (1969).

⁴¹ Baker v. Carr, 369 U. S. 186 (1962).

⁴² Harper v. Virginia State Board of Elections, 383 U. S. 663 (1966); Cipriano v. City of Houma, 395 U. S. 701 (1969).

⁴³ South Carolina v. Katzenbach, 383 U. S. 301 (1966).

⁴⁴ Green v. School Board of New Kent County, 391 U. S. 430 (1968).

⁴⁵ Alexander v. Holmes County, 396 U. S. 19 (1969).

⁴⁶ Jones v. Mayer, 392 U. S. 409 (1968).

⁴⁷ Time, 1970, Apr. 13, p. 50.

⁴⁸ Никифоров Б. С. Верховный суд США от Эрла Уоррена к Уоррену Бергеру.—США: экономика, политика, идеология, 1971, № 6, с. 50.

⁴⁹ U. S. News and World Report, 1977, March 7, p. 60.

- ⁵⁰ National Review; 1973, Sept. 25, p. 1050.
- ⁵¹ Ohio v. Wyandotte Chemical Co., 401 U. S. 493 (1971); Washington v. General Motors, 406 U. S. 109 (1972).
- ⁵² Dandridge v. Williams, 397 U. S. 471 (1970); Edelman v. Jordan, 415 U. S. 651 (1974).
- ⁵³ Swann v. Charlotte—Mecklenberg Board of Education, 402 U. S. 1 (1971).
- ⁵⁴ Keyes v. Denver School District, 413 U. S. 189 (1973); Milliken v. Bradley, 418 U. S. 717 (1974).
- ⁵⁵ Regents of University of California v. Bakke, 438 U. S. 265 (1978).
- ⁵⁶ United Steel Workers of America v. Weber, 439 U. S. 193 (1979).
- ⁵⁷ Berger R. Government by Judiciary. Cambridge, Mass., 1977, p. 408.
- ⁵⁸ The United States in the 1980's. Ed. by P. Duignan and A. Rabushka. Reading, Mass., Menlo Park, Calif., 1980, p. 15.
- ⁵⁹ Ibid., pp. 17—21, 27—28.
- ⁶⁰ Цит. по: Жидков О. А. Верховный суд США: право и политика. М., 1985, с. 99.
- ⁶¹ Там же, с. 186—187.
- ⁶² U. S. News and World Report, 1984, May 21, p. 49.
- ⁶³ Wasby S. Op. cit., p. 208.
- ⁶⁴ Newsweek, July 6, 1987, p. 30.

К главе VIII

- ¹ Gewirth A. Human Rights. Chicago—London, 1982, p. 3.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 74.
- ³ Там же, с. 400.
- ⁴ Кинг М. Л. Есть у меня мечта. М., 1970, с. 68.
- ⁵ Там же, с. 78.
- ⁶ Цит. по: Two Centuries of Philosophy in America. Guilford etc., 1980, p. 291.
- ⁷ Цит. по: Wills G. Inventing America: Jefferson's Declaration of Independence. N. Y., 1978, p. XVIII.
- ⁸ Redenius Ch. The American Ideal of Equality. Port of Washington (N. Y.)—London, 1981, p. 49.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Предмет и формулы решений Верховного суда США даются по: Lockhart W. B. e. a. Constitutional Law: Cases, Comments, Questions. St. Paul (Minn.), 1980; Джинджер Э. Ф. Верховный суд и права человека в США. М., 1981.
- ¹¹ Об этом много пишется у нас и за рубежом. Укажем на некоторые работы последнего времени: Перло В. Расизм в экономике США. М., 1978; Положение в области прав человека. Публикация Коммунистической партии США. М., 1978; Нитобург Э. Л. Негры США, XVIII—начало XX века. М., 1979; Павлов И. Море бесправия—Америка. Капитализм США и дискриминация личности. М., 1981; Мальцев Г. В. Иллюзии равноправия. Правовое неравенство в мире капитализма. М., 1982; Черниловский З. М. От Маршалла до Уоррена. Очерки истории Верховного суда США. М., 1982; Большаков В. В. Бизнес на правах человека. М., 1983; Буржуазная конституция на современном этапе. Основные тенденции. М., 1983; Лайтфут К. Права человека по-американски. М., 1983; Противоречия сов-

ременного американского капитализма и идейная борьба в США. М., 1984; Жидков О. А. Верховный суд США: право и политика. М., 1985; США: Конституция и права граждан. М., 1987.

¹² *Hawkins D.* The Science and Ethics of Equality. N. Y., 1977, p. 5.

¹³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 399; т. 16, с. 17.

¹⁴ Там же, т. 46 (I), с. 446.

¹⁵ *Williams J. S.* Constitutional Analysis in a Nutshell. St. Paul (Minn.), 1979, p. 41.

¹⁶ Конституции буржуазных государств, с. 43.

¹⁷ *Rawls J.* A Theory of Justice. Cambridge (Mass.), 1971, p. 61.

¹⁸ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 27—28 января 1987 года. М., 1987, с. 36, 24.

¹⁹ Об истории выработки и принятия этих документов, конструктивном вкладе представителей социалистических стран и позиции представителей Запада см.: *Мовчан А. П.* Права человека и международные отношения. М., 1982.

²⁰ Seminar on Relations that Exist between Human Rights, Peace and Development. N. Y., UN Headquarters, 1981, p. 19.

²¹ *Perloff H. S.* Introduction. In: The Future of the United States Government toward the Year 2000. N. Y., 1971, p. 8.

²² См.: *Jenkins I.* Social Order and the Limits of Law. Princeton (N. J.), 1980; *Karst K. L.* Individual Rights in the Year 2000. — In: The Future of the United States Government toward the Year 2000.

²³ *Machan T.* On Human Rights, Feudalism and Political Change. In: The Philosophy of Human Rights. Westport (Conn.), 1980, p. 222.

²⁴ *Parenti M.* Democracy for the Few. N. Y., 1977, p. 61.

²⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 362.

²⁶ См.: *Kozol J.* Illiterate America. Garden City (N. Y.), 1985, p. 4.

²⁷ *Lockhart W. e. a.* Constitutional Law, p. 1398—1399.

²⁸ См.: *Уинстон Ф.* За подлинное равноправие. — Проблемы мира и социализма, 1985, № 8; *Rexroat C., Shehan C.* Expected versus Actual Work Roles of Women. — American Sociological Review, v. 49, 1984, № 3; *Avery P. A., Thornton J.* It's Back to Activism for Feminists. — US News & World Report, Aug. 5, 1985.

²⁹ См.: *Schwartz B.* The Great Rights of Mankind. A History of the American Bill of Rights. N. Y., 1977, p. 192.

³⁰ *Alexander R. D.* Darwinism and Human Affairs. L., 1980, p. 236.

³¹ *Lappé M.* Genetic Politics: The Limits of Biological Control. N. Y., 1979, p. 194.

³² *Ardrey R.* The Social Contract. N. Y., 1970, p. 172.

³³ Anticipatory Democracy: People and the Politics of the Future. N. Y., 1979, pp. XII, XIII.

³⁴ См.: История США, т. 2, с. 282—283.

³⁵ За рубежом, 1984, № 4, с. 22.

³⁶ *McKenzie R. B.* Bound to Be Free. Stanford (Cal.), 1982, p. 156.

³⁷ *Brzezinski Z.* Between Two Ages. N. Y., 1970, p. 259.

³⁸ Don't Let America Get «Conned». — Church and State, 1984, v. 37, № 1, p. 18.

³⁹ *Murphy P. L.* The Constitution in the Crisis Times. 1918—1969. N. Y. e. a., 1972, p. 173.

К заключению

¹ Мишин А. А., Власихин В. А. Конституция США. Политико-правовой комментарий. М., 1985, с. 12.

² Там же, с. 15.

³ Согрин В. В. Основатели США: исторические портреты, с. 166.

⁴ История США, т. 4. М., 1987, с. 714.

⁵ Жидков О. А. Верховный суд США: право и политика, с. 220.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 110.

⁷ США: экономика, политика, идеология, 1983, № 4, с. 119.

**Список президентов
Соединенных Штатов Америки**

Президент	Период пребывания в должности
Дж. Вашингтон	30 апреля 1789 г. — 3 марта 1793 г. 4 марта 1793 г. — 3 марта 1797 г.
Дж. Адамс	4 марта 1797 г. — 3 марта 1801 г.
Т. Джефферсон	4 марта 1801 г. — 3 марта 1805 г. 4 марта 1805 г. — 3 марта 1809 г.
Дж. Мэдисон	4 марта 1809 г. — 3 марта 1813 г. 4 марта 1813 г. — 3 марта 1817 г.
Дж. Монро	4 марта 1817 г. — 3 марта 1821 г. 4 марта 1821 г. — 3 марта 1825 г.
Дж. К. Адамс	4 марта 1825 г. — 3 марта 1829 г.
Э. Джексон	4 марта 1829 г. — 3 марта 1833 г. 4 марта 1833 г. — 3 марта 1837 г.
М. Ван-Бюрен	4 марта 1837 г. — 3 марта 1841 г.
У. Гаррисон	4 марта 1841 г. — 4 апреля 1841 г.
Дж. Тайлер	4 апреля 1841 г. — 3 марта 1845 г.
Дж. Полк	4 марта 1845 г. — 3 марта 1849 г.
З. Тейлор	5 марта 1849 г. — 9 июля 1850 г.
М. Филлмор	10 июля 1850 г. — 3 марта 1853 г.
Ф. Пирс	4 марта 1853 г. — 3 марта 1857 г.
Дж. Бьюкенен	4 марта 1857 г. — 3 марта 1861 г.
А. Линкольн	4 марта 1861 г. — 3 марта 1865 г. 4 марта 1865 г. — 15 апреля 1865 г.
Э. Джонсон	15 апреля 1865 г. — 3 марта 1869 г.
У. Грант	4 марта 1869 г. — 3 марта 1873 г. 4 марта 1873 г. — 3 марта 1877 г.
Р. Хейс	4 марта 1877 г. — 3 марта 1881 г.

Дж. Гарфилд	4 марта 1881 г. — 19 сентября 1881 г.
Ч. Артур	20 сентября 1881 г. — 3 марта 1885 г.
Г. Кливленд	4 марта 1885 г. — 3 марта 1889 г.
Б. Гаррисон	4 марта 1889 г. — 3 марта 1893 г.
Г. Кливленд	4 марта 1893 г. — 3 марта 1897 г.
У. Маккинли	4 марта 1897 г. — 3 марта 1901 г. 4 марта 1901 г. — 14 сентября 1901 г.
Т. Рузвельт	14 сентября 1901 г. — 3 марта 1905 г. 4 марта 1905 г. — 3 марта 1909 г.
У. Тафт	4 марта 1909 г. — 3 марта 1913 г.
В. Вильсон	4 марта 1913 г. — 3 марта 1917 г. 4 марта 1917 г. — 3 марта 1921 г.
У. Гардинг	4 марта 1921 г. — 2 августа 1923 г.
К. Кулидж	3 августа 1923 г. — 3 марта 1925 г. 4 марта 1925 г. — 3 марта 1929 г.
Г. Гувер	4 марта 1929 г. — 3 марта 1933 г.
Ф. Д. Рузвельт	4 марта 1933 г. — 20 января 1937 г. 20 января 1937 г. — 20 января 1941 г. 20 января 1941 г. — 20 января 1945 г. 20 января 1945 г. — 12 апреля 1945 г.
Г. Трумэн	12 апреля 1945 г. — 20 января 1949 г. 20 января 1949 г. — 20 января 1953 г.
Д. Эйзенхауэр	20 января 1953 г. — 20 января 1957 г. 20 января 1957 г. — 20 января 1961 г.
Дж. Кеннеди	20 января 1961 г. — 22 ноября 1963 г.
Л. Джонсон	22 ноября 1963 г. — 20 января 1965 г. 20 января 1965 г. — 20 января 1969 г.
Р. Никсон	20 января 1969 г. — 20 января 1973 г. 20 января 1973 г. — 9 августа 1974 г.
Дж. Форд	9 августа 1974 г. — 20 января 1977 г.
Дж. Картер	20 января 1977 г. — 20 января 1981 г.
Р. Рейган	20 января 1981 г. — 20 января 1985 г. 20 января 1985 г. —

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Структура законодательной власти по состоянию на 1980 год

[конгресс 97-го созыва, 1981—1983 гг.]

Сенат

— 100 членов,
по 2 от каждого штата.

Палата
представителей

— 435 членов,
кроме того, один специальный
уполномоченный от Пуэрто-Рико (с 1900 г.),
4 делегата по одному от о. Гуам (с 1898 г.),
Виргинских о-вов (с 1917 г.),
округа Колумбия (с 1973 г.),
Американского Самоа (с 1980 г.).
Все пятеро не имеют права голоса.

**Комитеты палаты представителей
и Сената**

[конгресс 97-го созыва, 1981—1983 гг.]

Название комитета	Численность (чел.)	Количество подкомитетов
ПАЛАТА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ		
По сельскому хозяйству	43	8
По ассигнованиям	55	13
По делам вооруженных сил	44	7
По делам банков	44	8
Бюджетный	30	9*
По делам округа Колумбия	9	3
По труду и образованию	33	8
По энергетике и торговле	42	6
По иностранным делам	37	8
По правительственным операциям	40	7
По управлению палатой	19	5**
По внутренним делам	40	6
Юридический	28	7
По торговому флоту	35	5
По делам почтового ведомства	26	7
По общественным работам	44	6
Комитет правил	16	2
По науке и технике	40	7

*

— 9 специальных групп

**

— помимо 5 подкомитетов еще 2 специальные группы

По делам мелкого бизнеса	40	6
По нормам поведения должностных лиц	12	нет
По делам ветеранов	31	5
Путей и средств	35	6
СЕНАТ		
По сельскому хозяйству	17	8
По ассигнованиям	29	13
По делам вооруженных сил	17	6
По делам банков	15	7
Бюджетный	22	нет
По торговле	17	8
По энергетике и природным ресурсам	20	6
По проблемам окружающей среды и общественным работам	16	6
Финансовый	20	9
По международным отношениям	17	7
По делам правительства	17	8
Юридический	18	9
По труду и людским ресурсам	16	7
Комитет правил и управления	12	нет
По делам мелкого бизнеса	17	8
По делам ветеранов	12	нет

Составлено по: Congressional Quaterly Special Report. Committees and Subcommittees of the 97-th Congress, — Wash., 1982

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Исчисление норм представительства при выборах в палату представителей

292

Год переписи	Созывы конгресса	Население, учитываемое при определении норм (в тыс. чел.)*	Число штатов	Число членов палаты	Норма представительства на 1 члена палаты (чел.)
	1—2	—	13	65	30000
1790	3—7	3616	15	105	84436
1800	8—12	4880	16	141	34609
1810	13—17	6584	17	181	36377
1820	18—22	8972	24	213	42124
1830	23—27	11931	24	240	49712
1840	28—32	15908	26	223	71338
1850	33—37	21767	31	234	93020
1860	38—42	29550	34	241	122614

* За исключением индейцев, не платящих налогов, а также до 1870 г. 2/5 числа негров-рабов

Год переписи	Созывы конгресса	Население, учитываемое при определении норм (в тыс. чел.)	Число штатов	Число членов палаты	Норма представительства на 1 члена палаты (чел.)
1870	43—47	38116	37	292	130533
1880	48—52	49371	38	352	151912
1890	53—57	61909	44	356	173901
1900	58—62	74563	45	386	193167
1910	63—72	91604	48	435	210583
1920 исчисление норм не производилось					
1930	73—77	122093	48	435	280675
1940	78—82	131006	48	435	301164
1950	83—87	149895	48	435	334587
1960	88—92	178559	50	435	410481
1970	93—97	204053*	50	435	469088
1980	98—102	226501	50	435	520701

* Включая 1575000 граждан США, пребывающих за границей.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Структура федеральной исполнительной власти

(по состоянию на 1980—1981 гг.)

Президент

Вице-президент

Исполнительный аппарат при президенте:

Канцелярия Белого дома
Административно-бюджетное управление
Совет экономических консультантов
Управление по внутренней политике
Совет по качеству окружающей среды
Совет по стабилизации цен и заработной платы
Национальный Совет безопасности
Управление представителя США по торговым переговорам
Управление по делам науки и технологической политике
Административное управление

Департаменты:

Государственный департамент
Департамент торговли
Департамент обороны*
Департамент юстиции
Департамент финансов
Департамент внутренних дел
Департамент образования
Департамент труда
Департамент транспорта
Департамент энергетики
Департамент здравоохранения и социального обслуживания населения
Департамент сельского хозяйства
Департамент жилищного строительства и развития городов

Независимые агентства и правительственные корпорации:

Совещание по вопросам администрации
Комиссия по военным памятникам

*

— Включает в себя три департамента, ведающих делами армии, авиации и военно-морского флота, главы которых, однако, не имеют статуса членов кабинета.

Комиссия по делам района Аппалачей
Управление по международному вещанию
Управление гражданской авиации
Комиссия по гражданским правам
Комиссия по изящным искусствам
Комиссия по торговле сельскохозяйственной продукцией
Комиссия по запасам сельскохозяйственной продукции
Комиссия по безопасности потребительских товаров
Агентство по защите окружающей среды
Комиссия по равным возможностям при найме
Экспортно-импортный банк США
Администрация фермерского кредита
Федеральная комиссия по коммуникациям
Федеральная корпорация по страхованию вкладов
Федеральная комиссия по выборам
Федеральное агентство по проблемам готовности к чрезвычайным обстоятельствам
Федеральное управление по займам для жилищного строительства
Федеральное управление по трудовым отношениям
Федеральная комиссия по морскому флоту
Федеральная служба посредничества и примирения
Совет управляющих Федеральной резервной системой
Федеральная торговая комиссия
Администрация общих служб
Межамериканский Фонд
Агентство по международным связям
Комиссия по междуштатной торговле
Управление по поддержанию системы заслуг
Национальная администрация по авиации и космонавтике
Комиссия по планированию столицы
Национальная Администрация кредитных союзов
Национальный Фонд изящных искусств и гуманитарных наук
Национальное Управление по трудовым отношениям
Национальное посредническое Управление
Национальный Фонд естественных наук
Национальное Управление по безопасности на транспорте
Комиссия по регулированию вопросов, связанных с ядерной энергией
Комиссия по надзору за здоровьем и безопасностью на производстве
Канцелярия управления кадрами
Администрация Панамского канала
Корпорация по развитию Пенсильвания-Авеню
Корпорация по гарантиям пенсионных выплат
Комиссия по почтовым тарифам
Комиссия по биржевым и ценным бумагам
Система выборочного призыва на службу
Администрация по делам мелкого бизнеса
Управление долиной реки Теннесси

Агентство США по контролю над вооружением и
разоружению

Агентство по развитию международного сотрудни-
чества

Агентство США по международной торговле

Управление по метрической системе

Почтовая служба США

Администрация по делам ветеранов

Составлено по: Statistical Abstract of the U. S., Wash., GPO, 1980,
p. 254

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Состав Верховного суда США 1789—1987 гг.

*

**

— глава Верховного суда

— назначение не утверждено сенатом, исполнял обязанности главы Верховного суда

	Штат	Даты пребывания в Верховном суде	Назначил президент	Общий срок (годы)
Джон Джей*	Нью-Йорк	1789—1795	Дж. Вашингтон	6
Джон Ратледж	Южн. Каролина	1789—1791	»	2
Уильям Кашинг	Массачусетс	1789—1810	»	21
Джеймс Уилсон	Пенсильвания	1789—1798	»	9
Джон Блэйр	Вирджиния	1789—1796	»	7
Роберт Х. Гаррисон	Мэриленд	1789—1790	»	1
Джеймс Иределл	Сев. Каролина	1790—1799	»	9
Томас Джонсон	Мэриленд	1791—1793	»	1
Уильям Патерсон	Нью-Джерси	1793—1806	»	13
Джон Ратледж*	Южн. Каролина	1795—1795 **	»	
Сэмюел Чейз	Мэриленд	1796—1811	»	15
Оливер Элсуорт*	Коннектикут	1796—1799	»	4
Бушрод Вашингтон	Вирджиния	1796—1829	Дж. Адамс	31
Альфред Мур	Сев. Каролина	1799—1804	»	5

Джон Маршалл*	Вирджиния	1801—1835	Дж. Адамс	34
Уильям Джонсон	Южн. Каролина	1804—1834	Т. Джефферсон	30
Генри Ливингстон	Нью-Йорк	1806—1823	»	17
Томас Тодд	Кентукки	1807—1826	»	19
Джозеф Стори	Массачусетс	1811—1845	Дж. Мэдисон	34]
Гэбриэль Дюваль	Мэриленд	1811—1836	»	25
Смит Томпсон	Нью-Йорк	1823—1843	Дж. Монро	20
Роберт Тримбл	Кентукки	1826—1828	Дж. К. Адамс	2
Джон Маклин	Огайо	1829—1861	Э. Джексон	32
Генри Болдуин	Пенсильвания	1830—1844	»	14
Джеймс Уэйн	Джорджия	1835—1867	»	32
Роджер Б. Тэни*	Мэриленд	1836—1864	»	28
Филипп Ф. Барбур	Вирджиния	1836—1841	»	5
Джон Катрон	Теннесси	1837—1865	М. Ван-Бюрен	28
Джон Маккинли	Алабама	1837—1852	»	15
Питер В. Даниэль	Вирджиния	1841—1860	»	19
Сэмюел Нельсон	Нью-Йорк	1845—1872	Дж. Тайлер	27
Леви Вудбери	Нью-Гэмпшир	1845—1851	Дж. Полк	6
Роберт К. Грнер	Пенсильвания	1846—1870	»	24
Бенджамин Р. Кертис	Массачусетс	1851—1857	М. Филлмор	6
Джон Э. Кэмпбелл	Алабама	1853—1861	Ф. Пирс	8
Натан Клиффорд	Мэн	1858—1881	Дж. Бьюкенен	23
Ной Г. Свейн	Огайо	1862—1881	А. Линкольн	20

Сэмюел Ф. Миллер	Айова	1862—1890	А. Линкольн	28
Дэвид Дэвис	Иллинойс	1862—1877	»	15
Стефен Дж. Филд	Калифорния	1863—1897	»	34
Сэлмон П. Чейз*	Огайо	1864—1873	»	9
Уильям Стронг	Пенсильвания	1870—1880	У. Грант	10
Джозеф П. Брэдли	Нью-Джерси	1870—1892	»	22
Уард Хант	Нью-Йорк	1872—1882	»	10
Моррисон Р. Уэйт*	Огайо	1874—1888	»	14
Джон М. Харлан	Кентукки	1877—1911	Р. Хейс	34
Уильям Б. Вудс	Джорджия	1880—1887	»	7
Стэнли Мэтьюз	Огайо	1881—1889	Д. Гарфилд	8
Горас Грей	Массачусетс	1881—1902	Ч. Артур	21
Сэмюел Блетчфорд	Нью-Йорк	1882—1893	»	11
Льюиус К. С. Ламар	Миссисипи	1888—1893	Г. Кливленд	5
Мэлвил В. Фуллер*	Иллинойс	1888—1910	»	22
Дэвид Дж. Брюер	Канзас	1889—1910	Б. Гаррисон	21
Генри Браун	Мичиган	1890—1906	»	16
Джордж Ширас-мл.	Пенсильвания	1892—1903	»	11
Хоувел Э. Джексон	Теннесси	1893—1895	»	2
Эдвард Д. Уайт	Луизиана	1894—1910	Г. Кливленд	16
Руфус В. Пекхэм	Нью-Йорк	1895—1910	»	14
Джозеф Маккена	Калифорния	1898—1925	У. Маккинли	27
Оливер Холмс-мл.	Массачусетс	1902—1932	Т. Рузвельт	29

Уильям Р. Дэй	Огайо	1903—1922	Т. Рузвельт	19
Уильям Г. Муди	Массачусетс	1906—1910	»	14
Горас Г. Луртон	Теннесси	1910—1914	У. Тафт	5
Чарльз Э. Хьюз	Нью-Йорк	1910—1916	»	6
Уиллис Ван-Девантер	Вайоминг	1911—1937	»	26
Джозеф Р. Ламар	Джорджия	1911—1916	»	6
<i>Эдвард Д. Уайт*</i>	<i>Луизиана</i>	<i>1910—1921</i>	»	11
Майлон Питни	Нью-Джерси	1912—1922	»	10
Джас. К. Макрейнолдс	Теннесси	1914—1941	В. Вильсон	27
Луис Д. Брайдейс	Массачусетс	1916—1939	»	23
Джон Г. Кларк	Огайо	1916—1922	»	6
Уильям Г. Тафт*	Коннектикут	1921—1930	У. Гардинг	9
Джордж Сутерланд	Юта	1922—1938	»	16
Пирс Батлер	Миннесота	1922—1939	»	17
Эдвард Т. Сэнфорд	Теннесси	1923—1930	»	7
Харлан Ф. Стоун	Нью-Йорк	1925—1941	К. Кулидж	16
Чарльз Э. Хьюз*	Нью-Йорк	1930—1941	Г. Гувер	11
Оуэн Дж. Робертс	Пенсильвания	1930—1945	»	15
Бенджамин Н. Кардозо	Нью-Йорк	1932—1938	»	6
Гуго Блэк	Алабама	1937—1971	Ф. Рузвельт	34
Стэнли Рид	Кентукки	1937—1957	»	19
Феликс Франкфуртер	Массачусетс	1939—1962	»	23
Уильям О. Дуглас	Коннектикут	1939—1975	»	36
Фрэнк Мэрфи	Мичиган	1940—1949	»	9

Харлан Ф. Стоун*	Нью-Йорк	1941—1946	Ф. Рузвельт	5
Джеймс Ф. Бирнс	Южн. Каролина	1941—1942	»	2
Роберт Г. Джексон	Нью-Йорк	1941—1954	»	13
Уили Б. Ратледж	Айова	1943—1949	»	6
Гарольд Г. Бэртон	Огайо	1945—1958	Г. Трумэн	13
Фред М. Винсон*	Кентукки	1946—1953	»	7
Томас К. Кларк	Техас	1949—1967	»	18
Шерман Минтон	Индиана	1949—1956	»	7
Эрл Уоррен*	Калифорния	1953—1969	Д. Эйзенхауэр	16
Джон Маршалл Харлан	Нью-Йорк		»	16
Уильям Дж. Бреннан-мл.	Нью-Джерси	1956	»	
Чарльз Э. Уиттейкер	Миссури	1957—1962	»	5
Поттер Стюарт	Огайо	1958—1981	»	23
Байрон Р. Уайт	Колорадо	1962	Дж. Кеннеди	
Артур Дж. Голдберг	Иллинойс	1962—1965	»	3
Эйб Фортас	Теннесси	1965—1969	Л. Джонсон	4
Тэргуд Маршалл	Нью-Йорк	1967	»	
Уоррен Бергер*	Округ Колумбия	1969—1986	Р. Никсон	13
Гарри Блэкман	Миннесота	1970	»	
Льюис Ф. Пауэлл-мл.	Вирджиния	1971—1987	»	16
Уильям Г. Ренквист*	Аризона	1971—1986 ¹	»	
Джон П. Стивенс	Иллинойс	1975	Дж. Форд	
Сандра Дэй О'Коннор	Аризона	1981	Р. Рейган	
Энтони Скалиа	Иллинойс	1986	»	

Составлен по: Encyclopedia of American History, 6-th Edition. Ed R. Morris, N. Y., 1982, p. 1214

¹ С 1986 г.—глава Верховного суда, назначен Р. Рейганом

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

Хронология основных решений Верховного суда

- 1793 г. **Chisholm v. Georgia**
— решение по этому делу, признавшее правомерность претензий британских кредиторов к должникам-американцам, вызвало острую реакцию и послужило толчком к принятию поправки XI (подробнее см. с. 91—92).
- 1796 г. **Hylton v. U. S.**
— так называемое «экипажное дело», связанное с введением в 1794 году налога на экипажи. Верховный суд, постановив, что налог на экипажи не является прямым и, следовательно, может взиматься без учета размеров отдельных штатов и численности их населения, тем самым впервые высказался о конституционности закона, принятого конгрессом.
- 1803 г. **Marbury v. Madison**
— см. с. 97—98.
- 1810 г. **Fletcher v. Peck**
— дело связано с исками, вызванными земельными спекуляциями на р. Язу. Верховный суд, отменив решение законодательного собрания штата Джорджия, аннулировавшее земельные пожалования, впервые объявил закон штата противоречащим Конституции.
- 1816 г. **Martin v. Hunter's Lessee**
— дело, связанное с процессами вокруг земельных спекуляций в штате Вирджиния. Решение Верховного суда подтверждало его право пересматривать решения судов низших инстанций, что вызвало яростную реакцию республиканцев.
- 1819 г. **Trustees of Dartmouth College v. Woodward**
— см. с. 107.
Sturges v. Crownshield
— см. с. 108.
McCulloch v. Maryland
— см. с. 109—110.
- 1824 г. **Gibbons v. Ogden**
— так называемое «пароходное дело», в решении по которому Дж. Маршалл дал широкое толкование понятию «междуштатная торговля» и праву конгресса регулировать ее. Верховный суд отменил

монопольное право, дарованное законодательным собранием штата Нью-Йорк.

1827 г.

Ogden v. Saunders

— в решении по этому делу Верховный суд постановил, что закон штата Нью-Йорк о банкротстве не противоречит положению о непреложности выполнения договора. Дж. Маршалл впервые остался в меньшинстве в вопросе интерпретации положений Конституции.

Brown v. Maryland

— признав неконституционным закон штата Мэриленд о налоге на оптовых торговцев импортными товарами, Верховный суд разграничил полномочия конгресса и властей штатов в регулировании торговли.

1837 г.

Charles River Bridge v. Warren Bridge

— см. с. 122.

1849 г.

Luther v. Borden

— дело, связанное с последствиями острого политического кризиса в штате Род-Айленд в 1844 году. За конгрессом признано право обеспечивать в штатах республиканскую форму правления, а за президентом, в случае конфликта внутри штата, — право решать, какая из сторон является законным правительством.

1857 г.

Dred Scott v. Sanford

— см. с. 125.

1859 г.

Ableman v. Booth

— Верховный суд пересмотрел решение Верховного суда штата Висконсин, освободившего редактора-аболициониста от ответственности за нарушение закона о беглых рабах. Р. Тэни не только подтвердил главенство федерального закона, но и признал закон о беглых рабах соответствующим Конституции.

1861 г.

Ex parte Merryman

— Верховный суд, осудив действия военных властей, отказался признать за президентом право приостанавливать действие Habeas Corpus. В своем послании конгрессу в июле 1861 года А. Линкольн выступил в защиту избранного им курса.

1864 г.

Ex parte Vallandigham

— Верховный суд отказался рассматривать жалобу одного из окружных судов на действия военных властей, приостановивших действие Habeas Corpus.

1867 г.

Mississippi v. Johnson

— Верховный суд отказался рассматривать требование штата Миссисипи о выдаче судебного пред-

писания, запрещающего президенту Джонсону проводить в жизнь закон 1867 года о Реконструкции.

1869 г.

Texas v. White

— рассматривая финансовые действия правительства Конфедерации в Техасе, Верховный суд признал сецессию недопустимой, а сами органы власти Конфедерации — с точки зрения закона как бы не существовавшими. Большинство членов Верховного суда, включая его главу, в трактовке природы Союза использовало аргументы, применявшиеся сторонниками Союза в ходе Гражданской войны и Реконструкции.

1873 г.

Slaughterhouse Cases

— Верховный суд признал законность монопольной хартии, выданной законодательным собранием Луизианы, основываясь на поправке XIV к Конституции. Была также установлена разница между правами жителей штатов и правами граждан Соединенных Штатов: поскольку последние трактовались намеренно узко, было решено, что лишь права, вытекающие из федерального гражданства, находятся под защитой поправки XIV, а все остальные — под защитой властей штатов.

1883 г.

Civil Rights Cases

— пятью решениями Верховного суда, отказавшими неграм в защите от действий, нарушавших закон 1875 года о гражданских правах, было установлено, что закон этот защищает только политические права, а поправка XIV защищает гражданские права от нарушений штатами, но не отдельными лицами. В результате борьба федеральных властей с расовой дискриминацией была прервана на 80 лет.

1886 г.

Santa Clara Co. v. Southern Pacific R. R. Co.

— глава Верховного суда поддержал выдвинутое в 1882 году Р. Конклингом определение, которое позволяло трактовать понятие «лицо» в поправке XIV таким образом, что сама эта поправка защищала права «юридических лиц», т. е. корпораций.

1890 г.

Chicago, Milwaukee & St. Paul R. R. Co. v. Minnesota

— Верховный суд признал не соответствующим Конституции принятый в 1887 году закон штата Миннесота о создании комиссии, регулирующей тарифы на складах и железных дорогах.

1895 г.

U. S. v. E. C. Knight Co.

— Верховный суд признал, что антитрестовский закон Шермана не может применяться по отношению к производственным объединениям, расположенным в одном штате. Тем самым сфера применения закона Шермана была существенно сужена.

In Re Debs

— Верховный суд признал законной выдачу судебного предписания против профсоюза, основанного на применении к профсоюзу антитрестовского законодательства.

1896 г.

Plessy v. Ferguson

— закон штата Луизиана, санкционирующий сегрегацию на железных дорогах, был признан конституционным (см. с. 150).

1905 г.

Swift & Co. v. U. S.

— Верховный суд признал законным возбуждение дела против «мясного треста», основанное на антитрестовском законодательстве.

Lochner v. New York

— закон штата Нью-Йорк, устанавливавший максимальный рабочий день для рабочих пекарен, признан неконституционным.

1908 г.

Adair v. U. S.

— закон Эрдмана (1898 г.), запрещавший требовать в качестве условия найма на железной дороге отказ от вступления в профсоюз (так называемый «контракт желтой собаки»), был признан неконституционным, ограничивающим свободу договора.

Loewe v. Lawler. Danbury Hatters Case

— вторичный бойкот, осуществляемый профсоюзом, был признан нарушением антитрестовского законодательства.

Muller v. Oregon

— закон штата Орегон, устанавливающий максимальную продолжительность рабочего дня для женщин, был признан конституционным. Выдающуюся роль в этом деле сыграл Л. Брандейс, выступавший от имени штата Орегон.

1919 г.

Schenck v. U. S.

— Верховный суд единогласно постановил, что закон о шпионаже не нарушает поправку I к Конституции и что ограничения, налагаемые на антивоенную литературу во время войны, являются законными.

Abrams v. U. S.

— признав закон об измене (1918 г.) соответствующим Конституции, Верховный суд вынес решение, по которому публикации против посылки американских войск в Сибирь подпадали под действие этого закона.

1921 г.

Duplex Printing Press Co. v. Deering

— Верховный суд постановил, что условия закона Клейтона, запрещавшего выдавать судебные предписания против профсоюзов, не распространяются

на вторичный бойкот. Сфера применения закона Клейтона тем самым была резко ограничена.

Truax v. Corrigan

— принятый штатом закон, запрещающий выдавать судебные предписания против участников пикетирования, был признан противоречащим поправке XIV.

1923 г.

Adkins v. Children's Hospital

— принятый в 1918 году закон, разрешавший одному из федеральных управлений округа Колумбия устанавливать минимальные размеры заработной платы для женщин, был признан нарушающим Бальль о правах.

1935 г.

Schechter v. U. S.

— Верховный суд единогласно отменил одну из центральных мер «нового курса» — Национальный закон о восстановлении промышленности (NIRA).

1936 г.

U. S. v. Butler

— Верховный суд отменил другую меру, входившую в «новый курс», — закон об урегулировании сельского хозяйства (AAA).

1937 г.

— серия решений, принятых во время борьбы президента Ф. Рузвельта за реорганизацию Верховного суда и признавших многие мероприятия «нового курса» законными:

West Coast Hotel Co. v. Parris

— признан конституционным закон о минимальных размерах заработка;

NLRB v. Jones and Laughlin Steel Corp.

— признан конституционным закон о регулировании трудовых отношений;

Steward Machine Co. v. Davis;

Helvering v. Davis

— признаны конституционными законы о социальном страховании и страховании по старости.

1941 г.

U. S. v. Classic

— Верховный суд признал право федерального правительства регулировать проведение первичных выборов в штатах.

U. S. v. Derby

— Верховный суд единогласно признал конституционным закон о справедливых условиях найма 1938 года.

1947 г.

Friedman v. Schwellenbach

— Верховный суд отказался рассматривать решение суда низшей инстанции по делу об увольнении федерального служащего, обвиненного в нелояльности. Увольнение было вызвано приказом прези-

дента 1947 года о проверке лояльности государственных служащих.

American Communications Assn; C. I. O. et al. v. Douds

1950 г.

— Верховный суд выступил в поддержку ст. 9 антипрофсоюзного закона Тафта — Хартли, требовавшей от должностных лиц профсоюзов представления письменных заявлений о непринадлежности к компартии.

1951 г.

Dennis et al. v. U. S.

— большинством голосов Верховный суд признал конституционным закон Смита (1946 г.), направленный против Коммунистической партии США.

1954 г.

Brown v. Board of Education of Topeka

— см. с. 223—224.

1958 г.

NAACP v. Alabama

— Верховный суд признал, что решение суда штата Алабама, направленное против НАСПЦН, является незаконным и сама эта организация имеет право требовать защиты для своих членов.

1964 г.

Heart of Atlanta Motel, Inc. v. U. S.

— закон о гражданских правах 1964 года признан конституционным.

1966 г.

South Carolina v. Katzenbach

— признан конституционным закон о праве участия в выборах 1965 года, предусматривавший федеральный контроль за проведением выборов.

Alexander v. Holmes County Board of Education (1969 г.) и Swann v. Charlotte-Mecklenburg Board of Education (1971 г.)

1969—1971 гг.

— решения, направленные против сегрегации в школах и попыток правительства Р. Никсона замедлить проведение мер, направленных против сегрегации в школах.

Sniadach v. Family Finance Corp. (1969); Shapiro v. Thompson (1969);

Goldberg v. Kelly (1971);

Fuentes v. Shevin (1972);

United States v. Kras (1973);

1969—1973 гг.

New York Times v. United States

— серия дел, связанных с применением законов о социальном вспомоществовании и помощи малоимущим.

1971 г.

United States v. Washington Post

— так называемое «дело о бумагах Пентагона», в решении по которому Верховный суд постановил, что федеральное правительство не сумело представить достаточных доказательств для выдачи судеб-

ного предписания, запрещающего публикацию материалов Пентагона о войне во Вьетнаме.

1972 г.

United States v. U. S. District Court

— так называемое «дело о прослушивании», в решении по которому Верховный суд единогласно отверг требование департамента юстиции предоставить ему право записывать на магнитофонную ленту членов тех или иных групп, состоящих из граждан США, которые правительство расценивает как подрывные, без соответствующего ордера.

Reed v. Reed (1971);

Stanton v. Stanton (1973);

Cleveland Board of Education v. La Fleur (1974);

Philips v. Martin Marietta Corp. (1971);

Corning Glass Works v. Brennan (1974);

Personnel Administration of Mass. v. Feeney (1979)

1971—1979 гг.

— серия решений Верховного суда, связанных с дискриминацией женщин и пенсионным обеспечением.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

Хронология законодательных актов, регулирующих численность Верховного суда

24 сентября 1789 г.	Определен состав Верховного суда — 6 членов (включая главу Верховного суда).
13 февраля 1801 г.	Число членов Верховного суда сокращено до 5.
8 марта 1802 г.	Восстановлено прежнее число членов — 6.
27 февраля 1807 г.	Число членов Верховного суда увеличено до 7.
3 марта 1837 г.	Число членов Верховного суда увеличено до 9.
3 марта 1863 г.	Число членов Верховного суда увеличено до 10.
23 июля 1867 г.	Число членов Верховного суда сокращено до 7.
10 апреля 1869 г.	Число членов Верховного суда вновь увеличено до 9 (сохраняется по настоящее время).

Составлено по: Encyclopedia of American History 6-th Edition, Ed.
R. Morris. N. Y., 1982, p. 1214.

А

- Адамс Дж. 9, 28, 33, 35, 39, 42, 45, 68, 93, 97, 287, 297—298
Адамс Дж. К. 114, 124, 287, 298
Адамс С. 23, 31, 33, 38, 65, 68
Александр Р. Д. 257
Аллен И. 33
Антонов С. 238
Аптекер Г. 66, 77, 81
Ардри Р. 258
Артур Ч. 288, 299

Б

- Батлер П. 61, 130, 207
Беллами Э. 140
Бергер У. 229—234, 301
Бжезинский З. 258, 261
Бирд Ч. 68
Бирнс Дж. 175
Блаустейн А. 85
Блэк Х. 174, 216
Болингброк Г. 33
Бора У. 173
Боржо III. 28
Брайан Дж. 57
Брайс Дж. 73
Брандейс Л. 141, 172, 213, 305
Браун Р. 26
Бредли Дж. 255, 299
Бреннан У. 221
Брум Дж. 62, 69
Брюер 141
Бурстин Д. 26
Бьюкенен Дж. 287, 298
Бэрр А. 96, 100—101

В

- Вагнер Р. 170
Ван-Бюрен М. 127, 287, 298
Ван-Девантер У. 174, 207, 300

Ван-Хайз Ч. 139
Ванцетти Б. 159
Вашингтон Дж. 9, 28, 30, 35, 42, 68, 86, 88, 91, 93,
115, 287, 297
Вебер Б. 232
Видал Г. 260
Вильгельм Завоеватель 24
Вильсон В. 139, 158, 288, 300
Вильсон Дж. 61, 63—64, 68, 80
Винсон Ф. М. 301
Власихин В. А. 43

Годсен Х. 68
Гамильтон А. 9, 24, 30, 33—34, 38—40, 42, 59—64,
68—69, 80, 87—90, 96, 100, 245
Гардинг У. 158
Гаррисон Б. 287, 299
Гаррисон У. 288
Гарфилд Дж. 288
Генри П. 33, 68
Георг III 24
Гоббс Т. 36—37
Голдберг А. 217, 301
Грант У. 287, 299
Грейсон У. 65
Гросс Б. 259
Гроций Г. 33, 71
Гувер Г. 161—163, 165, 209, 288, 300
Гулд Дж. 138
Гэлбрейт Дж. 258
Гэллап Дж. мл. 256
Гэллоуэй Дж. 54

Дарвин Ч. 161
Джевирт А. 240
Джей Дж. 33—34, 88, 91—93, 297
Джексон Р. 215, 301
Джексон Э. 115—117, 119—121, 123—124, 287, 298
Дженкинс А. 252
Джерри Э. 60, 65, 69
Джефферсон Т. 9, 24—26, 28—31, 33, 38, 41—43,
45—46, 68, 80, 87—90, 93—96, 99—102, 244, 287, 298
Джонсон Л. 220, 236, 288, 301
Джонсон У. 106, 297
Джонсон Х. 163, 173
Джонсон Э. 130, 133, 287, 298, 301, 304

Дидро Д. 71
Дикинсон Дж. 54—55, 61—64
Догерти Х. 158
Дуглас С. 127
Дэвис Дж. 102

Е

Еллинек Г. 84

Ж

Жидков О. А. 146, 148, 269

И

Иоанн Павел II 238

К

Кардозо Б. 172, 213
Каримский А. М. 38
Карл II 28
Карст К. Л. 252
Картер Дж. 237—238, 252, 288
Кейнс Дж. М. 217
Келли А. 154
Келли Р. 160
Кеннеди Дж. 73, 220, 288, 301
Кинг М. Л. 224, 242—243
Клей Г. 102, 106, 111, 127
Кливленд Г. 288, 299
Ковалевский М. М. 84
Кокс Т. 63
Колден К. 33
Коммаджер Г. С. 5, 167
Конклинг Р. 304
Коттон Дж. 27
Коузол Дж. 254
Кроули Г. 139
Кулидж К. 160, 288, 300
Кэлхун Дж. 102, 106, 114, 119, 124
Кэмпбелл Д. 28

Ландберг Ф. 194
Лафоллет Р. мл. 163
Ленин В. И. 6—7, 11, 138, 149, 155—157, 253
Ли Р. Г. 19
Ли Ф. 45
Линкольн А. 127—129, 132—133, 244, 288, 298—299, 303
Липпман У. 158
Липсет С. 191
Ллойд Г. 140
Локк Дж. 19, 33, 36—37, 68, 77
Лютер М. 65

Маккензи Р. Б. 260
Маккинли У. 288, 299
Макклюр Дж. 62
Маклин Дж. 123, 298
Макрейнольдс Дж. 174, 207, 300
Мальков В. Л. 268
Мандевиль Б. 33
Манькин А. С. 35
Маркс К. 74, 126—127, 185—186, 204, 241, 248, 259
Маршалл Дж. 94, 97—98, 101—102, 106, 108—110, 112—114, 122—123, 298, 302—303
Мезер И. 27
Мейсон Дж. 40, 65
Миллер А. 191
Миллер С. 136
Миллс О. 167
Мильтон Дж. 33
Мишин А. А. 43
Монро Дж. 287, 298
Монтескье Ш. 33, 62, 69, 77
Моррис Г. 33, 61—64
Мэдисон Дж. 30, 33—34, 39, 42—43, 61—64, 68, 90, 95, 97, 245, 287, 298
Мэйхью Дж. 28, 32
Мур Д. 60
Мэрбюри 97—98
Мэрфи П. Л. 263

Най Дж. 173
Никсон Р. 102, 236, 288, 301, 307
Нокс Г. 87
Норрис Дж. 153

Олар А. 84
Олдрич Н. 152
Орлов А. Г. 85
Осгуд С. 87
Отис Дж. 20—21

Паренти М. 253
Пауэлл Л. мл. 234
Пейн Т. 21, 23—24, 33, 38, 40—41, 43, 45—47, 57, 68
Печатнов В. О. 38
Пикеринг Дж. 98
Пирс Ф. 287, 298
Покровский Н. Е. 38
Полк Дж. 127, 287, 298
Пуфендорф С. 33

Ратледж Дж. 61, 297
Раш Б. 33, 42, 46, 57
Редениус Ч. 245
Рейган Р. 233—235, 239—240, 252, 254, 256, 268, 288, 301
Ренквист У. 234, 301
Рид Дж. 61, 63—64
Рид С. 174
Роан С. 118
Робертс О. 173—174
Робертсон П. 262
Ролс Дж. 243, 250
Росситер К. 26, 28
Ростоу У. 236

Рузвельт Т. 152, 288, 299—300
Рузвельт Ф. Д. 162—163, 165—167, 169—173, 206,
208—209, 211, 214, 220, 222, 264, 288, 306
Руссо Ж. Ж. 37, 46, 71
Рэндольф Э. 60, 63—64, 68—69

С

Сазерлэнд Дж. 174, 207
Сакко Н. 159
Самнер У. 130, 139
Сивачев Н. В. 142
Скотт Д. 125
Смит А. 216
Смит Дж. А. 260
Смит У. 233
Согрин В. В. 33—34
Сократ 160
Спенсер Г. 216
Спейт Д. 64
Стефенс Л. 160
Стивенс Т. 127, 130, 134
Стори Дж. 106, 298
Стоун Х. 172, 213, 301
Сэнфорд Э. 207

Т

Тайлер Дж. 287
Тафт У. 142, 152, 206—209, 288, 300
Тейлор Д. 9
Тейлор З. 287
Томас К. Ш. 243
Тофлер А. 258—259
Трумэн Г. 175, 223, 288, 301
Тэни Р. 122—123, 298, 303

У

Уайз Дж. 32
Уайт Дж. 65, 127, 141
Уайт Э. Д. 299

Уилер Б. 173
Уильямс Дж. С. 249
Уильямс Р. 31—32
Уинтроп Дж. 27
Уорд Л. 139
Уоррен Э. 223, 225, 233, 269, 301
Уэбстер Д. 114
Уэйд Б. 130
Уэйл У. 139
Уэйрич П. 262
Уэйт М. 143, 299

Ф

Фидий 160
Филд С. 141, 151
Филлмор М. 287, 298
Фиске Дж. 28
Фитсимонс Т. 61
Форд Дж. 288, 301
Фолуэлл Дж. 238, 256
Франклин Б. 22—23, 33, 35, 38, 42—43, 47, 54—55, 57, 68
Франкфурер Ф. 159
Фрезер Л. 173
Френо Ф. 33
Фридмэн М. 232
Фуллер М. 141, 147—148, 151, 299

Х

Хадсон У. 29
Хазлитт Х. 187
Харбисон У. 5, 154
Харлан Дж. 146
Хатчинсон Т. 33
Хейг А. 238—239
Хейс Р. 287, 299
Хессе К. 178
Хоккинс Д. 247—248
Холмс О. мл. 141, 172, 299
Хофстедтер Р. 29

Хукер Т. 31—32
Хьюз Ч. Э. 168, 173, 209, 213
Хэтч О. 29

Ч

Чейз С. 98, 130, 297, 299
Чемберс У. 5
Чибирияев С. А. 263

Ш

Шефтсбери Э. 33
Шварц Б. 257
Шейс Д. 40, 71
Шерман Р. 60, 69
Шнайдер В. 191

Э

Эйзенхауэр Д. 288, 301
Эли Р. 139
Элсуорт О. 61, 297
Эмерсон Т. 199
Энгельс Ф. 20, 135, 185—186, 269
Эрл Дж. 170

Конституция США: История и современность/Под
К65 ред. А. А. Мишина, Е. Ф. Язькова. — М.: Юрид. лит.,
1988. — 320 с.

Книга посвящена комплексному критическому анализу основных направлений эволюции конституционно-правовых доктрин США. Разоблачается концепция о якобы надклассовом характере американской Конституции. Показывается, как в конкретно-исторических ситуациях положения Конституции США используются для защиты классовых интересов буржуазии, анализируются современные процессы приспособления конституционно-правовых доктрин к условиям государственно-монополистического капитализма, выявляются их роль и место в системе классового господства монополий.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов юридических вузов.

К 1206000000-052
012(01)-88 10-87

67.99(7США)

Summary

This monograph was written by Soviet scholars specializing in different fields of American studies. It is devoted to the history, development and the present state of American constitutionalism. The book covers the entire period from the Colonial times to our days. The research presents the view of the Soviet scholars on the socio-economic causes of the American Revolution and the legislative doctrines of the pre-Revolutionary period. Considerable attention is paid to the constitutional practice of the states after the adoption of the Declaration of Independence. The monograph presents a detailed interpretation of the drafting of the Constitution by the Philadelphia Convention. The authors consider the U. S. Constitution as the first written constitution in the world history.

A sizeable part of the book is devoted to the analysis of the evolution of the Constitutional doctrines and practice, to the birth and development of what Americans call the «Living Constitution», the ability to adopt to the changing socio-economic and political environment. Great attention is paid to the co-relation of the Constitution, including the Amendments, and the present day functioning of the U. S. political system. The research also deals with various aspects of the rise and development of American doctrine of human rights, its constitutional interpretation and present state. Special chapter presents the problem of etatization of the socio-economic doctrines of the U. S. Constitutional Law.

«Конституция США: история и современность»

Редактор Н. В. Струнникова

Художник В. И. Пантелеев

Художественный редактор Э. П. Батаева

Технический редактор А. А. Арсланова

Корректор А. В. Ванькова

ИБ № 1665

Сдано в набор 11.09.87. Подписано в печать 20.11.87. А-12428. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем: усл. печ. л. 16,8; усл. кр.-отт. 16,8; учет.-изд. л. 19,14. Тираж 8000 экз. Заказ № 6075. Цена 3 р. 20 к.

Издательство «Юридическая литература» 121069, Москва, Г-69, ул. Качалова, д. 14.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, 153628, г. Иваново, ул. Типографская, 6.